

ЧАЙКА – АЛЬМАНАХ

№ 4

Июль –Декабрь

2016

CHAYKA – ALMANAC
№ 4
July 2016 – December 2016

Copyright © 2017 Irina Chaykovskaya

Editor: Irina Chaykovskaya

Cover Photo: © Nina Alovert /Ballet Dancer Nikolay Tsiskaridze

Chapter Illustrations: © Semen Agroskin

Layout: Alex Marin

Printed in the United State of America
CreateSpace Independent Publishing Platform
North Charleston, SC

All stories, memoirs, and poems are copyright of their respective creators as indicated herein.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior permission from the author(s).

Library of Congress Control Number: 2016901652

ISBN-13: 978-1542662734

ISBN-10: 1542662737

The Publisher and author(s) don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
Выходит два раза в год

ЧАЙКА

№ 4
июль – декабрь
2016

Проза
Стихи
Статьи
Эссе
Интервью

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

От Составителя	8
Часть 1. ВОЙНА, ТЕРРОР И ПАМЯТЬ	
<i>Екатерина Мышкис.</i> К 75-летию начала Великой Отечественной войны. Публикация Марины Кацевой	10
<i>Лев Визен.</i> Воспоминания. Москва 1941 года.	
Из повести «Метель из лиц вождей»	22
<i>Абрам Дасковский.</i> За колючей проволокой. 1950 -1956 гг. Публикация Александра Дасковского	32
<i>Никита Кривошеин.</i> О смерти Сталина и XX съезде КПСС	44
<i>Сергей Бычков.</i> К расследованию убийства отца Александра Меня: следствие в тупике	53
Часть 2. РОССИЯ И АМЕРИКА. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
<i>Виктор Родионов.</i> Поцелуй на Таймс-Сквер. Детективная история с фотографией	64
<i>Александр Сиротин.</i> Лев Толстой – суперзвезда Бродвея	68
<i>Лазарь Фрейдгейм.</i> Питиё на земле российской	73
<i>Вадим Массальский.</i> Санкт-Петербург в Америке	84
<i>Ирина Евсикова.</i> Юрий Табах – капитан 1-го ранга военно-морских сил США	92
ДВА ВЗЛЯДА НА ВЫБОРЫ: ДЕМОКРАТЫ ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ	
<i>Лиана Алавердова.</i> Племя младое, до боли знакомое!	99
<i>Роман Солодов.</i> Трамп как пример исторической метаморфозы	103
<i>Елена Пацкина.</i> Писатель Эдгар Хау: размышления о жизни. Из цикла «Воображаемые беседы с мудрецами»	111
Глава 3. О ЛИТЕРАТУРЕ	
<i>Самуил Кур.</i> Юмор и философия. Памяти Феликса Кривина	114
<i>Наталья Роскина.</i> Письма из архива. Об Ахматовой	120
ЕВГЕНИЙ РЕЙН: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ	
<i>Ирина Чайковская.</i> Ночной кораблик негасимый: поэт Евгений Рейн	129
<i>Рауль Мир-Хайдаров.</i> Евгений Рейн. Глава из мемуаров «Вот и все...я пишу вам с вокзала»	135
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ	
<i>Ирина Чайковская.</i> Сергей Довлатов и его женщины	142
<i>Александр Сиротин.</i> Sergei Dovlatov Way. Азохен-Вэй	151
МАРИНА ЦВЕТАЕВА. ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ	

<i>Марина Кацева.</i> Поезд в бессмертье. К 75-летию со дня смерти Марины Цветаевой	154
<i>Юлий Зыслин.</i> Два изображения Марины Цветаевой	162
<i>Ольга Трифонова-Танган.</i> Цветок для Аллы. К 80-летию Аллы Пастуховой – редактора и жены Юрия Трифонова	165
<i>Михаил Голубовский.</i> Изредка так дерзи: палиндромы	185
Часть 4. ОБ ИСКУССТВЕ: ЖИВОПИСЬ, МУЗЫКА, ТЕАТР, БАЛЕТ	
<i>Вера Чайковская.</i> Женщины-ангелы и женщины-вакханки. О трех графических портретах Ореста Кипренского.	194
<i>Силосная башня и Кремль.</i> О цикле Семена Агроскина «Плохая видимость»	201
<i>Александр Сиротин.</i> Русский авангард в Нью-Йорке	205
<i>Яков Фрейдин.</i> В тылу русского авангарда. Авангард и коллекционеры	209
<i>Юлий Зыслин.</i> Об удивительном юбиляре. К 85-летию Леонида Абрамовича Шульмана	219
<i>Ольга Соловьева.</i> О спектакле «Белые ночи» Санкт-Петербургского Театрального института	222
<i>Даша Кашина.</i> Надо жить! Интервью с солистом балета Павлом Дмитриченко	227
Часть 5. О НАУКЕ	
<i>Генрих Голин.</i> Вечно актуальный Альберт Эйнштейн	236
<i>Яков Фрейдин.</i> Почему 37? История одной статьи	242
Часть 6. ПРОЗА: Рассказы, эссе, очерки, мемуары	
<i>Евсей Цейтлин.</i> Из старой тетради. Надя Рушева	254
<i>Сергей Голлербах.</i> В защиту посредственности	267
<i>Элеонора Мандалян.</i> Джуна. Глава из мемуаров	271
<i>Виталий Аронзон.</i> Нелепые истории и их виновник. Из книги «Моя инженерия»	284
<i>Ирина Роскина.</i> О моем детстве	290
<i>Григорий Яблонский.</i> Листок убытия	300
<i>Ксения Кривошеина.</i> О Николае Акимове. Капля крови	307
<i>Татьяна Кузнецова.</i> Про Жанку	313
<i>Николай Боков.</i> Поэма бедра	319
<i>Соня Тучинская.</i> «В Петербурге мы сойдемся снова...»	322
<i>Лев Альтмарк.</i> Эхо Афгана	334
<i>Юлия Вертела.</i> Кебабная	347
<i>Майя Гельфанд.</i> Холера в космосе.	348
Из рубрики «Заметки на полях от Майи Гельфанд»	348

<i>Ольга Шипилова. Второе пришествие (Дебют)</i>	351
Часть 7. ПОЭЗИЯ	
<i>Сагидаш Зулкарнаева. В каждом веселье – дух от стола (Дебют)</i>	360
<i>Владимир Спектор. Пахнет армией зима</i>	361
<i>Лариса Миллер. А вот бы знать, что, кто ушёл, ушёл домой</i>	362
<i>Петр Межурицкий. Конец лета</i>	363
<i>Виктор Голков. Жара</i>	363
<i>Валерия Коренная. Когда-то она выходила, прикрыв колено</i>	364
<i>Валерий Скобло. Загнанный миром в подполье</i>	366
<i>Григорий Беневич. А двадцать третьего земного октября</i>	367
<i>Владимир Ханан. Если сможешь представить</i>	368
<i>Александр Пушкин. Бессмыслица, писанная в сабвее</i>	369
<i>Леонид Шаров. Вальс</i>	372
<i>Борис Лихтенфельд. Обиды Демона отвергнутого</i>	373
<i>Юлия Бродская. Из Мэри Оливер. Сова (пер. с англ.)</i>	374
<i>Виктор Райзман. Два стихотворения в переводе Виктора Райзмана (с англ.)</i>	376
Часть 8. ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ	381
<i>Владимир Волкович. Из прошлого. Рассказы для мальчишек и для некоторых девчонок</i>	382
<i>Марина Бондарюк. Из жизни ворон. Рассказ для семейного чтения</i>	384
ПОБЕДИТЕЛИ ТРЕТЬЕГО ЕЖЕГОДНОГО НОВОГОДНЕГО КОНКУРСА ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ И ДЛЯ ДЕТЕЙ ЖУРНАЛА ЧАЙКА	
<i>Виолетта Гребельник. Откуда сказки берутся</i>	395
<i>Аркадий Млынаш. Вот как это было</i>	402
<i>Александр Шапиро. Ждем мы чуда</i>	403
Часть 9. ЮМОР	
<i>Григорий Яблонский. Моя любимая книга. Памяти марксистско-ленинской философии посвящается</i>	406
<i>Илья Криштул. Разговор за ужином. Из рубрики «Страничка юмора от Ильи Криштула»</i>	411
Сведения об авторах	414

От Составителя

Вы держите в руках четвертый номер нашего Альманаха ЧАЙКА. Как и предыдущие, он составлен из лучших материалов, публиковавшихся в нашем электронном журнале ЧАЙКА во второй половине 2016 года. 60 авторов из девяти стран приняли в нем участие. Большая часть участников Альманаха из Америки, четверть – из России, многие присылают свои материалы из Израиля. Наши авторы живут также в Канаде, Франции, Германии, Италии, Украине и Беларуси. Есть среди них и дебютанты. Мы рады их присутствию в Альманахе, как рады и тому, что в нем представлены и наши постоянные авторы, «зубры» журналистского и литературного дела, создавшие еще в «бумажные времена» репутацию ЧАЙКИ как самого интеллигентного литературно-художественного журнала Зарубежья.

В девяти частях Альманаха вы найдете материалы на все вкусы – прозу и поэзию, статьи о литературе и искусстве, стихи и рассказы для детей. Располагаются материалы по жанрово-тематическому принципу. Как обычно есть у нас раздел «Россия и Америка». Начинается Альманах со ставшего уже традиционным раздела «Война, террор и память». Пока существуют неопубликованные материалы на эти темы, мы будем печатать их в журнале и помещать в Альманахе. Есть у нас и новые разделы, например: «О науке». А еще мы выделили «Юмор» в отдельный раздел и поместили его в самом конце сборника. Пусть ваше знакомство с Альманахом закончится на веселой ноте.

Благодарю тех, кто помогал в работе над этим выпуском. В первую очередь, Алекса Марина, сделавшего его макет и обеспечившего всю техническую и полиграфическую часть работы.

В создании Альманаха приняли участие искусствовед и фотограф Нина Аловерт, приславшая нам прекрасную фотографию для обложки, художник Семен Агроскин – репродукции его картин сопровождают начало каждой главы. Приношу им огромную благодарность.

Благодарю за техническую помощь и поддержку Марка Мейтина, за размещение материалов в интернет-сети Вадима Массальского, за ценные советы – Евсея Цейтлина. Моя благодарность всем авторам Альманаха, без которых он не мог бы появиться.

Приношу свои извинения нашим авторам, чьи произведения пришлось дать в сокращенном виде – полностью эти материалы читатели смогут найти на страницах электронного журнала ЧАЙКА.

Наша ЧАЙКА в полете. Очередной номер, плод воображения и труда замечательных писателей, поэтов, журналистов и искусствоведов, приходит к читателям. Будем рады, если он принесет вам возможность сопереживать и радоваться, размышлять и от души веселиться вместе с нашими авторами.

Ирина Чайковская

Часть 1

Война, террор и память

Екатерина Мышкис

Харьков

О ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЕ. К 75-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Редакция, комментарии и публикация Марины Кацевой (Бостон)

Автор предлагаемых воспоминаний Екатерина Дмитриевна Мышкис¹, в девичестве Кутырина, сыграла важную роль в жизни нескольких поколений студентов Харьковской консерватории. Мне повезло у неё учиться. Она обучала немецкому языку. Обучала с таким творческим азартом и с такой заразной энергией, что, хотя её предмет не был главным, многие из нас причисляли её к педагогам по специальности... «Мемуары» Е.Мышкис пока не изданы... С разрешения дочери автора, предлагаю небольшую выборку из главы «Жизнь вторая», по значимости описываемых событий заслуживающую быть вынесенной за пределы семейного круга. Ленинградке Катеньке Кутыриной в 1941-м было всего семнадцать...

«Жизнь вторая»

*«Ах, война, что ж ты, подлая, сделала...»
(Б. Окуджава)*

В первые же недели войны немцы оккупировали всю территорию вокруг Ленинграда. В город стянулись большие массы народа из всех пригородов и не только. В Ленинграде нашли приют беженцы из Псковской и Новгородской областей. Бежали все, кто мог. Из Пушкинских Гор к нам приехали родители мужа моей сестры. Они бежали, бросив всё – дом,

¹ Е.Д. Мышкис (1924-2014). Историк-медиевист, филолог, автор книг, аналитических статей и учебных пособий «Выдающиеся советские музыканты нашего времени» и «Музыка в гостях». Доцент кафедры иностранных языков Харьковского Института Искусств. В 1940-1960 гг. – жена выдающегося математика А.Д. Мышкиса.

хозяйство, вещи. Из Гродно приехала жена их старшего сына с двумя маленькими мальчиками. Довольно скоро стало известно, что и Гродно тоже уже оккупирован.

Меня с группой студенток послали на рытьё противотанковых рвов по направлению к Новгороду, где мы пробыли немного более недели. Рыли эти рвы много людей. Мы были крайней группой. Работать было очень трудно: мы же все впервые копали землю... Место ровное, без деревьев, жара. Всё время хотелось пить. Еду и воду нам привозили, но их не хватало.

Радио у нас, естественно, не было. Немцы же наступали очень быстро. Еще до моего отъезда на рытьё окопов, то и дело сообщалось: «На Ровенском (Псковском, Витебском и т. д.) направлении наши войска ведут ожесточенные бои. Противник несет тяжелые потери» и т. д. Это значило, что город, в направлении которого идут бои, уже занят немецкими войсками.

Однажды нам не привезли ни еды, ни воды. Мы продолжали копать землю, ожидая подвозку, и вдруг видим красноармейца. Увидев нас, он просто застыл на месте от удивления.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает.

Мы объясняем. Он рассказал, что немцы наступают, что он связист, а связисты отступают последними. Сказал, чтобы мы не теряли времени и быстро уходили вместе с ним. Он шёл с нами до железнодорожной станции, где стояли теплушки – товарные вагоны для отступающих армейских частей. Нас, конечно, взяли в вагон, и через короткое время поезд тронулся. Шёл он медленно, но всё-таки поздним вечером того же дня мы были в Ленинграде. Наша поездка на строительство противотанковых рвов могла кончиться много хуже. Оказывается, уже три дня шли бои на Новгородском направлении, а мы-то и не подозревали, что легко могли оказаться на оккупированной территории.

Вскоре начались воздушные тревоги. Каждый вечер в одно и то же время. Но по-настоящему город ещё не бомбили. Налёты начались чуть позже. Пока же его забрасывали зажигательными бомбами. На всех крышах дежурили люди, вооруженные специальными щипцами и лопатами. Везде стояли бочки с песком. Дежурные сбрасывали зажигательные бомбы вниз, где они догорали, уже не принося вреда. На протяжении августа,

сентября и октября немцы бомбили нас с истинно немецкой точностью: от 7:15 до 7:30 вечера. Пока было электричество, радио не выключалось. Днём и ночью щёлкал знаменитый «метроном». Через него сообщалось о налётах: быстрый ритм означал воздушную тревогу, медленное цоканье – отбой. Люди спешили добраться домой «до тревоги». После троекратного объявления по радио: *«Внимание! Внимание! Внимание! Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!»*... мы слышали сначала гуденье моторов вражеских бомбардировщиков, потом начинали падать бомбы.. Никогда не забуду я ни этого ритмичного постукивания, ни трёхкратных сообщений, ни... – ожидания...

Особенно запомнилась первая бомбёжка в начале сентября. Мне было так страшно! Мы с папой сидели на моей кровати, я вся тряслась, прижавшись к нему, спрятав лицо, зубы у меня стучали, а папа гладил меня по спине и успокаивал:

– Я-то думал, что ты храбрый человек, а ты – трусишка, – говорил он между сотрясениями всей почвы и дома от фугасок.

Потом я привыкла. Ко всему привыкаешь...

– Обыкновенная полевая артиллерия, бьют с Пулковских высот, совсем уж близко, – сокрушался папа.

Однажды снаряд попал в мамину комнату, и в нашей квартире жилой осталась одна комната. Теперь в ней обитали только мама, отец и я. Так нам было чуть-чуть теплее.

Мы жили постоянно в полумраке. Сначала из-за бомбёжек и обстрелов окна закрывали светонепроницаемыми занавесями. Потом стали завешивать их одеялами, чтобы было потеплее. Освещалась наша квартира копилками. Вы даже, наверное, не знаете, что это такое. Это посудина типа консервной банки; в дырочку этой банки опускался фитилёк, сплетённый из нескольких ниток. Лучше всего подходила штопка или что-нибудь такое же мягкое. В банку наливали какой-нибудь горючий материал, скорее всего, керосин. Его теперь использовали очень помалу – берегли... Вот это и было наше освещение.

В начале июля появилось Ровенское направление, и я подала заявление о добровольном вступлении в армию: ведь я была почти фельдшером. Я любила свою страну, считала, что она

самая справедливая, самая правильная. Идеи казались мне такими полными человечности, что я даже не могла подумать о том, что в действительности скрывалось за ними. Отец старался не очень посвящать меня в то, что было скрыто за первым планом, но кое-что, конечно, я знала. И тем не менее, и тем не менее... – было убеждение и чувство: это моя страна, моя Родина.

Папа, когда я ему сказала о заявлении, положил руку мне на голову и, как бы отогнув меня назад, посмотрел мне в лицо.

– Ну что же, – сказал он, – правительства бывают разные: и плохие, и ... очень плохие тоже. Но это – твоя страна.

По всей стране девушек брали в армию с восемнадцати лет, но в Ленинграде брали и раньше. Перед уходом в армию мне надо было пройти несколько комиссий – сначала мандатные, потом такие, потом эдакие. Наконец, последняя военная комиссия. Нас выстроили – целую очередь молодых девушек, раздетых догола, и мерили нас, взвешивали, спрашивали всё, что надо. Я оказалась в самом-самом конце, самая тщедушая и самая маленькая по росту из всей очереди. Меня позвали к столу, за которым сидела комиссия. Человек с очень сильной проседью подозвал меня и спросил:

– Номер обуви, какой носишь?

– 32-й.

– Так что ж ты думаешь, тебе в армии что, сапоги на заказ будут шить?

– Нет, я не думаю.

– А где до сих пор обувь брала?

– Я покупала в детских магазинах, а одни красивые туфли мне шил сапожник на заказ.

Он хмыкнул:

– Ну, иди...

Сейчас я понимаю, что ему было лет сорок с небольшим, но тогда он мне казался глубоким стариком. Очевидно, моя заморённость и очень маленькая нога были главной причиной его заключения: «Годна только к нестроевой службе». Много позже, руководя горно-пешеходными маршрутами, я поняла, что в пехоте я бы просто пропала со своим 32-м размером обуви.

Так я оказалась на обслуживании так называемых «тыловых госпиталей». Мой госпиталь был расположен в самом центре Ленинграда, в одном из зданий университета. Мы забирали раненых из района Средней Рогатки. Теперь это была уже линия фронта.

Пока было электричество, раненых перевозили на трамваях. Наверху подвешивались носилки для тяжелораненых, а внизу лежали те, что полегче. Но в декабре электричества не стало, и мы выгружали раненых уже прямо из барж, которые шли с Дубровки и из других мест. Прибывали солдаты со всего Союза. Изуродованные, с ампутированными конечностями, они ждали отправки на большую землю, но отправки-то не было: с начала сентября эвакуация осталась возможной только на самолётах!

Я работала в отделении, где люди лежали в так называемых «гипсовых гробах»: ранения позвоночника, таза, ног... Укладывали человека в такое гипсовое корыто. Надолго ли? Таскать их в бомбёжку – нечего было и думать. Ходячие уходили, а мои и пошевелиться не могли: они должны были лежать неподвижно. Были они так тяжелы, что я даже одну загипсованную ногу не могла поднять... Да этого и нельзя было делать! При бомбёжках я просто сидела с ними, рассказывала сказки, пересказывала романы. Очень было страшно: одно попадание фугасной бомбы – и останется мокрое место.

На одну сестру скапливалось до двадцати-двадцати пяти раненых. Какую только грязь нам ни приходилось убирать за ними! Но не было ни брезгливости, ни отвращения, ничего подобного. Всё вытеснялось состраданием и болью за этих искалеченных людей. Много было ребят моего возраста, но много было, с моей точки зрения, пожилых людей. Мы с ног валились, но старались хоть чем-то облегчить их страдания.

Самое страшное началось в конце января, когда почти по всему Ленинграду отключился водопровод, а это значит, что не работала канализация. Раненые все с голодным поносом, а на палату одно ведро. Содержимое выливалось за окно. Всё это замерзало на стене под окном. А что было делать? Что мы могли?!

Воду для еды и питья кипятили в котлах, но её едва хватало. Для того, чтобы что-то сварить, по воду ездили на Неву. Ставили

на санки два котла – и ведёрком черпали воду из реки, а по ней плыли трупы. Когда и Нева замёрзла, стали воду из проруби вытаскивать. Вокруг всё скользкое. С ведрами-то по скользкой горке... За руки держась, становились цепочкой, человек по пять, боялись обронить каплю.

Иногда посреди улицы прорывало водопровод, и вдруг начинала бить чистая водопроводная вода. Тогда к этой точке откуда-то шли люди с чайниками, с санками, с большими кастрюлями. Кто чем мог черпал эту воду, но беда в том, что вокруг такого «источника» намерзал лёд и добраться до воды было нелёгкой задачей даже для спортсменов, не то что для падающих от голода людей.

В очередную годовщину снятия блокады в Израиле по русскому каналу показали несколько документальных блокадных кадров. По ним можно чётко определить время съёмки – люди одеты по-осеннему. Это кадры конца октября-начала ноября, не позже! Тогда ещё люди были на улицах и только-только начали использоваться в качестве транспорта детские санки с привязанными к ним покойниками. Меня на этих кадрах странно поразило многолюдие. Вероятно, в моей памяти более чётко отпечатались позднее время, когда люди почти исчезли, когда на большом расстоянии друг от друга по улицам брели одинокие, закутанные в одеяла фигуры, а покойников уже не везли. Их просто увязывали в одеяло и выносили на улицу, если было кому вынести.

Кадры с людьми в месте лопнувшего водопровода. С кувшинами, чайниками, небольшими посудинками они стоят в большой очереди, чтобы взять воды из такого открывшегося на улице «источника». Только в кадр не попала ледяная гора, намерзшая вокруг него. Не видно, как на животе ползут вверх люди, как они на четвереньках ползут вниз, цепляясь и раздирая об острый лёд руки в кровь; как привязывают чайник или кувшин за шею верёвкой и, поддерживая её зубами, несут воду в одной поднятой руке; как ослабевшие и истощённые, они скользят и падают, разливая вокруг себя эту драгоценную чистую воду...

Не увидела я на экране того, что видела в жизни: как плачут, разлив воду, и слёзы, смывая с чёрных лиц дорожкой грязь, на лету становятся льдинками и повисают на лице. Боже, как страшны обмороженные лица, обезображенные чёрными, жёлтыми, красными пятнами настолько, что нельзя было даже понять, кто это – мальчик ли, девочка, подросток или женщин средних лет... Узнаваемы только мужчины с бородой и усами, грязные, покрытые копотью.

В дикторском тексте говорилось, что это единственные сохранившиеся фотографии блокадного Ленинграда. Возможно, это правда. Хотя никаких специальных приказов на этот счёт не было, мы знали, – по умолчанию! – что снимать происходящее запрещено. Это рассматривалось как «разглашение военной тайны». Показанная плёнка была отснята аппаратом ФЭД. Её недавно отреставрировали. Значит, кто-то же её снял! Было также сказано, что сам аппарат хранился в архивах КГБ «в качестве конфискованного вещественного доказательства». Вслушиваясь в текст диктора, я ждала, что назовут имя человека, который жизнью своей заплатил за «разглашение военной тайны» – тайны, которую задолго до окончания блокады знали миллионы умирающих ленинградцев. Но, увы! – герой остался безымянным...

Поначалу работала я неделю днём и ночью. Потом на три дня шла домой к папе, а на четвёртый должна была вернуться в госпиталь. Шла домой пешком от Университета, через Дворцовый мост, потом или по Невскому, или по Набережной ... Каждый раз город становился всё более пустынным. Трамваи ходили всё реже, а с конца ноября и вовсе встали по всему Невскому «на прикол»: не стало тока. Потом эти мёртвые трамваи занесло снегом, засыпало по самые входные ступеньки, окна были разбиты от взрывов и бомбёжек. Так и стояли они неподвижные. Эта их неподвижность отпечаталась в моих воспоминаниях навечно...

С исчезновением воды пришла новая напасть – в городе начались пожары. Дома горели постоянно то в одном, то в другом месте. Коптилки очень легко вызывали загорание бытовых предметов. Пожар никто не гасил – воды-то не было! Обычно, когда начинался пожар, весь дом «выселялся» на улицу,

и люди просто грелись у огня, наблюдая как пламя пожирает их жилище... Никогда не забуду, как горел поразительно красивый большой дом на Кировной по дороге к Таврическому саду. Как страшно и долго он «умирал»...

К концу августа кольцо блокады заметно сузилось, а с начала сентября замкнулось совершенно. Угроза страшного голода стала реальностью. В октябре ещё выдали на карточки немного соевых конфет и по 150 граммов крупы. В ноябре – только немного гороха. С декабря уже ничего не выдавали на карточки, кроме нормы хлеба: 125 граммов чёрного хлеба для детей и иждивенцев и 250 граммов для работающих. В тех, кто был помоложе, жизнь как-то теплилась, а те, кто постарше, просто угасали на глазах.

Голодали страшно. Раненых тоже нечем было кормить. Тогда против цынки во всех госпиталях раненых и персонал стали поить настоем из еловых молодых побегов. Горький ужасно, но пили. Суп варили их жмыхов, которые раньше давали скоту, а теперь из него варили похлёбку для людей. Этот «жмых» в Ленинграде почему-то называли «дуранда». Может быть, от этой «дуранды» у раненых и был голодный понос?! Хлеб тоже с каждым днём становился всё хуже и хуже. Когда я была уже полностью негодной к военной службе и лежала в госпитале с тяжёлым воспалением лёгких, лечащий врач спросила:

–Не могу понять, откуда у Вас в экскрементах опилки?

Только через много лет мы узнали, что в блокадный хлеб добавлялись опилки...

Меня всё реже стали отпускать домой, а иногда не отпускали вообще. Вокруг умирали люди, некоторые страшным образом. Никогда не изгладится из моей памяти одна сцена. Однажды мне дали увольнение на двое суток, и я пошла в очередь за хлебом отоварить карточки матери и отца. Булочная была рядом с домом. Раньше в ней был овощной магазин. Ребёнком я любила рассматривать в витринах забавные фигурки, вырезанные из овощей. Из них устраивали целые сценки... Я вошла в булочную и стала в очередь. Продавщица взвешивала хлеб, а вся очередь пристально следила, чтобы вес был как в аптеке.

На подоконнике сидел паренёк, думаю, подросток-ремесленник. Особенно тяжело переживали голод вот такие мальчишки 15-ти – 16-ти лет и мужчины цветущего возраста. Он был синий, весь с какими-то подтёками – очень страшный. И вот когда мимо него шла старуха со своим куском хлеба, он вдруг бросился на неё, вырвал у неё этот хлеб из рук и повалился на пол. Его стали бить, а он в это время запихивал этот несчастный кусок хлеба себе в рот. Когда его перестали бить, оказалось, что он уже мёртв. Ну, что сказать?! Б-л-о-к-а-д-а!..

Не уходит из памяти ещё одна ужасная сцена. Однажды кто-то из госпиталя попросил меня отнести письмо по адресу недалеко от моего дома. Я согласилась. На обратном пути, когда проходила мимо одного дома, мне показалось, что там проходной двор и можно укоротить дорогу. Было очень холодно. Всё оледенело, лёгкий снежок припорошил лёд. Было очень скользко. Вмёрзшие в лёд двойные ворота смотрелись как железное «кружево» из переплетённых цветов, листьев и лент. За ними вдалеке видна была такая же пара ворот, а ещё дальше, под аркой и за нею, просматривалось свободное пространство и небо. Я решила, что это и есть выход из двора.

Я кое-как протиснулась мимо левой отворявшейся половины входных ворот и пошла очень осторожно, боясь упасть, глядя только себе под ноги. Однако, дойдя до выходных ворот, я увидела на них громадный замок. Не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. Так как назад я возвращалась по своим следам и уже не так боялась поскользнуться на льду, я подняла голову и посмотрела вперед: прямо по ходу, слева от меня, на правой створке вторых внутренних ворот висело тело мужчины. Сделав несколько шагов, я оцепенела: тело висело вниз головой, привязанное к узорам ворот за обе очень широко раздвинутые ноги. Обуви не было. Тело было повернуто спиной ко мне и обнажено ниже пояса; в поясе оно опять было прикручено к узорам ворот, а всё что было одеждой, свисало до ледяного слоя на земле, превратившись в единый сероватый монолит. Ни рук, ни головы не было видно. Я застыла в ужасе...

На минуту глянуло солнце. В Ленинграде это бывает очень ярко – вдруг среди серого дня яркая солнечная минута. Солнце осветило повешенного. Моя фотографически точная зрительная

память зафиксировала эти мгновения яркого освещения. Икроножные и ягодичные мышцы повешенного сверкнули розовым... Я сразу почему-то вспомнила мясные магазины с бледно-розовыми кусками мяса на прилавках. Неожиданно возникла странная ассоциация с Распятием. Только если Распятие, воспроизводя жестокость, вызывало сострадание, то здесь я видела злобное издевательство и над человеком, и над религиозным символом. Это уже было полным извращением понятия человечности. Наша жизнь в Ленинграде давно стала противоестественной, абсолютно непохожей на человеческую жизнь. Но ТАКОЕ!!!...

Столбняк от увиденного сменился желанием как можно скорее бежать прочь. По дороге домой я всё пыталась объяснить себе самой эту страшную картину. Не придя ни к какому выводу, предположила, что, возможно, появились какие-то безумцы (один ведь не мог повесить так труп!), которые ловят живых и так их убивают, а, может быть, они так «хоронят» мертвецов... Я не рассказала дома о том, что видела, но сама очень боялась, не появятся ли эти безумцы поблизости от нашего дома...

С нами всеми происходило нечто невозможное, едва ли не потустороннее. Видимо, таков был уровень стресса, в котором мы находились. У многих наступал какой-то распад психики. Мать одной моей подруги, врач по профессии, перед смертью умоляла дочь вынуть у неё печень и съесть, поскольку в печени много витаминов. Она даже потребовала у дочери расписку, что она это сделает. И девушка, зная, что мать умирает, такую расписку написала, чтобы успокоить умирающую.

К этому времени в нашей квартире уже никого не осталось – только папа и мама. Раз в десять дней на два-три дня приходила из госпиталя я. В конце ноября начались очень сильные морозы. В декабре, январе и феврале они доходили до тридцати пяти градусов. Топить было нечем. Папа раскалывал стулья, кухонный стол, табуретки... Ему помогал мой соклассник, Сенечка Шифман. Вдвоём пилили они остатки кухонной мебели, и папа ставил самовар. Топить, конечно, этим было нельзя.

Когда и наш водопровод застыл – ни капли воды! – папа сделал в окне кухни большой ящик для продуктов... Верхнюю крышку

от него мы сожгли, а наметенный в ящик снег папа собирал (всё же это был снег не с улицы – не такой грязный), оттаивал и потом кипятил в самоварчике на три стакана. Самовар наш мы кипятили, сжигая книги. Мы ведь были культурная семья, и у нас была хорошая большая библиотека. Подумать только, на *что* она вся ушла! Пожгли всё. Папа пожалел лишь мои премиальные (и в школе, и в этнографическом музее почти за каждый учебный год я получала по хорошей книге с надписью и печатью).

Когда при мне начали умирать первые люди, было очень страшно, а потом... – потом и к смертям я привыкла так же, как к бомбёжкам. На самом деле, я не привыкла – я окаменела. Я не могла больше страдать, когда у меня на руках каждую ночь умирали люди. Они хватались за мой халат, за одеяло, за мои руки... Одни кричали: «Мама!». Другие звали по имени какую-нибудь женщину. Многие просто тихо стонали и угасали молча. Не знаю, сколько их прошло через мои семнадцатилетние руки, скольких вынесла я во двор госпиталя. Но я точно знаю, скольких людей вынесли из нашей квартиры. Всего – 17 человек... И это только из одной ленинградской – не коммунальной (!) – квартиры.

Морально все стали бесчувственны. Мне казалось, что подобное происходило и со мной. Но всё же, когда одна из наших родственниц посадила на мои детские саночки двух своих маленьких сыновей, закутала их во что нашлось и сказала: «Они

умирают. Может быть кто-нибудь подберёт нас по дороге. Если нет, мы замёрзнем все вместе. Смерть от холода не так страшна, как от голода», – вот тогда у меня на секунду как бы замерло и куда-то покатилося сердце... Так я до сих пор не знаю, что с ними случилось...

Послесовие Марины Кацевой

Прочитанное – это самое начало главы «Жизнь вторая», однако мытарства семнадцатилетней девушки по дорогам войны на этом не окончились. За многоточием были прожиты ещё «три жизни» длиною в полвека.

«Я пишу только то, что видела и пережила сама», – заключает автор эту главу. Значит ли это, что она «не видела и не переживала» того, что так потрясло моё поколения спустя 30-летие? Как иначе объяснить, почему при присущем ей обострённом чувстве справедливости, она обошла молчанием то, что всем стало известно в 60-е как неопровержимый факт предательства со стороны партийной верхушки города? Неужели замученные блокадники могли не знать, что рядом с действующей линией обороны Ленинграда, в тылу осаждённого города, проходила ещё одна «граница», отделявшая миллионы обречённых на голодную смерть людей от продовольственных оргий «слуг народа»? Ведь знали же они «по умолчанию» о запрете съёмок блокадного Ленинграда?!

У меня не раз была возможность спросить об этом Екатерину Дмитриевну, знай я, что она была блокадницей. Не знала. И не узнала бы, не попади ко мне её воспоминания. Ни в классе, ни дома, ни десятки лет спустя, она словом об этом не обмолвилась...

Значительно позже в печать начали проникать свидетельства и с другой стороны условной «тыловой границы». Вот фрагмент (с небольшими сокращениями) из дневниковой записи Николая Рибакковского, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б). Даты совпадают: январь 1942-го – то самое страшное время, когда по всему городу не стало воды и электричества, когда морозы доходили до 35 градусов, когда остановился весь транспорт и мертвецов уже не хоронили, а выжившим начали добавлять в хлеб древесные опилки:

«Вот уже три дня как я в стационаре горкома партии..., в одном из павильонов ныне закрытого дома отдыха партийного актива Ленинградской организации в Мельничном ручье...Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка – и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же чёрного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину. Питание заказываешь накануне по своему вкусу... Товарищи рассказывают, что районные стационары нисколько не уступают горкомовскому стационару, а

на некоторых предприятиях есть такие стационары, перед которыми наши стационары бледнеет...».

Понятно, что из окна служебной машины можно было и не заметить, как изменились лица прохожих; не заметить страшных пятен на их обмороженных лицах... Только как же это соотносить со следующим официальным заключением советских военных экспертов:

«В осаде Ленинграда погибло больше мирных жителей, чем в аду Гамбурга, Дрездена, Токио, Хиросимы и Нагасаки вместе взятых... Только 3% из них погибли от бомбёжек и артобстрелов; остальные 97% умерли от голода».

Если вы подумали, что это взято из закрытых архивов КГБ, вы ошиблись. Наоборот, из самого свободного на сегодня доступа – интернета.²

Я часто слышу вопрос: «Зачем терять прошлое? Ведь о блокаде уже всё сказано, сыграно и спето?... Что нового добавит ещё один голос?»

Ответ – в опубликованных выше воспоминаниях очевидцев, дошедших до нас из одного и того же времени...

Лев Визен

Виктория, Канада

ВОСПОМИНАНИЯ. МОСКВА 1941 ГОДА. ИЗ ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ ИЗ ЛИЦ ВОЖДЕЙ»

Толику и Карену, друзьям моего очень давнего детства, вечно голодной «мелкой» шпане московской Петровки военных лет, посвящаются эти воспоминания. Каждый раз, встречаясь намного реже, чем хотелось бы, мы вспоминали те четыре с половиной года, по-мальчишески перебивая друг друга: «А помнишь»...

² Кантор Ю.З. Правды о блокаде советские власти боялись всегда. Российская газета (18.01.2013).

О чём говорили, что вспоминали Толик, Карен и я во время наших несчастных, но жданных встреч, шло в общий котёл, ложилось в нашу общую память, которая и сделала возможной эту повесть о нашей жизни в жестокое время Великой войны.

Повесть не гладкую, не системную, похожую на лоскутное одеяло, но, по крайней мере, честную.

И я прошу всех, кто её читает – считать соавторами и Толика, и Карена.

Кто помнит теперь ТУ войну?

Вторую мировую и Великую Отечественную?

Войну, а не то, что о ней наворочено?

Сколько ещё осталось тех, кому повезло, кто вернулся в 45-м, кому теперь за девяносто?

Даже нас, уроженцев ранних тридцатых, уже очень, очень немного.

Мы, Толик, Карен и я, не были участниками или свидетелями фронтовых сражений.

Но мы были участниками и свидетелями сражений в тылу – тоже ежедневных и тоже жестоких.

Сражений с усталостью и голодом, с ложью и несправедливостью, с предательством и обречённостью.

Мы не считали наше детство ни украденным у нас войной, ни потерянным.

Не думали, что оно могло быть другим.

Мы принимали его как данность, таким, каким оно пришло.

И каким оно не мыслится сегодня.

Война пройдёт и, десятилетия спустя, доктор очень серьёзных наук Карен Аганбекян позвонит мне из Туапсе.

Попросит заглянуть в его холостяцкую однушку на Кутузовском проспекте, куда он переехал из трехкомнатного рая на Ленинском, где остались бывшие и очень кратковременные жена и тесть.

Заглянуть и проверить, не пришёл ли, наконец, номер журнала Королевского общества – Британской Академии наук – с его, Карена, статьёй о чём-то мне совсем непонятном.

Я загляну.

Сразу за дверью, на полу, увижу гору газет, журналов и конвертов, просунутых через прорезь для почты, которую Карен сделал сам под размер привезенной из Лондона золотистой рамки со словом «MAIL» на откидной пластине, прикрывающей прорезь.

Карен не опасался воров.

Во-первых, его научные книги и журналы на английском, сделанный ещё до космической эры харьковский велосипед «Спутник», хрипатая рижская магнитола и холодильник с сакрально привлекательным названием «Свяга», не имели никакой быстроликвидационной стоимости.

А во-вторых, в его «режимном» доме жили только лучшие из лучших советских граждан: военные – чином не ниже генерал-майора, писатели – приятели Шолохова и враги Пастернака, ученые – со степенями не ниже докторской.

А также те, за кем по утрам приезжали «Волги» с номерами серий ММА и ММБ.

И очень ответственные члены структуры, которая называлась «наш рулевой».

И потому – в каждом подъезде сидели проверенные и доверенные вахтёрши, привычно продолжавшие бдиль в круглосуточной, душной полутьме.

За спасительную добавку к пенсии.

Журнала Королевского общества на полу не окажется.

Вместо него, вперемежку с другой почтой, будут лежать пустые коробки от сигарет, конфетные обёртки и огрызки яблок – приношения номенклатурных соседей и их домочадцев, которые, в соответствии с идеалами коммунизма, делились избытками своего благосостояния с согражданами.

Особенно в этих сограждан отсутствие.

Я выброшу мусор, сложу конверты, газеты и журналы в стоящую у двери сумку с надписью «British Airways» и позвоню Карену.

Скажу, что снова проверю почту примерно через неделю.

Но – через неделю почта будет уже не нужна.

В коротких южных сумерках, гружёный щебнем самосвал врежется в докторскую «копейку» и сбросит её с обрыва над морем.

Вместе с водителем.

Военный лётчик Анатолий Тарасов будет послан для оказания помощи нашим иноцветным братьям, временно спустившимся с комфортабельных баобабов ради сверхзвуковых подарков.

Вернётся целым и станет калекой дома – при посадке на обледенелую полосу, которую оставят недочищенной пьяные аздромные «снеговики».

Его «МИГ» – почти десять тонн алюминия, электроники, керосина и ракет – соскользнёт с блеснувшей зеркалом бетонки и помнёт крыло.

Вытекающее топливо вспыхнет.

А пожарники подъедут только минут через десять, потому что их машина сразу не заведётся.

Не по их вине, конечно. Из-за мороза.

Майор Тарасов будет понижен в звании за «нанесение ущерба боеспособности Родины».

Получит инвалидность, демобилизуется и уедет к подруге в Воронеж.

Будет ремонтировать мотоциклы и просить разрешения на усыновление сироты из приюта.

Общественная комиссия, в составе поварахи из кафе «Сядем рядом», преподавателя марксизма-ленинизма в ПТУ и бывшей прыгуньи с шестом, разрешения не даст.

По причине «несоответствия здоровья» истца и упорного возмещения им «ущерба боеспособности» в размере стоимости сгоревшего «МИГа».

Истец обматерит преподавателя марксизма и выслушает нотацию капитана милиции, срочно вызванного бывшей прыгуньей.

И капитан коротко скажет истцу потом, в коридоре:

– *Толя, извини. Забудь.*

Бывший лётчик-истребитель начнёт вести секцию авиамоделлистов в клубе ДОСААФ.

Раб божий Анатолий примет крещение и начнёт петь в церковном хоре.

А отчаявшийся инвалид врежет костылём по морде инспектору райсобеса, который пнёт его дворнягу Рашу – купленную у ловцов за четвертинку и уже почти ослепшую.

Пойдёт по «трём столбам» –Ст. 111, УК РФ, Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью какого-либо лица при осуществлении данным лицом служебной деятельности или выполнении общественного долга.

От пяти до десяти.

С последующим ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Оттянет до звонка шестилетнюю ходку.

Уедет к новой подруге в таёжную деревню под Иркутском.

Не отвечая на мои письма, будет слать поздравления с Пасхой, Рождеством Пресвятой Богородицы и Рождеством Христовым.

Пока не откажет печень.

И престарелый сельский врач – из сосланных после войны эстонцев – отправит мне заказную бандероль, в которую вложит фотографию могильного холмика с деревянным крестом, часы «Полёт» и личную записку.

На верхней, горизонтальной перекладине креста будет написано «А. Тарасов».

Над фамилией будет прибитая жестяная звезда, вырезанная из консервной банки.

Часы врачу отдаст подруга Толика, которая скажет:

–Толя говорил, что это Лёвин подарок. Они всё равно поцарапанные.

А в записке – врач попросит достать для его больных хоть немного настоящего, чистого аспирина.

Производства фирмы *Bayer AG*.

Громадность и трагизм войны сделали малой песчинкой всё, что происходило 16-го октября 41-го года в микрокосме нашего двора на Петровке.

Но эта песчинка вместила в себя часы и минуты, когда между немецкими танками и Москвой не стоял никто.

Мгновения этого главного дня войны – как и других дней, до и после него – мгновения предельно важные и не очень, легко понятные и не понятые вообще, остались со мной, тогдашним

тощим шкетом, как остаются в теле осколки, извлечь которые невозможно.

Которые и сегодня режут по живому своими рваными краями.

Война шла уже очень долго – почти четыре месяца.

Уже никто не орал, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее».

Никто не одобрял – как ещё совсем недавно – совместный с немцами поход в Польшу.

Никто не радовался возврату «исконных немецких, украинских и белорусских земель», нагло оттяпанных «агрессивными пшеками» у наивных и доверчивых соседей.

И никто больше не гордился совместным с немцами парадом победы в «освобождённом» совместными атаками Бресте.

Теперь братание с немцами не упоминалось вообще, словно его и не было.

Потому что теперь немцы дошли до Москвы.

Война.

Наступательная, внезапная, стремительная, всё решающая и всё разрешающая.

«Малой кровью, на чужой территории».

Победа.

Завоёванная нашей непобедимой, "самой наступательной в мире" Красной Армией с её огромным преимуществом в количестве дивизий, танков и самолётов.

Освобождение угнетённых народов, жаждущих и ждущих нашей братской помощи.

Торжество социализма.

Сначала – в Европе. Далее – везде.

Всё это обернулось очередной лажей.

Осенью 41-го люди узнали из первых рук, от раненых красноармейцев, которые прятались по подъездам от патрулей, о трусости и паническом бегстве наших командиров и комиссаров, о том, что наши сдаются в плен чуть ли не дивизиями, что вдоль дорог стоят наши брошенные пушки и танки, что наших

самолётов не видно и не слышно, а немецких самолетов – как комаров в лесу.

И что немецкие солдаты совсем не похожи на угнетённых.

И что одной убитой лошадью можно накормить роту.

В начале октября, когда ещё было тепло, наш хромой дворник Равиль нашёл спящего на куске фанеры младшего лейтенанта.

Красный командир лежал у стены пятого корпуса, за большим мусорным баком, прижав колени к животу, словно стараясь казаться маленьким и незаметным.

Правое плечо его телогрейки было разорвано и пропитано кровью.

Равиль принёс ему воды в поллитровой бутылке, и младший лейтенант выпил её всю, не отрываясь. Он был совсем молоденький, наш приятель Андрюха из третьего корпуса выглядел старше в свои шестнадцать.

Младший лейтенант рассказал Равилю и подошедшим женщинам, что его часть стояла около Истры и от неё мало что осталось.

Что те, кто мог идти, ушли в сторону Химок, за канал Москва-Волга, чтобы в плен не попасть.

И что, когда штабные уехали на санитарной машине с крытым кузовом и красными крестами на боках, в палатке медсанбата ещё лежали шестеро тяжелых – пять рядовых с пулевыми и старлей с осколками в животе.

И с ними оставалась одна медсестра.

Которая крутила любовь с этим старлеем ещё с августа месяца.

И что пожилой комиссар с двумя шпалами и чёрным кантом на ещё довоенных, а не зелёных, полевых петлицах, который держал на поводу осёдланную лошадь и которого он раньше никогда не видел, дал ему клочок бумаги с названием улицы, на которой находится самый большой, самый хороший московский госпиталь.

И приказал добираться до него своим ходом.

И что он плутал по проселкам всю ночь, а утром его пустили в кузов своей полуторки красноармейцы, которые везли в Москву какие-то ящики и живых кур в мешках.

И были все, кроме шофёра, уже в гражданском.

И что сначала, когда он попросился к ним в машину, шофёр открыл дверцу кабины и пнул его в грудь. И он упал прямо на раненое плечо и закричал от боли, а те, в штатском, повыхватывали наганы и хотели его пристрелить.

Чтобы он не привлекал к ним внимания.

Но ихний старшой увидел его кубарь и сказал, что раз он из комсостава, хоть и младшего, его надо лечить, чтоб потом он опять воевал.

А раз он ранен, то ему можно поверить, что он не шпион.

И разрешил не применять к нему закон военного времени, не «расходовать» его, а взять в машину и подбросить. Но только до Садового кольца.

Потому что дальше их маршрут будет совершенно секретный.

И что тогда его подсадили в кузов, потому что сам он забраться не мог.

На колесо-то он ногу поставил и здоровой левой рукой за борт взялся, а вот подтянуться на этой одной руке и перевалиться через борт, у него не получалось.

И что по дороге на них налетел мессер, сделал заход и обстрелял из пулемета.

Те, в штатском, как только этого мессера услышали – выпрыгнули из кузова и спрятались в кустах вдоль дороги. И немец их не увидел.

А он выпрыгнуть не мог, прижался в борту и прикрыл голову и плечи мешком с курами.

Немец не стал бомбу тратить, только очередь дал, попал в угол кузова и в мешок с курами.

Не в тот, которым он прикрывался, а в другой.

И что потом, за всю дорогу до Москвы, им не попалась ни одна встречная машина.

И что их остановил только один дорожный патруль.

И что командир патруля, с одной шпалой на краповых петлицах, приказал всем выстроиться на обочине для проверки и выяснения.

И что те, в штатском, сказали, что он ранен и, если вылезет, то обратно уже не влезет.

И тогда командир сам поднялся к нему в кузов и приоткрыл телогрейку на раненом плече. И проверил, действительно ли он ранен.

И спросил, целы ли кости между плечом и локтём, а про документы не спросил.

Но спросил, не обгоняла ли их полупторка – зелёный автобус «ЗиС» с комсоставом с такими же, как у него, петлицами.

И что один из стоявших около машины патрульных крикнул командиру:

–*Колян, да брось ты его нах, пошли!*

И командир выпрыгнул из кузова.

И патрульные никого больше проверять не стали и ничего ни у кого не взяли.

И ушли в лес.

И потом старшой высадил его около бульвара, который называется Цветной.

И сказал, чтобы он шёл в сторону Трубной площади, потому что от неё до всего близко.

И что на Трубной он показал каким-то мальчикам клочок бумаги, на котором пожилой комиссар написал название улицы с госпиталем – *Страстной бульвар*.

И спросил у мальцов, как к этому бульвару пройти.

А они увидели, что адрес написан на четвертушке немецкой листовки с призывом к нашим сдаваться в плен. И с ходу решили, что он немецкий диверсант, который раненым только прикидывается.

И стали бдительность проявлять, свалили его и били по раненому плечу и по голове. Ногами.

И что люди на Трубной, видели, как его топчут, но никто не вступился.

А патрулей, как назло, поблизости не было.

А листовок этих немецких под Истрой, как листьев опавших. Слоем лежат.

Наши из них козьи ножки крутят.

И что отогнали мальцов женщины, которые шли вдоль трамвайных путей и несли ломы и лопаты. У них была бутылка с водой, они намочили подол его гимнастёрки и вытерли ему глаза, в которые кровь натекла.

И сказали, что Страстной бульвар совсем близко, показали, в какую сторону ему надо идти и где поворачивать.

Но велели посидеть в каком-нибудь подъезде до сумерек.

Переждать, пока мальцы с Трубной домой не уйдут.

И что потом он больше падал, чем шёл, потому что два дня ничего не ел, а только пил воду из луж. Которые были почище.

А когда дошёл до госпиталя, то долго сидел на ступеньке у входа, над которым были такие высокие колонны, что ему даже не верилось, что это больница, а не какой-нибудь музей или наркомат.

И что он заснул на этой ступеньке, потому что много крови потерял и совсем обессилел.

А красноармеец из охраны пихнул его в спину прикладом и хотел прогнать, сказал, что в госпитале не хватает места даже для тех, кого привезли из медсанбатов.

Без руки или ноги. И с документами, что это боевое ранение, а не самострел.

А у него никаких таких документов нет.

И поэтому он отдал красноармейцу своё последнее курево – полпачки махорки.

Которая была у него в нагрудном кармане и потому только слегка намокла.

И тогда красноармеец пустил его внутрь, а медсёстры на приёме дали ему три таблетки белого стрептоцида. Чтоб он их сам раскрошил и присыпал рану.

И сказали, что раз он может идти, то пусть уходит, потому что все врачи заняты с тяжёлыми.

Глотают кофеин и не выходят из операционки.

А стрептоцида этого у него теперь нет, потому что таблетки, наверное, выпали через дыру в кармане, которую он раньше не заметил.

И что через ту же дыру могли выпасть три запасных патрона к его пистолету «ГТ», который забрали у него мальцы на Трубной и в котором была полная обойма.

И что тогда, на Трубной, он не мог выхватить «ГТ» и этим мальцам пригрозить, потому что кобура была на ремне под левой рукой, которую они заломили ему за спину.

А раненая правая рука у него не поднимается, только пальцы ещё шевелятся.

И что он прилег хоть чуть отдохнуть за баком, потому что за ним мало снега и сухо.

И за баком на него никто не наступит и никто об него не споткнётся.

И теперь не знает, что делать, – искать другой госпиталь или подойти к патрулю, чтобы его арестовали.

Потому что арестованных кормят.

Мы с Кареном слушали и не могли поверить, что штатские в полуторке хотели его пристрелить, а пацаны с Трубной – избили.

Карен сказал:

–Может, ему картошину принести? Мама утром пять картошин сварила, две ещё остались. У него же рот разбит, а картошины мягкие, их кусать не надо...

А женщины, собравшиеся около, явно не знали, как им быть.

Они, вроде бы, и жалели парня, но...

Перед ними, на листе грязной фанеры, сидел "комсостав", который – пусть раненый и пусть по приказу старшего по званию – покинул фронт.

Покинул – как и многие другие.

Но ведь многие же остались.

И теперь тоже, быть может, ранены. Или даже убиты.

И лица женщин, слушавших младшего лейтенанта, становились всё жёстче и суровее...

Абрам Дасковский

Москва

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ. 1950 - 1956 гг.

(Публикация Александра Дасковского)

Некоторое время назад в одном из «детских садиков для взрослых» в Большом Вашингтоне, где я рассказывала о нашей ЧАЙКЕ, ко мне подошел человек. Он представился: - Александр Дасковский. Вы говорите, что у Вас в журнале будут печататься материалы о войне и терроре до тех пор, пока их будут писать? Мой отец прошел

через сталинский лагерь. Есть книга его воспоминаний, но хочется, чтобы об этом узнало больше людей.

Перед вами отрывок из книги Абрама Дасковского (1893-1983) «За колючей проволокой». Он попал в ГУЛАГ после войны и провел там 6 лет. Еще один страшный опыт выживания в аду, еще одно предупреждение всем нам: тоталитаризм порождает репрессии, пытки и бесчеловечность. Сегодняшние лагеря, где пытаются Ильдаров Дадиных, берут начало от тех, сталинских.

Ирина Чайковская

Арест и тюрьма

28 июня 1950 года, в 2 часа ночи к нам в дверь постучали. Два чекиста майор Н.Ф. Копцов и лейтенант П.П. Ермаков вошли в единственную комнату, где все мы впятером жили. Семья спала. Всех разбудили. Мне предъявили ордер на арест. Он был подписан заместителем министра государственной безопасности. Ого! Какая честь! Выходит я какой-то знатный, особо важный элемент!

Меня обыскали – нет ли оружия. Детей и жену от меня отстранили, чтобы, упаси боже, я им ничего не передал или не сказал. Предложили взять белье и одежду и на лимузине увезли.

Я ехал спокойно. Арест для меня не был неожиданностью. По ряду признаков я предполагал, что меня могут «пригласить». Но почему «сам» замминистра подписал ордер? Что я мог совершить, чтобы обратить внимание столь высокой персоны? Конечно, недоразумение, конечно, все сейчас выяснится. Да и законы, Конституция за меня. Ничего не будет, ничего за мной нет. Я ничего не совершал ни против народа, ни против государства. Будь спокоен, Абель, твое дело правое! Ты не в стане какой-нибудь банды, а живешь под защитой справедливого и самого гуманного закона демократической страны. Тебя озаряет солнце Сталинской Конституции. Сейчас сядешь в кресло, с тобой поговорят, недоразумение выяснится и тебя с миром отпустят.

Лимузин въехал во двор большого дома на Лубянской площади. Через ряд коридоров меня ввели в полуподвал и посадили на скамейку. Прошло несколько минут, меня втолкнули в комнату и тут же еще раз обыскали, забрали ремень, ручку, часы, всякую мелочь, деньги. Срезали со штанов железные пряжки и пугови-

цы. Довольно грубый, хотя и весьма молодой белобрысый тюремщик открыл мне рот пальцем, ощупал зубы. «Открой шире!» Мне показалось, что разыгрывается какая-то злая шутка, чтобы напугать, а потом насмеяться. Но это была не шутка! Тут же он меня, грубо ругаясь, постриг наголо машинкой,

– Зачем стрижете? Я ведь еще не осужден! По какому праву?

– ... тебе в зубы, а не право, паразит. Затем по подвалу меня провели в фотолабораторию, где сняли отпечатки пальцев и сфотографировали в профиль и анфас. Так я утвердился в ранге «уголовного преступника».

На лифте меня подняли на какой-то этаж и повели по коридору, торопя: «скорей шагай!» Я не мог скоро шагать: у меня падали штаны, потому что крючки и пуговицы были срезаны, а ремень изъят. По дороге нам никто не встретился. Стояла зловещая тишина. Пол устлан ковровой дорожкой. По стенам – камеры, камеры, камеры...

Меня ввели в камеру 2х2 м без окна. Тускло горит лампочка, деревянная койка без постели, цементный пол. Камера окрашена в какой-то удручающий голубой цвет. Предупредили: на койке лежать нельзя. Надо сидеть. Не спать. Когда надо будет, за мной придут. Вести себя смирно, не буянить!

Позади меня тяжело закрылась дверь, лязгнули затворы, и я, «узник капитализма», остался один.

Здесь тихо, тихо, как в могиле. Можешь предаваться размышлениям... Размышления мои были горестными. Я сразу понял, куда я попал и с кем имею дело.

Сколько надо творческой «инициативы», чтобы целым рядом приемов и обстановкой сразу подействовать на человеческую психику так, чтобы человек пал духом и стал терять самообладание! Все, все здесь было таким, чтобы убить в тебе человеческое достоинство.

Я не спал ночь. Душевное состояние мое было потрясено. Я хотел забыться, сомкнуть глаза: опустил голову и погрузился в дрему. Но тут раздался стук в дверь: «Не спать!» – закричал тюремщик. Я негодовал: по какому праву мне не дают забыться, чтобы уйти от кошмарной действительности? За что меня бросили в этот тюремный ящик?

Тяжелой лавиной нахлынули мрачные думы: что с семьей, как воспримут дети мой арест, как сложится их жизнь?

Передо мной, как в калейдоскопе, вставали картины мрачных периодов моей жизни. Вот разразились погромы по царской России. Озверелые толпы громил избивали евреев, вспарывали им

1949, за год до ареста

животы и набивали их перьями из разодранных перин. Мне было 12 лет. Я носил «шпаер» в кармане: жизнь свою даром не отдам! Я готов был идти на смерть, защищая угнетенных, гонимых, избиваемых. Вспомнил тревоги матери, боявшейся обысков в нашей квартире, когда полиция и жандармы приходили арестовывать моих старших братьев – революционеров. Вспомнил, как на фронте во время империалистической войны 1914 – 1918 гг. меня, царского солдата, избивал подпоручик Кандауров и, ругаясь, говорил, что нас, жидов, надо бить, чтобы мы не заводили революции в России. Воскресали кошмары царского времени. Промелькнули годы плена.

Морозные январские дни... Гроб с телом Ленина установлен в Доме Союзов. Народ бесконечной вереницей всю ночь и весь день шел прощаться с Лениным. На улицах горели костры, на Красной площади рыли котлован, сооружали деревянный мавзолей.

21 января я стоял в карауле на Красной площади. Мороз сковывал тело. В сердце печаль. Прощай, Ильич, люди пойдут по твоим заветам. По освещенному тобой пути свободы и братства!

Но вот надвинулась на советскую землю гитлеровская чума. Я пошел добровольно в народное ополчение. Многие сложили головы в борьбе с фашистским зверьем. Умирили «за Родину, за Сталина». В тяжелой борьбе фашизм был разгромлен и изгнан. Человечество торжествовало победу над фашистскими людоедами. В какой-то доле и я был участником этого разгрома. Так кому же и зачем нужно было подвергать меня такому террору? Неужели именем и волей партии, созданной Лениным, совершаются такие беззакония и издевательства?!

Мысли разбегались, разлетались, словно галочья стая. Ярость нарастала. Туманилась голова. Снова стук, снова блеск глазка! Нет больше сил тут сидеть! Я подошел к двери, стал стучать. Выйти б из этой клетки. Да как? Куда?

– Выведите меня в уборную!

За мной закрылась дверь. Голые мокрые стены. Запах хлорки. Нигде ни кусочка бумаги. Первое досадное лишение, атрибут азиатчины!

Ночью спал на голых нарах. Пробуждение было тяжелое, тревожное.

Какой-то капитан принес мне подписать протокол обыска и опись отображенных у меня вещей, денег.

Когда мне принесли в камеру еду, я отказался от нее. Надзиратель спросил:

– Что – голодовка?

– Нет, просто не хочу.

В одну из ночей меня повели к следователю на допрос. Надзиратель приказал не разговаривать с ним, руки держать за спиной. Ведя меня по коридорам, он все время пощелкивал ртом, издавая какие-то звуки, похожие на клекот птицы, и ударял себя ключом по поясной пряжке. Этим клекотом и стуком он извещал, что проводится заключенный – на тот случай, чтобы какой-нибудь другой надзиратель, ведущий своего заключенного, не встретился с нами. А если такое случалось, то для этого по дороге стояли будки, вроде телефонных, туда вталкивали заключенного, и он стоял там, пока не проведут слу-

чайно встреченного. Если будка далеко, то велют встать лицом к стенке и не оглядываться. Пощелкивание языком, этот жуткий клекот надзирателя, постукивание ключом о пряжку производили гнетущее впечатление. Что за таинственный ритуал? Что-то от инквизиции, преступно-чуждое, заговорщицкое. В кабинете следователя, просторном, с ярким светом, большой письменный стол. На столе телефоны, графин с водой. Рядом столик с радиоприемником. Шкаф с делами. На стене большая карта СССР. Вдали от письменного стола, у дверей маленький столик и стул для допрашиваемого. За письменным столом сидят майор и капитан. Надзиратель, оставив меня в кабинете следователя, удалился за дверь. Мягко ступая по ковру, ко мне подошел майор.

– Ну, Дасковский, будем знакомиться. Я следователь, майор государственной безопасности Овчинников. Буду вести следствие по вашему преступлению. Предупреждаю: правдивое признание и раскрытие всех совершенных вами и вашими соучастниками преступлений облегчит вашу участь. Вы находитесь в Министерстве госбезопасности. Карающий меч революции не щадит врагов своих, но снисходительно относится к раскаявшимся, осознавшим свое преступление перед родиной. Партия доверила мне вести ваше дело. Я буду в зависимости от вашего поведения в пределах наших законов давать заключение по вашему делу. Сидевший за столом капитан поднялся, посмотрел на меня и сказал майору:

– Так вот он какой – Дасковский! Кто бы мог подумать?! Ой, ой, натворил... на всю катушку!

Майор сказал:

– Ну, Дасковский, чтоб долго не тянуть, рассказывай о своих преступлениях!

– О каких? – спросил я.

– Ты что овечкой прикидываешься? Давай говори, как ты шпионил, как контрреволюцию разводил. Как на власть советскую клеветал?!

Он взял толстое дело, стал листать и, качая головой, что-то показал капитану. Тот посмотрел и сказал:

– О, за это и вышки мало!

– Ну, говори, старая б.... – набросился на меня Овчинников.

– Никаких преступлений перед родиной я не совершал и ни на кого не клеветал. Никогда в шпионах не состоял.

– Так не станешь говорить? Может быть, ты не помнишь, забыл? Вспомни! Знай, мы тебя заставим говорить. Нам все известно. Мы действуем не методами Ивана Грозного, и времена сейчас не те. Техника шагнула вперед. У нас было и есть много средств, чтобы следить за твоей преступной деятельностью много лет.

Он вынул из шкафа магнитофонную ленту.

– Вот тут записано все, о чем ты говорил.

Затем вынул из папки фотокарточку: я в шубе, зимой, иду куда-то.

– Куда ты шел? Мерзавец! Ты думал, за тобой не следят? Где проводились ваши тайные сборища? Говори, говори, старая лиса! Подумай, вспомни!

Он сел за стол. Пошептался с капитаном, снял телефонную трубку.

– Сейчас подойдет капитан... Он доложит... Матерый... и большая старая сволочь. Не хочет признаваться, целочку из себя корчит!.. Допрос второй степени? Хорошо. Применим. Шелковым станет!

Он положил трубку. Капитан вышел. Овчинников подошел ко мне близко.

– Ну, говори! Сейчас же говори, старая б...! – и набросился на меня с кулаками. – Не выводи меня из терпения... Что я с тобой всю ночь чикаться буду?

– Мне не о чем говорить.

– Пойди, гад, подумай, вспомни. Я тебя вызову.

Он позвонил, появился надзиратель. «Уведите».

Назавтра меня повели из бокса в камеру. Камера – метров 25. В ней семь коек, стол, у двери параша, окно с толстой железной решеткой. Очень поразила толщина железа. Меня ввели, и сразу за мной с особым лязгом захлопнулась дверь.

– Здравствуйте! – сказал я узникам. – Кто из вас тут конокрады?

– Среди нас нет конокрадов, – последовал ответ.

– Так за что же вы сидите?

Шутка понравилась. Узники засмеялись. Накинулись на меня. Откуда, за что, что нового на воле, давно ли забрали? Пошли разговоры, знакомства.

В камере очень жарко. Нечем дышать. Окно закрыто, но немного открыта форточка. Ближе к окну подходить нельзя.

В камере семь человек, я – восьмой. Мне принесли койку и поставили посреди комнаты, для чего пришлось отодвинуть стол. На койке матрац и подушка, чистая простыня, одеяло. Пол паркетный, хорошо натертый. Здесь пол натирают воском через день.

На людях стало не так тоскливо. Ушла черная злоба. Да, тут в самом деле куда лучше, чем в боксе!

Принесли чай. Сахар мне дали, соревнуясь в гостеприимстве, товарищи. Хлеб разрезали на порции ниткой, скрученной накрепко.

В это время команда: «Выходи в уборную!» Кто-то снял со стола чайник, поставил на кровать, накрыл одеялом (чтоб не остыл чай до нашего прихода), но последовал окрик: «На место!», и чайник был водворен на стол. Дежурный по камере поднял парашу, и мы «предлинной вереницей» тихонько, без разговоров, пошли по коридору в сопровождении надзирателя. Смотровые глазки камер были закрыты, дабы из соседних камер кто-нибудь из заключенных не узрел нас.

В уборной 4 унитаза, ими пользуются 4 з/к³. остальные ждут очереди. Тут можно и закурить. Надзиратель торопит: «Кончай, другим тоже надо». Дежурный тщательно моет парашу.

После нашего ухода внимательно просматриваются унитазы, краны, стены – не оставил ли какой-нибудь догадливый заключенный записку в унитазе или окурок папиросы с записью, какую-нибудь надпись на стене. После каждой группы стены уборной тщательно смываются, вода во всех унитазах спускается. В уборную ведут два раза в сутки по графику так, чтобы не было случайных встреч с другими камерами.

³ з/к, зек – сокращенное наименование заключенного в советской репрессивной системе.

Когда нас привели в камеру, чай остыл. Нам выдали щетки, воск. Пол живо был натерт до блеска. Работали дружно.

На обед принесли баланду, хлеб, кашу. Дежурный убрал со стола, протер стол и пол.

Гольдзильбер – бывший директор венерологического института, еще не старый человек, страдал одышкой. Ему не хватало воздуха в камере. Он приближался к окну и, глотая, словно задыхающаяся рыба, свежий воздух у форточки, возмущаясь, кричал: «Чудовищно! Подло!»

В это время стук в дверь и окрик: «Отойди от окна!»

Мне сказали, что сегодня дежурит «Нерон», один из самых жестоких надзирателей. Каждый из них имел свою кличку. Трудно сказать, по какому признаку они давались.

Нахманов нервно отсчитывал шаги по камере. Ходить в камере разрешалось, но это раздражало узников. А кто может ему запретить? Есть из-за чего нервничать. Он оставил молодую жену, троих детей – малолеток. Весьма негодует. Со мной он всегда заводил разговор о преследовании евреев. Сказал «по секрету», что его посадили за то, что он еврей.

Каждую ночь его вызывали на допрос. Он приходил с допроса, ломал руки и всячески проклинал тюремное начальство.

Те, кто имел на депозите деньги, могли заказывать в ларьке продукты. Нахманов заказывал себе сахар, яблоки, сыр в больших количествах.

Перед отправкой в лагерь заключенным разрешалось получить теплую одежду от родных. Нахманову принесли большой сверток. Там были ватные штаны, телогрейка, валенки, шапка. Все новое, словно из каптерки. Никто из нас не обратил на это внимания. Впоследствии стало известно, что Нахманов – был «наседкой». Наседка⁴ – сотрудник КГБ. При вызове к следователю доносит все, о чем говорилось в камере. Наседка – око хозяев.

Лук в ларьке мы всегда заказывали артельно. Лук – профилактическое средство от цинги. Получение денег считалось хорошим знаком для домашних. Если деньги

⁴ специально подсаживаемый в камеру провокатор.

принимались, значит, арестованный еще в Москве. Так родные давали знать о себе и убеждались, что мы еще на Лубянке.

Нас часто стригли и брили. Стригли в бане, там же выдавали белье. В баню водили либо рано утром, либо поздно ночью. Очень тяжело было, вернувшись с допроса и не успев еще улечься, снова подниматься и шагать в баню. После этого особенно тяжело днем. Неудержимо тянет ко сну, но дремать нельзя, Надзиратель смотрит в глазок, стучит в дверь, орет: «Не дремать!»

А спать все же хочется. Тогда расставляются фигуры на шахматной доске, «шахматисты» усаживаются у доски и подперев головы руками, подремывают. Тюремщик смотрит в глазок: люди, вроде, не спят, а обдумывают шахматный ход. Только бы не захрапели шахматисты!

В тюрьме хорошая библиотека. Можно заказать книгу из тех, что на воле давно изъяты. Так, здесь можно было прочитать Мережковского, Джона Рида, К.Романова и других. При сдаче книги просматриваются: не сделал ли читатель какой-нибудь метки или закладки. Строжайше запрещено иметь какое-нибудь подобие карандаша, но зажженная спичка превращается в уголек, а угольком можно что-нибудь и начертать!

Не приведи господь кому-нибудь из заключенных обратиться, заговорить с тюремщиком. Никто из них и слова не проронит.

Когда нас бреет парикмахер, вы тщетно будете задавать ему вопросы. Он, словно робот, делает свое дело, не обращая внимания на ваши вопросы. Но стоит вам произнести что-нибудь «антирелигиозное», и тотчас за этим последует репрессия.

Все чекисты были к нам чрезвычайно враждебны и обращались весьма жестоко. Я читал, как немцы дрессировали овчарок нападать и загрызать обреченных на угон и сожжение в газовых печах. Собаки набрасывались на заключенных инстинктивно. Казалось, такая же дрессировка проводилась и среди чекистов, чтобы они со звериной ненавистью относились к нам. По справедливости надо сказать, что и мы с большой ненавистью и презрением смотрели на наших угнетателей.

Тюремщики зорко следили, чтобы не было общения среди заключенных. Строго запрещалось перестукиваться с соседней

камерой. Надо всеми окнами навешены козырьки, чтобы из окон не видно было, кто в камерах, кто на прогулке, кого привозят в «черном вороне», кого отправляют в далекую каторгу, на смертную казнь.

Как-то потерялась фигура шахматного коня. Кто-то вылепил нового коня из хлеба. Какой же шум и скандал подняли тюремщики, когда обнаружили эту преступную лепку! Как же! В хлеб могли вклеить записку, конь попадет в другую камеру, и через коня из хлеба может осуществиться «общение» между камерами. «Троянский конь!»

Нас водили на прогулки. Полагалось выводить на 20 минут. Спускались вниз во двор. Это колодец. Со всех четырех сторон высокие стены. Большинство окон с козырьками. Площадка – метров 35 в длину и 12 в ширину. Ходим по кругу по двое, дышим воздухом. Не разговаривать, не нагибаться, по сторонам не смотреть!

Я увидел на полу голубиное перо, упавшее с крылышка или хвоста, и подобрал его. Какой же шум поднялся! Зачем поднял? Брось немедленно! Попадешь в карцер! Вертухай (так мы называли надзирателей) чуть не ударил меня за мою «дерзость».

Вечерами хорошо было смотреть со дна этого колодца на небо. Звезды (давно мы их не видели) ярко мерцают, зовут вдаль, напоминая волю. В некоторых окнах министерства свет. Видны портреты вождей: Сталина, Берии, Шверника. Нехорошие чувства возбуждали портреты тиранов!

– Не задирай головы, не смотри вверх, – окрик вертухая.

– А что нам запрещено на звезды смотреть?

– Не рассуждать! Упеку в карцер!

Водили нас еще на площадку, что на крыше дома. Кто бы мог подумать, что на крыше этого замечательного дома на Лубянке сооружены крепостные сооружения. Равелин, окруженный не водой, а каменными стенами, охранялся несколькими вышками, на которых были установлены пулеметы, телефоны, сигнализация. Площадка разделена стеной на два отделения, и одновременно могут прогуливаться две камеры. Снизу доносились звуки автомобильных гудков и шум живущего полной жизнью города. С вышек за нами зорко следили часовые.

Одно из подлых, унижительных явлений Лубянки – *шмон*. В камеру заходят несколько человек охраны и надзиратели. Раздается команда: «Всем отойти в сторону! Раздеться догола!» Затем требуют раздетым перейти в сторону от одежды. Часть вертухаев в это время просматривает ее. Прощупывают швы, шарят в ботинках, снимают матрацы, перетряхивают постель. Другая часть ощупывает и осматривает голых. «Открой рот! Нагнись! Ниже, ниже! Руками разведи ягодицы, поднять руки вверх, показать ступню!» Заглядывают во все места. Показав чекисту задний проход, я услужливо предлагаю посмотреть еще раз. «Не остроумничать!» – раздается окрик.

У Гольдзильберга нашли в кармане сломанный зуб, который сломался в камере во время еды. Бдительные чекисты забрали его, распилили, видимо, искали, не спрятан ли внутри яд.

Очки у нас на ночь отбирались, чтобы кто-нибудь их стеклами не надрезал себе вены.

Самое благодатное и вместе с тем самое тревожное время – после отбоя. Сигнал отбоя световой. Замигал свет, значит, ложись скорей. В камере всю ночь горит свет. Вертухай неслышно открывает очко, выслеживает, спят ли как положено. Положено же спать так, чтобы вертухаям была видна твоя голова и руки, лежащие поверх одеяла. Так хочется спать и так хочется скорчиться, сложить руки под голову или под одеяло. Но тут раздается лязг открывающихся замков, надзиратель с ругательствами влетает в камеру. Своим шумом будит остальных товарищей. Не очень-то после этих экзекуций будешь прятать руки под одеяло...

Никита Кривошеин

Париж, Франция

О СМЕРТИ СТАЛИНА И XX СЪЕЗДЕ КПСС

Мне довелось в жизни присутствовать при одном историческом событии – это освобождение Парижа, мне тогда было 10 лет, и это очень запомнилось, и при другом всемирно-историческом событии, когда Сталин отправился в то место, откуда он прибыл, то есть к Вельзевулу, в свою геенну огненную. И если бы это не произошло, то нам теперь здесь с вами не сидеть. Мне тогда было 19 лет, я оказался в Москве и учился в институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Как я туда поступил при сидящем в Тайшете отце, мною было уже рассказано в тексте «Бегство из Ульяновска, 1952 год». Это целая история (см. ж. ЧАЙКА и АЛЬМАНАХ ЧАЙКА № 2)

С большим трудом я получил место в общежитии, в центре города, оно помещалось в Петроверигском переулке. По тем годам это общежитие было роскошное: в комнате 4 человека (небывалый комфорт!), об этой комнате и кто со мной в ней бытовал, тоже целая история. Тогда Москва была трудно нами представляемая, малоавтомобильная, вечерами пустые и плохо освещённые улицы, а толпа была вся однородно черная, мужчины-женщины зимой в ватниках, пальто, летом нечто другое, но тоже все черное, мрачные лица, и что меня всегда поражало, что вся эта движущаяся масса была молчащей. Я, который помнил Париж в самые разные годы, даже во время войны, ничего подобного не мог представить. Москва в часы пик, метро, улицу Горького, гуляющие с детьми в выходные дни, парки, трамваи, троллейбусы ... люди шли, ехали и между ними не было ни разговоров, ни обращения друг к другу, ни насвистывания, ни смеха, даже в парках, где играли дети. Это

молчание было висящим в воздухе, страшным, даже угрожающим, оно более чем правдиво и полностью отражало состояние людей, да и всей атмосферы.

И вот гром среди белого дня и четкое начало конца, светопрествления, это не преувеличение. 11 января 1953 г. появляется статья в «Правде» о группе разоблаченных «врачей – отравителей». В тот же вечер я оказался в гостях у одной моей однокурсницы, и там был человек (ныне покойный) пятикурсник философского факультета МГУ Михаил Грисман, потом он стал поэтом и печатался в «Юности», «Дружбе народов» под псевдонимом Михаил Курганцев. И вот он сидит передо мной и плачет: «Нам, евреям, советская власть все дала, мы ей всем обязаны, и как же мы её отблагодарили (?), отравив главных наших руководителей». Я к этим событиям уже достаточно трезво воспринимал окружившую меня волну арестов наших друзей, среди них и порядочных людей-репатриантов, и, увы, многие из них были одержимы тогдашним патриотизмом. Мое довоенное детство и отрочество в Париже, приезд в СССР, арест отца, сыграли вполне «воспитательную» роль в восприятии реальной жизни. Тут я должен себя похвалить, я Михаила прервал и сказал: «Это все не так, это ложь и провокация». Он потом меня через год благодарил.

Когда это дело врачей шло, вся Москва была украшена карикатурами и плакатами безобразных Кукрыниксов, один из них недавно в столетнем возрасте скончался, а тогда после перерыва на ежовщину, они опять взялись за свое дело. Ясно помню изображённое в большом формате и в журнале «Крокодил» – мускулистая рука МГБ крепко держит за ворот врача-отравителя, а в руке вредителя – шприц с ядом, с отравителя падает маска, и лицо под этой маской отчетливо видно, что вполне подходит под 5-ый пункт. В тот же период я ездил на каникулы в Ульяновск и там было несколько самоубийств евреев-врачей. Вся эта кампания нагнеталась изо дня в день на фоне разгорающейся Корейской войны и призывов, чтобы коммунизм стал всемирным, именно так, как это было изображено на гербе СССР с серпом и молотом на всем земном шаре. Тогда же вышла передовица в газете «Правда» под

названием «Так выпейте стакан холодной воды, Айк (Эйзенхауэр), и успокойте свои разбушевавшиеся нервы». Каждые 2 – 3 недели по радио и в газетах сообщалось об испытаниях атомного и термоядерного оружия, нагнетался постоянный страх агрессии с Запада, народные массы молчаливые, но трясущиеся, вполне осознавали, что дело шло к войне.

В те же дни я посетил семью медика и биолога академика Беклемишева, человека редкой образованности, эрудиции и добра, и во время разговора с ним и его женой я понял (по словам и выражению лиц), что они парализованы от страха от паники... Этот дом был кооперативом Академии медицинских наук, и из этого дома уже несколько человек по делу врачей увезли, так что Беклемишевы днем и ночью постоянно прислушивались к шороху автомобильных шин, лифта, шагов на лестнице... они ждали!

И вот настало 2 марта, когда вместо передачи «утренней гимнастики», стал играть Шуберт с Моцартом вперемешку с вечным Чайковским, а потом все тот же вечный Левитан (от голоса, которого вздрагивала вся страна), сдерживая рыдания, сообщил о тяжелой болезни постигшей тов. Сталина, и такие «сводки» длились три дня, до 5 марта, и то, что я уже говорил, – все эти сообщения не вызывали, по крайней мере, внешне никакой реакции у народа: было сплошное молчание. Массы затаили дыхание, ни в моем общежитии, ни в институте, на улицах, в транспорте – всюду, люди не обсуждали эти сообщения, народ пребывал в полном ступоре. Один только человек, Владимир Невинный, ныне покойный, он учился со мной в ИНЯЗе, он был сыном раскулаченных, помнил события тех страшных лет, (об этом же помнил и говорил Б.Н. Ельцин), тогда вслух об этом никто не говорил, так вот этот Владимир, куря со мной на лестнице тихо, но твёрдо мне сказал: «Скорей бы сдох!»

Это был единственный человек, от которого я услышал реакцию на происходящее. И мы с ним пошли выпить.

Настало 5 марта, и я не преувеличиваю, что в масштабах всей страны и текстильной промышленности СССР не хватило бы мощности произвести тонны носовых платков, сколько понадобилось советскому народу, у которого в одну секунду

прорвало «водную плотину»! Было холодно, а если бы стояло лето, то по Москве можно было бы плавать и устроить специальные стоки. Эти слезы в них стекали бы и замерзали...население рыдало!

Я такое отвратительное зрелище видел впервые, мне было ужасно сознавать, как эти затравленные люди были слепым террором – заморожены! И сила его была в слепоте. Они оплакивали палача, убийцу их отцов, матерей и детей.

Мне захотелось посмотреть на Сталина в гробу. Я не люблю макаберности, но тут, как в басне у Крылова, когда «осел пинает дохлого льва». Пошел по Дмитровке и вышел на Трубную площадь, на протяжении всего пути несусветная толпа заливалась рыданиями и потоками молчаливых слез. Уже на подходе к Трубной площади, на бульваре, я увидел несколько грузовиков набитых войсками, с синими погонами и с автоматами наперевес, это означало, что власть уже понимала начало конца. Я посмотрел на это, и интуиция мне подсказала, что нужно отсюда уходить, спустя часа два или три на Трубной площади объявились безобразные Молотов и Микоян, которые пытались эту толпу уговорить разойтись, но у них ничего не получилось, и тут началась страшная давка. Не помню точную цифру, но погибло несколько сотен. Сравнить это столпотворение можно только с Фараоновым погребением в пирамиду, куда заодно с ним помещают его жен, слуг, коней и все остальное.

Я пошел пешком, на Старом Арбате была шашлычная, зашел, и увидел за столиками только одних мужчин, ни одной женщины. Просидел часа полтора, только чтобы надраться, и за это время я не услышал голосов, а только звон стаканов и наливаемой жидкости. Сидевшие мужчины пили в гробовом молчании, мрачно, не поднимая глаз от кружек, без единого слова.

В эти же дни я пришел в близкий мне дом, он был мне во всем своим, здесь висели фотографии Шартрского собора, стояли томики Блока, собрание Пруста по – французски, это был дом Нины Константиновна Бруни, дочка Бальмонта, у нас с этой семьей было много связано, и я этой семье обязан очень

многим... Так вот, Нина Константиновна тоже была мрачна. Я очень этому удивился, так как со смертью Сталина мне грезились конец ада, а она мне говорит: «Не радуюсь я потому, что вспомнила «Пир Богов» Анатоля Франса, как там старушка молится за тирана, а он ее вызывает и спрашивает: «Почему ты за меня молишься, ведь все меня ненавидят и мечтают о моей смерти», на что старушка отвечает: «Молюсь за тебя, потому что за каждым тираном приходит еще более жестокий». Вот и я, Никита, боюсь именно этого».

Чтобы представить обстановку тех дней, приведу пример. Я сдавал экзамен по «марксизму-ленинизму», и это тогда называлось «История ВКПБ», и только что, в 1952 году, вышла брошюра Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Понимая, что мне поставят за этот экзамен двойку, от которой во многом зависела моя судьба, я этот текст проштудировал почти наизусть и пришел сдавать экзамен к доценту Зверевой. После моих исчерпывающих ответов на вопросы, она была явно недовольна моим старанием, мрачно посмотрела на меня и вдруг наизусть произнесла длинную цитату из «Проблем экономики», а потом спрашивает: «Ну а теперь скажите, на какой странице написаны эти слова?»

Я, конечно, страницу назвать не мог, и она мне в ответ: «Не могу поставить вам пятёрки».

Вот какая была густота изуверства и язычества!

Итак, страна рыдает, молчит, дрожит от страха и чего-то ждет.

Общежитие, в котором я пребывал, находилось недалеко от Красной площади, и в день похорон в открытую форточку я услышал буквально вопли заикающегося Молотова и кавказский акцент Берии, а потом пошло все очень быстро, буквально на глазах, и в августе 1953 возникло постановление ЦКПСС и СМ СССР «О режиме рабочего дня в советских Госучреждениях и ведомствах». Все обязаны были строго соблюдать это новшество.

Я часто возвращался в общежитие пешком поздно ночью, иногда в 2-3 часа, через пл. Дзержинского, и, когда шло «дело врачей», то весь фасад Лубянки от нижнего этажа до крыши горел огнями, «они» не спали всю ночь! После выхода этого постановления ночная Лубянка – погасла и перестала светиться.

И таких признаков перемен было много каждый день, неделя за неделей... Маленков взял да и отменил то, что называлось в деревнях «натуралог». Каждый колхозный двор, помимо работы за «трудодни-палочки», должен был отдавать со своего хозяйства кто мешок зерна, кто мясо, овощи, яйца и т.д., так Маленков взял и отменил этот налог.

Ехал я в Ульяновск и сошел на станции Рузаевка - и вижу нечто вроде фольклорного ансамбля, состоящего из баб соседней деревни (а ля «играй, гармонь любимая»), под гармошку пляшут и поют, с радостными подвываниями: «Нами правил грузин, урожаи увозил, а товарищ Маленков напек пышек и блинков...».

Маленков сыскал такую популярность за эту меру среди замордованного народа, что стали ходить в деревнях слухи, будто он незаконнорожденный сын Ленина (а потому хороший и понятливый), а другая распространяемая легенда, что он уверовал в Господа Бога и закончил в результате свои дни церковным старостой под другой фамилией.

Наглядные перемены шли из месяца в месяц. Я уже упоминал передовицу в «Правде» «о стакане воды», которая вышла незадолго до смерти Сталина, «о разбушевавшихся нервах АЙКа», так вот, вдруг тон поменялся и в отражении внешней политики, и в той же «Правде» появилась статья «К выступлению президента Эйзенхауэра» - без всяких издевательств; а вскоре стала сворачиваться Корейская война.

В 1953-м Пасха была ранней, и в Великую пятницу, я помню, что это было утром, появилось сообщение в газетах о прекращении «Дела врачей», закрытии следствия и их освобождения. Иван Бруни, сын Нины Константиновны, пришел в церковь «Иоанна Воина» и ликующе мне сказал: «Наших скоро освободят!», я этому не поверил... сидел мой отец, сидело много наших, и о конце ГУЛАГА мечтать не приходилось. Но в 1954-м моего отца после шестимесячного преследствия выпустили, и стали выпускать массово всех репатриантов, не погибших в лагерях.

Толпа перестала молчать. Появилась музыка в репродукторах, но уже не погребальные Чайковский с Моцартом, а стали танцевать в ресторанах, появились улыбки, разговоры на

улицах... И так шло до XX съезда, как бы путем постепенной нормализации и излечения, и не только мне, но и многим казалось, что это укрепится, не то что проявится «человеческое новое лицо», но произойдет постепенное очеловечивание. Увы, очень скоро была речь Хрущева в Китайском посольстве, где он положительно отозвался о т.Сталине, потом наступил Будапешт, и всем нашим надеждам был положен конец, и ни в какую весну и «шестидесятничество» никто из нас и я, конечно, уже никогда не верил. Оттепель эта поманила, мелькнула, но оказалась очень короткой. Доклад Хрущева о культе личности на XX съезде скоро был напечатан во французской и американской печати, но Советы его объявили фальшивкой, никто его в оригинале в СССР не видел, он нигде не был опубликован, но этот текст читали в отдельных учреждениях, на предприятиях, в институтах, на партсобраниях. В нашем институте доклад читали в аудитории перед студентами, в течении двух часов, при гробовом молчании. Девушки из студенток читали поочередно, все при том же молчании слушателей, никаких обсуждений после, никаких вопросов-ответов в коридорах института. Во время этого чтения я видел, как многие плакали. Доцент кафедры марксизма-ленинизма Пшенко выглядела так, что казалось ее хватит на месте удар, все профессора и преподаватели этой кафедры были в ступоре и зеленого цвета, а студенты молчали. Доклад был издан в виде брошюры в обложке красного цвета с порядковым номером экземпляра и с черным корешком. Книжечку привозили, читали и увозили.

Не только для меня, а для очень многих моих сверстников, события в Венгрии оказались переломом, но я разуверился в этом строе еще до ареста отца в сентябре 1949 года. В Ульяновске я побывал на траурном митинге по А. Жданову, который умер в августе 1948-ого, и на фанерной трибуне с лозунгами и призывами я увидел тамошнюю номенклатуру, это стояли носороги, в серых пальто, и в серых нахлобученных до глаз шляпах, толстые, с белыми мучнистыми отёкшими лицами, и то, что они говорили, отрезвило меня на всю жизнь. Так что я ни в чудесное выздоровление, ни в перемены, ни в аспирин, ни в антибиотики от этого режима не верил.

В 1956-ом возник Будапешт, а в 1957-ом я ничего умнее в те дни отходящей в небытие «оттепели» не придумал, как сочинить письмо о событиях в Будапеште во французскую, как говорили Советы, «буржуазную» газету «Ле Монд». Тогда появились первые иностранные студенты, это тоже было оттепельным явлением, с ними можно было разговаривать, с некоторыми из них я дружил, а, когда написал свой текст, то передал эту короткую статью через одного из них.

Вычислить автора статьи не составляло труда, видимо, маленькая квартирка, которую занимали родители после выхода отца из Лубянки, была уже тогда пропитана прослушками. Говорю это доказательно, потому как во время моих допросов, следователи зачитывали целые монологи моих разговоров с родителями, в основном с моей мамой, антисоветских. После окончания «Фестиваля молодёжи и студентов», который тоже для всех нас казался обнадёживающим, в августе, меня арестовали и привезли на Лубянку, из которой три года тому вышел отец, потом я оказался в «Дубравлаге». Именно туда свозили потом А. Гинзбурга, А. Синявского и многих других политзаключённых. После Венгерских событий было арестовано много тысяч человек, брали буквально «ни за что», «за пол-литру» (человек напивался и начинал поносить советскую власть или рассказывал анекдот в дружеской компании). Чаще всего, когда спрашивали, за что сидишь, – был ответ «за пол-литру». Сажали за анонимные письма, графологическая экспертиза была прекрасно отлажена, хорошо вызнавали по почерку, а если машинопись, то еще быстрее, потому как пишущих машинок было наперечёт, и все под номерами. Человек в этих письмах анонимных выкладывал все своё накипевшее и все против власти. Я уж не говорю, сколько сидело в этих лагерях националистов – латышей, эстонцев, западных украинцев, да и пятидесятников и просто верующих...

Многих сажали и за создание антисоветских организаций, и, как не покажется абсурдным, среди них были комсомольцы партийные... Сидевшие со мной относились к группам Льва Краснопевцева и Виктора Трофимова, обе группы раздавали листовки, они собирались, чтобы проникнуться ранним

Лениным, поздним Марксом и подлинным социализмом, там они находили идеи романтического переустройства Советов. Но всех их арестовали, и они получили большие сроки, для власти это были не враги из-за бугра, а вполне антисоветчики из «своих», за это власть хотела их наказать особенно, так, чтобы другим не повадно было.

Мне во время допросов всячески подчёркивали, что я «не свой», и в том постановлении, которое они мне предъявили, следовательно, зачитывая вслух меру пресечения и мою анкету, сказал – ... «из дворян». Я не растерялся : «Позвольте, один из ваших первых указов был указ об упразднении сословий?» Следователь на меня внимательно посмотрел и.. : «Извините, это, видимо, машинистка опечаталась». А я ему: «Нет, не опечаталась, я действительно дворянин, а не «из дворян». Несмотря на то, что я им «своим» не был, срок на меня вешали большой.

Надо возблагодарить небо и т.Семичастного, что они сосредоточили в Мордовии людей, как бы я выразился, – близких к нормальности и очень по мыслям мне понятным. Если до ареста, я встречал мало единомышленников в политических взглядах, таких людей были единицы, да и среди них многие боялись говорить вслух, то тут на зоне Советы сосредоточили людей, способных анализировать и пытающихся вырваться из плена пропаганды. До Мордовии мне казалось, что или я ненормальный, а вокруг все нормальные, или наоборот, и только по прибытии в лагерь, в общении с политзеками, я осознал, что люди на воле в большинстве своем совершенно зашоренные, запуганные и ненормальные, а тут я попал в свой круг. Этому открытию я был безмерно рад !

Вспоминаю черную тарелку радио, висевшую в каждой комнате, из которой шла пропаганда и вранье 24 часа в сутки, потом траурный Чайковский, страх и панику людей, Москву, рыдающую о тиране, о XX съезде, отметившему переходный период как бы нормализации и следующего отрезка времени, к которому страна подошла в 1991 году, и это уже началась постсоветская история России, но переходный период начался именно тогда, в 1953 году. Теперь мне кажется, что страна до сих пор пребывает в этом многодесятилетнем перестроечном

осознании СССР и этот период не закончен, и, когда народ нормализуется, не известно. Только тогда страна выйдет из обморока, а пока будем ждать и надеяться на окончательные перемены.

Сергей Бычков

Московская область, Россия

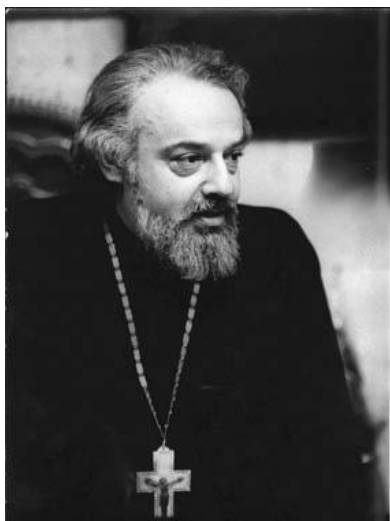
К РАССЛЕДОВАНИЮ УБИЙСТВА ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ: СЛЕДСТВИЕ В ТУПИКЕ

(из неопубликованного)

Анатолия Дзюбу в феврале 1991 года на посту руководителя следственной группы, занимавшейся расследованием убийства отца Александра Меня, сменил следователь по особо важным государственным преступлениям Московской областной прокуратуры Иван Лещенков – добросовестный и дотошный следователь «старой» школы. Он искренне пытался разобраться в произошедшей трагедии. Все материалы, попавшие ему в руки, оставались сплошной загадкой. Он попытался восстановить облик убитого священника.

В поле зрения следствия попал один из слушателей Православного университета, созданного отцом Александром осенью 1989 года. Он принимал участие в распространении Самиздата, был поклонником эсперанто и пытался восстановить общение между интеллектуалами различных стран. Накануне он передал отцу Александру первый номер газеты «Гражданин мира», созданной им и его единомышленниками. По просьбе следователей, он описал свою встречу со священником.

Она произошла в понедельник 13 августа 1990 года, когда он приехал в новодеревенский храм и попал на отпевание: «...Отец Александр отпевал умершего. И вот настало время проповеди. То, что я услышал и увидел, поразило меня своей новизной и необычностью. Манера говорить, эмоциональный настрой

проповеди отца Александра резко отличались от того, что мне обычно приходилось видеть и слышать в церкви. Все шло как бы вразрез с православной традицией. Вместо тоскливости и унылости была спокойная уверенность и твердость тона. Вместо серых и вымученных мыслишек, затасканных и замусоленных штампов я увидел глубину мысли, яркость и образность выражений, философскую живость и импровизацию. Это был акт вдохновенного творчества, в сравнении с которым все виденное мною в храмах, было выхолощенной рутинной, омертвленной и обездушенной формальностью. Казалось, что во время его проповеди весь храм озарился невидимым светом, который согрел не только мое сердце, но и сердца всех, кто собрался, чтобы проводить а последний путь покойника.

По окончании отпевания отец Александр сказал, что ему нужно на некоторое время отлучиться и что он просит подождать минут 15-20. Через несколько секунд он вернулся с бумагами, врученными мною ему накануне. Взяв меня за локоть,

отец Александр спокойно, без каких-либо сентенций, сказал, что он поддерживает наше движение, считает его своевременным и необходимым. Более того, пообещал содействие в распространении наших идей...».

Стены кабинета руководителя следственной группы были увешаны фотографиями убитого священника. Среди них были ранние фотографии алабинского периода, когда он был настоятелем, и тарасовского, и даже последние. С возрастом он менялся. Но постоянными оставались некоторые выражения лица, выпазительная мимика. В свободные часы следователь слушал магнитофонные записи его богослужений и лекций. В тишине комнаты звучал его глубокий баритон – голосом он владел в совершенстве. Произнося возгласы во время богослужения или проповедуя, мастерски использовал все его возможности. Следователь понял, что священник был выдающимся проповедником. То понижая тембр, то используя его во всю мощь, он доносил до сознания людей самые важные истины. Некоторые его проповеди оставляли неизгладимое впечатление. И в то же время, рассматривая фотографии, он улавливал какое-то, порой мальчишеское озорство. Оно сопровождалось разнообразной мимикой, которая явно не была домашними заготовками. В этом ему мог бы позавидовать даровитый актер. Мгновенные изменения его лица рождались на лету и были частью его личности. Всегда находясь в движении, он избегал поз. Казалось, что остановить его невозможно. На нескольких фотографиях он был запечатлен смеющимся. Смех его был заразительным и даже самые мрачные прихожане не могли устоять перед ним. Общение часто сопровождал шуткой и неожиданными афоризмами, из которых стоило бы составить неплохую коллекцию.

Нельзя было сказать, что с возрастом он не менялся. Что-то менял сам в своем облике. Это касалось в первую очередь прически и формы бороды. Он был красив настоящей библейской красотой: волны черных волос над широким светлым лбом, небольшая, всегда аккуратно подстриженная черная, волнистая борода. Первое, что бросалось в глаза – бьющая изнутри радость, заряды которой фейерверками

выплескивались на окружающих. Следовательно понял, что озорство и мимика не были игрой ради игры. Все это было проявлением глубинных духовных процессов. Всплески энергии часто меняли выражение его лица. Он был совсем молодым, хотя о его возрасте даже не думалось. Становясь старше, он все больше напоминал пророка, не подвластного времени и старости. Слово его было властью. Всегда со вкусом одетый, веселый, общительный, образованный, он разрушал советское представление о священнике как о безнадежно отсталом от жизни, косном человеке. Быть может, следовательно впервые осознал, что отец Александр был явлением, знамением Свыше, напоминанием, что Бог не забыл о России, растоптанной и униженной большевиками. Беседуя с прихожанами отца Александра, следовательно понял, что священник обладал удивительной особенностью – все, к чему прикасался, будь то человек или вещь, преображалось. Словно раздавал частицы неземного света. И он понимал – чтобы увидеть эти маленькие чудеса, творимые священником, необходимо было обладать особой чуткостью и внутренней зоркостью.

Прихожане рассказывали: когда его приглашали в гости, отец Александр редко отказывался. После его ухода впервые общавшиеся с ним люди находились в состоянии шока. Он был чрезвычайно прост в общении, не требовал особых знаков внимания, общался с окружающими на равных, разрушая карикатурный, сформированный советской пропагандой образ православного священника. После его ухода в доме оставалась особая атмосфера. Мыслитель Григорий Померанц вспомнил о его первом визите в их дом: «Отец Александр разрушил наше отчужденное отношение к людям, занимающим официальные места в Церкви. Я почувствовал, что человек, занимающий место священнослужителя, может быть при этом естественным, живым, подлинным, чутким. Это не только мое впечатление, это впечатление моих родных и знакомых. Очень комично это выразил отец моей супруги, когда он пригласил отца Александра к обеду, а после обеда, когда отец Александр ушел, он сказал: «Если это поп, то мне надо креститься». Следователя поразило и то, что отец Александр всегда был в курсе книжных новинок, читал лучшие советские журналы, внимательно слушал

религиозные зарубежные передачи, следил за политической жизнью.

Следователи знали, что активные христиане в СССР подпадали под негласный надзор КГБ, в котором существовал специальный «церковный отдел.» Как только отец Александр попал под наблюдение, ему был запрещен выезд за границу. Постепенно следствие выяснило, как его книги попадали зарубеж – в 1966 году он познакомился с Асей Дуровой – русской эмигранткой, глубоко верующим человеком, работавшей в посольстве Франции. Возрождение журнала «Вестника русского студенческого христианского движения» было делом двух конгениально мыслящих людей – отца Александра в СССР и Никиты Струве во Франции. Поскольку уже в эти годы за отцом Александром со стороны КГБ был установлен негласный надзор, то сам он старался избегать непосредственных встреч с Асей Дуровой. Он был прирожденным конспиратором. С Асей встречались его прихожане Евгений Барабанов и Михаил Аксенов-Меерсон. Встречи происходили на квартире Михаила. Он вместе с родителями жил в центре Москвы, в Мерзляковском переулке, неподалеку от нового Арбата. Встречи с Асей так и не были раскрыты КГБ. И Ася, и Миша строжайше соблюдали правила конспирации. Об этом позже, в расширенном издании книги «Бодался теленок с дубом», вспоминал Александр Солженицын, который спустя несколько лет, благодаря отцу Александру, активно подключился к работе и стал третьим в деле возрождения парижского «Вестника». Журнал, благодаря Асе Дуровой и Степану Татищеву, культурному атташе Франции в Москве, нелегально возвращался в Россию, пробуждая и побуждая мыслящих людей к делу религиозного просвещения и противостояния коммунистической идеологии.

О том, что за отцом Александром осуществлялся пристальный надзор со стороны партаппаратчиков и КГБ, свидетельствует разговор с митрополитом Палладием (Шерстенниковым) еще в 1968 году в Совете по делам религий, в ходе которого они живо интересовались прошлым двух священников – Александра Меня и Глеба Якунина. Во второй половине 50-х годов оба учились в Иркутске, а архиепископ Палладий в этот период возглавлял

Иркутскую епархию. Во время учебы в Иркутске Александр Мень изредка прислуживал в кафедральном соборе и работал в епархиальном управлении истопником. Именно там он общался с владыкой Палладием. Отец Александр позже вспоминал о служении архиепископа Палладия в Иркутске: «Приехав в 1955 году в Иркутск, я в один день посетил собор и баптистское собрание. Контраст был разительный. Полупустой храм, безвкусно расписанный, унылые старушки, архиерей, рычащий на иподиаконов, проповедь которого (очень короткая) напоминала политинформацию (что-то о Китае), а с другой стороны – набитый молитвенный дом, много молодежи (заводской), живые, прочувствованные проповеди, дух общинности; особые дни молодежных собраний, куда меня приглашали. Старухи у нас гонят, а тут меня приняли прекрасно, хотя я сказал, что православный.» Тетушка отца Александра, Вера Яковлевна Василевская, занималась с проблемными детьми, а во время отпуска навещала племянника в Иркутске. Видимо, в этот период она встречалась с владыкой Палладием, который почему-то считал ее биологом.

Руководитель следственной группы Иван Лещенков понимал, что не приходится ждать помощи от следователей ФСК, которые должны были бы действительно помогать ему. Поскольку в ФСК продолжали утверждать, что все материалы, так или иначе связанные с отцом Александром, были уничтожены, он решил искать их в архивах ЦК КПСС. После развала СССР и упразднения Центрального комитета неразобранные партийные архивы на какое-то время стали доступны. Лещенков не ошибся и обнаружил весьма любопытный документ. В 1974 году отец Александр вновь попал в поле зрения сотрудников КГБ, которые сочли необходимым довести до высшего начальства сведения о так называемой «группе православных священников». Видимо, это письмо было связано со «вторым демографическим взрывом», когда число прихожан новодеревенского храма достигло почти тысячи человек. Вот примечательная цитата из ведомственного письма. Оно адресовано в ЦК КПСС и подписано лично председателем КГБ Юрием Андроповым 25 марта 1974 года. Это первое сохранившееся упоминание имени отца Александра в архивных материалах КГБ: «Имеющиеся в

органах госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что Ватикан в идеологической борьбе против СССР пытается использовать возможности религиозных объединений в нашей стране. В этой связи особый интерес представляет его стремление расширить связи с Русской православной церковью (РПЦ).

Стремясь втянуть РПЦ в свою орбиту, Ватикан выступает инициатором проведения официальных межцерковных собеседований по различной тематике. Такие собеседования были проведены в 1967 г. в Ленинграде, в 1970 г. – в Бари (Италия) и в 1973 г. – в Загорске (Московская область). Ватиканские делегации, как правило, возглавлялись специалистом по СССР, кардиналом Виллебрандсом. На этих собеседованиях представители Ватикана, прикрываясь теологической фразеологией, пытались навязывать обсуждение политических вопросов.

На состоявшейся в июне 1973 года в Загорске встрече на тему «Справедливость, мир и религиозная свобода» представители Ватикана заявили, что «сейчас римская церковь не берет на себя обязательство программировать социальные структуры общества и в деле избрания той или иной формы общественных взаимоотношений полагается на христианскую совесть членов церкви». В итоговом документе они «признали» даже преимущества социалистического пути развития и правильность политики РПЦ по отношению к социалистическому государству.

Данный акт глава римской церкви Павел VI расценивает как шаг, который обеспечит ему диалог с Советским Союзом по государственной линии и будет способствовать укреплению позиций РПЦ. Учитывая веками сложившуюся антиримскую атмосферу в РПЦ, Ватикан стремится убедить ее иерархов в «обновлении» своей восточной политики, внушить им мысль о необходимости совместных усилий в деле сохранения веры. В своих выступлениях Павел VI утверждает, что «вера восточных церквей – это почти наша вера», называет католическую и православную церкви «сестрами, между которыми существует почти совершенное общение».

Этими идеями Ватикан стремится постепенно «пропитать» новое поколение духовенства, профессорско-преподавательский состав и слушателей духовных учебных заведений РПЦ, убедить их в том, что Ватикан перестал быть традиционным врагом православия. В этих целях Ватикан постоянно расширяет возможности поступления православных священников в свои учебные заведения, охотно идет на приглашение делегаций и паломнических групп РПЦ. Создавая необходимые условия для изучения жизни и деятельности католической церкви, знакомя с мероприятиями по противодействию атеизму, Ватикан делает все для того, чтобы они постепенно проникались уважением к католицизму. В результате отдельные лица из числа православного духовенства постепенно скатываются на прокатолические позиции, обвиняя руководство РПЦ в излишней лояльности к государству и неспособности «воспользоваться своим правом протеста против беззакония, творимого атеистическими силами в отношении церкви».

Группа прокатолически настроенных священников, возглавляемая А.Менем (Московская область), в своих богословских трудах протаскивает идею, что идеалом церковной жизни может являться только католичество. Указанные труды, нелегально вывозимые за границу, издаются католическим издательством «Жизнь с Богом» (Бельгия) и направляются затем для распространения в СССР...»

В Русской Церкви существует иерархическая структура и священник не может возглавлять какую-либо группу без благословения правящего епископа. Отец Александр прекрасно понимал, что в случае появления подобной группы, всем бы грозило как минимум запрещение в священнослужении. Правдой в этом письме является лишь то, что на самом деле отец Александр по своей природе был харизматическим лидером. Вплоть до 1965 года, когда молодые московские священники собирались иногда на квартирах и обсуждали внутрицерковную ситуацию, отец Александр безусловно оказывал серьезное влияние на своих собратьев. После раскола, который был внесен мирянином Феликсом Карелиным, встречи перестали быть регулярными. Два активных священника – Глеб Якунин и Николай Эшлиман – после подписания знаменитого письма

патриарху Алексею (Симанскому) и председателю правительства СССР Николаю Подгорному выпали из общения. Последующая смута, внесенная Феликсом Карелиным, привела к тому, что встречи священников стали эпизодическими и к 1974 году вообще сошли на нет. Отец Александр продолжал изредка встречаться с московскими священниками – Дмитрием Дудко, Николаем Ведерниковым, Сергием Хохловым, Владимиром Тимаковым, Николаем Гайновым, Алексеем Злобиным. Во многом они были единомышленниками. Их объединяла боль за угнетенное положение Русской Церкви. Но вряд ли все они разделяли взгляды отца Александра на выход из создавшегося тупика, в котором оказалась РПЦ в начале 70-х годов.

Лещенков, анализируя этот примечательный документ, пришел к выводу: объединить московских священников в группу могли только сотрудники церковного отдела КГБ. Его удивило, что их объединили как «прокатолически настроенных», что вряд ли соответствовало действительности. Книги отца Александра к этому времени уже шесть лет как печатались издательством «Жизнь с Богом» в Брюсселе. Допрашивая прихожан, следователи в конце концов поняли, что это происходило не потому, что так решил Ватикан, а благодаря личной инициативе директора издательства Ирины Посновой и ее сотрудника священника Антония Ильца. Поснова была русской, и судьба Русской Церкви ее живо волновала. Другие же российские священники в тот период не считали нужным заниматься богословием или церковной публицистикой, кроме отца Всеволода Шпиллера, который был сотрудником Отдела внешних церковных сношений РПЦ и часто выезжал в составе официальных церковных делегаций за рубеж. Но он весьма настороженно относился к католикам, которые, в отличие от православных, не входили в состав Всемирного Совета Церквей, где преобладали протестанты. Обвинения же в чрезмерной активизации Ватикана и поиски адептов католицизма в России объяснялись скорее разочарованием властей и, в первую очередь, работников церковного отдела КГБ в политике митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова).

Так Лещенков впервые столкнулся с личностью покойного владыки Никодима (Ротова), вокруг деятельности которого было столько споров и даже открытых писем, осуждавших избранную им церковную политику. Протоиерей Александр Мень в начале 80-х годов, уже после смерти владыки Никодима, так оценивал его деятельность: «Одной из главных положительных его черт была способность не успокаиваться, искать, широта экуменического размаха, энергия. Но мыслил он часто старыми категориями, думая, что создает «политику». А на этом пути любого ждет крах. Его взгляды на священство во многом менялись и под конец приняли очень симпатичные очертания. Но на практике в его окружении выращивали в основном карьеристов. Он думал, что это будет эффективный инструмент, но оказалось, что на таких людей рассчитывать нельзя (как и следовало ожидать)... Почти все его ученики отреклись от него, по крайней мере внешне. К тому же общая ситуация была против его «политики». Сейчас удобнее люди более спокойные, без «идеи». Начальство, и то и другое, уже ему не доверяло. Словом его эпоха кончилась.» Относительно его вклада в жизнь Русской Церкви, отец Александр был предельно скептичен: «Почти ничего сделать ему не удалось. Отдельные осколки. Кое-какие тенденции среди богословов-преподавателей. И все. Да, пожалуй, и иллюзии со стороны католических партнеров по диалогу, которые благодаря контактам с ним, получили ложное представление о ситуации.»...

Начиная с осени 1982 года за отцом Александром велась постоянная слежка, проходили обыски у его прихожан. И каждый раз его вызывали на допросы в КГБ. Вплоть до осени 1986 года едва ли не ежемесячно, а порой и чаще его вызывали на допросы, и часто их вел полковник Сычев...

Прошло 26 лет со дня гибели отца Александра Мень. В недрах Генеральной прокуратуры РФ пылится многотомное дело о его загадочном убийстве. Давно распущена очередная следственная группа. Возникает ощущение, что убийство православного священника никогда не будет раскрыто. Но Христос говорит: «Нет ничего тайного, что не стало бы явным». Придет время – Россия узнает имена убийц и тех, кто направлял их.

Часть 2

Россия и Америка. Вчера и сегодня

Виктор Родионов

Луисвилл, Кентукки, США

ПОЦЕЛУЙ НА ТАЙМС-СКВЕР. ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ С ФОТОГРАФИЕЙ

8 сентября в Вирджинии умерла Грета Фридман – одна из медсестер на знаменитом снимке 1945 года «Поцелуй на Таймс-сквер». Почему «одна из» станет понятно по ходу этой почти детективной истории.

Прилюдным поцелуем можно удивить только в Китае или Северной Корее. И то, не уверен. А так, подумаешь, невидаль? Только французы на дню сто раз целуются. Позитивная эмоция, проявление симпатии, ничего особенного. И вместе с тем, есть несколько известных на весь мир поцелуев с особой символикой. Предательства, нежности, фальши и народного ликования.

Библейский поцелуй Иуды. Французский Родена. Коммунистический Брежнева и Хонеккера. Американский поцелуй Победы над Японией на Таймс-сквер. Оставим три первых, остановимся подробнее на последнем. Официально страна Восходящего солнца капитулировала 2 сентября 1945-го, однако днем Победы над Японией считается 14 августа.

У этой фотографии история, достойная детективного романа. Главные герои – молодой моряк, медсестра и фотограф. Основа интриги – кто эта целующаяся пара? С автором снимка все ясно, никаких секретов – репортер журнала «Лайф» Альфред Эйзенштадт.

С персонажами намного сложнее. Фотограф делал репортаж на Таймс-сквер среди многотысячной толпы, когда ситуация менялась ежесекундно. Не было ни времени, ни возможности спрашивать имена сфотографированных. Впрочем, на тот

момент это было не столь важным. Главное, передать атмосферу праздника победы, народного ликования. С чем Эйзенштадт прекрасно справился. В праздничный выпуск «Лайф» попали несколько снимков Альфреда с целующейся парой на обложке.

Фотография Альфреда Эйзенштедта «Поцелуй на Таймс-сквер»

Фотограф поймал за хвост профессиональную жар-птицу, снимок стал, как говорят в Америке, iconic – частью имиджа нации. Многие годы общественность не волновало, кто эти целующиеся молодые люди. Были вялые попытки нескольких человек заявить о себе, но поскольку на фото у моряка видна лишь небольшая часть лица, у медсестры лицо вообще закрыто, их не приняли всерьез. Лишь в 1979 году «Лайф» объявил поиск возможных участников легендарного фото. Спустя год в журнале были опубликованы 11 претендентов на идентичность моряка и три на медсестру.

Была даже образована специальная комиссия по отбору кандидатов. В нее вошли историки, фотографы, художники, эксперты и сам автор снимка. В результате трудных дискуссий комиссия пришла к не совсем уверенному решению. Моряком считать Джорджа Мендонсу, медсестрой Грету Фридман.

Но на том дело не закончилось. Среди сыновей и дочерей американского «лейтенанта Шмидта» начались распри, вплоть

до судебных. Грета Фридман пробыла на престоле недолго. Ее сместила Эдит Шейн. Кроме законного мужа, впоследствии у Эдит будут еще три «ухажера»-моряка. Со всеми она в разные годы встречалась на ветеранских мероприятиях в Нью-Йорке. Первым был Джордж Мендонса, после того как остался без Греты Фридман. Вторым – отставной нью-йоркский детектив Карл Маскарелло. И, наконец, за два года до смерти Эдит, техасец Гленн Макдаффи.

Кто из них «настоящий», у мисс Шейн не было стопроцентной уверенности. Но больше всего она склонялась к кандидатуре Карла Маскарелло. Во время «показательных» поцелуев на Таймс-сквер ветеран полиции целовался столь же страстно и долго, как тот парень в 1945 году. Впрочем, и сама Эдит не была беспорной «девушкой Таймс-сквер». Однажды фотограф встретился с Эдит, вместе отобедал в ресторане и даже подарил ей снимок с автографом. Но, как он написал в одной из своих документальных книг, у него не было полной уверенности, что Эдит именно та женщина. Впрочем, автор не мог сказать и обратное. Все было мимолетно, и столько воды утекло.

Эдит Шейн работала в госпитале близ Таймс-сквер и пошла туда, когда услышала по радио речь Трумэна о победе над Японией. Вокруг все пели, танцевали, целовались. Как вдруг ее обнял какой-то высокий моряк и поцеловал. Поцелуй был что надо! Эдит знала в этом толк, ей было уже 27 лет. После поцелуя парень исчез в толпе. Они даже не перемолвились ни словом и не заметили, как их фотографировали.

Спустя несколько лет, Эдит вышла замуж, уехала в Лос-Анджелес, работала в детском саду и начальной школе. После ее смерти в 2010 году остались трое детей, шесть внуков и восемь правнуков.

Последний моряк со снимка – Гленн Макдаффи – добился признания лишь спустя 60 лет. В этом ему помог криминальный художник из Хьюстона Луис Гибсон, авторитетный в своей профессии специалист. Почти год Гибсон изучал снимки молодого Гленна и сравнивал с «оригиналом» на фото Эйзенштадта. Вывод Гибсона подтвердили независимые эксперты. С ним согласилась редакция «Лайф».

В 80 лет бывший почтальон познал вкус славы. Он стал «свадебным генералом» на различных шоу во всех концах страны и прилично зарабатывал на «кэш». За каждый автограф и поцелуй Glenn брал по десять долларов. Макдаффи умер от рака легких в доме для престарелых. Все участники этой истории прожили долгую жизнь. Макдаффи – 86 лет, Шейн – 91 год, Фридман – 92, Эйзенштадт дотянул почти до векового рубежа.

Из всей этой четверки он самый интересный персонаж. Альфред родился в 1897 году в Пруссии в богатой еврейской семье. Вскоре семья переехала в Берлин. Участник Первой мировой войны. Там получил тяжелое ранение. После войны Альфред сменил несколько профессий, лишь в тридцать лет стал профессиональным фотографом в «Die Welt». И за короткое время добился блестящих успехов. Он снимал сильных мира сего – Геббельса, Гитлера, Муссолини. Одновременно сотрудничал с американским «Pacific and Atlantic Photos», будущим агентством «Ассошиэйтед Пресс».

В 1935 году эмигрировал в США, где сразу нашел работу в журнале «Лайф». С «Лайфом» будет до конца связана вся жизнь Эйзенштадта. На страницах журнала опубликованы 2.500 снимков репортера, около ста – украсили обложки. Эйзенштадт признан родоначальником современной американской фотографии. В ряду его персонажей были Черчилль, Кеннеди, Монро, Дитрих, Лорен, Эйнштейн, Шоу. Вместе с тем, Эйзенштадт не чурался других тем. Снимал войну в Японии и Корее, сюжеты из жизни простой Америки.

Эйзенштадт женился поздно, почти в пятьдесят, и не оставил после себя наследников. Зато его огромное фотонаследие – золотой фонд американской фотожурналистики. В том числе, легендарный «Поцелуй Победы».

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

ЛЕВ ТОЛСТОЙ – СУПЕРЗВЕЗДА БРОДВЕЯ

«Неужели «Война и мир» – бродвейская поп-опера? Неужели Наташа Ростова – темнокожая?..» Но не спешите возмущаться: мюзикл «Наташа, Пьер и Большая комета 1812 года» критики называют лучшим мюзиклом последнего десятилетия!

Впервые он был поставлен несколько лет назад. В Нью-Йорке шёл на внебродвейской сцене, как малобюджетный. И вот теперь он – на Бродвее, в театре Imperial. Мюзикл захлёб хвалят самые строгие нью-йоркские рецензенты. Автор либретто, стихов, музыки и оркестровки Дэйв Маллой взял за основу историю нравственного падения Наташи Ростовой, увлечшейся Анатоном Курагиным и предавшей своего жениха Андрея Болконского, в то время как он воевал с французами. По словам Дэйва, эта драма, полная интриг, страданий, столкновения характеров, безумной любви и бесшабашного веселья, настолько музыкальна, что сама просилась в мюзикл. Он говорил об этом во время нашей встречи в ресторане «Русский самовар», что недалеко от театра Imperial.

– Сколько раз вы читали «Войну и мир»?

– Ух, полностью весь роман – два раза. Но нужные мне главы, которые занимают 70 страниц романа, перечитывал много раз. Пока писал, всё время возвращался к оригиналу.

– В ряде хвалебных рецензий вас сравнивают с такими классиками жанра, как Стивен Сондхайм и Эндрю Ллойд Уэббер. Повлияли они или кто-то ещё на ваше творчество?

– Действительно, я чувствую, что являюсь как бы скромным продолжателем великих музыкальных авторов, таких как Стивен Сондхайм, у которого я многому научился. Влияние на меня оказали такие мюзиклы, как рок-опера Уэббера «Иисус Христос – суперзвезда» и «Мисс Сайгон» Клода-Мишеля Шёнберга. Для меня большая честь, если меня сравнивают с моими кумирами музыкального театра. Я учился у них рассказывать истории музыкальным языком. Но попытался добавить свой стиль, используя электронную музыку, рок-музыку, смешивая разные музыкальные приёмы, если их можно уложить в театральное действо.

Наташа и Анатоль – Дене Бентон и Лукас Стил. Photo: Chad Watka

– Перед началом спектакля и в антракте звучат не только «Калинка» и «Катюша», но и песни в исполнении Ивана Реброва, Николая Рубашкина, Владимира Высоцкого, Клавдии Шульженко... Кто занимался отбором песен?

– Я. Эти песни я выбрал несколько лет назад, когда работал над мюзиклом. Я тогда прослушал, наверно, сотни русских песен, русскую классическую музыку, русские народные песни. А ещё я отобрал картины для оформления сцены: портреты Толстого, Наполеона, русских царей, православные кресты. Всё это развешено на разных уровнях сцены и зрительного зала. А в

фойе мы повесили старые театральные афишки-летучки на русском языке с потёртым изображением русских артистов от Шурова и Рыкунина до Антонова и «Пусси Райот». Этакое озорство для погружения зрителей в русское сразу, с театрального порога.

Действительно, спектакль можно назвать озорным, ломающим устоявшиеся правила музыкального театра, кинематографичным по темпу событий, захватывающим внимание и не отпускающим ни на минуту. Зрители расслаиваются на разных уровнях не только зала, но и сцены. Всюду столики. Театр превращён в зал кабаре, где зрители могут во время спектакля пить соки или коктейли. Через весь партер проложены поднятые до уровня кресел сценические подиумы, извивающиеся паркетной лентой для действия артистов (сценография Мими Лиен).

Актёры играют, зачастую двигаясь меж кресел со зрителями, садятся рядом с ними, не позволяя им забывать, что это – театр. Вполне в традициях Вахтангова, Мейерхольда, Брехта. Стены зала драпированы красным бархатом с висящими на портьерах картинами в золотых рамах. Это создаёт ощущение, что зрители не в театре, а в гостиной богатого русского особняка 19-го века. С потолка свисают роскошные люстры. Центральная в конце спектакля превратится в падающую Большую комету.

Звучат залихватские русские песни. У публики сразу возникает радостное предвкушение чего-то необычного, праздничного. В зрительный зал выходят артисты, неся плетёные корзинки, из которых достают жареные пирожки и бросают публике, приговаривая по-русски «Пирожки» (с ударением на «О»), или «Раз, два, три»... Так публика сразу втягивается в игру, а артисты дают понять, что это площадной театр, балаган сродни ярмарочному цирку. Музыканты размещены не в оркестровой яме, не где-то в сторонке, а прямо в центре сцены, либо чуть выше, среди зрителей.

Публику просят отключить телефоны и не фотографировать, обращаясь по-английски и по-русски. Действие начинается стремительно, и темп не ослабевает до самого конца спектакля. Поначалу русский зритель может быть шокирован при виде темнокожей Наташи Ростовской (актриса Дене Бентон, это её бродвейский дебют). Но подлинность характера, искренняя

беззащитность наряду с детским упрямством покоряют, и цвет кожи актрисы перестаёшь замечать. Впрочем, если кто-то продолжает сомневаться, что Наташа Ростова могла быть негритянкой, то пусть вспомнит Пушкина.

Почему бы Наташа Ростова не могла быть внебрачной дочерью одного из многочисленных потомков Абрама Петровича Ганнибала? Но лучше не искать в сюжете мюзикла «Наташа, Пьер и Большая комета 1812 года» изложения толстовского романа. Это озорное шоу, лишь подсказанное Толстым. Так любил превращать романы и повести в театральное действие Юрий Любимов. Мне почему-то кажется, что Любимову мюзикл «Наташа, Пьер...» мог бы понравиться. Актёрская игра безупречна. Вокал – оперного класса. Режиссёрская фантазия Рейчел Чавкин, которая считается сегодня одним из лучших в Америке театральных постановщиков, неистощима. Костюмы, музыка, световая партитура, все элементы постановки вызывают восторг зрителей. Многие актёры не только поют, но сами играют на музыкальных инструментах.

Создатели спектакля не боятся сочетания драмы с гротеском, лиричности с пародией на оперные штампы. Публика и смеётся, и переживает до слёз. При всей маскарадности постановки, в ней остаётся тема любви и надругательства над любовью, тема верности и предательства.

Весть о великолепном спектакле разошлась по Нью-Йорку. На улице при подходе к театру – длинная очередь за билетами, несмотря на довольно высокие цены: от 100 до 270 долларов. Театралы говорят, что этот мюзикл не уступает, а в чём-то даже превосходит мюзикл «Гамильтон», ставший гвоздём сезона. И это при том, что история Александра Гамильтона, одного из отцов-основателей Соединённых Штатов, очень близка американцам, а тема русских аристократов Пьера и Наташи очень от них далека.

Автор мюзикла Дейв Маллой весь сюжет выразил в песнях. В его поп-опере совершенно нет диалогов.

– Кто из нынешних исполнителей полностью соответствует вашему замыслу, вашему видению характеров?

– Некоторых исполнителей я знаю давно и писал в расчёте на них. Это Бриттейн Эшфорд, которая играет Соню. Она мой давний друг, и, когда я только задумал мюзикл, я видел в этой роли только её. К тому же, она сама пишет песни. Прекрасная актриса, певица, очень глубоко чувствующая. Специально для Гелси Белл я писал роль Мэри. То же самое для Пола Пинто, исполнителя роли Балаги, и для уникального Лукаса Стила, сыгравшего Анатоля Курагина, и для Ника Чокси – Долохова. Все эти артисты – из первого состава. С ними мюзикл начинался.

– В первом составе вы сами играли Пьера Безухова. Я видел вас на вневбродвейской сцене. Сейчас эту роль играет Джош Гробан. Критики от него в восторге. Вы не ревнуете?

– Нет, наоборот. Я писал песни специально для него. Они написаны так, что я бы не мог их исполнить. Он очень талантливый певец, гораздо лучше меня. Он привнёс в образ Пьера такие нюансы, такую внутреннюю наполненность, что о лучшем исполнителе трудно мечтать.

Дэйв Маллой невероятно трудоспособен. Не так давно он показал в театре Линкольн-центра новое сочинение под названием «Прелюдии» («Рахманинов и гипноз»). Немецкая постановка этого мюзикла была показана в Австрии.

– Я веду переговоры с российскими продюсерами о постановке «Прелюдий» в Москве.

– А как насчёт показа в Москве «Наташи, Пьера и Большой кометы»?

– Это наша мечта: показать российскому зрителю американское представление о героях Толстого. Мы ведь играем стилизацию, играем не русских, а наше представление о русских, и в этом иронизируем над собой. Наши герои – жители Нью-Йорка 21-го века, которые надели вроде бы русские костюмы начала 19-го века, а кому костюмов не хватило, вышли в том, что оказалось под рукой. Было бы интересно показать наш мюзикл в Москве.

– Кто работал с актёрами над произношением русских имён и русских слов?

– Ныне на Бродвее идёт четвёртая постановка нашей электро-поп-оперы, как я её называю. И каждый раз среди тех, кто участвовал в работе, были выходцы из России, для которых

русский язык – родной. Теперь это не проблема – найти человека, который бы исправил произношение.

– Традиционный вопрос: над каким мюзиклом вы сейчас работаете?

– Мой следующий мюзикл – «Моби Дик» по роману Мелвилла. Я люблю старую классику.

– Вас не пугает, что существует множество экранизаций романа, последняя была сделана в 2015 году?

– Нет, не пугает. И кинофильмы были, и опера, и даже мюзикл. А я сделаю своё. Мне кажется, что материал романа как раз для меня.

...Нью-йоркские газеты сообщают, что электро-поп-опера «Наташа, Пьер и Большая комета 1812 года» приносит более 1 миллиона долларов каждую неделю. Значит, мюзиклу предстоит на Бродвее долгая жизнь.

Американские критики пишут: «Спектакль нельзя пропустить, ибо это новое направление в музыкальном театре».

Лазарь Фрейдгейм

Калифорния, США

ПИТИЁ НА ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ

(в сокращении)

Как уж повелось на земле российской в многих поколениях, что горе и радость неотъемлемы от наполненной рюмки, бокала, стакана или кружки. Корни истории питья на Руси уходят в глубокую старину. «Веселие Руси есть питье, без питья Руси не быти», – писал в «Повести временных лет» летописец Нестор, приписывая эти слова киевскому князю Владимиру (980-1015) –

тому самому, которому вдруг у врат Кремля через тысячу лет поставили памятник (вероятно, медленно он ехал от берега Днепра). Символично, что один из хмельных напитков в древней Руси назывался сикера – от названия боевого топора – секиры: «то, что способно отсечь голову от тулова».

По сведениям В. Похлёбкина, производство водки в России в массовых количествах началось с середины XV в., а уже в начале XVI в. имеются сведения о продаже водки из России в соседнюю Швецию, где она впервые стала известна от русских. С XVIII века в Москве наблюдается расцвет питейных заведений, появляются трактиры, фартины, кабаки, герберги, ресторации, ренсковые погреба...

Благодаря «Питейному уставу», изданному Иваном Грозным, в России во всех питейных домах впервые появились «заорленные», то есть стандартизованные питейные меры: ведро, осьмуха, полуосьмуха, стопа и кружка. В старорусских мерах и в посуде, используемой для питья, заложен один и тот же принцип – квартальное, или четверичное, соотношение объемов (1:2:4:8:16). В питейных заведениях России в XVI-XVIII веков этому примерно соответствовал ряд: ведро – полведра – осьмуха – штоф – бутылка – стакан – чарка – шкалик. Объёму чарки близок прилипший к просторечному языку мерзавчик – маленькая бутылка водки вместимостью в $\frac{1}{8}$ л (примерно $\frac{1}{2}$ стакана).

Без водки дел не делают

Ребята на Руси,

– писал забытый поэт Сергей Печорин в «Кому Питережить хорошо» в 1902 году. Куда без питья – крепкого иль не очень – в российских землях?! «На почве русской еда становится закуской», – цитирует Владимира Любарова журнал «Гастрономъ». Не выпадая из этого ряда, звучит название сегодняшней песни С. Шнурова «Питеру – пить».

Монтескье писал, что трудно дать предмету новое название, чтобы не изменить его сущность. С другой стороны: сущность порождает название, иногда серьезное, иногда иносказательное, игривое или шуточное. Хорошее настроение и горячность напитков позволяют справиться с этими трудностями. Об этом говорят многие примеры. Одной из основ для этих примеров

являются коллекции винных этикеток – плод преобразования склонности к напиткам в интерес к коллекционированию.

Все люди, от мала до велика, подвержены этой, по преимуществу, светлой бацилле. С молодых ногтей – какие-нибудь фантики, цветные пуговицы, обертки от жевательной резинки. Как сказал американский философ и остроумец Уильям Лайон Фелпс: «Один из секретов жизни состоит в том, чтобы не дать угаснуть огню нашей любознательности».

Коллекционирование дало множество видов этой болезни не безразличных людей. Вот случайный перечень часто встречающихся видов: бонистика, иконография, эмблематика, геральдика, нумизматика, филателия, виттафилия, филумения, филотаймия, конхиофия, дискофилия, металлостемпика, библиофилия, тессеристика, стилофилия, филокартия, медальерика, кофркартия, конхиофилия, филокалендаристика, фалеристика, библиофильство, кораллофилия, бирофилия... Список длинный, но далеко не полный. Впрочем, вы не погрешите против истины, если в простейшем варианте к названию любого предмета (особенно в латинском или греческом звучании) прибавите в начале «фило-» или в конце «-филия» и создадите новый вариант коллекционирования, который через некоторое время вполне успешно может покорить мир.

Коллекционирование бутылочных наклеек и, в частности, интересующих нас винных этикеток, частый предмет, я бы сказал, бытового коллекционирования. Может быть поэтому этот вид собирательства только недавно получил ставшее распространённым название. Винографолия – коллекционирование винных этикеток и печатной продукции с информацией о винной продукции. Некоторые любители называют собирание винных этикеток эфилабелофилией. За коллекционированием пивных этикеток закрепилось труднопроизносимое название кервалабелофилия. И все это – частные случаи промграфофии – коллекционирования произведений прикладной графики малых форм (этикетки, фантики и различная упаковка).

Одной из особенностей различных видов промграфофилии является, как правило, любительский подход. Начало кладёт случайный домашний компонент: несколько пачек от сигарет, десяток этикеток от выпитых вин... Человек начинает потихоньку их собирать, не задумываясь о том, что этот вид коллекционирования станет не менее завлекательным, чем, например, нумизматика или филателия. Постепенно горизонт расширяется, возникает интерес и азарт. Десятки, сотни, тысячи этикеток... Житель Курска Николай Борисов может показать друзьям самое большое собрание водочных этикеток разных лет. Их у Борисова – 40 тысяч экземпляров. Даже трудно себе представить, что шпалерное – одна к одной – размещение такого количества этикеток займёт более 350 квадратных метров, а вес этой коллекции составляет, вероятно, более пуда. Конечно, такое механистическое представление размера коллекции ни в какой степени не отражает таящихся в ней особенностей. В другой коллекции Б. Слепиковского более 15 тысяч экспонатов. Эта коллекция включила собрание другого (ныне покойного) петербургского коллекционера И. А. Гущина, одного из первых в стране собирателей винных этикеток. Завидное этикетоманство!

Коллекционирование бутылочных наклеек является до некоторой степени отражением симбиоза жизни и питья. В этом тексте не ставится задача демонстрации множества этикеток, а сделана попытка подобрать словесные оценки – исторические и бытовые – того, что скрывается за красивыми этикетками. Своего рода коллекция мнений и ассоциаций. В духе определения возникшего ныне брендреализма (термин введён С. Шнуровым) истинная реальность замещается реальностью, созданной потребителем питья (порой подвыпившим). Современное общество поклоняется торговым брендам, находит в них отдушину. Самовыражение происходит через «приверженность» (положительную или негативную) к марке. Картина совсем не всегда в розовых и привлекательных тонах. Тем более, что речь пойдёт не о коллекционных винах с заоблачными ценами, а о самых обычных, порой и наиболее дешёвых напитках, и о сочных народных определениях, связанных с особенностями напитков и их названиями, а также чертами времени появления таких напитков.

Мы не можем услышать веселую, под градусом, беседу, мы можем услышать отклики острословов (разной степени остроты восприятия). Это не салон Анны Шерер в доме Волконских на московской Тверской; это не дипломатический раут, где наличие в руках бокала с напитком является формой общения. Это будничные междусобойчики, где все участники поровну разливают ещё недопитое питьё по гранёным стаканам. Особый шик такой процедуры – розлив «по булькам», т.е. не глядя, по звуку, но точно поровну. Признаком окончания посиделок является рой пустых бутылок или отключающееся сознание и заплетающиеся языки.

Будьте осторожны в ощущении себя выше таких застолий. Это могла быть компания работяг, но это могла быть компания университетской молодёжи. Это могли быть литераторы круга В. Аксенова, молодёжная поэтическая элита вокруг несравненной Беллы Ахмадулиной или музыканты с А. Макаревичем... Но можно представить себе компанию, для которой органично содержание моего текста, опустошающую бутылки в тихом уголке сквера прямо «из горла» или из стаканов, позаимствованных из уличных автоматов газированной воды. В каждой такой компании витал особый дух единения и братства, правда, порой заканчивавшийся шумными потасовками. Агрессивность проявлялась сиюминутно, к утру торжествовала дружба.

Я сознаю, что как-то не модно писать специально о питье и некоторой поэтике этого занятия. Но традиции семейных событий и праздников накрепко связывают память и быт с этим «злом»: Хотя «Минздрав РФ предупреждает»...

Заметим, что в наш не мягкий век сооружения памятников Ивану Грозному и прославления опричнины, почему-то совсем забыт старый воспитательный приём борьбы с пьянством. Непременным атрибутом каждого кружечного двора XVII века являлся небольшой деревянный клин с тесемками, который особо буйным пьяницам – «ревунам» – вставляли в рот, завязывая тесемки на затылке. Помогало...

Я думаю, что есть определённая прелесть в субъективности вкусовых (как восприятия, так и прямолинейно

органолептических) оценок. Это приближает оценки к жизни и быту, а также дает простор эмоциональному восприятию. Отвлекаясь от прославления или осуждения обычаев и традиций, остановимся на проникновении этих привычек в разнообразные стороны быта и существования, в частности в образность языка. Я бы сказал, что совсем не классического или поэтического, а такого – бытового, собутыльного. Но яркого – до афористичности...

В вино-водочных фантазиях проявляется такая «удаль молодецкая», созвучная частушкам и озорному веселью. С улыбкой прочтем:

Нашу волю не сломить —
Пили, пьем и будем пить!

Или
H₂O – девиз не наш!
Наш – C₂H₅OH!

В другое время переносят строки Александра Галича
И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила «Дюрсо», а я «Перцовую»
За советскую семью, образцовую!

Так уж повелось в советское время, что то ли из-за инфляции, то ли из-за борьбы с алкоголизмом, но водка постоянно дорожала. Это, естественно, отзывалось анекдотами. Один из них:

Учитель спрашивает:
– Дети что будет после съезда партии?
– Водка подорожает!
– Вовочка, почему?
– А мой папа говорит, что у нас как что произойдет, так потом сразу водка дорожает!

В рубленной фразе особая ипостась социалистической действительности – монотонный (тонный, весомый!) рост цен, упрятанный в оптимистическую обёртку:

Товарищ, верь! Придёт она -
На водку старая цена!
Но не случилось...

История послеоктябрьской водки началась в декабре 1924 года, когда спустя 10 лет после введения сухого закона в России вновь появилась казённая водка. В магазинах стали продавать 30-градусный напиток, прозванный в народе «рыковка» по фамилии председателя Совнаркома А. Рыкова.

Сочные комментарии по этому поводу можно найти в дневниках М. Булгакова. В канун Нового, 1925 года, он записывает: «Водку называют «рыковка» и «полурыковка». Полурыковка потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьёт в 60°». Вскоре, уже в первые январские дни, появляются новые записи:

«Новые анекдоты: «Если бы к «рыковке» добавить «семашковки», то получилась бы хорошая «совнаркомовка».

В то время спирт в определённых кругах называли «семашковкой – по имени наркома здравоохранения Н. Семашко, так как в период сухого закона этот «многофункциональный» продукт находился в ведении наркомата Семашко.

Отметим, что поскольку здесь идёт речь преимущественно об относительно давних временах, мы указываем крепость напитков в градусах, хотя сейчас используется эквивалентное обозначение в объёмных процентах.

Занимательная водочная легенда связана с успешным окончанием экспедиции Папанина. Легенда связана с именем Сталина: дескать, вождь на волне впаривания народу счастья от происходящих событий советской жизни поинтересовался у Папанина, что они пили во время полярного дрейфа. Руководитель экспедиции, пытаясь развеселить вождя, ответил, что спирт, разбавленный до крепости параллели, на которой они в момент употребления находились: на полюсе – 90° на широте Салехарда – 72° и т.д. На следующем Кремлевском приеме по случаю награждения покорителей Арктики Сталин угощал гостей специально приготовленной водкой крепостью 56°, которая соответствовала географической широте Москвы.

Как бы в память об этом через много лет появилась водка «Крепкая» («Kреpkaya(Strong)» с крепостью 56%. Эта редко встречающийся тип советской водки.

В разное время крепость водки варьировалась. В какой-то момент на прилавках появилась водка крепостью 42°. Народ отметил это анекдотом.

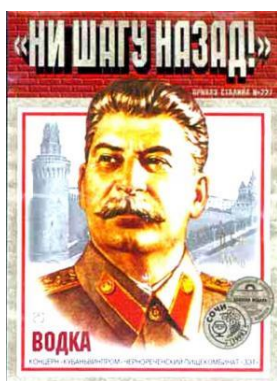
Царь Николай встречает на том свете Ленина:

– Что, Владимир Ильич, и вы водочку выпустили?

– Да, Николай-вешатель, выпустили.

– А сколько градусов? Неужто 42? Эх, стоило из-за каких-то двух градусов революцию делать!

Своеобразным обращением к нелегкому военному прошлому явилась водка «Ни шагу назад».

Водка занимает первое место не только в российском потреблении, но и во всеобщем внимании. Вариантов названия водки в народе предостаточно. Вот далеко не полный перечень: водчонка, белая, беленькая, водяра, огненная вода, тяжёлая вода, водовка, вэдэк, казёнка, пол-литра, ноль-семь, чакушка, мерзавчик, флакон, пузырь. Говорят так: «Купи водяры пузырь!» Перечень можно продолжить: и сладкая, и горькая, и змей зелёный, белочка, белуга, царский напиток, русская, слеза, мягкая, горячая, проклятая, родная...

Много легенд породил период борьбы с пьянством. В 1972 году вышло постановление, как тогда говорили, Партии и Правительства «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Лозунг кампании: «Пьянству – бой!» Были повышены цены на спиртное; прекращено производство водки крепостью 50 и 56%.

Из фильмов вырезали сцены с употреблением спиртных напитков. Ограничено было время продажи крепких напитков – не рано и не поздно – только с 11 до 19 часов (большинство на работе, в магазин не попасть). Время начала продажи московский люд прозвал «Час волка», поскольку на знаменитых часах Образцовского Театра кукол в Москве в 11 часов в окошечке появлялся волк, ставший особенно популярным после появления мультфильма «Ну, погоди!». По времени вечернего поиска водки население разделилось на «семитов», т.е. тех, кто успевал отовариться до 7 часов вечера, и «антисемитов», пытавшихся сделать это после рокового часа (раздолье для таксистов и домашних самогонщиков).

Недолгое правление Ю. Андропова ознаменовалось послаблением в спиртных ограничениях. Была выпущена «Водка» 0,5 л, 40%, получившая сразу название «Андроповка». «Андроповка» была очень коротким эпизодом, продержалась меньше года. Стоила она 4 руб. 70 коп. (Причём, кажется, это была единственная водка, где на этикетке указывалась цена со стоимостью посуды.)

За короткое время существования водка заслужила несколько шуточных расшифровок и названий:

Вот Она Доброта Коммуниста Андропова. Также говорили: «Вот Он Добрый Какой Андропов».

Эту водку называли также «Первоклассница» (выпущена в начале сентября), она же «Юркины рассветы» (по имени Юрия Андропова и названию фильма).

М. Горбачев вошёл в историю винопотребления страны как Минеральный секретарь за развёрнутую кампанию борьбы с пьянством и алкоголизмом. Когда при нём появилась водка в уменьшенном разливе («Водка Русская» 0,33л, 40%), её прозвали «Раиска» (в честь супруги Минерального секретаря КПСС и по лёгкому созвучию названия).

Данью памяти долгого периода советской истории была водка «Политбюро». Дополнительным штрихом является надпись мелким шрифтом: «Отпуск разрешен только по специальному разрешению и лицам, внесённым в списки спецотделов» – напоминание о всем знакомом дефиците, талонах,

распределителях, блате. Такая этикетка экзотической водки была не только обозначением сорта, но и обличием времени. У меня это вызывает в памяти хлёткие «шутки» времён фельетонов Ильфа и Петрова.

Ну а «лихие 90-е» ввели в повседневность спирт Royal. Вместо «Prima» по сходству звучания стало в магазинах звучать требование «первачка».

Потребитель быстро освоил все классические правила приготовления из такого спирта домашней водки разной крепости. Сладены-гурманы приспособились разбавлять спирт ягодными сиропами в желанной пропорции. Но не обходилось и без любителей потребления неразбавленного спирта. Как тут опять не вспомнить «Мастера и Маргариту» М. Булгакова:

– Это водка? – слабо спросила Маргарита. Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

– Помилуйте, королева, – прохрипел он, разве я позволил бы себе налить даме водки?

Это чистый спирт!

Замечание в сторону: я вновь обращаюсь к цитатам от Булгакова и Ильфа-Петрова. Возможно, это отклик на развернувшуюся в последние годы дискуссию о порой кажущемся запредельным внедрении юмора Булгакова в тексты Ильфа и Петрова...

В начале 90-х появилась водка «Царь Борис» с портретом Б. Ельцина и гербом вновь созданного государства – Российской Федерации. После получившего широкое распространение дирижирования Ельциным (подшофе) оркестром в Германии, вместо «Царя» стали просить «Дирижёра».

Не был обойден преемник Ельцина на посту президента В. Путин. С тех пор на прилавках винных магазинов мы видим бутылки с этикеткой «Путинка». «Самой народной водкой», – назвали продукт его производители на обратной этикетке. Но представляете, какая жалость: Минздрав предупреждает, что столь редкий и ценный продукт повседневного спроса «противопоказан детям и подросткам до 18 лет, беременным и кормящим женщинам, лицам с заболеванием центральной нервной системы, почек, печени и других органов пищеварения»...

Хоть эта водка на этикетке названа самой народной, а контингент её не молодёжь и «низы», но от не столь массового покупателя можно услышать: «Дайте мне «Распутинки» или «Тинки» (вероятно, болотной), а то и «Путанки» (с как бы невзначай переставленными буквами)...

Не обошли вниманием и временного держателя (содержателя – ?) президентства России. Появилась, естественно – Классическая – водка «Медведевка» с ассоциативной стилизованной короной на этикетке, но без всяких страшных медведей, как на «Зверобое».

Жизнь на земле российской продолжается, теплится – под высоким градусом...

Вадим Массальский
Александрия, США

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В АМЕРИКЕ
(в сокращении)

...А началось все года три назад, в 1885-м, когда русский эмигрант, фермер и владелец лесопилки Питер Деменс купил в центральной Флориде за долги акции железнодорожной компании Orange Belt Railroad 777.

До этого бывший петербургский гвардейский капитан и бывший тверской помещик Петр Алексеевич Дементьев уже успел побывать и рабочим на апельсиновой плантации в верховьях реки Сент-Джонс, и лесорубом, и даже избранным местными жителями мэром городка под Орландо – Лонгвудом, в котором насчитывалась тысяча жителей – таких же искателей приключений со всего мира, как и сам Питер Деменс.

Но все эти приключения оказались «легкой разминкой» по сравнению с железнодорожным подрядом на строительство новой трассы от Санфорда на востоке, до залива Тампа на западе полуострова. Две трети пути пришлось прокладывать через джунгли и болота, кишевшие аллигаторами и ядовитыми змеями. Прибавьте к этому полчища комаров в сезон дождей и желтую лихорадку, скосившую половину рабочих, и становится ясно – прокладка «железки» в солнечной райской Флориде была делом не более легким, чем где-нибудь в заснеженной Сибири.

Уильямс годился Деменсу в отцы, но, несмотря на такую разницу в возрасте, они подружились и часто собирались семьями, устраивая музыкальные вечера. Может быть, причина

была и в том, что Петр Дементьев, 4-х летним ребенком потерявший родителей, интуитивно, по-сыновьему тянулся к старшему, не только деловитому, но и душевному Джону Уильямсу. Джон давно жил во Флориде, знал ее, перевез сюда даже детей от первого брака, но при этом оставался фанатом своего далекого, приграничного с Канадой Детройта. Он считал его лучшим городом на свете и мог рассказывать часами об этом «Париже Запада», первым мэром которого, кстати, был его отец – герой войны с англоканадцами 1812 года. Особенно Джон скучал по летней прохладе Великих Американских озер в июле, когда во Флориде стояла стоградусная жара. В такие времена его одолевали приступы ностальгии и он мог часами рассказывать о красотах американского Севера.

Петр Дементьев всегда с интересом слушал эти рассказы, тем более, что все его познание Америки пока ограничивалось путешествием на пароходе из Европы в Нью-Йорк и на поезде – из Нью-Йорка в Джексонвилл.

Впрочем, один раз его смутило, когда Джон признался ему, что хотел бы назвать новый город Детройтом, в честь места, в котором он родился и вырос и где завещал себя похоронить. Тогда Дементьев не стал возражать своему компаньону, решив подождать удобного случая. И этот случай представился в январе 1888-го, как раз на день рождения мистера Уильямса.

Придя в гости на семейные торжества, Дементьев подарил имениннику специально заказанный в Нью-Йорке шикарный альбом фотографий русского Санкт-Петербурга. После обеда, сидя у пылающего камина, друзья принялись рассматривать иллюстрации, на которых столица Российской империи предстала во всем величии и красе. Невский проспект, Зимний дворец, Исаакиевский собор, Петропавловская крепость, Адмиралтейство не могли не вызывать восхищения. Однако Питер заметил, что Джон то и дело морщится, читая аннотации к снимкам. Вся эта имперская помпезность в описании дворцов, мостов и монументов в честь каких-то царей, князей и прочих вельмож с длинными, труднопроизносимыми фамилиями быстро утомила его. И даже забавные пояснения Дементьева, который хорошо знал столицу по своей учебе и службе, уже не могли

пробудить в Уильямсе живого интереса. Джон вежливо дослушал своего русского гида, затем, сняв очки, с легким прищуром посмотрел на собеседника.

– Питер, если там так прекрасно, то почему ты уплыл из своей «северной Венеции» в Америку?

Дементьев попробовал отшутиться:

– Джон, но ты ведь тоже укатил из своего северного Детройта за тысячи миль в такую тропическую глушь.

Уильямс рассмеялся и погладил пышную седую бороду, раскусив, к чему клонит его компаньон.

– Э, нет, дружище, тут речь о разных вещах. Я никуда не уезжал из Соединенных Штатов, потому как считаю их величайшей республикой мира, лучшей, чем все европейские монархии

длинную историю о том, почему он, молодой капитан лейб-гвардии, которому прочили блистательную карьеру при дворе, вдруг подал в отставку, чтобы заняться хозяйством в своем имении. Стоит ли объяснять, почему после убийства императора Александра Второго 1-го марта 1881-го его, Дементьева, известного своим вольнодумством председателя губернского союза мировых судей, тоже стали подозревать в связях с народовольцами. Стоит ли оправдываться, почему он принял вдруг такое неожиданное решение взять билет на пароход в Америку.

Дементьев, наблюдая за пляской огня в камине, вдруг вспомнил холодную затяжную весну 1881-го года, когда по последнему мартовскому снежку к нему в деревню, в уже проданное за долги имение, заглянул по дороге из Петербурга в Москву старый полковой товарищ. Рассказал, что в столице, начались обыски и аресты и что эта волна, надо ожидать, докатится и до провинции. И в черный список неблагонадежных в первую очередь и попадут такие, как Дементьев не в меру либеральные деятели земства. И уж тут, как нельзя кстати, припомнят ему и многолетнюю судебную тяжбу, в которую его еще по молодости втянули нечистые на руку местные торговцы лесом.

...Петр молча подбросил пару поленьев в костер. Треск горящего дерева и шелест дождя за окном сделали паузу в

разговоре двух друзей еще более долгой и выразительной. Молчание друга Джон понял по – своему. Он покровительственно похлопал товарища по плечу и сказал чуть тише:

– Я скажу тебе по дружбе, Питер, что меня воротит, когда вижу то, как, приезжая из Европы, наши новые эмигранты тащат за собой ворох европейского монархического старья.

– В каком смысле?

– Называют новые полустанки Лондонами, Берлинами, Венами... Пыжятся сделать из наспех сколоченных сараев и загонов для скота новые имперские столицы.

Дементьев скривил губы, решив, что это камешек в его огород. Ведь он уже построил восемь железнодорожных станций во Флориде. Одну из них даже назвал Одессой.

– Этих людей можно понять, – пожал плечами Дементьев. – Они уехали из городов, которые строили лучшие архитекторы мира.

Джон отмахнулся:

– Лучшие архитекторы сейчас строят Нью-Йорк, Чикаго и Сан-Франциско. А скоро они будут и здесь, Питер. Здесь! И это благодаря тебе и твоей дороге!

Дождь перестал. Раскурив сигары, компаньоны вышли на деревянную террасу, которая опоясывала весь второй этаж дома. Отсюда открывался захватывающий вид и на залив на Западе, и на джунгли на Востоке, подступавшие к самому дому. В последних отблесках заката они быстро погружались в темноту и наполнялись таинственными звуками.

Вдруг где-то совсем рядом, у самого забора, Дементьев услышал трель соловья. Он ни с кем не мог спутать его залиvistого пения... как дома, на верхней Волге. А потом вдруг пение стало размереннее, спокойнее, с низкими свистами и короткими переливами. Это уже был дрозд! Наконец стало казаться, что в тех же зарослях за частоколом щебечет обыкновенный воробей.

Дементьев обернулся с немym вопросом к хозяину дома.

Джон медленно взад-вперед прохаживался по террасе и наслаждался многоголосьем.

– Это пересмешник, – пояснил он. – Будь моя воля, я бы сделал его символом всей Флориды, а может и всей Америки. Он умеет подражать любым птицам. Да и не только им.

Дементьев снова прислушался. И действительно прошла еще минута, и за забором послышалось какое-то кудахтанье, а потом скрип повозки и... лай собачонки.

– Эта птица свила гнездо у нашего дома еще осенью. И если так пойдет, то к весне заговорит по-английски, – рассмеялся Уильямс.

Он как-то оценивающе посмотрел на Деменса и вдруг уже совершенно серьезно продолжил:

– Иногда мне кажется, Питер, что пересмешник лучше, чем кто-либо объясняет феномен эмигрантов: их страсть к подражательству. Можно сказать, что каждый из них ведь тоже поет с чужого голоса, поет чужие песни. Ты не находишь?

Дементьев нахмурился. Ему не понравилось это сравнение:

– У меня всегда был свой собственный голос и в России, и в Америке. А еще у меня есть мечта построить здесь на берегах, Тампа Бэя, город, который станет всемирным центром здоровья.

Уильямс кивнул:

– Я тоже читал доклад доктора Ван Биббера и совершенно с ним согласен, что наш полуостров Пинеллас по ландшафту и климату – идеальное место для такого центра. Но даже у такого города может быть только одно имя...

Друзья посмотрели друг на друга в упор, как смотрят противники перед дуэлью, когда револьверы еще в кобурах, но от рокового выстрела отделают мгновения. Дементьев первым прервал молчание.

– Или это будет Санкт-Петербург, или тебе, Джон, придется искать нового компаньона.

– Тебе тоже.

В тот вечер они попрощались сухо и холодно и несколько недель вообще не разговаривали друг с другом.

А тем временем по всему графству Пинеллас поползли слухи, что железнодорожная компания Деменса будет распродана за долги, а первый поезд, который ожидали уже в июне, придет, в лучшем случае, через год и только на север залива Тампа. Причина, якобы крылась в том, что глубины у причала,

строившегося рядом с ж/д вокзалом, оказались меньше необходимых для швартовки судов 12 футов. А ведь задумывалось, что новый город и порт станет конкурентом Нового Орлеана на пути товаров в Центральную Америку. Цены на землю в графстве стали также стремительно падать, как они росли последние месяцы. Никто из местных жителей и компаньонов не мог понять, в чем дело: почему нельзя углубить фарватер, или удлинить причал или, наконец, построить дамбу, дойдя до нужных глубин. Никто, кроме двух человек, хранивших молчание. Но не зря говорят, что тайну, которую знаю двое – знают все. Во всяком случае, ее может узнать третий, тем более, если этот третий – человек опытный и проницательный. Таким человеком оказался начальник почтовой службы Пинеллас Пойнта Майкл Шоу, четверть века объезжавший на своем старом скрипучем дилижансе все сельскую округу.

Мистер Шоу был человеком не только опытным, но и по своему амбициозным. Он уже давно мечтал стать городским почтмейстером, и эта предпенсионная мечта простого почтового служащего обещала сбыться с первыми паровозными гудками на местном побережье. Симпатии Майкла Шоу были на стороне этого упертого русского – Питера Деменса, которого даже угроза суда линча со стороны взбунтовавшихся железнодорожных рабочих, не остановила от идеи достроить дорогу.

Майкл хорошо помнил, как он полгода назад на своем почтовом дилижансе под охраной полицейских привез на новую ж/д станцию в джунглях два тюка с деньгами – это было жалованье рабочим за последние три месяца. Чтобы получить в банке новую ссуду, мистер Деменс, не дожидаясь решения правления, заложил свой дом, а сам остался в заложниках, на прикованном цепями к рельсам паровозе.

Отчаявшиеся рабочие были настроены решительно. На перроне даже соорудили виселицу, и веревка с петлей несколько часов угрожающе покачивалась перед глазами Петра Дементьева, пока мистер Шоу гнал дилижанс с деньгами по ухабам лесной дороги.

Когда мистер Деменс расписывался в получении денег, у него хватило духа весело подмигнуть почтмейстеру:

– Все-таки мой небесный покровитель – святой Петр неплохо ко мне относится. И с моей стороны будет просто черной неблагодарностью, если я не назову новый город в его честь.

Мистер Шоу был протестантом и не признавал почитания святых, но это оказался тот случай, когда он был полностью согласен с мистером Деменсом. Предусмотрительный почтмейстер даже подготовил письмо в далекий Вашингтон с ходатайством в Post Office Department присвоить новому населенному пункту на берегах Залива Тампа имя Санкт-Петербург. Письмо это лежало в сейфе и ждало своего часа. А пока, решил почтмейстер, должна была сказать свое слово Мисс Фортуна, без которой трудно представить любое успешное предприятие американских пионеров.

Именно поэтому почтмейстер Майкл Шоу предложил Питеру Деменсу и Джону Уильямсу решить спор самым простым способом – подбросить монетку. И местом для этого был выбран единственный приличный салун в Пинеллас Пойнте.

Все было устроено как нельзя лучше, но вот теперь 20-долларовый золотой никак не хотел ложиться на бок ни той, ни другой стороной. Хозяин салуна старина Джек, стоя на коленях и громко сопя, еще раз пошарил руками в темном углу и попросил посветить ему керосиновой лампой. Все, не стовариваясь, посмотрели на почтмейстера. Это был человек, которому жители графства доверяли не только свои посылки, письма, деньги, но и семейные тайны. Майкл Шоу слыл местной достопримечательностью, как человек чрезвычайной честности. И если бы сейчас золотой просто провалился сквозь землю, а почтмейстер сказал, что видел это своими глазами, то ему бы поверили, потому как это сказал сам мистер Шоу!

Почтмейстер без суеты снял с крючка висевшую у входа керосиновую лампу, зажег фитиль, вернулся к столу и присел на корточки. Через несколько секунд он встал, и, оглянув всех, заявил:

– Джентльмены, я готов засвидетельствовать, это орел.

– Да, – подхватил хозяин салуна, пыхтя и вставая со скрипучих колен, высоко держа над головой поднятый золотой. Но этого подтверждения уже не требовалось. Все согласно закивали головами.

И почтмейстер, и сыновья Джона Уильямса подошли позвать Дементьеву руку. Ведь теперь новый город будет носить выбранное им имя!

Генерал Уильямс подошел последним и несильно ткнул Деменса тростью в живот. Уильямс был слегка ошарашен, но вот уже снова взял себя в руки и погладил свою патриаршую бороду, будто что-то замышляя.

– Питер, но ведь первая гостиница, которую мы здесь построим, будет носить имя Детройта, – сказал он. – И разрази меня гром, если это здание не простоит столько же, сколько и новый город!

Петр Дементьев улыбнулся:

– О, тогда у меня нет сомнений, Джон, что это здание будет построено на века.

Эти слова Петра Алексеевича Дементьева оказались пророческими.

Гостиница «Детройт» в даунтауне, и сегодня остается старейшим каменным зданием флоридского Санкт-Петербурга. Автору этих строк довелось побывать в ней и даже посидеть вместе с завсегдатаями местного бара. Правда, это уже давно не гостиница, а престижный музыкальный клуб. И многие его посетители уже и не знают, почему именно Детройтом названо это старинное кирпичное здание. Пришлось рассказать...

Но в городе чтят имена основателей. Об этом рассказывают экспонаты в местном музее. Об этом напоминает парк и набережная имени Питера Деменса, где на месте первого причала и первого ж/д вокзала установлен памятный знак с описанием тех далеких событий.

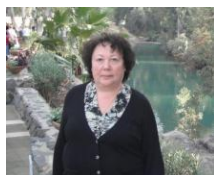
Санкт-Петербург – одна из ярких жемчужин в ожерелье красот Флориды. Здесь лучший в мире, за пределами Испании, музей Сальвадора Дали. Здесь прекрасные песчаные пляжи на живописных островах, соединенных мостами, чем-то напоминающими бесчисленные мосты города на Неве. Здесь тихое, в отличие от бурного атлантического побережья Флориды, ласковое море. И здесь, наконец, 360 солнечных дней в году, чему наверняка мог позавидовать даже основатель Северной Пальмиры Петр Великий.

Теплым, погожим ноябрьским днем, гуляя по набережной Деменса, я вдруг поймал себя на мысли, которая кому-то из моих соотечественников покажется, мягко говоря, непатриотичной. Я подумал, как хорошо все-таки, что Петр Алексеевич Дементьев уехал из России. Не стал по-обломовски доживать свой век в родном имении, не сделался местным чиновником или торговцем, не вышел даже в придворные петербургские генералы. Делателей таких «карьер» в России хватало и без него.

Впрочем, возможно, и на Родине деятельного и талантливого Дементьева ждала прекрасная будущность промышленника, издателя и публициста, политика и мецената. Ведь позднее, он не раз приезжал из Америки в Россию, издавал газету, продвигал общественные проекты, вел дружескую переписку с Петром Столыпиным, хотя не принимал и не мог принять самодержавного строя. Кто знает, как сложилась бы его другая, неэмигрантская судьба... Но одно очевидно. Не было бы тогда сегодня у российского Санкт-Петербурга, раскинувшегося на берегах Финского залива, города-тезки, города-побратима на берегах залива Мексиканского. А значит, меньше было бы одной исторической, культурной ниточкой из тех, что через века соединяют россиян и американцев, из тех, что во все времена особенно нужны народам географически далеким, но по сущности близким. А сейчас – нужны, может быть, как никогда.

Ирина Евсикова

Колумбия, Мэрилэнд, США

ЮРИЙ ТАБАХ – КАПИТАН 1-ГО РАНГА ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ США

Юрий Табах приехал в США с родителями, старшей сестрой и бабушкой в 1976-ом году. Отец Юрия – Зиновий Ильич и мама

Римма Яковлевна были успешными московскими врачами. Он – стоматолог, она-гематолог. Зиновий Ильич с трудом принимал советскую жизнь. И как только у евреев появилась возможность выезда, он одним из первых собрал семью в дорогу. Все кто жил в то время в Советском Союзе хорошо помнят, сколько всяческих преград приходилось преодолевать на пути к отъезду, сколько унижения и обид досталось каждому. Собрания на работе, недоброжелательство коллег и соседей, поборы при оформлении выездных документов. Родители старались ограждать детей, особенно подростков, от разборок в школе.

Предстоящая неизвестность пугала гораздо меньше, чем страх оказаться «в отказе». Семья приехала в Филадельфию, где большая еврейская община традиционно принимала беженцев. Первые годы иммиграции оказались нелегкими, особенно для Зиновия Ильича: ему пришлось сменить белый халат врача на комбинезон уборщика на заводе. Юрий пошел в школу, а после занятий мыл посуду в ресторане, ухаживал за лошадьми на ферме, брался за любую работу. В семье Табахов, как и в большинстве еврейских семей, главным было образование. Родители хотели видеть своего сына врачом, а юноша мечтал стать военным. Нашли компромисс: Юрий поступил на фармацевтический факультет и одновременно в военное училище. После окончания университета он получил звание – лейтенант военно-морских сил США и диплом фармацевта. А вот чтобы стать десантником, он в 1986 году закончил парашютно-десантную школу. Первый шаг был сделан: московский юноша стал медиком военно-морской службы США при морском десанте.

Впервые о Юре я услышала от моего зятя Кирилла, тогда капитана-лейтенанта морского флота США. Он только что вернулся из Сан-Диего, где был переводчиком на встрече командования российского и американского флотов. Там он познакомился с Юрием Табахов, тоже капитаном-лейтенантом. В 1990-1992 годах наметилось потепление в отношениях России

с Америкой, офицеров флота, одинаково хорошо владеющих английским и русским языками, направили переводчиками на военные корабли. По приглашению российской стороны, несколько американских боевых кораблей отправились в порт Владивосток. Тогда казалось, что возобновившейся дружбе двух великих держав и их флотов не будет конца, но, поистине, надежной оказалась только дружба двух американских офицеров. Они оба с детства мечтали стать военными, у обоих дедушки служили в кавалерии, правда, дедушка Юрия служил в Конной армии Будённого и защищал Октябрьскую революцию, а дедушка Кирилла – в царской кавалерии, а потом в Белой армии Врангеля. Но оба хорошо понимали, что их дедушки были верны воинскому долгу. Морских офицеров сблизила и верность флоту, и любовь к лошадям, и рассказы о семьях, и даже то, что оба недавно женились и их жены родились в один год и почти в один день и обе эмигрировали подростками из СССР. Был еще один маленький эпизод, который положил начало их дружбе; теперь, спустя четверть века, он вспоминается со смехом.

Случилось это во время их первого визита во Владивосток. Накануне встречи у Кирилла на парадном кителе сломалось крепление на одном погоне, а замены не было. Попытались починить, но не получилось. Тогда Юрий предложил ему свой. Они были в одном офицерском чине, но Юрий принадлежал к медицинской службе с дубовой веточкой на погоне, а у Кирилла была звездочка боевого офицера. Из двух зол выбрали меньшее: прикрепили Юрин погон из запасного комплекта. Русские,

параноидально страдающие шпиономанией, тотчас заметили подмену погона и решили, что кто-то из переводчиков шпион. Всю командировку к ним было приковано повышенное внимание российских спецслужб.

Немного позже, в 1993-м, я услышала о Юрии Табахе от генерал-полковника, вице-президента международной ассоциации военных историков Дмитрия Антоновича Волкогорова. Он с большой симпатией говорил о Юре, особо отмечая способность морского десантника общаться с разными людьми, его отличное чувство юмора и редкое умение увлечь собеседника занятными рассказами. Познакомились они в Москве. Политическое потепление между двумя странами в начале 1990-х открыло новый этап сотрудничества в разных областях жизни. Со времен окончания Второй мировой войны, корейской и вьетнамской кампаний, американское правительство предпринимало много дипломатических усилий, чтобы найти своих летчиков, которые не вернулись на базы после боевых вылетов. Американцы стремились получить хотя бы информацию об останках своих военнослужащих. Но эти сведения были строго засекречены до того момента, пока, по просьбе М.С. Горбачева, от российской стороны американцам начал помогать Д. А. Волкогоров. Как военный историк он работал в секретном военном архиве, доступ в который простому смертному был закрыт. Два правительства при посольстве США в Москве создали совместную военно-поисковую комиссию, в которую был командирован Юрий Табах. Юрий сейчас вспоминает, что в списках пропавших без вести были также найдены имена американцев – участников корейской и вьетнамской войн. Видимо, руководители этих стран, передавали советским секретным службам американских военных, взятых в плен. Предположение подтвердилось.

Со временем я не раз убеждалась в том, что Юрий всегда был центром всех дружеских встреч, мастером короткого рассказа, веселым импровизатором. Однажды в доме Кирилла и дочери собралась большая компания. Встретились близкие и дальние родственники хозяев дома, друзья, многонациональный круг: евреи, русские, украинцы, что типично для иммигрантской

среды. Никто не предполагал, что встреча будет костюмированной, все пришли просто красиво одетыми. За стол не садились. Все ждали Юру и его жену Ирину. Раздался звонок. И на пороге появились два кубанских казака, с шашками, в папахах, из-под которых выбивались вихрастые чубы. Все с любопытством смотрели на вошедших. «Вот и мы, – с вызовом произнес казак, - кажется вовремя прибыли. Погромчик не от вас ли заказывали?». Сначала все от неожиданности опешили, настолько блестяще была сыграна сцена, потом разразились аплодисментами. Восторг был полный.

Юрий с удовольствием и очень смешно рассказал, откуда появилась у него казачья амуниция. История в его устах звучала так: «Во время поездок по России, в середине девяностых, судьба забросила меня в Краснодар. Там активно началось восстановление кубанского казачества. Встречи, как водится, проходили за столом, где не только обильно ели, но и крепко пили. В перерывах объезжали лошадей, попутно ругая свое правительство, «американцев и жидов». Меня хорошо приняли, восхищались мастерством верховой езды, посвятили в Почётные казаки, торжественно вручили новёхонькую форму, папаху и шашку. Вторую форму подходящего размера подарили для «жёнки». И только на третьи сутки, когда съезд подходил к концу и атаманы начали трезветь, кто-то спросил : «А ты, часом, не жид ?» Честно, я ждал этого вопроса. Встал и твердым голосом сказал: «Я – американец российского происхождения иудейского вероисповедания». Они притихли. И чтобы разрядить обстановку, я со смехом процитировал слова одного из героев по имени Лёвка из «Заката» Исаака Бабеля : «Еврей, который сел на лошадь, перестал быть евреем и стал русским». Последовал дружный смех»...

Опасность не раз подстерегала американского офицера Юрия Табаха в Ираке и в Турции, где он командовал антитеррористическим центром НАТО, куда входило семь стран. Именно за эту службу он был награжден орденом Легиона доблести – одной из высших военных наград США.

Ордена, медали, знаки отличия – сегодня всё хранится в домашнем музее, который Юрий и его жена Ирина создали в своем небольшом, скромном доме в Филадельфии. За 26 лет

военной службы семья переезжала 19 раз. В горячих точках он, естественно, бывал без семьи, Ирина воспитывала двоих детей: дочь Мишель и сына Эрика, помогала своим и его родителям, успешно работала по своей специальности, она – финансист. Но, пожалуй, ее главная и самая трудная профессия – быть женой морского десантника. Только последние несколько лет его службы, когда Юрий был начальником штаба военной миссии НАТО в России, в Москве, они долго были рядом. Более чем четверть века семейной жизни Ирина ждала мужа, навещая его то в Польше, то в Турции. Со дня свадьбы она знала, что тоже принадлежит к морскому флоту США.

Стоит сказать пару слов о торжественном и очень красивом свадебном обряде посвящения. Представьте, по обе стороны красной ковровой дорожки стоят морские офицеры в белых парадных мундирах с поднятыми саблями. В конце пути два лучших друга перекрещенными саблями преграждают путь молодым, а один из них палашом касается свадебного платья невесты и говорит: «Добро пожаловать в Военно-Морской флот!». Такое не забывается. Большая свадебная фотография висит в гостиной в центре, окруженная другими семейными фото.

«С момента Перестройки, – рассказывает Юрий, – мне всегда хотелось служить в России. Мне казалось, что больше всего пользы Америке я принесу там, занимаясь разоружением, особенно ядерным. Я мечтал походить по улицам моего детства, встретить любимого учителя Александра Иванова, с которым мы ходили в походы, жгли костры, пели военные песни, встретить школьных товарищей. Один из них – Александр Новиков – сам потом меня нашел. До эмиграции мы жили в Сокольниках на улице Гастелло. Мне было 14 лет, когда семья покинула СССР. Я вырос американским гражданином, офицером, морским десантником, избрав самую опасную военную профессию»...

Как я поняла, для Юрия очень важна семейная история. Он рассказывает о своих дедушках с отцовской и материнской стороны, перечисляет их боевые заслуги, гордится орденом Солдатской Славы 3-ей степени, который получил дедушка Яков Маркович Штейн, закончивший Вторую мировую войну

офицером. В 1947 году его осудили на 10 лет по 58-ой статье, он попал в ГУЛАГ и был освобожден после смерти Сталина. Юрий рассказывает о том, что все братья со стороны отца погибли на фронте, а часть семьи уничтожили в Освенциме. Чудом выжил второй муж бабушки, польский еврей, с которым она встретилась в США. На его руке навсегда осталось лагерное клеймо. Юрий побывал в музее лагеря смерти, когда служил офицером НАТО в Польше.

Мы задержались возле витрины, где под стеклом выложены все лычки военной карьеры: лейтенант, старший лейтенант, капитан лейтенант, капитан 3-го ранга, капитан 2-го ранга и, наконец, капитан 1-го ранга, командор. Мог ли предположить Зиновий Ильич, что его сын, родившийся в еврейской семье московских врачей, станет в США офицером высокого ранга, военным дипломатом, командиром антитеррористического центра НАТО в России?!

Сегодня Юрий Табах в отставке. Он состоит в различных общественных комиссиях по оказанию помощи ветеранам, пострадавшим в военных операциях. На примере собственной судьбы он знает, что значит быть военным, и гордится своей принадлежностью военно-морской службе США. Может быть, именно поэтому, следуя отцовскому примеру, морским офицером стала его дочь – Мишель. Она – старший лейтенант на боевом корабле, командир отсека по контролю за ведением боя. Сын сестры – Ричард Шапиро – служит в военно – воздушных силах, сейчас учится в Академии высшего военного состава. Так Юрий Табах стал основателем семейной военной династии.

На мой вопрос, что он считает самым важным для страны, Юрий ответил: «Самое главное, во имя сохранения мира на земле, выстроить диалог между правительствами, странами, народами, нациями. Мне ясно одно – всему человечеству нужна сильная Америка».

ДВА ВЗЛЯДА НА ВЫБОРЫ: ДЕМОКРАТЫ ИЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ

Лиана Алавердова

Нью-Йорк, США

ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, ДО БОЛИ ЗНАКОМОЕ!

Республиканцы и Трамп победили – Демократическая партия отступила, но не сдалась. Сейчас им самое время заняться тем, что называется «soul searching», а по-русски – покопаться в собственной душе, понять, что же произошло. Демократы тут оказались наименее демократичны. Традиционные упреки с их стороны: республиканцы, дескать, защищают интересы толстосумов, можно вернуть с лихвой: Клинтон и вся демократическая верхушка пользовалась наиболее щедрой поддержкой со стороны мультинациональных корпораций и пока еще не оккупированной Wall Street, именно они защищали существующий порядок вещей, где рабочие места уплывали за границу, а рабочих уверяли, что глобализация так же неизбежна, как и разогрев планеты. Умники заслуженно продули кампанию, так как потеряли поддержку рабочего класса, этой «соли земли», от имени которого они десятилетиями разглагольствовали, а превратились в партию маргиналов: расовых и сексуальных меньшинств, феминисток и других борцов с мировым злом. Демократической партии впору переименоваться и назвать себя социалистической, чего они, по понятным соображениям, не сделают, но было бы, ей-ей, честней.

Не огорчайтесь. Объективно время работает на демократов и против республиканцев. Либеральная профессура, бывшие битники и лохматые любители марихуаны, посеяли драконы

зубы – выросло племя младое, с историей не знакомое, на интернете возвращенное, по университетским сусекам метёное, Голливудом и либеральными СМИ испеченное, анти-американизмом стуженое, словом, хоть куда! Племя, привыкшее, чтобы мамы да няньки над ним тряслись, чьи таланты, мнимые или подлинные, возносились до небес, не знавшее ни настоящих трудностей, ни того, как во всем мире люди живут и свой хлеб добывают. Не жившие при социализме, привыкшие к мгновенным удовлетворениям своих потребностей, одним словом, что понадобится – то вынь да положь. Сейчас у этих *enfants terrible* настоящая истерика, они бьются в припадке и возлагают гомеопсихические надежды на решение Коллегии выборщиков, которым предстоит проголосовать 19 декабря.

Линия траншей перерезала семьи и узы дружбы, конечно же, не только по возрастному признаку. Но все же для многих эмигрантских семей характерна картина, когда бабушки-дедушки и родители за Трампа, а дети – оголтело против. Старики, выросшие при социализме, обладают безошибочным чутьем на него, а перенесенная на американскую почву, а то и уродившаяся на ней наша молодежь глядит на мир иначе.

Кто ж они такие, эти цветочки, выросшие на либеральном поле? Они наши дети и внуки. Поколение *Millenials*, или «тысячники», или поколение «Y», идущее следом за поколением «X», а за ними, следовательно, наступит черед поколения «Z», но это уж потом... К «тысячникам» относят тех, кто, по мнению авторов термина Уильяма Страуса и Нила Хау, родились между 1979 и 1994 гг., и кто около 2000 г. будет заканчивать школу. Это наше будущее, это будущее Америки.

Каковы их характерные особенности?

Это поколение, наименее толерантное к любым проявлениям расизма, ксенофобии, наиболее склонное к межрасовым и межэтническим любовным связям и безоговорочно одобряющее однополые браки. Именно поэтому предводители демократов и давят расовую педаль, соответственно объявляя республиканцев и их руководителей расистами, ксенофобами, словом, злодеями, достойными всяческого осуждения.

Это поколение, считающее неотъемлемыми правами личности наряду с теми, которые нашли отражение в Конституции, еще и

уйму других, как-то: право на бесплатное медицинское обслуживание, на образование, на предоставление и нелегальным иммигрантам, включая затесавшихся в их ряды террористов, легальных прав, гарантированных Конституцией американским гражданам.

Окруженная любовью, заботой и восхищением с молодых ногтей, американская молодежь выросла чрезмерно сензитивной по отношению ко всему, что не отвечает их стандартам политкорректного поведения, и обнаруживает недюжинную агрессивность в отношении не согласных с ними. В университетских кампусах не согласным с демократическими взглядами затыкают рты, выступающих с консервативными взглядами не приглашают, а если приглашают, то устраивают обструкцию, то есть отрезают всякий путь к диалогу.

Это поколение называют еще поколением «бумеранга». Многие из молодых людей, закончив высшие учебные заведения, не в состоянии найти работу по специальности. Обремененные университетскими долгами, они возвращаются из университетских общежитий под родительский кров. Это стало довольно частым явлением в индивидуалистской Америке, никогда прежде не сталкивавшейся со столь поздним взрослением молодежи. Согласно недавнему исследованию, проведенному AARP, более 40% молодых людей от 21 до 26 лет живут с их родителями. Большинству из них грозит возможность остаться «вечными студентами». Более 81% студентов колледжа признались, что хотели бы продолжить свое образование и далее.

Millenials ценят открытость и прозрачность, включая открытый протест. Они более склонны жаловаться на любое действие, представляющееся им несправедливым, причем делают это через социальные сети. Магазины и универмаги давно знакомы с этим феноменом, который потенциально в состоянии нанести существенный ущерб их репутации. По замерам социологов, это поколение в 2006 г. стояло на 30% выше на шкале личностного нарциссизма, чем их предшественники в 1979 г.

В отличие от их отцов и дедов, молодежь не старается осесть на одном месте и закрепиться там. Напротив, они прыгают с места на место в поисках новых возможностей, причем

мотивируют свой поиск не столько финансовыми соображениями, сколько желанием найти нечто более интересное, более совпадающее с их интересами и жизненными ценностями. Мне представляется, не имей эти молодые люди финансовой подкормки со стороны своих родителей, они были бы скромнее в своих притязаниях. К тому же, в современной Америке молодежь не торопится обзаводиться семьями и, следовательно, можно «искать себя» довольно долго, вплоть до первой седины, а то и далее.

Они дети беби-бумеров, то есть тех, кто был рожден в Америке в послевоенные годы, стал хиппи в 1970-е и в общем-то прожил вполне благополучно, не зная нужды. Если только 29% беби-бумеров получало высшее образование за «лоны», в долг, то тысячники в подавляющем большинстве (64%) следуют их примеру. Молодые желают разбогатеть (81% опрошенных первокурсников в Университете Калифорнии сказали, что для них быть богатым очень важно), а голосуют в основном за демократов. По данным социологов, это поколение в большей мере эгоистично зациклено на своих интересах в противовес заботам об интересах общины и общества в целом. Одна из статей в журнале *Time* назвала их поколением *Me, me, me*. Избалованные и находящиеся под влиянием иллюзий, многие из молодежи озабочены такими целями, как свой имидж, деньги и слава. Сказанное не старческое ворчание, а вывод, к которому пришли социологи на основании десятилетия научных исследований.

Поговорим о бунтующей молодежи, выступающей против вновь избранного американского президента. Они бунтуют, потому что их профессора, газеты, телевидение, множество авторитетных говорящих голов и пикейных жилетов сказали им, какой ужасный выбор сделала Америка, избрав Трампа. Они бунтуют, потому что кто-то из них желает выдвинуться и заработать собственные очки в карьерной лестнице. Они бунтуют, потому что их спонсируют сотни организаций и сообществ, желающих отомстить республиканцам и показать собственную значимость. Они бунтуют на деньги толстосумов, вроде Джорджа Сороса, желающих ловить рыбку в мутной воде. Это бунтуют их гормоны, которым надо выкричаться и

побушевать, поиграть мускулами перед девушками. Они бунтуют, а кто-то из них попутно грабит магазины и набивает собственные карманы.

«Погогочут гусаки – и перестанут...»? Это вряд ли... С каждым годом к числу голосующих прибавляются новые четыре миллиона тысячников. К 2020 г., когда последний из поколения Y присоединится к стану избирателей, это поколение будет представлять почти 40% голосующих. Что неутешительно для республиканцев: подавляющее большинство тысячников голосуют за демократов. В 2012 г. 60% молодежи в возрасте от 18 до 29 лет голосовали за Барака Обаму и только 37% за Мита Ромни. Может и вправду, – борьба Дональда Трампа и республиканцев на этих выборах была наш последний и решительный бой?

Роман Солодов

Нью-Джерси, США

ТРАМП КАК ПРИМЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ МЕТАМОРФОЗЫ

На заре туманной юности Советской власти ее руководитель нашел, можно сказать, гениальное определение либералам Запада. В двух словах он обозначил суть этих людей и их огромную моральную пользу для советского режима. Сегодня мы даже не представляем, насколько эти люди помогли большевикам удержаться у власти в те годы. А позже они способствовали легимитизации практически всех людоедских акций, проводимых коммунистами против своего народа. Ленин назвал их «полезными идиотами». Здесь не будем говорить о журналистской мелюзге, которую просто покупала быстро вставшая на ноги и расправившая плечи советская разведка. Такого рода журналистов хватало во всех странах Запада.

Оглядываясь назад, можно только пожалеть плечами в недоумении, насколько были слепы эти в общем-то неглупые люди. Авторы книг, полотен, музыки, кинофильмов. Их имена были у всех на слуху, их речи, статьи, в которых они воспевали и защищали советский режим, распространялись средствами массовой информации. Они способствовали выводу Советов из международной изоляции в начале двадцатых. «Полезные идиоты» не писали законов. Как правило, это были люди творческие и в перерыве между созданием произведений искусства они создавали общественное мнение: их речи, статьи, защищавшие советский режим, распространялись средствами массовой информации. Они не только агитировали за советскую власть. Они работали на нее в правительствах и научных институтах, в секретных лабораториях, конструкторских бюро...

Сегодня уже невозможно определить, сколько идей, рожденных на Западе, «воплотились в металле» в СССР. Одна атомная бомба чего стоит! Помощь «полезных идиотов» в ее создании переоценить трудно.

Но СССР в конечном итоге проиграл Холодную войну. «Полезные идиоты» не помогли. Этот строй был обречен. Проиграла вместе со всей страной и разведка. Так всегда проигрывает государство, вместе с ним проигрывает и разведка, какой бы великой она ни была. Штирлиц, победивший Мюллера, проиграл Джеймсу Бонду.

Но русские разведчики довольно быстро оправились и начали воплощать в жизнь идею реванша. И сегодня мы видим, как эта идея воплощается в жизнь во многих странах Запада, включая и США. Речь не идет о краже новейших технологий. Разрыв между Западом и Россией настолько велик, что воссоздать украденное в металле практически невозможно. Проще купить либо тайно вывезти готовое. Реванш берется в политике с помощью современных методов борьбы за влияние. В данном случае, за влияние на исход выборов президента США. Это очень серьезно. Давайте попробуем разобраться.

В пятницу (12.8.16) газета «Вашингтон пост» сообщила, что чиновники администрации Белого дома разместили на правительственном сайте собранные спецслужбами свидетельства, показывающие роль России в кибератаках на

компьютерные системы по меньшей мере в двух штатах и взломе электронной почты штаб-квартиры Демократической партии и лично г-жи Клинтон. Чиновники призвали к созданию объединенного двухпартийного фронта в ответ на угрозу национальной безопасности, вызванную беспрецедентным вмешательством иностранного государства в избирательный процесс.

О вмешательстве русских сейчас столько написано, что перечисление одних только заголовков займет много страниц. Только ленивый об этом не писал, только слепой об этом не читал. Вызывают удивление два момента. Во-первых, вялая реакция президента в момент получения им сообщения о вмешательстве русских. Он задним числом попытался объяснить это: не хотел политизировать процесс. Насчет президента все ясно: он настолько был уверен в победе Клинтон (в июле разрыв в ее пользу был огромен), что решил не вмешиваться. И так победит! Это была катастрофическая ошибка.

А на втором моменте стоит остановиться подробнее. Комментаторы и журналисты обсуждали то, что вообще нечего было обсуждать. Все эти безвредные e-мейлы, откровения Викиликс – филиала русских новостных каналов, «шокирующие» открытия, свидетельствующие только о том, что демократы (исключительно демократы) - тоже люди, которым ничего человеческого не чуждо. Это и многое другое безостановочно перемалывалось обозревателями практически всех новостных каналов. Они выдавали макулатуру чуть ли не за Божьи откровения, даже когда сразу было видно, что ничего криминального в этих материалах нет. История с сервером г-жи Клинтон навязла в зубах. А ведь никакого ущерба страна не понесла. Сегодня это ясно. Письмо директора ЦРУ о том, что ФБР НИЧЕГО не нашло, это подтверждает. Но как повело себя это пресловутое бюро за неделю до выборов, сегодня известно каждому. И если кто-то скажет, что это не повлияло на исход выборов в трех ключевых штатах, где Трамп победил с разрывом меньше чем в один процент, то такое утверждение, кроме удивления, ничего не вызовет.

Вновь избранному президенту журнал «The Times» приклеил кличку «полезного идиота». Скорее всего в редакции знали, что автором этого термина является Ленин. Журналисты оценили поведение Трампа во время кампании и даже после выборов.

Можно вспомнить, как высказывался Трамп в начале своей избирательной кампании о Путине: он восхвалял его, даже восхищался этим врагом Соединенных Штатов. Доходило до неприличия. Потом, после отставки Пола Матафорта, оказавшегося русским агентом влияния, пропутинская риторика несколько ослабла. Но стало ясно, на чьей стороне будущий президент Америки. Возникает вопрос: почему? Восхищение сильной личностью? Но, во-первых, Трамп сам по себе не слабак, а во-вторых, преклонение перед лидером враждебного государства во время избирательной кампании может дорого обойтись кандидату. История показывает, что это плохо кончается для политика. В свое время на этом погорел Джозеф Кеннеди, отец будущего президента. Он восхищался Гитлером, и это стоило ему карьеры и Белого дома.

Но Трампу все как с гуся вода. Все его оскорбления, ложь, хулиганство в эфире, эпатаж... ложились в одну корзину с негативной информацией, зачастую ложной («crooked Hillary»), относительно г-жи Клинтон. Он доводил толпу до истерики, когда она начинала скандировать: «Lock her up!» Откуда все шло? Внутренние источники известны – республиканцы. Достаточно вспомнить пресловутый комитет по Бенгази, без фанфар прекративший свое существование. А сколько было лжи! Оказалось в итоге, что г-жа Клинтон не имела к этой трагедии никакого отношения. Но грязь-то прилипла!

Были и внешние источники. Достаточно назвать один: Викиликс. Эта организация давно превратилась в филиал русских новостных каналов, которые правдивостью никогда не отличались. Грязная ложь лилась струей только в одну сторону: поливались демократы и г-жа Клинтон. Неудивительно, что Трамп победил в ключевых штатах с минимальным перевесом. Но победил! Благодаря русским тоже. Между прочим, он сразу же отказался от преследования Клинтон. Но не потому что

великодушен, просто ей нечего предъявлять. А вот самому Трампу есть что скрывать.

Он дезавуировал выводы ЦРУ, заявив, что прямых доказательств вмешательства русских нет. Они уже были, но Трамп стоял на своем. Он раз за разом утверждал, что хакерами могли быть китайцы или даже какой-то парень из Нью-Джерси. Его высказывания совпадали с выступлением российских официальных лиц. Стороны дополняли друг друга в своих «отрицаниях». Об этом тоже много уже написано. Повторяться не стоит.

Но дело совсем в другом. Когда начались разговоры о вмешательстве России, кто стал выступать против расследования? Вопрос риторический. Всем известно о совпадении позиции республиканцев и избирательного штаба Трампа. Более того, расследование ФБР этого вопроса, вдруг увяло в критические для избирательной кампании месяцы – сентябре и октябре. Все сошло почти на нет. Удивляться не приходится, если вспомнить, как за неделю до выборов вдруг открыли новое дело по e-мейлам Клинтон и за два дня до выборов закрыли. Теперь уже навсегда. Но дело было сделано, ибо тысячи избирателей изменили свое мнение в пользу Трампа. ФБР откровенно сыграло ему на руку.

Республиканцев, отрицающих влияние России на выборы, оказалось достаточно много. Их поведение поражает. Ведь именно они гордо несут флаг с надписью «патриоты». Где же был их патриотизм, когда заговорили о вмешательстве другого государства во внутренние дела США? Большинство республиканского истеблишмента принципы были отброшены из-за стремления не упустить власть из рук. Они стали защищать Россию. И вот результаты их защиты России: если в июле среди избирателей Трампа 26% относилось к ней положительно, то к ноябрю эта цифра поднялась до 31%. А негативное отношение к России упало с 59 до 51%. Всего лишь за 4 месяца! И это при том, что шум о вмешательстве уже возник. Читателю это не напоминает поведение «полезных идиотов» прошлого? Все повторяется. В годы СССР полезные идиоты создавали

положительное мнение об СССР, сегодня они создают положительное мнение о путинской России.

Рассмотрим ее поведение в международных делах. Россия выглядит в глазах народов малоприятным субъектом, слоган которого состоит из трех слов: «А ты докажи-и-и!»

А ты докажи, что это мы начали войну с крошечной Грузией? А ты докажи, что это мы открыли стрельбу на поражение на Майдане и сорвали договор Януковича с народом. А ты докажи, что русская армия воюет в Украине. А ты докажи, что это мы сбили Боинг! А ты докажи, что допинг на Олимпиадах применялся на государственном уровне! А ты докажи, что это мы разбомбили гуманитарный конвой в Сирии!.. А ты докажи, что мы сеем слухи и дезинформацию в Западной Европе, чтобы пробудить в народах неверие в их институты, создать хаос и в конечном итоге разорвать Европейский Союз. Мешает он путинской экспансии.

Когда В. Познеру на CNN стали задавать вопросы о вмешательстве России, мы слышали знакомое «А ты докажи!» Ну, с Познера взятки гладки, он делает свою работу, но почему республиканцы стали ему помогать? Почему они выступили на защиту российского монстра? Еще раз ответ: им нужен свой президент. С появлением в Белом доме Трампа вся власть будет сосредоточена в их руках.

Мы являемся сегодня свидетелями поразительной исторической метаморфозы. Место «полезных идиотов», работающих на СССР, заняли крайние консерваторы и леваки. Они заполнили нишу, оставленную либералами, и делают все возможное, чтобы победили Путин и его политика. Они устроили Брекзит, они сорвали попытку премьера Италии навести порядок в законодательстве. Они сегодня разворачивают кампанию против Меркель, ибо она является наиболее влиятельным и сильным врагом Путина на континенте. Германия уже паникует! Путин открыто поддерживает крайне правых во Франции. И послушайте речи Марин Ле Пен о России. Она честно отрабатывает путинские деньги.

Сегодня мы видим, как по поводу вмешательства России в избирательный процесс в Америке на сторону Путина, помимо Трампа и его штаба, встали консервативные республиканцы.

Лидер сенатского большинства М. Макконелл еще вчера произносил уже знакомое: «А ты докажи!»! Сегодня он заявляет обратное: «Нужно полное и тщательное расследование, Россия нам не друг». А раньше он об этом не знал? Но дело-то уже сделано – Трамп президент.

И остался самый важный вопрос: почему Трамп произносит речи, делающие честь «полезным идиотам»? Казалось бы, что ему Путин! Откуда вдруг такая любовь? Дошло уже до того, что он «другана» Игоря Сечина выбрал на пост Госсекретаря. Теперь глава Роснефти может быть спокоен: Путин его не уволит. А кем еще является мистер Р. Тиллерсон (награжден орденом «Дружбы народов» в 2012 году), если он десять лет находится в тесном контакте с русским нефтяником? Трамп говорит о том, что у американского нефтяного магната огромный опыт ведения переговоров и большие личные и даже дружеские контакты с руководителями других государств. В общем великий выбор! Трамп делает вид, что не видит разницы между переговорами бизнесменов и дипломатов. Может быть, на самом деле он слеп? Недаром партийная пресса Китая назвала Трампа «неграмотным ребенком в вопросах внешней политики». Новоиспеченный президент как будто не знает, что в международных делах личная приязнь или неприязнь практически не оказывают влияния на отношения между странами. Так почему все же такая любовь к Путину? Есть одно предположение.

Когда Трамп первый раз заявил о своих политических амбициях, он немедленно попал в сферу интересов русских спецслужб. Говорят даже, что его пребывание в люксе пятизвездочного отеля, где до него останавливался Обама, было снято на камеру. Речь не идет о компромате. Зафиксировали для истории. Это вполне естественно. Кандидат Запада и Востока становится объектом наблюдения разведки. Но у русских есть своя специфика – они взламывают личные компы таких кандидатов и организуют прослушку и запись их телефонных переговоров. Легко догадаться, что компы Трампа не обладали в то время (да и сегодня тоже) той степенью защиты, которая есть у правительственных серверов. Для любого хакера вломиться в РС не составляет никакого труда. Первая же информация о

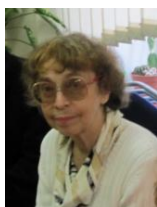
деятельности Трампа, положенная на столы руководителей разведслужб, должна была показать, что в их руки попал клад. Речь не шла о государственных секретах – Трампа к ним не подпускали. Но вот личная жизнь будущего президента была далека от идеальной. В распоряжение русских могли попасть его переговоры с адвокатами, например, как избежать уплаты налогов; могли обсуждаться и другие интересные темы: переписка с подчиненными, друзьями, финансистами, бизнесменами, женщинами... Тысячи e-мейлов, разговоры, о которых сегодня Трамп хотел бы забыть, оказались, – если мы примем наше предположение – в руках Путина. Наверняка в России накопился материал, способный стереть в порошок его карьеру, если не хуже.

Потому Трамп – если наша гипотеза верна – даже не хочет приходить на заседания, где агенты разведслужб докладывают о хакерской деятельности российских агентов, и не только об этом. Кто еще, кроме них, лучше знает Россию в Соединенных Штатах? Но Трамп понимает, что сделать ничего не может. Путин держит его за горло!

В дебатах г-жа Клинтон прямо назвала своего противника «марионеткой Путина». Суть ответов Трампа сводилась к уже известному: «А ты докажи!» К сожалению, ее обвинения прошли мимо внимания средств массовой информации. Все занимались ее e-мейлами. А было бы неплохо внимательней прислушаться к ним на стадии дебатов и поднять шум по этой причине. По крайней мере, не меньший, чем по поводу ее почты. Сегодня у нас мог бы быть другой президент. Но теперь мы будем жить под руководством Трампа, чье отношение к Путину вызывает недоумение, по меньшей мере. Обама приказал разведчикам выдать полный отчет о результатах их расследований до его ухода 20 января. Вряд ли мы увидим что-то новенькое. Потому нет желания развивать тему взаимоотношений Путина и Трампа. Обождем. Жизнь покажет. Во всяком случае, более «полезного идиота», чем Трамп, Россия еще не получала.

Елена Пацкина

Москва, Россия

ПИСАТЕЛЬ ЭДГАР ХАУ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ. ИЗ ЦИКЛА «ВООБРАЖАЕМЫЕ БЕСЕДЫ С МУДРЕЦАМИ»⁵

Сегодня наш медиум мысленно пообщался с американским писателем Эдгаром Хау (1853-1937). Предлагаем запись их беседы.

М.– Уважаемый мистер Хау, Вы прошли длинный жизненный путь, многое повидали и осмыслили. Скажите, в каком возрасте человек приобретает достаточно опыта и знаний, чтобы правильно организовать свою жизнь?

Э.Х. – Едва успеваешь по-настоящему набраться ума-разума, как тебя уже кличут «старой перочницей».

М.– Вас это огорчает или забавляет?

Э.Х. – Если Вы не научились смеяться над бедами, вам просто не над чем будет смеяться на старости лет.

М.– Вы правы. Но не всем дано настолько возвыситься над прозой жизни. Это особый дар. Юмористам легче – их обычно любят самые широкие слои населения, что сулит успех.

Э.Х. – Если человек добивается успеха, то не благодаря кому бы то ни было, а вопреки всем.

М.– Возможно. Но если не люди, то уж деньги всегда способствуют успеху, – на них можно все купить. Так думают сегодня многие.

⁵ Все высказывания писателей и философов взяты автором бесед из их сочинений.

Э.Х. – Если человек говорит, что деньги могут всё, значит, у него нет ни гроша.

М.– Возможно. Однако, успех и деньги – еще не всё, главное – любовь. Уж она-то не обманет.

Э.Х. – Любовь – игра, в которой обманывают оба.

М.– Разве Вы не верите в любовь?

Э.Х. – Несомненно, любовь существует, иначе откуда столько разводов?

М.– Да, это убедительно. Просто перед свадьбой влюбленные дают обещания, которые потом не в силах выполнить.

Э.Х. – Половина обещаний, на неисполнение которых мы жалуемся, нам никогда не давалась.

М.– Мы часто принимаем желаемое за действительное. Но ведь каждому хочется, чтобы его любили и уважали, особенно близкие. Впрочем, далекие тоже.

Э.Х. – Я не знал ни одного человека, который был бы настолько плох, чтобы мне не хотелось заставить его восхищаться мной.

М.– Вы не находите, что это очень обременительно? И разве не скромность украшает человека?

Э.Х. – Скромным человеком, как правило, восхищаются, – если кто-либо что-либо о нем слышал.

М.– Зато в своем кругу он, наверное, обладает блестящей репутацией?

Э.Х. – Ваша репутация – это то, что говорят у вас за спиной.

М.– Как говорится, «за глаза и царя бранят». Думаю, лучше этого не слышать и самому безупречному человеку. Кстати, безупречный человек – этот тот, кто живет в соответствии со своими идеалами?

Э.Х. – Жить в соответствии со своими идеалами – все равно что надевать воскресный костюм для черной работы.

М.– Вы так думаете? А разве не следует, следуя идеалам христианства, возлюбить своих врагов ?

Э.Х. – Прежде чем возлюбить своих врагов, попробуйте чуть лучше относиться к своим друзьям.

На этом пожелании наш разговор прервался и мистер Хау нас покинул...

Глава 3

О литературе

Самуил Кур

Сан-Франциско, США

ЮМОР И ФИЛОСОФИЯ. ПАМЯТИ ФЕЛИКСА КРИВИНА

4 декабря 2016 года в Беэр-Шеве, в Израиле, скончался Феликс Кривин. Для русской литературы это большая потеря. Вместе с ним уходит в прошлое удивительный, неповторимый и очень ёмкий мир, в котором играло всеми своими яркими гранями Слово. Русское слово.

Жизненные обстоятельства, сопровождавшие его ранние годы, казалось бы, давали мало поводов для юмора. В 5 лет остался без отца. В 13 с мамой и сестрой бежали от войны. Подростком работал на заводе, повредил глаз. Вернувшись из эвакуации, в Измаил, устроился мотористом на баржу Дунайского пароходства.

Но уже в 1946-м – первая публикация в газете. Потом был киевский пединститут. Спустя много лет Наташа Кривина так рассказывала мне о своей первой встрече с будущим мужем:

«Впервые я увидела Феликса 2 сентября 1947 года. Когда я утром зашла в нашу аудиторию, он стоял у окна, опершись о подоконник. На нём были матросские брюки-клеш и тубетейка. Он выглядел таким молоденьким! И я подумала: «Боже ж мой, и таких детей принимают в педвузы!» И никто из находившихся там свежеиспеченных студентов-первокурсников не подозревал, что накануне, 1 сентября, когда они слушали вступительные лекции преподавателей, этот мальчик сидел в огромном зале на I съезде молодых писателей Украины. И если был он на нём, возможно, не самым молодым, то уж точно единственным баснописцем».

Да, Феликс Кривин начинал с басен. Уже в середине 50-х талантливому, своеобразному автору заметила «Литературная газета» и опубликовала несколько его вещей. Вскоре после этого ему предложили должность редактора в закарпатском Ужгороде, в местном издательстве. Казалось бы, всё идет замечательно. Умение писать басни – дар редкий, мастеров этого жанра на всю страну не больше десятка наберется. И всё же... В жесткой конструкции традиционной басни ему было тесно. Приходилось следовать строгим правилам – из искусственно созданной ситуации выводить непогрешимую мораль. При таком раскладе – ни тебе свободного полета мысли, ни вспышки фантазии. А литература как раз и влекла его к себе неограниченными возможностями. Но как найти в ней то самое, заветное, единственное, место, которое предназначено для тебя?

И он нашел его. Это был оригинальный замысел – новых, не виданных ранее сказок. Причем, сказок для взрослых. Емких и максимально динамичных – где от экспозиции до развязки один шаг. И где персонажами являются вещи. Это открытие стало несомненной удачей писателя. Предоставив сцену неодошевленным героям, Кривин одарил всё неживое человеческими качествами. То есть наделил их правом совершать поступки и делать ошибки.

Как-то незаметно выяснилось, что сказка нужна и взрослым – ничуть не меньше, чем детям. Более того – даже сегодня, когда сбываются самые невероятные мечты. Для современного человека тренаж сказкой или притчей – это интеллектуальная зарядка: она оттачивает ум, учит видеть невидимое, вскрывает парадоксальность мира, созданного человеческими руками. Вакансию сказочника такого рода – не просто свободную должность, а вообще не объявленную на нашей планете – занял Феликс Кривин.

В его миниатюрах основным и наиболее частым приемом решения художественной задачи становится словесная игра. А высокий результат достигается за счет поразительного разнообразия и непредсказуемой трансформации игровых ролей слов. Оно, слово, как актер, меняет маски, иногда прямо на наших глазах, создавая запоминающийся образ.

Вот несколько примеров.

Нарядная туфля и нога – враги, поскольку у них «отношения самые тесные». «Пластинку взяли в оборот». «Повесив медный нос, Кран изливает душу». А ширму выставили «для отвода глаз». Ходики замедлили ход и стали: «Как случилось? Почему случилось?» – тут и там вопросы раздаются. Все твердят, что Гиря опустилась и что Гире нужно подтянуться».

Далее подход усложняется: значение слова из контекста перебрасывается в совершенно иную смысловую сферу.

«Вынесение за скобки» из «Ученых сказок»: «Зато, когда его вынесли за скобки, все сразу поняли, что это было за число. «– Это был наш общий множитель!» « – Это был наш общий делитель!» Так число приобретает значение. Когда его вынесут».

Или миниатюра с безобидным названием: «Из истории театра». «Аристотель пишет, что древнегреческая трагедия возникла из дифирамба. В жизни тоже так: то, что начинается дифирамбом, оканчивается трагедией».

Кривин сравнивает жизнь человека с эпопеей и задает провокационный вопрос: «Стоило ее жить как эпопею? Может, лучше было ее прожить как афоризм, коротко, но со смыслом? Так бы она лучше запомнилась...»

И в другом месте: «Из него вышел Моцарт – и ушел в неизвестном направлении».

Интересно сопоставить два в чём-то схожих сюжета, в обоих главный герой – уличный фонарь.

У Г.-Х. Андерсена старый уличный фонарь в одноименной сказке отслужил свой век и освещает улицу последний вечер. Он вспоминает, как однажды подошел к нему красивый юноша, прочитал письмо, написанное женской рукой на листке бумаги с золотым обрезом, и поднял на него сияющие счастьем глаза. И было еще много разных примечательных событий. Он вспоминает и в то же время очень боится, что его отправят на переплавку. Но назавтра, по просьбе старого ночного сторожа, фонарь отдали ему. И теперь он важно лежит в кресле в уютной каморке, где живет сторож со своей женой, и вполне доволен своей участью.

Милая сентиментальная история – чистые помыслы, добрые побуждения, всё открыто и однозначно.

У Феликса Кривина сказка называется «Фонарный Столб». Привожу ее полностью.

«Закончив высшее образование в лесу, Дуб, вместо того, чтобы ехать на стройку, решил пустить корни в городе. И так как других свободных мест не оказалось, он устроился на должность Фонарного Столба в городском парке, в самом темном уголке – настоящем заповеднике влюбленных.

Фонарный Столб взялся за дело с огоньком и так ярко осветил это прежде укромное место, что ни одного влюбленного там не осталось.

– И это молодежь! – сокрушался Столб. – И это молодежь, которая, казалось бы, должна тянуться к свету! Какая темнота, какая неотесанность!»

Совсем другая тональность, чем у Андерсена, к тому же сразу несколько уровней иносказательности. И, конечно, типичные приметы стиля: «пустить корни», «с огоньком», «тянуться к свету», «темнота». Сказка написана в 1956 году.

Публикации Кривина начинают привлекать внимание читателей на страницах «Огонька», «Смены», многих газет и журналов. Появляются первые книги. В 60-е годы талант Кривина развернулся в полную силу. Одна за другой выходят «Карманная школа» (занимательные рассказы по грамматике, математике, физике); «Полусказки»; «Божественные истории»; «Ученые сказки»; «Несерьезные Архимеды». Миниатюры, стихи, популяризаторские очерки, афоризмы, повести. Во всём – особый кривинский стиль, в котором правят бал иносказание и парадокс. Для читателей встреча с ними – наслаждение, праздник остроумия. Его книги мгновенно раскупаются.

И тут я хочу отметить одну несправедливость. Когда говорят о шестидесятниках, перечисляют несколько имен. Узок круг этих революционеров... А ведь Феликс Кривин сделал для формирования нового мышления ничуть не меньше, чем знаменитые Е.Е., А.В., Б.А., В.А. и другие! И у него была несравнимо бóльшая аудитория, чем у общепризнанных новаторов. Его сатирическое восприятие действительности ломало стереотипы – и те, кто читал Кривина, становились верными читателями тех, кому потом присвоили звучное имя.

Если бы Феликс Кривин был только юмористом, у него уже был бы шанс нажать неприятности. Но он был еще и сатириком, и философом.

В 1971 году его уже поступившую в продажу книгу «Подражание театру» приказано было изъять и порезать. После чего семь лет его не печатали. Распад Союза и последовавшая неразбериха резко усложнили и жизнь, и отношение к русскому языку в Ужгороде. В 1988 он эмигрировал с семьей в Израиль. Но успел еще сделать многое. События побуждали к философскому осмыслению мира.

Рассматривая человека сквозь призму времени, Кривин пристально вглядывается в главное – его человечность. Этика, одна из важнейших частей философии, выделила несколько десятков нравственных категорий. Они охватывают разные стороны проявления человеческой природы. И писатель не оставляет без внимания ни одну. Нет, он не пишет морального кодекса, не поучает. Как обычно, – никакой назидательности. Где-то – размышление, где-то сомнение. Порой – язвительный укол, иногда – лирический этюд.

Он избирает отличный полигон, где, как на ладони, можно увидеть человеческую природу в действии. В 1993 году выходит его книга «Всемирная история в анекдотах».

Одни пишут историю как смену правящих династий. Другие – как нескончаемую цепь войн за власть и за территории. Третьи – как поступательное движение прогресса. Феликс Кривин видит иное. С его точки зрения, добродетели и пороки составляют вместе дружную компанию, которая в неизменном виде и с неизменным успехом проходит все века и эпохи.

Он начинает с неандертальцев и добирается до наших дней. Действующие лица в значительной степени не придуманы, они на самом деле действовали. Летописец Кривин отталкивается от реальных исторических фактов. Анекдотами же они становятся благодаря остроумной подаче автора. Иногда они звучат смешно, иногда очень смешно, бывает – щемяще. Это когда спутаешь эпохи.

Ближе к концу своего научно-юмористического труда Феликс Кривин замечает, что «советский человек всегда преследовал высокую, благородную цель. Непонятно только, за что он ее

преследовал». И завершает труд следующим выводом: «История состоит из разделов: первый раздел, второй раздел, третий раздел... И хоть бы кто-то одел... Вот такая история».

А по пути от пещерного человека к советскому автор «Всемирной истории в анекдотах» вылавливает какие-то древности или средневековости, очищает их от пыли, и смотрите – они блестят, как новые! Взять, хотя бы, стыд. Его изобрели, вообще-то, верно, но неправильно. С самого начала получилось так, что стыд испытывают не те, кто должен был его испытывать – не те, кто унижал других, а те, кого унизили; не те, кто побил, а те, кого побили.

Или, скажем, ассирийская любовь.

Ассирийских девиц выставляли на брачный аукцион. Сначала – красивых, причем с убыванием красоты снижалась и цена на них. Когда запас красоток иссякал, наступала очередь некрасивых. Их выводили напоказ по тому же принципу – от дурнушек, пигалиц (далее у автора идет еще 7 категорий по возрастающей) – до страшилищ и как смертный грех. А вот за них платили уже покупателям, опять же с учетом категории – чем страшнее, тем больше. После изложения такой гуманной традиции следует авторское резюме: «Справедливо? Справедливо. Вот так она и выглядит, справедливость: наполовину она красавица, наполовину – как смертный грех».

Но не только история дает писателю материал для философских обобщений. Очень многие миниатюры – ёмкие по смыслу, с глубоким подтекстом и часто сдобренные порцией юмора – хочется назвать философизмами.

Действительно, что скрыто за названием «Вертикаль»? У животных мозг и сердце расположены на одном уровне – горизонтальном. Невысокий уровень. Куда ниже, чем у человека в его вертикальном положении. Но у человека мозг выше сердца.

А вот другая грань отношений между разумом и чувством. «Юмор чувства»: «В чувстве юмора чувство должно быть на первом месте. <...> Если будет наоборот, получится юмор чувства, и человек сам станет посмешищем. Острый ум, как правило, обоюдоострый. Как говорил один известный шут,

собственного ума не замечаешь до тех пор, пока не споткнешься о него и не переломаешь ноги».

И третий пример, построенный как раз на приеме, против применения которого в предыдущем случае автор предостерегает. «Этапы развития»: «Есть мысли до того большие, что уже могут претендовать на отдельную голову. Поэтому от лозунга «Каждой голове – по мысли!» пора переходить к лозунгу «Каждой мысли – по голове!»

Феликса Кривина можно цитировать бесконечно. Говоря о месте, которое он занял в русской (а через нее – и в мировой) литературе второй половины 20 века, казалось бы, естественно назвать его юмористом с философским складом ума. Или философом с юмористической направленностью мышления. Безусловно, это главные грани его таланта. И всё же такое определение неполно. Потому что он не раз показал себя тонким лириком. Что в сочетании с двумя названными выше особенностями делает его творчество всеобъемлющим, охватывающим все стороны проявления человеческого духа.

Наталья Роскина

Москва, СССР

ПИСЬМА ИЗ АРХИВА. ОБ АХМАТОВОЙ
Публикация и комментарии Ирины Роскиной

16/VII-1950

[...] Какова старуха⁶? Я была просто поражена таким фантастическим (даже для меня) деспотизмом. Вдруг мне стало

⁶Так (естественно, за глаза), любя и почитая, они называли поэтессу А.А. Ахматову (1889-1966).

все ясно – и за что ее любили и за что ее бросали. Секретов от меня у нее уже нет. [...]

В дороге старуха была со мной чрезвычайно ласкова и по-царски угощала меня шоколадом, который принесла мне на вокзал Лена Ральбе⁷. С той же королевской щедростью позволяла мне спать и ходить в ein Stelle⁸. Это было очень мало современно, но зато она дарила меня таким остроумным, интересным и доверительным разговором, за который можно простить все ее слабости. И потом, очевидно, этот феноменальный деспотизм для нее и есть форма дружеского отношения, т.к. раньше я что-то его не замечала, и она безусловно воспринимала меня иначе.

Рассказывала много интересного о Блоке. Вообще все, что она говорит, она знает из первоисточника, обстоятельно и даже не совсем по-женски.

Когда мы приехали, ее встретила Нина Ант. Ардова⁹ и стала меня приглашать, старуха сказала: «да, да, она придет». Впрочем, она меня очень нежно расцеловала и сказала, что еще воспользуется моим гостеприимством.

Вот отчет о путешествии из СПб в Москву.¹⁰ [...] Если А. А. действительно поживет у меня и будет меня тиранить, это мне очень поможет, но пока сплошная чернота. [...]

25/VII-1950

[...] У Анны Андр.¹¹ бываю. [...] как ни льстит мне Ваша идея, что А. А. – материал для будущего романа – но ей богу, давно уже ясно, что я ничего никогда не напишу. Давайте отнесем к разряду моих «дел» и не будем об этом говорить. Когда-то в письме к Елене Самсоновне¹² я написала одну фразу, она теперь

⁷ Елена Самсоновна Ральбе (1896-1977), ленинградский архитектор, приятельница всех поколений нашей семьи.

⁸ В одно место (в уборную).

⁹ Н.А. Ольшевская, жена В.А. Ардова.

¹⁰ «Путешествие из Петербурга в Москву» – наиболее известное произведение А. Н. Радищева (1749-1802).

¹¹ А.А. Ахматова.

¹² Е.С. Ральбе.

напомнила мне ее: «Я сгораю в холодном пламени своих увлечений».

Вы даже не представляете себе моей теперешней опустошенности. Она измеряется всей литературой потерянного поколения – Ремарк, Олдингтон, Хемингуэй, Дос-Пассос и все прочие. [...]

29/VII-1950

[...] Хороша только старая королева¹³. Вчера она освятила своим посещением мою квартиру. Я у нее тоже торчу довольно много. Обращаюсь с ней без всякого коленопреклонения, иногда это ее раздражает, но в общем ничего. Рассказывала мне, как ее бросил Гаршин¹⁴ – это страшная по нелепости история (она говорит: прекрасно знаю, как бросают, сама делала это тысячу раз, но так, это просто непонятно»).

А мне наоборот все понятно. Ей-богу, никаких секретов нет, я ясно вижу, где у нее техника, где искреннее движение, где рисовка. Я не хвастаюсь, честное слово. Она знает, что она мне очень нравится, поклонников уже нет, тренировка все же нужна, и она оборачивается ко мне всеми сторонами – а вот техника, а вот трюк, а вот вам загадка. Но никакой загадки нет, это я знаю из Тютчева («Природа-сфинкс») и это так.

Но в общем очень интересно. Только боюсь, что ей эта игра вхолостую надоест и она бросит меня по уже тысячу раз повторенной схеме. Впрочем, если я не ошибаюсь, мне кажется, что я ей нужна. [...]

16/VIII-1950

За последний год я совершенно разучилась читать. Прочту сто страниц, а потом уже читаю так, будто завтра экзамен и осталась еще половина курса. Так я прочла «Приваловские миллионы»¹⁵. Пишу стихи. Со старухой¹⁶ говорила по телефону, но придти к

¹³ А.А. Ахматова.

¹⁴ Это описано в воспоминаниях Н.А. Роскиной (см. http://www.vtoraya-literatura.com/publ_1000.html).

¹⁵ Роман Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852-1912)

¹⁶ А.А. Ахматова.

ней некогда – приедет Настя¹⁷, тогда пойду. Она просила Вам кланяться. [...]

18/VIII-1950

[...] А я сейчас читаю Шолом-Алейхема¹⁸. Вот кого надо сравнивать с Чеховым, а вовсе не Мопассана. Все-таки, как ни говорите, а именно привольность тематики создала Мопассану такую популярность, какая не снилась Бальзаку. Признаки, роднящие его с Чеховым, в большинстве своем крайне внешние. Папа говорил, что Мопассан и Чехов – полюсные – южный и северный варианты одной творческой природы. Он подчеркивал, что природы, я бы подчеркнула – южной и северной. Чтобы достичь одного и того же эффекта М. употребляет максимум средств, Ч. – минимум. И по своему мировоззрению Чехов неизменно ближе к Шолому, чем к Мопассану.

Между прочим, я впервые вижу, чтобы в предисловии так подчеркивалась непереводаемость автора. Очевидно, я очень много теряю, что читаю не в подлиннике.

Изумительный рассказ «Три вдовы». Прямо берусь написать небольшую работу на тему «Три вдовы» и «О любви» Чехова. Аналогия несомненна, но здесь она настолько очевидна, что даже необязательна, т.к. есть гораздо более внутренние – важные. [...]

20/VIII-1950

[...] а утром я пошла к Анне Андреевне¹⁹. (Настя вчера приехала и сразу же отправилась на дачу. Встреча с Муриком²⁰ была очень трогательная). Ардовы вспоминали мой роман, я его писала, когда мне было 9 лет и я не помню из него абсолютно ничего, кроме того, что безумно трудно было найти имена

¹⁷ Моя няня, уехавшая в деревню к больной матери.

¹⁸ Шолом-Алейхем (настоящее имя Соломон Наумович Рабинович; 1859-1916), еврейский писатель и драматург.

¹⁹ А.А. Ахматова.

²⁰ Мое прозвище.

героям. Действовал один мужчина и две женщины: героиня и «особа». Героиня была прелестная и я никак не могла подыскать ей достойное имя, наконец назвала ее Нина Владимировна, так звали мать Ляли Алексеевой²¹, а особа не имела имени, имела только фамилию – Фролова, так звали самую противную девчонку в нашем классе. Роман кончался самоубийством, только не помню чьим, кто-то из них выбросился из окна или застрелился, поэтому название его было «Занавес опускается».

Роман мама отпечатаала мне на машинке и потом я обнаружила, что один экземпляр был против воли автора отправлен папе и он, оказывается, читал его во всеуслышание и они все его обсмеивали. Они мне вспоминали фразы, вроде «Приятно было покататься на лодке после двухлетнего некатания на ней». Жаль, что не сохранилась «рукопись».

Анна Андреевна хвораает, кашляет. Говорили о Чехове. Самое интересное, когда человек говорит то, что он не очень хорошо знает. Когда он говорит о том, что совсем не знает, это просто глупо, а когда о том, что знает очень досконально – это смертельно нудно. Чтобы судить верно, надо знать поверхностно, это, между прочим, и о людях – когда углубляешься в них, совершенно теряешь критерий и быть объективным уже невозможно. (Зная Вас, думаю, что в этом месте Вам хочется возразить). Так вот, о Чехове. Знает она его неважно, говорила только о том, что перечитала сейчас.

-«Рассказ неизвестного человека» – как это фальшиво, искусственно. Ведь Чехов совершенно не знает эсеров. Вы не представляете себе, деточка, какие это были оглашенные. Когда умер Владимир Александрович²², они ведь волосы на себе рвали, что это не они его убили. А он был никому не нужный старый развратник, но они не могли себе простить, что дали ему умереть своей смертью. А что Чехов делал? Заставил его влюбиться в какую-то женщину, да разве это такая женщина, ради которой что-то бросают? Бегаает целые дни по магазинам, да говорит глупости... Несусветные глупости. Но мало того, разве он знает

²¹ По-моему, это жена и дочка академика Михаила Павловича Алексеева (он упоминается ниже).

²² Великий князь Владимир Александрович (1847-1909), младший брат Александра III.

чиновничество? Высшая петербургская бюрократия – а он из них делает каких-то околоточных из Царево-Кокшайска! Ходили в спальню, хихикали над туфлями – да где это видано? Нет, нет, это бог знает что.

Еще читала «Попрыгунью». Уж очень это симметричный рассказ. Так нельзя. В искусстве (кроме архитектуры) симметрия нехороша.

– Я: А в стихах?

– Асимметричные вещи гораздо приятнее. А здесь это уж очень элементарно.

«Невеста». Вы знаете, это какая-то болезненная жажда жить. Жить! Жить! Ну что это такое? Человек не должен хотеть жить, это должно получаться само собой. Надя очень жестока, ей никого не жаль, только «жить». В Петербурге полно было таких девок, что хотели жить и ехали на курсы, и ничего из этого не вышло.

Это вообще было у Чехова от его болезни – и «Черный монах», и (забыла что), и «Невеста».

Чехов многого не видел. Как-то близоруко смотрел на Россию. Так нельзя, слишком близко, тогда видны только тараканы в щаж. А я вот сейчас читаю пушкинские материалы к истории Петра. Россия – уж куда сухопутнее! Да русские максимум воду видели, когда умывали лицо в речушке. А шведы – викинги! Ползали воевать со шведами. Бьют их – как хотят! И на море, на море бьют, ведь это поразительно!

Я: А как же это?

– Да я, деточка, сама не знаю, как. Но надо это видеть, а Чехов не видел, нет. Нет, нет, он, конечно, был близорук, в пенсне...²³

Остальные разговоры были уже о болезнях и т.д. Читала мне свои переводы грузинов, белорусов, украинцев. «Вы не подумайте только, что я Вас развлекаю, я понимаю, что это

²³ Этот разговор воспроизведен в мемуарах Роскиной дословно.

скучно, но мне интересно, что Вы скажете. У Вас есть эта манера – говорить правду». Я была польщена.²⁴

Вы мне это письмо, пожалуйста, возвратите. Мне самой это интересно, а я забуду. [...]

21/VIII-1950.

[...] Сегодня вечером были с ним²⁵ в кино, у нас первый день идет «Секретная миссия»²⁶, билеты достали с большим трудом, картина весьма посредственная, но время было убито, следовательно цель достигнута.

Последние два дня с большим увлечением читаю Алпатова «История искусства»²⁷. Книга рассчитана на очень малоподготовленного читателя, но написана очень хорошо, живо, лирично, как-то взволнованно. Конечно, «галопом по Европам», но это иногда даже полезно, – когда знаешь какие-то обрывки, а тут стержень. Видели ли Вы эту книгу, она издана просто великолепно, иллюстрации прекрасны и можно в них уйти с головой, что я и делаю. [...]

22/VIII-1950.

[...] Я сегодня запоем прочла третий том Драйзера «Гений». Плохой писатель Драйзер, мещанский, и как-то удивительно плохо пишет, дурная литературная школа. Мне кажется, если бы его я переводила, мне бы все время хотелось его исправлять. Разве можно после писем Чехова обращаться к возлюбленной: «Мой цветок! Мой ландыш!» Это было хорошо для куртуазии, а сейчас старо. Однако все же волнующе, я не могла оторваться. Много еще есть изумительного в литературе, и куда лучше

²⁴ В воспоминаниях Н.А. Роскиной написано так: «Читая мне свои переводы, она заметила: «Вы не думайте, что это я вас развлекаю, я знаю, что это скучно, мне нужно ваше мнение. У вас ведь есть эта манера – говорить правду». И дано примечание: «Впрочем, я допускаю, что это были чужие переводы, которые ей надо было прикрыть своим именем, – возможно, поэтому в тот раз (были еще такие случаи) она особенно настойчиво просила меня быть строгой». (См. http://www.vtoraya-literatura.com/publ_1000.html)

²⁵ С В.И. Роскиным.

²⁶ Фильм 1950 г. реж. Михаила Ромма по сценарию М. Маклярского и К. Исаева.

²⁷ Трёхтомная «Всеобщая история искусств» М.Л. Алпатова (1902-1986), изданная в 1949-1955 годы.

Драйзера, что еще предстоит прочесть, а это самое стоящее в жизни и это одинаково предстоит, буду ли я в Москве или в Чите. Когда я дошла до конца, когда «гений», из которого ровно ничего не вышло, и который потерял все на свете, включая талант – когда он стоит и смотрит на звезды и думает – «Где во всем этом – в бесконечности материи – Андже́ла? Где будет то, из чего составлен я? Как сумбу́рна, но как прекрасна жизнь! Сколько в ней разнообразия, нежности и суровости, как она напоминает яркую симфонию!» Великие мечты об искусстве вставали в его душе, когда он смотрел на сверкающую бездну пространства».

Невозможно удержаться от слез, хотя это и очень старо и плохо написано.

Все же с удовольствием возвращаюсь к Алпатову. [...]

23/VIII-1950.

[...] Кстати, сегодня Володя²⁸ подарил мне свою картину. На переднем плане яркая распускающаяся яблоня, а на заднем – домик, мастерская Меркулова²⁹. Это в Измайловом. Очень мило. Я довольно скептически отношусь к его живописи, хотя все считают его талантливым, мне гораздо больше нравятся его обложки, иллюстрации и оформления, а тут похвалила и он сразу сказал: «Пусть висит у тебя!»

Что еще написать Вам? Описывать, как я получила очередной отказ³⁰, не хочется. Переживаю Алпатова. Володя возмущается: «Вот стоит в вазе цветов и ты даже не порадуешься на него. А напишет про него Пастернак, только тогда ты его заметишь». А я считаю, что если бы искусство было бы менее интересно, чем жизнь, то оно было бы не нужно. И разговор о жизни тоже должен быть интереснее, чем сама жизнь, а то и не стоило бы разговаривать. Но никто меня не поддержал.

²⁸ В. И. Роскин.

²⁹ Видимо, имеется в виду скульптор-монументалист, народный художник СССР Сергей Дмитриевич Меркуров (иногда пишется: Меркулов; 1881-1952), чья дача располагалась в бывшем купеческом доме.

³⁰ В устройстве на работу в Москве.

Ухожу домой. Володя: Ты что завтра с утра делаешь? – Иду в библиотеку. – В каком городе? Еще не решила?

Кстати о библиотеке. Я не могу дождаться 1 сентября и собираюсь ходить на лекции. Буду слушать все сначала. Господи, почему мы кончаем учиться тогда, когда только-только начинаем понимать, что такое наука. По крайней мере я поняла это на четвертом курсе и мне нужно еще по крайней мере два года. Нет, рано я кончила Университет, мне еще далеко до самостоятельной работы, мне еще хочется влюбляться в профессоров, сдавать экзамены и все прочее в том же роде.

Да, еще о Драйзере. Я ведь начала «Гения» с третьего тома, а когда сегодня взяла в руки I и II, то просто стала отплевываться, совершенно невозможно читать. Не понимаю, настолько это хуже или просто я читала конец на свежую голову и меня это еще не раздражало. Во всяком случае, сегодня мне уже непонятно, как я могла так им увлечься вчера. [...]

24/VIII-1950.

[...] Что-то я уже не знаю, что Вам написать. Я всегда пишу Вам вечером, уже лежа в постели (ужасная привычка лежа писать, я даже не понимаю, как это получается), а утром встаю и оказывается, что я вся вымазана чернилами. Но у меня сегодня был очень пустой день, вернее, не пустой, но бедный внешними событиями. Весь день писались стихи. Я уже думала, почему если человек играет на рояле для своего удовольствия, то это не смешно, а если пишет стихи – смешно. Вероятно потому, что стихи пишутся в молодости, восторженно, и потом об этом вспоминают снисходительно. Про поэта-профессионала никогда не скажут «он не может подойти к телефону, т.к. пишет стихи», а скажут «он работает». В то время, как спокойно можно сказать: «Он рисует, он играет на скрипке и т.д.». Это обидно.

Но Вам я могу признаться, что писала стихи.

Читать их в Москве совершенно некому. Я растеряла всех своих «поэтических» приятелей, а возобновлять знакомства не хочется, новые живут другими интересами и посвящать их в это дело не хочется. А стихи, ни разу не прочтенные, – мертвы.

Ну и черт с ними. [...]

ЕВГЕНИЙ РЕЙН: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Ирина Чайковская

Б.Вашингтон, США

НОЧНОЙ КОРАБЛИК НЕГАСИМЫЙ: ПОЭТ ЕВГЕНИЙ РЕЙН

*Плывет в тоске необъяснимой
Среди кирпичного насада
Ночной кораблик негасимый
Из Александровского сада.*

(Рождественский романс. Иосиф Бродский – Евгению Рейну)

29 декабря 2015 года поэту Евгению Рейну исполнилось 80 лет. В честь юбиляра была проведена встреча в телевизионной концертной студии, показанная на канале КУЛЬТУРА.

Свою «Линию жизни» Евгений Борисович начал вполне обычно – родился в Ленинграде в 1935 году, мама – преподаватель немецкого, отец – архитектор, погиб на войне в 1944 году.

И дальше поэт говорил о себе столь же просто и внятно, не рядясь в поэтические одежды и не прячась от публики. Но что-то выдавало, что рассказ ведет человек далеко не простой, не обыкновенный. Возможно, играл свою роль гулкий, бьющий в уши голос, да еще, если случалось перехватывать, – его взгляд, настороженный и словно затаенный, запрященный под кустистыми бровями. Гулкость речи перерастала при чтении стихов в набатный звон. Отвлечься от этих стихов было невозможно. Но и отвлекаться не хотелось.

В этот вечер читались лучшие стихи, и было ясно, что перед нами не просто «друг и учитель Бродского», но и сам по себе большой поэт. Возьмем хотя бы его недавнее стихотворение, посвященное Георгию Адамовичу. Так сказать о поэзии может лишь тот, кто причастен ее тайнам.

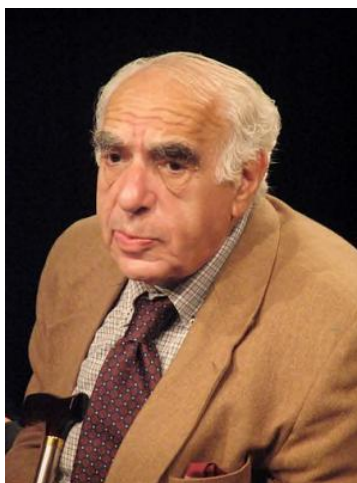
Так выпьем за поэзию: Она –
нечаянный и незаконный отблеск,
еще полуоткрытая страна,
внезапного распада одинокость.
Я знал таких, немногих, перечесть –
хватает пальцев на руках. Однако
поэзия – письмо, шифровка, весть
от скрытого за тучей зодиака...

Уже после передачи мне пришло в голову, что у Евгения Рейна на редкость литературное имя. Ну, понятно, что *Евгений*, облюбленный Пушкиным для двух своих героев, стал для русских именем литературным. Но вспомним, что в пушкинском романе Евгения звали Онегин, а его друга Ленский. В той и другой фамилии явно просвечивала озерно-речная топонимика. Этот момент не пропустил Лермонтов, продолживший традицию и назвавший своего героя Печориным. Белинский каламбурил, что Печорин не дальше от Онегина, чем река Печора от озера Онего. Евгений Рейн тоже несет в своей фамилии название реки, пусть и немецкой. Согласитесь, что-то литературно-поэтическое в этом есть.

Слушала Рейна на вечере и не в первый раз поражалась его прямоте и простодушию. Просто и без патетики рассказывает про свои юношеские несчастья. Действительно, парню сильно не везло. То и дело попадал под раздачу. В Техноложке, где сдружился с Найманом и Бобышевым, вместе с последним начал выпускать стенгазету, всего лишь невинную КУЛЬТУРУ, но, если прочих участников потрепали за нее лишь слегка, то Рейна исключили из института.

Год он провел на Камчатке, ездил с геологической партией. Случилось сие в 1956, в самом начале «хрущевской оттепели». А при Брежневе, в 1979, «бедный Евгений» загремел из-за участия

в МетрОполе. На три года лишился всякой работы. Причем тоже пострадал вместе с немногими – Липкиным, Лиснянской, потерявшими возможность печататься, Евгением Поповым, выгнанным из Союза писателей.

Евгений Рейн. Фото Ave Maria Mõistlik

Организаторы Альманаха – Аксенов и Ерофеев – выехали за рубеж, остальные участники, в том числе Владимир Высоцкий, чьи стихи ВПЕРВЫЕ были опубликованы в МетрОполе, особенно не пострадали. Отметим важную деталь. Стихи Высоцкого для Альманаха, по просьбе Аксенова, отбирал Рейн. (Насколько мне известно, на эту роль претендует также Евгений Попов). Это говорит, по крайней мере, о двух важных вещах. О высокой репутации стихотворного арбитра, которую заслуженно снискал себе Рейн. И об отменной точности выбора при работе над поэтической подборкой Высоцкого, куда вошли «Охота на волков» и «Банька по-белому».

Очень долго Рейну фатально «не везло». Единственному из всей четверки «ахматовских сирот» (название принадлежит Дмитрию Бобышеву) ему не досталось стихотворного посвящения от Ахматовой, подарившей остальным по поэтической «розе». Считается, что Анна Андреевна просто не успела подарить Рейну стихотворение. Его не печатали, хотя

диссидентом он не был, и первый поэтический сборник «Имена мостов» Евгений Борисович увидел почти в пятьдесят, в 1984 году.

Думаю, что перелом в судьбе Евгения Рейна наступил с Перестройкой. Начиная с этого времени он получил около 20 поэтических премий, издал огромное количество книг. И свою роль в этом переломе сыграл его друг Бродский, назвавший тогда еще мало кому известного поэта своим учителем.

Многие, и я в том числе, недоумевали: учитель? Чему этот, бесспорно хороший поэт, мог научить гения? По-моему, и сам Рейн зябко ежится, слыша о своем «учительстве», отшучивается, что мог научить Иосифа только пить портвейн. Между тем, мне приходит в голову, что Рейн имеет все права на это высокое звание. Вот мои доводы. Из всей тройки друзей-поэтов, обучавшихся в Ленинградской Техноложке, – Рейн, Найман, Бобышев – Евгений первым познакомился с Бродским.

В разных интервью он называет годом знакомства то 1956, то 1958-й. Обстоятельства были такие. На студенческой вечеринке у Славинского хозяин попросил Женю Рейна освободить всю компанию от надоедливой поэты, мучившего всех своими стихами. Поэт был юн, рыж, читал плохие стихи. Рейн увел его с собой и назначил свидание у себя дома, где прочел юнцу лекцию, почему его стихи, в духе модного тогда Неруды, плохи и что есть другая традиция – Пушкин, Баратынский, Тютчев...

Младший, которому было тогда лет 16-18, жадно впитывал, а «старик» – Рейн был по возрасту на пять лет старше, очень значимая разница для юности, – не жалел ни времени, ни книг (огромная библиотека раритетов у отчима), ни денег для просвещения и подкормки юнца, окончившего только семь классов, но усваивавшего уроки мгновенно. Встречались они – по словам Рейна – ежедневно, благо жили в трех трамвайных остановках друг от друга.

Потом рыжий исчез – подался в геологическую экспедицию, но вернувшись, сразу позвонил – и его новые стихи поразили Рейна. Это были хорошие стихи, а в чем в чем – в стихах – Евгений Борисович знал толк.

Еще один рассказ. Юный Бродский привел к Рейну польскую русистку, изучавшую советскую прозу. Рейн стал рассказывать

ей о Бабеле, Платонове. Рыжий юнец то ли еще не слышал про таких, то ли их не любил – они с Рейном подрались прямо в присутствии дамы. Можно представить эту «литературную» драку. Но в полночь на Московском вокзале они помирились и выпили за дружбу. Бродский впоследствии ценил прозу обоих – Бабея и Платонова.

Рейн познакомил друга с Ахматовой, которую знал с детства и вторично нашел по Ленгорсправке. Любопытно, что она, один раз видевшая его мальчиком, его узнала. Рейн увез Иосифа в Москву от завязывающегося в Ленинграде судебного дела, определил – в целях спасения – в Кащенко, но, когда младший друг пришел к нему с просьбой одолжить денег на билет в Ленинград, где решалась судьба его любви, он эти деньги дал.

Он, как и Бродский, понимал, что Поэт должен идти навстречу судьбе.

Иосифа арестовали, был неправый суд, приговор – пятилетняя ссылка в Архангельскую область. Друзья приезжали к Иосифу в Норенскую. Бобышев приехал – и уехал назад с подругой Иосифа, Мариной Басмановой. Анатолий Найман приехал всего на несколько дней. Рейн прожил в Норенской полтора месяца, работал вместе с другом, делил досуг...

Сегодня он остался так же верен Бродскому, как и прежде. Нет у него большой приязни к прежним друзьям, Бобышеву и Найману, но об Иосифе он неизменно говорит с восхищением: «Бродский был самым умным человеком, который попался на моем пути... у него был гениально мыслящий аппарат».

Интересно, что примерно такими же словами говорил о «мыслительном аппарате» Бродского Соломон Волков в нашей с ним беседе.

Вот еще Рейн о Бродском: «Последний великий поэт русского модернизма». Или: «Он был лингвистически гениальным, говорил по-английски, по-итальянски, по-польски».

После Перестройки Евгений Рейн многожды приезжал в Америку и в Италию, в гости к Бродскому, не жалевшему для друга – как когда-то тот для него – ни духовных, ни материальных благ. По фильму Елены Якович, снятом в Венеции, можно видеть, как поменялись местами учитель и

ученик. Теперь уже Бродский читает лекцию о поэзии в старой Венецианской церкви, а притихшие москвичи, среди которых Евгений Рейн, молитвенно ей внимают. Правда, гулкий голос Евгения Рейна звучит и здесь. Он слышен, когда нужно подсказать Бродскому стих, слово, строчку – в этот момент старший легко вынимает из своей бездонной памяти все стихотворение, и мы слышим дуэт Поэтов, неповторимый дуэт.

На вечере Евгений Рейн прочитал замечательное стихотворение «Монастырь», когда-то опубликованное в МетрОполе. Меня поразило, как близки Бродский и Рейн в своем отношении к жизни. Все помнят «бродское»: «Но пока мне рот не забили глиной/, Из него раздаваться будет лишь благодарность». А вот кусочек стихотворения Рейна :

И все-таки, спасибо за все, за хлеб и кров
тому, кто назначает нам пайку и судьбу,
тому, кто обучает бесстыдству и стыду,
кто учит нас терпенью и душу каменит,
кто учит просто пенью и пенью аонид.
Тому, кто посылает нам дом или развал
и дальше посылает белоголовый вал.

Сам Евгений Рейн говорит о себе так: «У меня своя судьба, которая реализовалась в меру моего дарования. Лучшей судьбы я себе не желаю».

А напоследок вот о чем. В 1961-62 году юноша Бродский написал завораживающее стихотворение «Рождественский романс» и посвятил его Евгению Рейну.

Романс этот мне всегда хотелось назвать на манер Лорки «Сомнамбулическим», так сложно, прямо-таки невозможно, разгадать его символику и метафорику.

Высоко ценимый мною литературовед Олег Лекманов три раза уже брался за дело, получалось, на мой взгляд, прекрасно, но все равно что-то ускользало, не сходилось, не выстраивалось. Вот например, что это за «ночной кораблик»? Не верится, что это поезд Красная стрела, в полночь выходящая из Питера и из Москвы.

Мне представляется, что это ярко освещенный трамвайчик, который легко можно назвать «ночным корабликом негасимым». Когда-то на таком трамвайчике ездили в гости друг к другу Иосиф и Евгений... Или шли пешком? Скорее всего, они шли пешком, а мимо дребезжал по своему маршруту этот «ночной кораблик», слившийся для Бродского с образом его друга, поэта Евгения Рейна.

Рауль Мир-Хайдаров

Москва, Россия

ЕВГЕНИЙ РЕЙН. ГЛАВА ИЗ МЕМУАРОВ «ВОТ И ВСЕ...Я ПИШУ ВАМ С ВОКЗАЛА»

*«Среди людей есть природная аристократия.
В основе ее лежит талант.
А есть и искусственная аристократия,
которая держится на богатстве и происхождении».*
Томас Джефферсон, Президент США

Одна из самых памятных встреч в Коктебеле – знакомство с Евгением Борисовичем Рейном. Разумеется, с 1963 года регулярно бывая в Москве по нескольку раз в году, я слышал о нем и о Бродском часто, но встречаться с ними не доводилось. Однажды Татьяна Бек, хорошо знавшая Рейна и Бродского, в одной случайной компании в Малеевке читала их стихи, и этот вечер запомнился мне надолго именно из-за этих поэтов. Евгению Рейну десятки лет пришлось писать в стол (первая его

книга вышла, когда ему было сорок девять лет), готовить сценарии для документальных фильмов, заниматься переводами, теми самыми, о которых говорил Арсений Тарковский: «Ах, восточные переводы, как болит от вас голова». Дверь в официальную литературу открылась для Рейна поздно, только в Перестройку, он вошел в нее уже известным поэтом и тогда же впервые приехал в Коктебель, и жил в том самом девятнадцатом корпусе, где всегда была вода.

Я часто бывал в Коктебеле, но не помню ни разу, чтобы кому-то из поэтов организовывали персональный творческий вечер, а отдыхали там знаменитости из знаменитостей, даже перечислять не стану. Рейну такую встречу организовали, и прошла она в саду дома Волошиных, а не в летнем кинотеатре Дома творчества. Объявлений о вечере Рейна не вывешивали, но собрался народ, любивший поэзию и знавший поэтическую судьбу Рейна. В ту пору его друг, соратник и земляк Иосиф Бродский стал широко известен в поэтическом мире, хотя в СССР он еще находился под запретом, но где-то в издательствах уже лежали готовые к изданию его книги, я об этом знал от сведущих людей.

Для меня вечера поэзии представляли особый интерес, из-за того, что я любил авторское чтение. Как бы замечательно ни представляли поэзию знаменитые чтецы: Михаил Козаков, Юрий Каюров, Василий Лановой, Александр Филиппенко, - они все равно не улавливали авторскую интонацию, не всегда акцентировали то, что было важно автору. На это не раз жаловалась поэтесса Татьяна Глушкова, а также Надежда Кондакова, Мустай Карим, Резо Амашукели. Я счастлив, что много раз слышал стихи Евгения Рейна в авторском исполнении – и с эстрады, и за столом в кругу его друзей.

Когда мы познакомились, а это было почти тридцать лет назад, Евгений Борисович находился в золотой поре – высок, строен, могуч, с быстрой реакцией, часто шутил, смеялся. Очень стильно одевался, любил твидовые пиджаки и изысканные шелковые галстуки, хорошую обувь. С первых минут общения с ним я почувствовал, что он ясно понимал – в литературе настало его время. Больше того, я думаю, что даже в годы безмолвия,

изоляции от журналов, он знал цену своему таланту, оттого и вошел в сложившийся круг избранных поэтов сразу, с высоко поднятой головой. Как он читал свои стихи! Его могучий бас от строки к строке буквально околдовывал зал, завораживал слушателей то громами, то молниями неожиданных рифм, то его голос сливался с шорохом, шепотом волн, которые шумели за забором волошинского дома. Все, что я слышал в первый раз в исполнении Рейна, не было похоже на знакомые мне прежде стихи – это была иная поэзия, с невероятным звуковым рядом и ритмом, с не затертыми рифмами, с масштабным видением мира, где поэт легко ориентировался, взрывая культурные пласты не только Европы, но и всех континентов.

Я, к сожалению, как и Рейн, в силу возраста не услышал, как читал свои стихи Маяковский, хотя знаком с его голосом и чтением по сохранившейся хронике. Думаю, Рейн не уступает по мастерству чтения даже такому мастаку, трибуну, как Маяковский, хотя бы потому, что поэзия Рейна тоньше, глубже, она, воистину, вобрала двухвековой опыт и культуру мировой поэзии, в ней океан ассоциативных ссылок. Рейна отличает от других поэтов и его колоссальная эрудиция, не только в литературе, но и в культуре вообще – счастливы люди, кто бывал с ним за одним столом, имел возможность беседовать с ним.

В общем, я полюбил его поэзию сразу и навсегда, у меня много любимых поэтов, о некоторых я уже писал в мемуарах, но Евгений Борисович среди всех достойных стоит у меня на одном из первых мест. Я, конечно, сразу после вечера с горящими от восхищения глазами ринулся знакомиться с ним. В тот год наши комнаты соседствовали на первом этаже, балконы разделяла только сетка-рабица, оплетенная цветущей лоницерой, и мы часто общались за бутылкой крымского вина, и тут наши вкусы совпадали.

... Евгения Борисовича уже начали печатать, появились первые статьи о нем, но какому автору достаточно – как, где и сколько он издается? Дома, в Ташкенте, я уже регулярно печатался в «Звезде Востока», возглавлял журнал тогда Сергей Татур, замечательный прозаик, ныне живущий в Америке.

Расставаясь с Рейном в Крыму, я попросил у него подборку стихов, услышанных мною на вечере, и обещал постараться опубликовать ее в Ташкенте, тираж нашего журнала составлял тогда 240 тысяч! Очень смелое, если не сказать – авантюрное, решение с моей стороны. Поэтов, желающих опубликоваться, у каждого журнала – сотни, если не тысячи, а журнал не резиновый, выходит раз в месяц, но я верил в удачу, в стихи Евгения Рейна. На другой же день после возвращения из Коктебеля я пошел в редакцию «Звезды Востока», встретился с Сергеем Татуром. Он очень благосклонно выслушал рассказ о моем знакомстве с Рейном, мой восторг его стихами, но сказал, что не вмешивается в работу отдела поэзии, и если я уговорю Михаила Кирилловича, ответственного за поэзию в журнале, то он, редактор, против публикации московского поэта возражать не станет.

О Михаиле Кирилловиче Гребенюке обязательно следует сказать отдельной строкой, и вы поймете – почему. Михаил Кириллович – участник войны, очень оригинальный человек, увлекался йогой, его часто можно было застать в кабинете, стоящим на голове. Он приветствовал здоровый образ жизни – не пил, не курил, увлекался спортом и собирался прожить сто лет, не меньше. Надо отметить, что никто в этом не сомневался, он выглядел лет на двадцать моложе своего возраста, и на него частенько заглядывались молодые поэтессы.

Он был высок ростом, по-военному строен, весь в буграх мышц, как культурист. Волосы, без единой седины, зачесывал назад, чем напоминал щеголей начала XX века, часто улыбался, что не было свойственно его поколению. Кто-то из обиженных авторов называл его за эту улыбчивость за глаза «американцем», но кличка не прижилась, он как раз до мозга костей был русский человек. Я иногда выступал вместе с ним по линии Бюро пропаганды, но сказать, что был с ним накоротке – не могу, он мало кого подпускал к себе, отличался принципиальностью и жестким характером. Сегодня я понимаю, что без этих качеств руководить отделом поэзии было бы невозможно, на него постоянно пытались оказывать давление, и по телефону, и явочным порядком, но Кириллович оказался твердым орешком, при нем в журнале бездарям места не находилось.

Вот к такому человеку я пошел со стихами Евгения Рейна. Когда я сообщил, с чем пришел, он весело рассмеялся и сказал: «Ты разве не знаешь, что русская секция писателей Узбекистана на девяносто процентов состоит из поэтов, и, если я отдам подборку стихов неизвестному москвичу, меня разорвут на куски». «Хотел бы я видеть поэтов, пытающихся разорвать вас на куски», – попытался я откровенной лестью завязать разговор. Но Михаил Кириллович оборвал меня: «И не пытайся, ты просишь невозможного, и как я должен объяснить своим авторам, почему я напечатал некоего Рейна?» «Но он талантлив от Бога!» – вскрикнул я вполне искренне. «Я других поэтов не встречал, у меня больше печатаются даже не талантливые, а гениальные, разве ты не слышал об этом?» – спросил он меня серьезно.

Тут я со страхом почувствовал, что аудиенция моя заканчивается, он уже даже привстал из-за стола, и я в отчаянии воскликнул: «Дорогой Михаил Кириллович, как может поэт отказать поэту, даже не взглянув на стихи, это же несправедливо! Можно я прочитаю вам несколько его вещей?». «Но, если настырный прозаик ходатайствует за поэта, чего в моей практике никогда не случалось, давай читай», – неожиданно смягчился Гребенюк и снова занял свое кресло.

Я помнил, как Евгений Борисович читал свои стихи, и так же громко, пытаясь сохранить интонации и ритм, начал читать:

Саксофонист японец, типичный самурай,
Играет на эстраде: «Живи, не умирай!»
Скажи мне, камикадзе, ужасен, волосат,
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?
Куда тебя, японец, безумец, занесло?
Какой сегодня месяц, трехзначное число?
Дурацкая Европа дает аплодисмент –
Как все они похожи – и Каунас, и Гент!
А ну, скажи, Цусима, ответь мне, Порт-Артур,
Махни косой, раскосый, из этих партитур.
Там, в Тихом океане торпедный аппарат,
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Со спардека эсминца взгляни на Сахалин.
А здесь на мелком месте ты, как и я, один.
Надень свои петлицы, сними свои очки,
Одной заглохшей клумбы мы оба червячки.
Над пушками линкора последний твой парад.
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?
Что скажет Ямамото в открытый шлемофон?
Чем кончится проклятый, проклятый марафон?
Ты рухнешь над заливом на золотое дно...
Сыграй мне на прощанье, уж так заведено.
Скажи на саксофоне: рай это тоже ад?
Неужто нет возврата куда-нибудь назад?

Дверь кабинета была распахнута настежь, в Ташкенте стояла жара под тридцать градусов, и когда я перешел ко второму стихотворению, к нам на шум заглянула Ольга Куприяновна Землянская, заведующая отделом прозы, ее кабинет находился напротив. Я кивком головы поприветствовал ее и продолжал воодушевленно декламировать Рейна. Ольга Куприяновна присела на стульчик у стола Гребенюка и стала очень заинтересованно слушать меня, это чувствовалось по ее глазам, по ее одобряющей улыбке. Заканчивая очередное стихотворение, я все время ждал, что меня остановит властный окрик Михаила Кирилловича, но он тоже, как и Ольга Куприяновна, очень внимательно слушал меня, наверное, пытался отгадать следующую рифму или ждал, как автор завершит свой высокий полет мысли, заданный с первых строк.

Я не понимал, нравятся ему стихи или не нравятся, но чувствовал его живейший интерес к поэзии незнакомого поэта, все-таки Гребенюк знал и любил поэзию. Я прочитал все шестнадцать стихотворений, думаю, если бы их оказалось больше, меня все равно не прервали бы, я был в этом уверен. Как только я кончил читать, Ольга Куприяновна заплотировала и сказала: «Какие интересные стихи, как я рада, что заглянула к вам. Спасибо, Рауль». Я уже писал, что она благосклонно относилась ко мне.

В итоге, подборка вся пошла в ближайший номер, и с этим номером Евгений Рейн получил прописку в сердцах любителей

поэзии Ташкента. В ту пору журналы платили хорошие деньги, думаю, гонорара за эту подборку стихов хватило бы Е. Рейну на двухмесячную путевку в Коктебель, на дорогу и на пару бутылок крымского вина каждый день. Невероятное время для литературы!

В пору нашего знакомства он был холост, на моих глазах в Коктебеле зарождался его роман с очаровательной Надеждой, с которой он сегодня в браке уже четверть века. В молодости Надежда была знаменита в Коктебеле как пловчиха, она уплывала так далеко в море, что мы теряли ее из вида, плавала она часами, с ней не могли тягаться даже мужчины. Сегодня она известна как специалист по поэзии Рейна и Бродского. Она – составитель всех его книг за последние двадцать лет, благодаря ей потомки получают полное творческое наследие одного из крупнейших поэтов XX века и комментарии, сделанные лучшими литературоведами России. Главное – Рейн счастлив в браке, и в последние двадцать пять лет написал лучшие свои стихи. Надежда оказалась счастливой музой одного из крупнейших поэтов современности, учителя незабвенного Иосифа Бродского.

Не могу не сказать несколько обещанных слов о судьбе М.К. Гребенюка, он не дожил до ста лет, как собирался. Перестройка сломала ему жизнь, как и мне, как и многим русским, жившим на окраинах империи. У него было два прекрасных сына, и я обоих их знал, они – известные журналисты и работали в главных газетах республики. Я представляю, какие у них дома велись разговоры с отцом о Перестройке и грядущих переменах в Узбекистане. Уж им-то сразу стало ясно, что жизнь для русских там закончилась, они раньше других поняли, что Москва, Горбачев бросили русских на произвол судьбы. Младший сын Гребенюка и в советское время отличался острейшими выступлениями в прессе, а тут он, видимо, хотел, чтобы его статьи дошли до Кремля, и поднимал такие жгучие проблемы, что сразу попал во внимание не Москвы и Горбачева, а ура-патриотов и местной власти. Его убили через год после покушения на меня. Смерти младшего сына не выдержал даже такой твердый человек, как Гребенюк, вскоре с

ним случился тяжелейший сердечный приступ, из которого он не выбрался. Вот такой оказалась судьба фронтовика, поэта Михаила Гребенюка.

У меня есть три книги, подписанные Евгением Борисовичем Рейном, они выставлены в моем музее в Мартуке.

... Неужто нет возврата куда-нибудь назад?...

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Ирина Чайковская

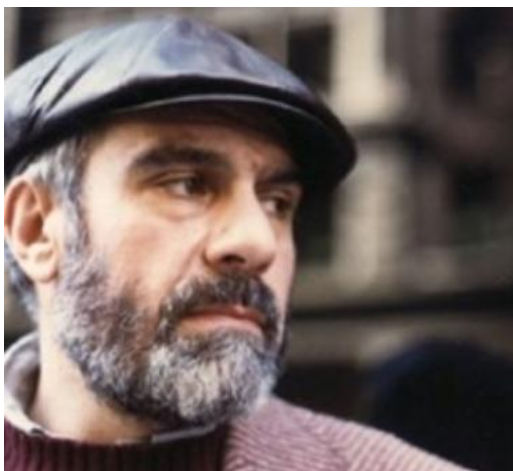
Б.Вашингтон, США

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

В начале сентября к 75-летию Сергея Довлатова на канале КУЛЬТУРА был показан фильм Алексея Шишова и Елены Якович «Жизнь нелегка. Ваш Сергей» (2007).

Странно, что я не видела его раньше. Фильм прекрасно сделан, в нем о Довлатове говорят и его питерские знакомцы по университету – Анатолий Найман, Константин Азадовский, Игорь Ефимов, Самуил Лурье, и его друзья и приятели – Василий Аксенов, Нина Аловерт, Эрнст Неизвестный, Людмила Штерн... Но главное – нам вживую показывают трех женщин его жизни – Асю Пекуровскую, Тамару Зибунову и Алевтину Добрыш. Жену Лену, с которой Довлатов расходился и сходилась, которая звала его в Америку, куда он в конце концов уехал, которая родила ему девочку Катю и мальчика Колю и которая прожила

Сергей Довлатов. Photo: Nina Aloverit

с ним непростые американские годы, – в картине мы не увидим, по-видимому, по причине присутствия в ней женщин-соперниц.

Но мне хватило и трех, чтобы задуматься о роли женщин, «женщины» в жизни Довлатова. Тема меня заинтересовала еще тогда, когда у нас была дискуссия по поводу Сергея Донатовича с Соломоном Волковым. Вот тогдашнее утверждение Соломона: «Довлатов, конечно, был тем, что сейчас здесь называют словом «мизогинист» (женоненавистник. – И. Ч.). Про своего брата Бориса он говорил, что тот норовит «трахнуть» все, что движется. На самом деле, он говорил это и о себе. И он, и Бродский по их отношению к женщинам были «сатирами».

Я протестовала против такого определения, хотя видела, в отношениях Довлатова к женщинам странность. С одной стороны, он не может без них, о чем говорит и его проза, с другой – пишет о них без лирики, очень иронично и зло, взгляд на «героинь» у него очень трезвый, лишенный романтизма. Так я думала, пока буквально на днях не перечитала повесть «Филиал» (1987), написанную за три года до смерти. Но прежде чем начать о ней говорить, несколько слов о судьбе Довлатова. Родился в 1941 году в Уфе, мать – армянка, отец – еврей, семья – актерско-литературная, родители развелись.

Учился на филологическом факультете Ленинградского университета, финно-угорское отделение. Занятия не посещал, в университете запомнил «только коридоры», в результате был отчислен.

Но друзей-филологов приобрел, первая любовь была также из студенток-филологинь, красавица Ася Пекуровская.

Служба в армии во внутренних войсках в 1960-х была столь мучительна и катастрофична, что дала толчок писательству. Три года службы «надзирателем» в зоне родили такую же эсхатологичную, беспросветно страшную «Зону».

В 1960-1970-х в СССР Довлатова не печатали. В Эстонии, куда он уехал от беспросветности, его свеженапечатанную книгу «Пять углов» рассыпали по приказу КГБ. Потом была работа в Пушкинском заповеднике, мучительное желание изменить жизнь – бессмысленную, пьяную, не дающую надежды ни на поворот в судьбе, ни на издание написанных вещей.

Отъезд в Америку последовал в 1978-м, к этому времени на родине у Сергея был опубликован один маленький рассказ в журнале «Юность».

В Америке за 12 лет он издал 12 книг. Но что-то не сложилось и тут. В фильме есть его телеинтервью в год смерти. Он говорит, что завел дачу, что ему-де совсем не свойственно, занялся хозяйством, начал что-то мастерить...

Камера показывает по-прежнему крепкого, крупного, высокого и красивого человека, разве что с «ненужным» животиком, с ярким лицом восточного типа, с большими темными глазами. Нет, не сумел сам себя заговорить «дачной идиллией», ушел в черный запой – и сердце не выдержало. Напомню, что писатель прожил всего 49 лет.

Много это или мало?

В повести «Филиал»: «Возраст у меня такой, что каждый раз, приобретая обувь, я задумываюсь: «Не в этих ли штиблетах меня будут хоронить?» Это написано в 45. Шутит? Рисуетя? Но вот еще, опять оттуда же: «Мне сорок пять лет. Все нормальные люди давно застрелились или хотя бы спились». Нет, не шутит. У Довлатова все всерьез, в своей прозе он удивительно честен и искренен. Не рисуется. Видно, понимал,

Елена Довлатова

что жизнь долгой не будет, как-нибудь нечаянно оборвется.

Читала «Филиал» – и в голос смеялась, невозможно удержаться от смеха, при том что писатель рассказывает нам свои истории с простодушной миной. Но таков его стиль, что после первой фразы неизбежно следует «реприза» – острая, каламбурная, ироничная, заставляющая рассмеяться. А бывает, что как у Гоголя или Пушкина, смех заложен в одной фразе-характеристике: «по виду учащийся юридической или зубоврачебной школы» (ср. У Гоголя «или вышла замуж, или сломала ногу»). Читаю, смеюсь, а сама думаю вот о чем: не был Довлатов веселым человеком, хотя его многие таким запомнили.

В самой сердцевине был он человеком печальным, чтобы не сказать трагическим. Женщине, которая приютила его в Эстонии, Тамаре Зибуновой, уже уехав от нее и своей дочки Саши, он пишет из Америки: «Видно, мне суждено перешагнуть грань человеческого отчаяния».

А вот еще из письма 1978 года: «Как же я из толстого, пугливого мальчика, а затем романтически влюбленного юноши превратился в алкоголика и хулигана?» Думаю, ничего веселого в таком превращении не было. Понятно, что Тамаре он жаловался, хотел, чтобы она пожалела – простила его отъезд, его неучастие в жизни дочери.

С другой стороны, сегодня Тамара Зибунова не склонна романтизировать свои отношения с Довлатовым. С экрана она

говорит о том, что Сергей не был ее «героем», «свалился» на нее неожиданно, и она должна была выбирать между вызовом

Тамара Зибунова с дочкой

милиции или романом с этим полужнакомым мужчиной, позвонившим ей с вокзала, а затем оккупировавшим ее квартиру. Да, будучи в ударе, был он несравненным рассказчиком, мог загипнотизировать. Но какой женщине понравится, когда живущий рядом «время от времени впадает в тяжелое беспросветное пьянство»?!

Вот еще о Довлатове она же: ему «хотелось быть благополучным», он испытывал «ощущение неполноценности». Не детские ли впечатления развода родителей и жизни вдвоем с матерью оставили в душе мальчика это ощущение? А впоследствии оно могло усилиться от фатальной «невезухи» с изданием его рассказов и повестей. Представляется, что советская издательская система казалась ему непробиваемой, а ряды советских писателей, к которым его никак не хотели причислить, особой богоизбранной кастой.

В Америке, хотя книги его начали переводиться на английский и печататься в хороших издательствах, счастья все же не было.

Иосиф Бродский помог ему напечататься в престижнейшем журнале «Нью-Йоркер» – но и это не принесло полного удовлетворения.

Соломон Волков видит причину неудовлетворенности Довлатова в том, что он не был принят американским читателем,

ждавшим от него «бестселлера», и кроме того, ему не симпатизировала университетская элита, создающая интеллектуальные авторитеты.

Сергей Довлатов с Асей Пекуровской

Мне же кажется, что причина в другом. Американская аудитория не могла до конца понять Довлатова, его своеобразный язык, его юмор, его «катастрофичность». Ему нужны были читатели в России, но там его не знали. Слава писателя на родине началась почти сразу после его смерти, когда был издан «Чемодан» (1991, Московский рабочий)³¹.

Женщина, из чьего дома писателя везли в больницу с инфарктом, звалась Алевтина Добрыш. Простая, ныне совсем не молодая – на два года старше Сергея.

Довлатов, по ее словам, скрывался у нее во время запоя. Жена Лена не держала его дома в этом состоянии, он искал пристанища у подруги. В день смерти Довлатова Алевтина привезла ему от знакомой настой ромашки – у него сильно болел живот.

³¹ В журнале «Звезда», начиная с 1989 г. публиковались произведения писателя, в частности «Филиал» (1989).

Потом оказалось, что боль вызвал случившийся инфаркт. Не знаю, можем ли мы в этом случае говорить о любви, скорее, о жалости – с одной стороны и благодарности – с другой.

Но в жизни Довлатова была любовь, я бы назвала ее *первой и последней*, ибо, похоже, она исчерпала его эмоциональные силы.

Говорю об Асе Пекуровской. Была она сначала возлюбленной студента-второкурсника, потом женой, сразу после оформления

Алевтина Добрыш

брака ушла от него к Василию Аксенову, в 1973-м эмигрировала в США и сейчас уже более 30 лет живет с мужем-немцем и сочиняет книжки для своих внушек, не говорящих по-русски. Считается, что у ее дочери Маши отец Довлатов, но девочка так и не знала до смерти Сергея, что ее папа живет в Америке.

В «Филиале», чей сюжет основан, как и во всех прочих повестях Довлатова, на реальных впечатлениях, герой-автор – посланный на конференцию славистов журналист, – встречается со своим прошлым. А именно – с Тасей, так он назвал ее в повести. «Вдруг я заметил, что у меня трясутся руки. Причем не дрожат, а именно трясутся. До звона чайной ложечки в стакане». Это герой предчувствует, что сейчас что-то случится. И случается. К нему в номер приходит его первая любовь. Любовь, которую в юности он ощущал как «погибель».

Фазы этой любви последовательно описаны. Познакомившись с Тасей, герой час сидит дома на кровати, ощущая себя глубоко несчастным. О вечере в Павловске рассказано с использованием приема «остранения», когда все предметы кажутся нереальными

и незнакомыми. Вот герой с Тасей входят в автобус: «Женщина дремала у окна. На груди ее висели катушки с розовыми и желтыми билетами». Кто постарше, поймет, что это автобусный кондуктор, продающая билеты. Но замороженный Тасей герой ничего не соображает, видит как в первый раз. Следует ночь любви. «Это был лучший день моей жизни. Вернее – ночь. В город мы приехали к утру».

Встречавшие их – реальных – в ту пору на Невском рассказывают, что это была фантастически красивая пара, словно с другой планеты. Видно, так преображает любовь.

Потом Тася разбила герою жизнь, ибо он не мог без нее, а она ускользала; он ревновал, а она искала приключений. В моем сознании возник образ в чем-то схожий с Манон Леско.

А Довлатову, стало быть, досталась роль кавалера де Грие. Правда, сыграл он ее не до конца. Он – вырвался. Ушел. Но вот через много лет она его настигла: «Я не могу уяснить, что же произошло. Двадцать лет назад мы расстались. Пятнадцать лет не виделись. У меня жена и дети. Все нормально. И вдруг...». А вот о героине: «Таська не меняется. Она все такая же – своенравная, нелепая и безнравственная, как дитя». Если бы не было здесь «как дитя», можно было бы счесть это «отрицательной характеристикой». Но «как дитя» меняет знак. А вот еще: «Вот оно мое прошлое: женщина, злоупотребляющая косметикой, нахальная и беспомощная».

И опять слово «беспомощная» заставляет усомниться в двух первых характеристиках.

И наконец, казалось бы, полная дискредитация героини: «Что плохого я сделал этой женщине – лживой, безжалостной и неверной?»

Обратим внимание на слово «неверной», оно здесь ключевое. И мы еще к нему вернемся. Но вначале приведу абзац, следующий за этой фразой: «Вот сейчас Таська попросит: «Не уходи», и я останусь. И тут я с ужасом подумал, что это навсегда... До самой, что называется, могилы. Или, как бы это поизящнее выразиться, – до роковой черты».

Узнаете Довлатова? Я нет.

Такого, говорящего «до роковой черты», – не узнаю. «До роковой черты» был со своей Манон кавалер де Грие.

Отправился за ней, каторжанкой, в далекую Америку, был вместе с ней в час ее смерти. Довлатовская Манон ускользнула,

Ася Пекуровская и Марина Басманова

не сказала: «Не уходи», ушла сама. В самом конце герой видит Тасю, которую ведет под руку «довольно мрачный турок». Думаю, турок появился тут не случайно. Довлатов злится, ревнует. Турок здесь, как кажется, – обозначение ревности автора...

Вопрос: был ли Довлатов «сатиром», как назвал его Соломон Волков? И не была ли первая любовь писателя настолько иссушающей, что для прочих женщин уже не оставила места? И не было ли чего-то похожего в жизни довлатовского «покровителя», до которого так хотелось ему дотянуться, – Иосифа Бродского? Перечитайте посвященное М. Б. стихотворение «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером» – и найдете там, кроме «чудовищно поглупела» и «молода, весела, глумлива», – подводящую некий неистребимый итог строчку: «Ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии».

Нет, не властно время стереть из памяти то, что преследует тебя «до роковой черты». Время в этом случае бесправно и безвластно.

Не знаю, вспомнил ли Довлатов эти стихи, завершая свой «Филиал». Но его концовка очень напоминает концовку стихотворения Бродского. У того: «Я курю в темноте и вдыхаю гнилье отлива».

У Довлатова: «Закурив, я вышел из гостиницы под дождь».

На поверку, тот и другой, Бродский и Довлатов, оказываются пленниками одной – юношеской любви, которая проходит через всю их жизнь.

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

SERGEI DOVLATOV WAY. АЗОХЕН-ВЭЙ

Читая о торжествах, устроенных в Питере, и вообще в России, по поводу 75-летия Сергея Довлатова, я вспомнил, как перекормили когда-то народ Пушкиным на его 200-летие. Умеют в России сначала убивать, изгонять или выдавливать из страны талантливых людей, а потом любить их, уже безопасных и бессловесных. И своей любовью перекармливать до оскомины.

...А то, что поклонники Довлатова с придыханием говорят, мол, есть в Нью-Йорке улица его имени, то хочу рассказать, как на самом деле проходило торжественное открытие «улицы», ибо был тому свидетелем.

...7 сентября 2014 года писатель Сергей Довлатов стал табличкой на фонарном столбе в Нью-Йорке. Не улица названа его именем, не переулок, а угол на перекрёстке 108-й улицы и 63-го проезда в районе Форест-Хиллс, Квинс, где он прожил 12

лет. Нет почтового адреса: улица, переулок, проезд Довлатова, дом номер такой-то. Так что сообщение, будто в Нью-Йорке появилась улица Довлатова несколько преувеличено.

Открывая церемонию, депутат Городского совета Карен Кословиц сказала:

– Было собрано почти 18 тысяч подписей с просьбой увековечить вклад Довлатова в литературную жизнь Нью-Йорка. Я внесла это предложение в Городской совет, оно было одобрено большинством депутатов и подписано мэром Деблазио.

От имени семьи писателя выступила его дочь Екатерина, а потом под недружные крики «Ура!» сдёрнули чехол с таблички, на которой белым по зелёному было написано Sergei Dovlatov Way. Телекамеры тут же развернулись на вдову Довлатова Елену, дочь Катю и сына Николая.

Я подошёл к депутату Городского совета от Квинса Карен Кословиц:

– Какие произведения Довлатова вам больше всего понравились?

– К сожалению, я ничего не читала, но надеюсь прочитать, – ничуть не смущаясь ответила депутат. – Я горжусь, что первой предложила назвать улицу именем русского иммигранта.

Уточним: не первой. В Нью-Йорке намного раньше увековечены имена русских иммигрантов – балетмейстера

Джорджа Баланчина и погибшего при исполнении своих обязанностей полицейского детектива Рассела (Руслана) Тимошенко.

– А знаете ли вы хоть одну улицу в Нью-Йорке, названную именем ещё какого-нибудь писателя, не обязательно русского, можно и американского? – продолжал я допытываться у Карен Кословиц.

– Я уверена, что много таких улиц... Не могу вспомнить. Но я горжусь, что с моей помощью появился Way, то есть «Путь» имени русского писателя в моём избирательном округе, в Форест-Хиллсе.

Депутат Горсовета «не смогла вспомнить», что всего две площади в Нью-Йорке носят имена писателей – площадь Тараса Шевченко и площадь Вашингтона Ирвинга.

В торжестве участвовала Сенатор штата Нью-Йорк Тоби-Энн Стависки:

– Я дочь эмигранта из Латвии. Эта страна, – сказала она мне с гордостью, – находится совсем близко к Санкт-Петербургу, откуда приехал Довлатов. Так что мой папа и ваш Довлатов, можно сказать, земляки.

– Какие книги Довлатова вы читали? – спросил я.

– Никаких.

– Кто ваш любимый американский писатель из тех, кто жил в Нью-Йорке?

– Пожалуй, Скотт Фитцджеральд, Эрнест Хемингуэй.

– Да, это великие американские писатели. А есть ли в Нью-Йорке улицы, названные в их память?

– Сейчас не припомню.

– Не странно ли: улица Довлатова в Нью-Йорке теперь вроде бы есть, а улицы Хэмингуэя и Фитцджеральда вроде бы нет?

– Я не помню, может быть, эти улицы есть.

Уточним: в Нью-Йорке нет таких улиц. Как нет улицы лауреата Нобелевской премии по литературе Иосифа Бродского, который жил в этом городе и был избран почётным поэтом-лауреатом Америки, нет улицы Владимира Набокова. Сергей Довлатов стал первым русским писателем, получившим в Нью-Йорке свой угол.

Вышедшая за покупками бухарская еврейка по имени Фрида с удивлением смотрела на происходящее:

– Что тут такое? – обратилась она ко мне.

– Открытие таблички в память о писателе Довлатове. Вы читали его?

– Может, и читала когда-то давно, не помню.

– А вы знаете, что он здесь жил?

– Здесь много народу живёт. Откуда я знаю, кто они такие! А что, этот ваш Довлатов избирается куда? За него надо голосовать, что ли?

...Тут ко мне подвели инициатора акции Алексея Рубина:

– Я в общем-то начал всё это один. Вначале нам никто не помогал. А потом люди подключились, и нас поддержала бухарско-еврейская газета.

– Помнится, Довлатов очень иронично высказывался по адресу живших в этом районе бухарских евреев?

– Вообще он обо всех без исключения иронично высказывался, это его стиль.

– Как бы он, по-вашему, реагировал на то, что угол назван его именем?

– Думаю, он бы долго смеялся.

Я тоже так думаю. А папа Сергея Довлатова Донат Исаакович Мечик, наверное, развёл бы руками и сказал: «Dovlatov Way? Азохен-вэй!»

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Марина Кацева

Бостон, США

*ПОЕЗД В БЕССМЕРТЬЕ. К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ*

Август и сентябрь – самые насыщенные событиями месяцы цветаевской жизни. На них пришлись и главные даты её биографии – рождения и смерти. Марина Цветаева родилась в 1892 году, 26-го сентября (по старому стилю). Именно в этот день она всегда принимала поздравления и сама отмечала его – в прозе, дневниках, письмах и, конечно, в стихах. Помните?

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов...*

Полвека спустя, в 1934-м году, Цветаева дала уточняющий комментарий к одному-единственному слову в этом стихотворении: «... ведь могла: славили, могла вторили – нет спорили!. Оспаривали мою душу, которую получили все и никто (все боги и ни одна церковь!)».

Старому календарю, как и старому правописанию через «ъ», Цветаева была верна до конца жизни. Видимо, это были те приметы прошлого, которые возвращали её к своему «я». В следующем, 2017-м году, уже будет век, как большевики послали «в чёртову дюжину» календарь и, вопреки желанию Марины, не только перенесли, но и самовольно изменили дату её рождения. В интервью «Литературной газете» к столетию сестры, Анастасия Цветаева, открыто высказала возмущение:

«... Я не понимаю, каким образом могли назначить днём её рождения 8-е октября? ОНА РОДИЛАСЬ В ДЕНЬ ИОАННА БОГОСЛОВА – 26 СЕНТЯБРЯ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ, 9-ГО ОКТЯБРЯ ПО НОВОМУ. Так записано и в церковном православном календаре, который печатает две даты: 26 сентября (9 октября) – день Иоанна Богослова. И Марина всегда в этот день отмечала своё рождение. Она в письмах много раз писала об этом. Мне, как ближайшему человеку, сестре,

непонятно это самоуправство. Оно должно быть исправлено. И прошу исправить эту дату и в тех странах, где отмечают столетие Марины Цветаевой».

... Что ж, прислушались и исправили. Отныне именно к 9-му октября приурочены все официальные цветаевские мероприятия. Но те читатели, у которых сложились с Цветаевой особые отношения, отмечают день её рождения дважды – по старому и новому стилям...

В воскресный полдень 31-го августа 1941 года в далекой от Елабуги Москве жена Ильи Эренбурга уронила серебряный браслет, когда-то подаренный ей Мариной. Он неожиданно сломался пополам в самом крепком месте, и она сказала: *«Наверное, что-то плохое случилось с Мариной»*. Как потом выяснилось, число и даже час совпали с моментом её смерти.

Известно, что Цветаева считала полдень самым подходящим часом для ухода Поэта. Узнав, что Макс Волошин умер *«в двенадцать часов пополудни»*, она именно с этого начала свою новеллу-реквием на смерть друга *«Живое о живом»*: *«После естественного удара смерти почувствовала удовлетворённость: в полдень: в свой час суток и природы... В полдень, когда солнце в самом зените, то есть на самом темени, в час, когда тень побеждена телом, а тело растворено в теле мира – в свой час, в волошинский час...»*.

Случайно ли так совпало или ... вспомнилось – теперь уже не узнать, но через девять лет Марина «выбрала» для своего ухода тот же месяц август и тот же час... – *«двенадцать часов пополудни»*.

Нынешний август – уже 75-й.

В одном из писем к Петру Юркевичу Цветаева написала, что у неё *«роман с собственной душой»*. «Романом» же назвали биографы Цветаевой её отношения со смертью. Роман-не роман, но «флирт», постепенно переросший в диалог со смертью, определёнno был. Непрерывный интенсивный диалог на протяжении всей жизни.

Так, днём 17-летия Марины датирована часто цитируемая «Молитва», в которой именинница обращается к Всевышнему с довольно необычной для такого случая просьбой:

*Люблю и крест, и шёлк, и каски,
Моя душа мгновений след....
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!*

Именно в эти годы у юной Марины появилась причуда, резко отталкивавшая и пугавшая других: страсть к ночным прогулкам по кладбищам. С годами эти прогулки стали для неё потребностью, вызванной, видимо, её врождённым чувством сострадания ко всем, покинувшим эту «ласковую землю». Куда бы потом ни заносила Цветаеву жизнь, в каком бы душевном состоянии она ни пребывала, она обязательно посещала местные кладбища – от скромных захоронений в подмосковных Тарусе и Александрове до знаменитых кладбищ в Праге и Париже. Бродя между могильными плитами, Цветаева внимательно вчитывалась в надписи на них, пытаясь угадать судьбы ушедших:

*Я думаю о горстке пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них, о нас...*

Воображение влекло её дальше. Ей только исполнился 21 год, а она уже представила в «желанной лазури» не только себя, но и того, кто в будущем осмелится повторять её «кладбищенские дозоры». И вот теперь она сама просит случайного прохожего задержаться у воображаемой могилы, чтобы выслушать её исповедь...

*Идешь на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись...*

*Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет...*

В последующие годы Цветаева не раз будет призывать смерть, назначать ей даты для свиданий, подтрунивать над нею («*Жизнь и смерть произрощу с усмешкой/Скрытою...*»), фрондировать («*Жизнь и смерть давно беру в кавычки/Как заведомо-пустые сплётны*») или спастись самоиронией:

*Квиты: вами я объедена,
Мною живописаны.
Вас положат на обеденный,
А меня на письменный...*

Мысль о неизбежном конце одновременно томит и притягивает Цветаеву, из года в год возникая в её стихах, обновлённая размышлениями взрослеющей цветаевской души. То она рвётся «*Вместо земных/Насильных небес*» в «*Небесных земель /синь...*», то с грустью признаётся: «*Я так не хотела в землю/С любимой моей земли...*». В этой опасной игре со смертью (а Цветаева верила, что поэтические пророчества сбываются), она постоянно меняла маски, соответственно

оттенкам настроения – от желанной надежды на скорую встречу до полного отрицания: «*Губы, кричавшие слово: ответь!/Знают, что этого нет – умереть!*». Но каковыми бы ни были эти

оттенки, среди них не было места чувству страха – Цветаева не боялась смерти.

Пройдут годы, и юношеская бравада уступит место пристальному интересу к самой идее «ухода», «небытия», «перехода в волшебную лазурь», куда она теперь всё чаще и чаще провожает друзей, посылая им вослед поэтические оды «на смерть...». Теперь её интересует совсем другое: что же происходит с душой и мыслями человека после смерти? Неужели всё исчезает? Она задаётся вопросом: «Почему учёные до сих пор не задумались над проблемой б-е-с-с-м-е-р-т-и-я мозга?»... Она хочет знать, куда отлетает душа? В какой лазури парит?

*Ведь в сказках лишь,
Да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа – куда ушла?*

Это уже строки 30-х годов... Совсем близко дни, когда Цветаева начнёт примерять смерть на себя всерьёз, не играя. Чувствовала, что конец неизбежен и близок.

*А всё же спорить и петь устанет
И этот рот!
А всё же время меня обманет
И сон – придет.
И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья, птицы...*

Но в жизни всё устроилось по-другому... Диалог же со смертью Цветаева оканчивается открытым конфликтом:

*Смерть – это нет,
Смерть – это нет,
Смерть – это нет.
Нет-матерям,
Нет – пекарям.
(Выпек – не съешь!)
Смерть – это так:
Недостроенный дом,
Недовязанный сноп,
Недовращенный сын,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.
Я – это да, Да – навсегда,
Да – вопреки, Да – через всё.
Даже тебе
ДА кричу, Нет!
Стало быть – нет,
Стало быть – вздор,
Календарная ложь!*

Свой последний земной день рождения Цветаева отметила в дневнике одним предложением: «Поздравляю себя с 48-ю годами непрерывной души!». А незадолго до елабужской трагедии она вписала в рабочую тетрадь следующую формулу: «Смерть – это

не конец! Смерть – это цензорские ножницы в поэму!». Так ещё раз – *последний!* – соединились две главные даты – рождения и смерти поэта.

Цветаева твёрдо верила, что день её смерти станет началом её бессмертия: *«О нет, не любовь, не страсть, / Ты поезд, которым еду в бессмертье...»*. Этой уверенностью, видимо, она пыталась опровергнуть непреложность календаря. И опровергла. Сколько людей сегодня на разных языках читают стихи Цветаевой, болеют её судьбой, совершенно при этом не задумываясь о датах её календаря.

Трагический конец поэта был потрясением для всех, кто знал её лично и ценил её творчество. Многие из её «собратьев по струнному ремеслу» сразу откликнулись на её смерть стихами, словно подтверждая цветаевскую формулу: *«Поэты отдают свою боль поэзии и этим облегчают душу»*. Борис Пастернак, Анна Ахатова, Арсений Тарковский, Борис Чичибабин, Белла Ахмадулина, Александр Галич и многие другие положили начало грандиозному поэтическому реквиему по Марине Цветаевой, которому, подобно пушкинскому, не видно конца.

Давно ушли из жизни современники Цветаевой, а новые посвящённые ей стихи продолжают рождаться. Отдельный раздел поэтической цветаевианы принадлежит любителям. Их стихи звучат на народных праздниках, они рассылаются в цветаевские музеи, разбросанные по разным странам. Их оставляют на месте её условной могилы в Елабуге. Несколько из любительских поэтических обращений к Цветаевой есть и в моём архиве. Я получала их во время своих выступлений, начиная с 1982-го года. Предлагаю вниманию читателей одно стихотворение. Оно публикуется впервые. Эти стихи дороги мне не столько своими поэтическими достоинствами, сколько высоким настроем души их автора.

Безымянная «художница из провинции»

Цветы, Цветаеву примите!

В свой страшный час

Она непризнанным открытjem

Ушла от нас.

*Цветаеву примите, травы!
Пырей, осот!
Да, имени пробьётся слава,
Живой росток.
Стрелой упругой пронижет души,
Но сквозь года
Шнурком несчастья на шее душист
Е л а б у г а...*

Юлий Зыслин

Б.Вашингтон, США

ДВА ИЗОБРАЖЕНИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В конце августа 2016 года в «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки» (www.museum.zislina.com) поступило электронное письмо от художницы из Чикаго Наталии Тореевой: *«Почти через неделю (Август 31) исполнится 75 лет со дня смерти великого поэта, Марины Цветаевой. Посылаю вам свой рисунок, посвящённый этому замечательному поэту».*

Подаренный музею портрет МЦ – новый, так как этот графический рисунок выполнен совсем недавно пером на бумаге и затем отформатирован с помощью компьютерной графики (метод «Mixed media drawing»).

В то же время, этот портрет «старый», поскольку в его основу положена известнейшая и популярнейшая парижская фотография Марины Цветаевой столетней давности.

Фотопортрет работы Петра Шумова прекрасен. Рисунок же Тореевой более аскетичен: ничего лишнего, глаза в графике

оказались более выразительны, подспудная печаль всего облика МЦ ощущается сильнее.

Наталья Григорьевна Тореева – многоопытный, работающий в разных жанрах и техниках художник ленинградской школы (живопись, графика, плакаты, рекламы, кино, книжные иллюстрации). Она входит в творческую группу учеников и последователей Осипа Абрамовича Сидлина (1902–1972).

В свою очередь, О. А. Сидлин – ученик А. И. Савинова, А. А. Осмеркина, К. С. Петрова-Водкина и П. Н. Филонова. В то же время, Осип Синдлин, как поведала нам Тореева в одном из своих писем, «соприкасался с Казимиром Малевичем, который дал огромный толчок современному искусству». (Кстати, Казимир Малевич представлен на «Вашингтонской аллее русских поэтов, композиторов и художников»). В 1987–1995 гг. по инициативе художника и педагога Юрия Нашивочникова в Петербурге работала галерея «Школа Сидлина».

Некоторые ученики Сидлина активно участвовали в организации выставок нонконформистского искусства.

В Чикаго Наталья Григорьевна поступила в DePaul University, где изучила computer graphics and animation.

С Натальей Григорьевной мы знакомы несколько лет. Я попросил её сделать для музея рекламные плакаты-эмблемы наших проектов по русской культуре.

Как будто бы конструктивизм и компьютерная графика проклюнулись в этих её работах.

Тореева любит и знает русскую поэзию. Поэтому откликнулась на наши работы по рисункам МЦ (см. в журнале ЧАЙКА) и высказала очень интересные мысли и рекомендации.

Приведённая выше фотография Марины Цветаевой работы П.И.Шумова – это один из трёх (или четырёх) портретов МЦ, отснятых им в его ателье, видимо, в один присест. Здесь наилучший ракурс и выразительность. Это большая удача фотохудожника (почему-то во многих случаях приводится только фрагмент этой фотографии: то нет руки с кольцами, то срезан затылок, то отсутствует часть прически).

Несколько слов о фотографе.

Революционер дворянских кровей Пётр Иванович Шумов (1872-1936) несколько раз арестовывался в царские времена. Ему

Рисунок Н.Торосовой. 2016. Фото П.Шумова. 1925

грозила даже каторга, и в 1907 г. он покинул с семьёй Россию. Осев в Париже, он постепенно освоил фотографию. В 1911 г. Шумов уже открыл собственное фотоателье на Монпарнасе, рю дю Фобур Сен-Жак, и вскоре сделался популярным в Париже фотографом-портретистом. Применяя особую технику ретуши негативов, он добивался поразительных результатов.

Известности ателье немало способствовало состоявшееся в том же году знакомство Шумова с Огюстом Роденом, быстро перешедшее в тесное сотрудничество, длившееся до смерти скульптора.

Шумов создал целую галерею портретов самых известных деятелей культуры и политики своего времени. Назовём ряд имен русских эмигрантов-деятелей искусства, снятых им с 1920 года: М. Алданов, Л. С. Бакст, К. Д. Бальмонт, М. Волошин, Н. С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, С. П. Дягилев, Б. К. Зайцев, В. В. Маяковский, С. С. Прокофьев, И. Ф. Стравинский, А. Н. Толстой, Н. Тэффи, М. И. Цветаева, В. Ф. Ходасевич, Саша Чёрный, М. З. Шагал, Л. Шестов, И. С. Шмелёв, И. Г. Эренбург...

Кроме портретов Марины Цветаевой, он сделал несколько фотографий семейства Эфронов. МЦ часто фотографировала сама. Известно её благодарственное письмо 1926 г. фотографу Шумову, начинающееся словами «Дорогой Пётр Иванович!

Карточки восхитительны...», и восторженная открытка из Лондона: «Весь Лондон полон Вашей славой...»

Приведённая выше парижская шумовская фотография МЦ, прежде всего, её ракурс, использована в портретах других художников, книгах, плакатах, статьях, экслибрисах, буклетах, пригласительных билетах и даже на двухдолларовой монете в Новой Зеландии.

Но тихая грусть в глазах и миниулыбка получились только у Наталии Тореевой.

Ольга Трифонова-Тангян

Дюссельдорф, Германия

ЦВЕТОК ДЛЯ АЛЛЫ. К 80-ЛЕТИЮ АЛЛЫ ПАСТУХОВОЙ – РЕДАКТОРА И ЖЕНЫ ЮРИЯ ТРИФОНОВА

(в сокращении)

Редактор в советской литературе играл особую роль. Он не только посредничал в заключении договоров, организовывал публикацию и улаживал дела с вышестоящими организациями, но и помогал прохождению рукописей через цензуру. Несомненно, он должен был быть всесторонне образованным человеком, как в литературном плане, так и в области истории и философии, а также обладать политическим чутьем и

дипломатическими качествами. И, конечно, от редактора ждали понимания творческого процесса и тонкой работы с авторскими рукописями. Последнее предполагало установление личного контакта с литераторами, умение расположить их к себе. О значении редактора Владимир Войнович написал так:

Редактор в литературе играет примерно ту же роль, что тренер в спорте. Может быть, он сам не умеет писать (иногда, впрочем, умеет), но если у него хороший вкус, его помощь неоценима.³²

Мой отец, писатель Юрий Трифонов (1925–1981), всегда имел хорошие отношения с редакторами. Как правило, редакторами бывали женщины. Они считали его тонким, интеллигентным человеком, понимающим женскую психологию. Редактором первого романа Трифонова *Студенты* (1950) была Тамара Габбе, близкая знакомая Самуила Маршака, которую называли «литературным вкусом Москвы». Она во многом способствовала получению Трифоновым Сталинской премии за его первый роман. Редактором второго романа *Утоление жажды* (1963) стала София Разумовская, жена писателя

Даниила Данина, прекрасный специалист своего дела, милая и интеллигентная женщина. С супружеской парой Разумовской-Даниным отец поддерживал дружбу долгие годы. К работе над романом *Утоление жажды*, которая заняла десять лет и претерпела много переделок, подключилась и моя мама – певица Нина Нелина (1923–1966). Она к тому времени больше не выступала в Большом театре и потому посвятила себя литературной деятельности мужа: помогала переписывать роман, принимала участие в обсуждениях с Софьей Разумовской. Долгие годы Трифонов поддерживал тесные рабочие контакты с Асей Берзер (журнал «Новый мир») и Валентиной Кургановой (издательство «Советская Россия»).

Главную же роль в работе Трифонова сыграла его вторая жена, редактор Алла Павловна Пастухова (1936–2014), работавшая вместе с ним над романами *Нетерпение* (1973) и *Старик* (1977), а также над всеми «московскими повестями», в том числе *Домом на набережной* (1976), принесшему ему мировую славу. Когда за повестью *Обмен* (1969) в журнале «Новый мир» последовали другие – *Предварительные итоги* (1970), *Долгое прощание* (1971), *Другая жизнь* (1973), все заговорили о появлении «нового» Трифонова. Многие отмечали, что писатель

³² Войнович В. *Автопортрет: Роман моей жизни*, глава «Алла Пастухова». М., Эксмо, 2010. <http://iknigi.net/avtor-vladimir-voynovich/590-avtoportret-roman-moej-zhizni-vladimir-voynovich.html>

переродился. Но мало кто упоминал, какая большая заслуга в этом принадлежала его жене-редактору Алле Пастуховой. Она

Алла Пастухова, Москва, около 1962

правила стиль, убирала все лишнее, следила за балансом формы, чтобы не отодвинуть на второй план главные мысли. Например, для укрупнения темы конформизма в *Доме на набережной* она, несмотря на сопротивление Трифонова, настояла на сокращении повести в три (!) раза, сняв материал, посмертно изданный как незавершенный роман *Исчезновение* (1987). Пастухова говорила: «Каждую фразу я пропускала через себя». Роман *Нетерпение* (1973), вышедший в Политиздате с редактурой Пастуховой, был признан лучшим в серии «Пламенные революционеры»³³ и переведен на многие иностранные языки. Особенную актуальность роман приобрел в Западной Германии, где в 70-е годы появилась леворадикальная террористическая организация «Красные бригады», совершавшая кровавые акции. Именно этот роман, пятый в списке немецких бестселлеров того времени, заинтересовал Генриха Белля. Под влиянием Аллы Пастуховой возникло часто упоминаемое «густое письмо» Трифонова. Сам Трифонов прекрасно сознавал, как велик был вклад Пастуховой

³³ Новохатко В. Белые вороны Политиздата (записки завреда). В кн. *Отблеск личности*. М., Галерея, 2015. С. 73.

в его работу. Часто повторял, что своим успехом был обязан ей. Не случайно Трифонов называл Пастухову своим любимым, «пожизненным» редактором.³⁴ На титульной странице повести *Другая жизнь* появилось: «Посвящаю Алле», а первое издание *Дома на набережной* 1976 года он подарил ей с надписью: «За все, что ты для меня сделала».

Когда в 1966 году неожиданно умерла моя мать Нина Нелина, отец долгое время не мог работать. Но пришлось собраться с мыслями, взять себя в руки и снова взяться за перо. К тому же нужны были деньги на жизнь. Трифонову посоветовали обратиться в только что созданную редакцию «Пламенные революционеры» Политиздата. Для участия в серии авторам предлагали выбирать темы либо из российского прошлого, либо из зарубежной истории. Современность была под запретом. Было известно, что в Политиздате платили приличные гонорары и обеспечивали высокий полиграфический уровень выпускаемых книг, которые издавались огромным тиражом в 300 000 экземпляров. В серию привлекли многих талантливых авторов, испытывающих трудности с цензурой. Для них появилась удобная ниша. В редакцию сразу обратились такие известные писатели, как Гладилин, Аксенов, Войнович, Славин.

Трифонов выбрал тему народовольцев и подготовил заявку на роман об Андрее Желябове. Его давно интересовало зарождение революционного движения в России, в котором участвовал и его отец, старый большевик с 1904 г. Валентин Андреевич Трифонов, объявленный «врагом народа» и расстрелянный в 1938 году. Можно сказать, что Валентин Трифонов и был одним из тех «пламенных революционеров», которым посвящалась серия. Трагическая судьба отца определила противоречивое отношение Трифопова к Революции. С одной стороны, он любил и почитал отца, с другой – видел в Революции грубое и жестокое форсирование истории, что отражено названием романа «Нетерпение».

³⁴ Письмо сестры Аллы, Татьяны Павловны (Таты) Пастуховой Ольге Тангян, июнь 2016

Трифонов очень серьезно относился к исторической теме, много работал в архивах. Хотя в серии «Пламенные революционеры» о современности писать не полагалось, авторы исхитрились иносказательно затронуть наболевшие темы. Уже начало романа Трифонова *Нетерпение* – «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили только о том: какова болезнь и чем ее лечить?..» – будоражило умы. Хотя речь шла о XIX веке, никто ни минуты не сомневался в том, что его слова относились к брежневской застойной эпохе.

Трифонов был одним из первых советских литераторов, кто в положительном свете представил Императора Александра II—Царя-Освободителя. Он сочувственно описал пострадавшего государя, отдав должное его заслугам перед народом. Мне даже кажется, что именно царю он приписал некоторые свои особенности – нерешительность в принятии решений, переменчивость настроений, запутанные отношения с женщинами, фатализм. Позже Трифонов сожалел, что не сумел глубже прописать его характер.

Из романа *Нетерпение* мне больше других запомнился второстепенный персонаж – «невольный» предатель народовольцев Гришка Гольденберг, предшественник такого же «невольного» предателя Вадима Глебова из *Дома на набережной*. Когда мы позже разговаривали с Аллой по телефону, она часто повторяла слова «предательство» или «предатель». Я как-то сказала: «А в книгах Трифонова предательство совсем не чувствуется». Она отвечала: «Чувствуется, чувствуется. У него все книги о предателях». Возможно, в первую очередь, она имела в виду Гришку Гольденберга, который предал своих товарищей по подполью, но не сразу это осознал. Когда же до него дошло, что он сделал, то он покончил с собой в камере.

Трифонов пришел в Политиздат в апреле 1967 года. Заведующим редакцией был Владимир Новохатко, редактором

была молодой литературный сотрудник Алла Пастухова.³⁵ Алла родилась в Москве в интеллигентной творческой семье. Ее отец Павел Пастухов был юристом и военным дипломатом, окончил юридическое отделение МГУ и Дипломатическую академию. Имел литературные способности и феноменальную память, что передалось его дочери. Алла Пастухова закончила факультет журналистики МГУ, где защитила диплом по творчеству Чехова, до издательства работала литературным критиком и журналистом в газетах «Московский комсомолец» и «Вечерняя Москва», хорошо знала литературу, историю, французский язык. Словесность была ее стихией, где порой она обнаруживала курьезные способности, например, без затруднений могла произносить любые слова и даже целые фразы задом наперед.

Пастухова была миловидной, голубоглазой, молодой женщиной с челкой. Она была восторженно предана литературе и очень уважала писателей. По ее словам, она знала писателя Трифонова еще до их личного знакомства. Когда она работала в газете «Московский комсомолец», завотделом литературы и искусства Евгений Сидоров попросил ее написать рецензию на только что вышедший роман Трифонова *Утоление жажды* (1963). До этого она читала роман *Студенты*, который ей не понравился своей «нарочитой бодростью». Поэтому она скептически ответила: «Да что Трифонов может написать!». Но тот настаивал: «А ты почитай, почитай». Когда она все же прочла роман, который ее заинтересовал, то написала о нем положительную рецензию. После этого она уже стала следить за всем, что писал Трифонов. Позже выяснилось, что Трифонов был в курсе того, что одна молодая журналистка написала о его романе хорошую статью. Он отмечал, что было много отзывов на его вещь, но только она одна поняла его правильно, угадав в главном герое *альтер эго* писателя. И очень удивился, узнав, что именно Пастухова и была той самой молодой журналисткой.

³⁵ Подробнее о работе редакции и высокопрофессиональных качествах Пастуховой см. Новохатко В. Белые вороны Политиздата (записки завреда). В кн. *Отблеск личности*. М., Галерея, 2015. С. 72–83.

Пастухова обрадовалась приходу нового автора. Трифонов произвел на нее прекрасное впечатление, напомнив ей любимого с юности Чехова. Причем не только манерой письма, когда автор избегал давать моральные оценки, но и внешностью – высокого роста, в очках, интеллигентный, ироничный. Одно слово – настоящий русский писатель. Она всегда подчеркивала, что писатель и редактор – две неравноценные профессии. И как-то сказала мне, что даже плохой писатель стоит выше хорошего редактора. А уж хороший писатель для редактора – это просто небожитель. С моей точки зрения, это чистая экзальтация, поскольку плохой писатель никому не нужен, а хороший редактор необходим.

В остроумно, часто ядовито написанной автобиографии Владимира Войновича *Автопортрет: Роман моей жизни* есть целая глава «Алла Пастухова»:

Больше других запомнилась мне Алла Пастухова, тогдашняя жена Юрия Трифонова. Она была редактором «Политиздата», где выпускались не только материалы партийных съездов, но и художественная литература. В конце 60-х в ЦК КПСС, видимо, решили отвлечь внимание некоторых фрондировавших писателей от современных тем и создали для них историко-революционную серию «Пламенные революционеры». Попал в эту серию и я – написал по заказу издательства или, точнее, по идее, рожденной в ЦК КПСС, книгу о Вере Фигнер. Мне выделили редактором Аллу. Она сразу сказала мне, что я один из ее любимых писателей и что мы с ней, в общем, свои люди и единомышленники. Я ее таковой и считал, пока не закончил работу над повестью «Деревянное яблоко свободы» и с готовой рукописью явился к ней...

В понедельник я пришел. Алла при мне достала из ящика рукопись, раскрыла, надела очки, взяла в руку самописку и стала читать. Повесть начиналась письмом старого помещика из города Тетюши своему сыну, жившему в Казани. После некоторых наставлений следовала просьба: «А также купи мне книгу Зейберлинга «Нет более геморроя». Говорят, книга сия позволит навсегда избавиться от болезни геморроя...» Не говоря ни слова, Алла жирной чертой вычеркнула «геморрой». Я сперва

растерялся, а потом, когда она занесла ручку над вторым «геммороем», закричал:

– Стоп! Что вы делаете?

– Как что? – удивилась она. – Редактирую.

– Разве так редактируют?

– А как?

– Прежде чем вычеркивать что-нибудь, вы должны объяснить, почему хотите это делать, и спросить, согласен я с вами или нет.

Она удивилась еще больше:

– А вы со мной не согласны?

– Конечно же, не согласен. Что вас здесь смущает?

– Ну, вот это слово.

– Какое?

– Вот это.

Она тычет пером в ужасное слово, краснеет, но произнести его не решается.

– Вас смущает слово «гемморой»? Поверьте, это вполне литературное слово. Это просто название болезни. Почитайте Гоголя, у него есть герои с геморроидальным цветом лица...

Иногда она доводила меня до бешенства.

– Алла, – говорил я тогда ей, – вы поставлены надо мною государством и по государственной субординации являетесь для меня вроде как начальником. Но по справедливости, как вам кажется, вы имеете право вот так беспардонно корезжить мой текст?

– А вы считаете, не имею?

– Да, не имеете. Я взрослый человек, я известный писатель, я сам отвечаю перед читателем.

Она ударялась в слезы.

Иногда она брала на работе разрешение не приходиться в редакцию, и тогда мы работали у нее дома. И тоже спорили, я до бешенства, она – до слез. Трифионов, конечно, был на моей стороне, но в спор наш не вмешивался, боялся. И убежал в ванную.³⁶

³⁶ Войнович В. *Автопортрет: Роман моей жизни*, глава «Алла Пастухова». М., Эксмо, 2010. <http://iknigi.net/avtor-vladimir-voynovich/590-avtoportret-roman-moey-zhizni-vladimir-voynovich.html>

Обратила внимание на эпизод с отцом, который не участвовал в дискуссиях, а ретировался в ванную. Это было для него типично и совсем не подтверждало высказывание Войновича, что он был на его стороне. Просто отец избегал неприятных ситуаций, выяснения отношений. Хотя Войнович отозвался о Пастуховой как о редакторе критически, но сам факт посвящения ей целой главы указывает, что он ее явно выделил. Почитав же роман Войновича о Вере Фигнер «Деревянное яблоко свободы» для Политиздата, я удивилась, насколько недобросовестно отнесся талантливый литератор к жанру исторического романа, каким грубым языком описана им эпоха XIX века. Само по себе безобидное слово «геморрой» только подчеркивало это впечатление. Я думаю, что вычеркивая его, редактор Пастухова просто давала выход своей неудовлетворенности материалом и пыталась немного облагородить текст.

К моменту знакомства с Трифоновым Пастуховой было 30 лет; она была замужем за журналистом газеты «Московский комсомолец». Мой отец был вдовцом 43 лет, и он не вполне серьезно начал ухаживать за Аллой. Она полностью подпала под его обаяние и интеллектуальный напор, и их отношения стали стремительно развиваться. Ее семья распалась. Муж Пастуховой ушел жить к своим родителям, великодушно оставив однокомнатную квартиру жене, которая его не любила. Однажды, когда они уже расстались, бывший муж гулял с собакой и зашел навестить Аллу, но у нее сидел Трифонов. Получилось, что она разбила сердце человеку.

Мое знакомство с Аллой Пастуховой состоялось осенью 1967 года. Мне было 15 лет, и у нас быстро установились дружеские отношения. Я воспринимала ее как старшую подругу, а она вела себя так, будто дружила именно со мной, а отец ее несколько не интересовал. Мне льстило внимание взрослой женщины, я делилась с ней своими переживаниями, детской влюбленностью в Василия Аксенова, которого она знала лично, и много интересного о нем рассказывала. В то время, кажется, только я одна не догадывалась о связи Аллы с отцом. Меня же никто не спешил правильно информировать, справедливо опасаясь, что

прошло слишком мало времени после смерти мамы и я все неправильно пойму. Долгое время я пребывала в доверчивом неведении, полагая, что Алла действительно интересовалась больше мной, чем отцом. И в моем дневнике появлялись такие наивные записи:

25/11/67 Суббота

Ну, что нужно сказать: самое главное, что я ближе сошлась с Аллой Павловной. Раньше я подозревала, что у нее есть что-то с папой, но сейчас я убеждаюсь, что ничего нет. Она такая честная, что не стала бы обманывать. После того, как мы с ней сходили на какой-то ужасный спектакль, мы очень сблизились. Я у нее оставила гребенку, и поэтому на следующий день поехала за гребенкой (Алла Павловна живет у Протезного завода). Я у нее провела весь день. Она очень умная женщина, много читала. Она мне рассказывала о Чехове, которым она увлекается с 15 лет, и о котором написала очень хорошие статьи. Алла Павловна умеет угадывать характер по почерку. Мне она сказала о почерке, что во мне происходит борьба: я хочу быть такой, как все, и не могу. Она еще что-то говорила, но это было самое правильное, и я запомнила... Еще Алла Павловна рассказывала мне о своей жизни. Учась в школе, она очень любила одну девочку, ревновала ее. В 20 лет вышла замуж. Муж ее тоже редактор, но в газете «Московский комсомолец». Мужа она не любит, любила несколько лет назад одного физика, но роман не удался. Она переживает, считает, что жизнь уже прошла (ей 30 лет) и не удалась. Я ей тоже жалуясь. Я рассказала ей об Аксенове, она сказала, что в него можно влюбиться, что он очень похорошел с лета. Советовала почитать побольше его. Еще она все время жалуется на своего заведующего,³⁷ который ужасная сволочь. Таковы темы наших бесед. Сегодня она тоже у меня была, но вечер как-то не удался, потому что мне опять стало казаться, что у нее есть что-то с папой. Он ей два раза сказал «ты», а она все рвалась показать ему, как на ней сидит шляпка, которую я дала ей померить. Хотя, может быть, это глупости.

³⁷ Предположительно, директор Политиздата.

5/XII/67 Вторник

А.П. ... стала жаловаться на свою жизнь, на мужа. Она говорила, что в 20 лет думала, что любит его, но потом поняла, как она по-настоящему умеет любить. Он ее ужасно раздражает, и она с ним уже около года совсем не живет. В общем, дома у них плохо, а развестись нельзя. Некуда уйти. Потом А.П. сказала, что я, видимо, ее подозреваю. Она сказала, что у них с папой ничего нет и не будет. Я ей поверила.

31/12/67 Воскресенье.

Папа недавно сказал, что идет в Гослитиздат. Ушел в 1 час. В 8 час. звонит, я ему что-то говорю, а он ничего не слышит. Потом я поехала к Алле Павловне, она была расстроена. И она сказала, что Гослитиздат закрывается в 6 часов. Она сказала, что папа ей тоже звонил и что он пьян. Когда я была у Аллы Павловны, папа еще раз позвонил, и Алла Павловна с ним очень плохо говорила, ехидничала. Она сказала мне, что слышала какой-то женский голос: «Юрочка, иди сюда». Она сказала, что женщины – это естественно, но пить и врать – ужасно. Потом папу обхаживают режиссер Лиознова и врач Раиса Ароновна. Жить становится опасно. Раиса Ароновна достает бесплатно билеты в Кремлевский дворец съездов... На этой почве у Аллы Павловны с папой разрыв. Кстати, видела мать А.П. и мужа. Мать очень добрая, но простая женщина, а муж – очень симпатичный, но скучноватый, говорит занудским голосом, правда, иногда довольно мил (ха-ха!)...

На Новый 1968 год меня отправили к бабушке Жене³⁸ в Серебряный бор, где я не очень уютно себя чувствовала. Видимо, отец хотел встретить Новый год вдвоем с Аллой в квартире на Песчаной улице. От меня это скрыли и отправили за город. Тогда я не понимала мотивацию всех поступков, но что-то почувствовала и на отца обиделась.

Уверена, что и бабушка Женя, и моя тетка Татьяна³⁹ знали о подоплеке событий, но мне ничего не говорили. Поскольку моя мама Нелина была чересчур вспыльчивой и несдержанной на

³⁸ Бабушка Женя – Евгения Лурье-Трифонова, бабушка с отцовской стороны.

³⁹ Татьяна Трифонова — младшая сестра отца, кандидат биологических наук.

язык, их встречи не всегда проходили гладко. Теперь бабушка надеялась, что с Аллой у них установится лучший контакт. Так и получилось, они с Аллой всегда оставались в ровных, хороших отношениях вплоть до смерти бабушки в 1975 году.

Вскоре после Нового года правда раскрылась. У меня был шок, и я к Алле сильно поменялась. Нужно ли морочить голову детям? Это вечный вопрос. Но признаться мне, что она влюблена в отца и собирается жить вместе с нами в одном доме, Алла не решалась. Брать инициативу в свои руки и тем самым косвенно оказывать на отца давление через дочь никак не соответствовало ее характеру. А отец никому ничего не сообщал, в том числе и друзьям, ставя Аллу в двусмысленное положение. Вот как эти события отражены в моем дневнике:

14/1/68 Воскресенье

...Но главное: папа женится на Алле Павловне. У нас с ней неестественные отношения. Боюсь выйти из своей комнаты, как в чужом доме (она у папы сидит). Ужас! Скоро тетя Женя приедет.⁴⁰ Я ее очень люблю.

8/2/68 Четверг

Прочла последние записи, все очень разбросано, ничего нельзя понять. Сейчас хочу написать все подробно. Все наши конфликты с А.П. кончились. Я очень рада. Вначале были сплошные недоразумения. Я чувствительна, она тоже, мы обе обидчивые, не хотим первые заговаривать и т.д.

Как-то я пришла к Ирке,⁴¹ и Ирка мне сказала, что она давно поняла А.П. Она сказала, что А.П. с самого начала меня обманывала и что с самого начала у нее была цель. В том состоянии, в котором я была, учитывая наши неестественные отношения, всему этому очень верилось. Я как бы нашла подтверждение своим мыслям. Ирка сказала, что А.П. пугает нас, говоря, что она уедет, набивает себе цену. Никуда она не уедет. Я всему этому поверила, была в жутком настроении и

⁴⁰ Тетя Женя — Евгения Вахмистрова, сводная сестра Юрия Трифонова, дочь деда Валентина Трифонова от первого брака.

⁴¹ Ирка — Ирина Гинзбург (в замужестве Журбина), дочь близкого друга отца Льва Гинзбурга

решила никому больше не доверять. Во всех поступках А.П. я уже стала видеть подлые цели. Ирка сказала, что я должна разговаривать с «ними», как-будто ничего не произошло. Но потом, глядя на честное лицо Аллы (которая очень переживала от моего равнодушия), я поняла, что все это ложь. У нас с ней опять установились хорошие отношения. Да, но главное в том, что я передала иркины слова тете Жене, а та вдруг взяла и передала это все папе, а потом Алле. Она сказала, что хотела им доказать, что не я виновата, а меня Ира настраивает против них. Слава богу, все позади. Как раньше во всех словах я искала дурной смысл, так теперь понимаю, что А.П. делала все хорошо. Потом у нас опять произошел конфликт. Она мне рассказала, что папа рассказывал ей о том, как мама с ним ругалась. Я ужасно взбесилась, накричала на папу, потому что он хотел оправдать себя и обвинить во всем маму, обругала Аллу. Но сейчас она, кажется, поняла кое-что о моей маме. А я опять почувствовала любовь к маме, опять ее вспомнила, как живую. И она мне приснилась даже во сне.

В субботу папа уехал в Гренобль, вернется не скоро, 21. Я ему заказала разные вещи и жду с нетерпением. Алла ничего ему не заказывала. У них испортились отношения. Наверное, и я немного виновата, из-за мамы. Больше не буду вмешиваться, а вообще я уверена, что все наладится. Алле, бедняжке, не везет. Она очень сильно упала, когда мы были в зале Чайковского. На работе у нее ужасно.

В повести *Водяные знаки* Инна Гофф описала, как они с Константином Ваншенкиным случайно узнали о том, что Трифонов скоро женится. Причем не от него, а от меня. После смерти мамы, чтобы поддержать нас, они часто приглашали нас в гости. Отец не спешил сообщить им свои планы:

Они стали бывать у нас. Приходили обедать по воскресеньям. После обеда мы трое оставались за столом, а девочки уходили в другую комнату. У них были свои разговоры. И от нашей Гали мы как-то услышали, что Юра, наверное, скоро женится. Гале сказала об этом Олечка.

– Эта женщина умеет определять судьбу по руке, – сказала она.

Сам Юра не говорил с нами на эту тему. И мы, конечно, его не спрашивали. Поэтому его женитьба была для нас ожидаемой неожиданностью.⁴²

После того, как мне объявили, что отец женится на Алле Павловне, она стала жить с нами и как-то сразу утратила ко мне всякий интерес. Резкая перемена – от участливости к безразличию – меня больно задела. Теперь я понимаю, что ей хотелось как можно больше внимания отца привлечь лично к себе. Я стала ощущать себя совсем одиноко в собственном доме. Третий в таких делах всегда лишний. В моем дневнике это описано так:

9/3/68 Суббота

Мне опять плохо. Все из-за Аллы. То нам с ней хорошо, то потом обязательно конфликт какой-нибудь. Сейчас как раз это произошло. Мне очень тяжело. Они, в основном, вдвоем. Я ужасно одинока! Что делать? Если бы у меня была какая-нибудь «личная» жизнь, с удовольствием плюнула бы на них. Ну, как назло, ничего. Никого...

Кстати, бабушка⁴³ узнала об А.П. Сегодня звонит, и таким злобным голосом: «Мне сказали, что твой отец привел бабу какую-то. Он с ней твою мать на тот свет угнал. Это я узнала из надежного источника». И бросила трубку. Не знаю, что она предпримет. Что угодно может сделать. Сейчас папа вошел: сказал, что кто-то звонит и вешает трубку, когда он подходит. Наверное, она.

26/3/68 Вторник

Сейчас я очень далеко от всего, что писала последнее время. Я в Праге. Но меня все-таки не перестают интересовать домашние дела. С А.П. у меня отношения очень сложные. Одно время я ее даже ненавидела. Сейчас этого нет, но я в ней уже почти разочаровалась. Она не годится для семейной жизни.

Сначала отец с Аллой с удовольствием проводили время вдвоем. Работали вместе над рукописями. Бывали в Дубулгах, Перedelкино, Кисловодске, Ялте, за границей. Пастухова

⁴² Гофф И. *Водяные знаки*. В кн.: *Отблеск личности*. Юрий Трифонов, М., Галерея, 2015, с.26

⁴³ Бабушка — Полина Мамичева-Нюрнбергер, бабушка с материнской стороны.

оказала Трифонову большую помощь после смерти жены – обеспечила его работой, поддерживала морально. За все это он ей был благодарен. Сохранилось несколько писем Трифонова, в которых чувствовались его нежная забота об Алле. Привожу одно из них (видимо, в тот момент Алла находилась в больнице):

Предположительно 1970 год:

Аллочка! Не волнуйся, не огорчайся из-за несущественных причин – например, из-за того, что ты мне не дозвонишься!

Запомни: я тебя люблю, очень люблю, никогда не оставлю, и никто мне не нужен, кроме тебя. Ты должна найти в себе мужество бороться с болезнью – тогда ты выздоровеешь скоро!

Может быть, нужно временно оставить работу – на месяц, два, три. Не волнуйся, мы проживем. Скоро я окончу Желябова, заработаем большие деньги и – вообще уйдешь с работы.

Словом, не унывай! Я тебя целую, очень соскучился и жду тебя!

Напиши несколько слов: что нужно тебе принести? Из еды? М.б., ты можешь выйти? Напиши – куда. Я жду!

Целую тебя!

Гармоничные отношения Трифонова с Пастуховой длились недолго. Отчасти они оба друг друга не поняли. У них часто возникали конфликты по самым пустяковым поводам. Ваншенкин вспоминал, как он с женой Инной Гофф и Трифонов с Пастуховой отдыхали вместе в Доме творчества писателей в Дубултах (Латвия). Утром Юрий и Алла выходили из своей комнаты и сразу шли в разные стороны, видимо, уже поссорившись. Истории о мелких прилюдных ссорах и стычках Трифонова с супругой описаны в воспоминаниях многих друзей Трифонова – историка Роя Медведева, Аркадия Ваксберга, Анатолия Бочарова.⁴⁴

Поскольку Алла Павловна много работала, сидела над рукописями практически без выходных, хозяйством она не занималась. Помню, все сдавала в прачечную, даже носовые

⁴⁴ См. *Отблеск личности*. М., Галерея, 2015.

платки, носки, на которых я обнаруживала бирки. Не стирала даже такие мелочи. Большая часть домашних дел по-прежнему лежала на мне, хотя мне надо было заканчивать школу, а училась я и без того неважно. Все эти обстоятельства вместе с ее и моей обидчивостью приводили к конфликтам, мы на некоторое время переставали общаться, и, в конце концов, Алла ушла жить к себе, а я осталась с отцом. Она мне потом рассказывала: «Когда я ушла, Юра вначале огорчился, даже плакал. Но потом привык к вольной жизни».

Алла бывала у нас нечасто и еще реже приезжала на дачу в Красную Пахру, и то не более чем на один-два дня. Она мне потом рассказывала, что отец все сваливал на меня, говоря: «Оля не хочет, чтобы ты приезжала на дачу». Она страдала. Старалась казаться независимой. Трифонов же, объясняя раздельный образ жизни с супругой, многим говорил: «Алла очень ценит свою независимость». Действительно, она очень боялась зависимости, в том числе материальной. С дачи она уезжала, заявив: «Мне нужно ехать на свою дачу, к моему отцу». Как добавляла Алла Драгунская,⁴⁵ рассказывая мне об этом, «вздернув свой курносый носик».

Вероятно, это были самозащита и одновременно самооправдание. Хотя Алла Павловна утверждала, что два раза делала аборт, не желая обременять жизнь мне и Трифонову, но на самом деле она не хотела обременять жизнь и себе тоже. Не стала съезжаться с Трифоновым, даже когда я вышла замуж и стала жить отдельно, чтобы не связывать себя семейными и бытовыми заботами в ущерб своей работе. С другой стороны, Алла не хотела иметь к Трифонову какой-либо интерес кроме возвышенной любви и общего литературного дела. Писатель в представлении Аллы был окружен ореолом значительности. В хорошем авторе она не видела человеческих слабостей. Писатель воплощал для нее бестелесный интеллект.

Вспоминался ходячий рассказ о Сталине. Как тот по-отечески отчитывал сына Василия и при этом, показывая на свой

⁴⁵ Алла Драгунская — вдова писателя Виктора Драгунского, наша соседка по даче, близко знавшая моих родителей.

парадный портрет на стене, повторял: «Я – не Сталин. Сталин— это вот он на портрете».

Свадьба Аллы Пастуховой и Юрия Трифонова, Москва, 1970

Точно также существовало два Трифонова. Один Трифонов писал книги, а другой был человеком со своими особенностями. Имел трудное детство, был не очень молод, рано потерял жену. Был одиноким и не очень здоровым человеком. И, к тому же, был отцом-одиночкой. Один раз Алла передала мне, как Трифонов справедливо упрекнул ее:

—Алла, ты все время болеешь. А мне самому нужен уход.

Но перед Аллой стоял портрет известного писателя, она не видела перед собой пожилого, нездорового человека. Сама же Алла любила рассказывать о своих болезнях и о том, что не могла принимать никаких лекарств, так как была аллергиком.

Привожу слова моего мужа, Андраника Тангяна, который знал Аллу и хорошо к ней относился:

«Она любила не человека, а то, что он делал, создавал. Истеричная поклонница. Сначала у нее было ослепление, затем наступило прозрение. К тому же она не так безупречна, как себя представляет: она первая начала раскачивать свои отношения с твоим отцом».

Историограф писательского поселка на Пахре Александр Ганулич так описывал семейную ситуацию Трифонова:

В 1967 году он познакомился с Аллой Павловной Пастуховой, редактором «Политиздата», серии «Пламенные революционеры». Деловые отношения переросли в брак в 1970 году. Брак это был довольно странным, скорее деловой союз. На даче Алла Павловна почти не бывала, ей там не нравилось. В Москве они тоже жили врозь, за Трифоновым новая жена практически не ухаживала. Но она, по отзывам самого Юрия Валентиновича, дала ему очень многое в профессиональном плане. У нее был прекрасный вкус. По ее рекомендациям он убирал из своих произведений лишнее, переписывал отдельные места. Как профессионал он за этот период сильно вырос.⁴⁶

В отличие от Аллы для меня Трифонов был в первую очередь отцом, а не писателем. Иногда он даже корил меня тем, что я мало читала его произведения. Зато я старалась заботиться об овдовевшем отце в меру своих сил и тогдашних возможностей. Помню свои уборки нашей квартиры. Один раз он мне сказал: «Ты убираешься, как Нина». Мама была очень чистолюбивой, подбирала с пола каждую соринку. Так что в устах отца эти слова прозвучали как комплимент. Другой раз он попросил меня во время уборок ничего не трогать на его письменном столе, поскольку после моего протирания нарушался порядок, и он уже ничего не мог найти. Занималась я и кухней. Один раз я приготовила грибной суп с перловой крупой, на мой взгляд, очень вкусный. Отец попросил меня больше не класть в суп перловку. Оказалось, что эта крупа пробуждала в нем неприятные воспоминания о военном времени, когда его бабушка⁴⁷ каждый день варила им с сестрой перловку. По утрам отец обычно вставал раньше меня, завтракал один – ел творог, пил чай с бутербродами. И садился за письменный стол. А днем он часто ездил обедать в ресторан ЦДЛ, который был и еще

⁴⁶ Ганулич А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. М., АГРАФ, 2013, с. 213.

⁴⁷ Татьяна Словатинская — бабушка Трифонова со стороны матери, член партии большевиков с 1905 г.

клубом писателей, и местом встреч. Из ЦДЛ он иногда привозил мне всякие сладости, гостинцы. Во время его отсутствия я выполняла секретарские функции – записывала на отдельной бумажке, кто ему звонил, собирала его почту. Летом мы жили на даче с Клавдией Бабаевой (подругой бабушки Жени по ГУЛАГу). Когда мамы не стало, она откликнулась на призыв бабушки Жени помогать нам по хозяйству. Известно, что лагерная дружба самая крепкая. Клавдия была вдовой Виталия Бабаева, помощника Серго Орджоникидзе. После расстрела мужа как «врага народа» она провела восемь лет в лагере. Единственный сын погиб на войне. Поэтому в Трифонове она видела своего сына, во мне – внучку. На даче нам с ней жилось, как у Христа за пазухой. Она все брала на себя – пекла блины, готовила по утрам творожники, делала вкусные обеды. Многие друзья Трифонова приезжали к нам на дачу на обед, оставались ночевать. Так была организована наша жизнь с отцом.

Хотя мы с отцом жили хорошо, я, конечно, понимала, что наша совместная жизнь не могла его устраивать. Один раз, усмехнувшись, он мне так и сказал: «Ты же не можешь заменить мне жену». Дистанцированный брак Пастуховой и Трифонова длился около 12 лет. Как говорили некоторые, Алла была «приходящей женой». Или Трифонов был «приходящим мужем». Многие друзья Трифонова не понимали и не одобряли Аллу. Ваншенкин комментировал нашу семейную ситуацию: «Ты попала в жернова... Нелепые женитьбы твоего отца...» Клавдия Бабаева: «Алла не умеет любить». Алла Драгунская: «Она не понимала, кто находится с ней рядом. Если бы она больше берегла отношения с ним, он бы никуда от нее не ушел». Татьяне Трифоновой принадлежала крылатая фраза: «Юре не везло с женщинами».

Друзья видели внешнюю сторону событий, не сильно разбираясь в их причинах. Многие находили простое объяснение: мол, во всем виноваты сами жены, а Трифонов был безупречен. Но ведь даже сам отец так не считал. Уже после смерти Трифонова нам, его близким, снились такие сны. Алла рассказывала мне, что Трифонов много раз являлся ей во сне и просил у нее прощения. Тетка Татьяна говорила, как ей однажды

приснился Юра, который «пожаловался, что ему было очень трудно с женщинами. И даже заплакал». «И я тоже заплакала», – добавляла она. Мне же один раз приснился отец, который с обидой сказал: «У других жены ушли, а у меня умерла. Я ведь о ней заботился». Он имел в виду мою маму.

В начале 1976 г. у отца вышла повесть *Дом на набережной*. Она отличалась ясной и лаконичной структурой, была написана емким языком, много раз «пропущенными» через тонкую редактуру Аллы Пастуховой. Сталинский Дом правительства на Берсеневской набережной стал метафорой. Он предстал кораблем, плывущим по просторам истории и теряющим одного за другим своих пассажиров. Этот образ оказался близким практически всем гражданам нашей страны, каждый из которых прошел войну, пережил репрессии, потерял близких. Трифонову удалось передать ужас и беспомощный страх людей того времени, свое горе от потери родителей. Главный герой конформист Вадим Глебов, отпрыгнувший от попавшего в трудности профессора, был хорошо узнаваем, став нарицательным персонажем. Повесть ходила по рукам, ее перевели на многие языки. К Трифонову пришла мировая слава, его окружили иностранные корреспонденты, приглашали за границу. Иностранцы видели в повести еще более общий план – драму людей, которых вне зависимости от их положения можно в одночасье низвергнуть и опозорить с молчаливого согласия их окружения, подчиняющегося изменчивой конъюнктуре.

В мае 1977 года Трифонов и Пастухова последний раз поехали в совместное путешествие.⁴⁸ Алла рассказала, что после этой поездки в Норвегию их отношения окончательно разладились. Он начал важничать, стал высокомерным. На ее очередную критику, он ответил удивившим ее образом: «Ну, Алла, я все же Трифонов»...⁴⁹

⁴⁸ Шитов А. *Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981*. Екатеринбург. Издательство Уральского университета, 1997. С. 550.

⁴⁹ Наиболее драматические обстоятельства жизни А.Пастуховой приводятся в полной интернет-версии этой статьи. <http://www.chayka.org/node/7562>

Американского писателя У. Фолкнера как-то спросили, почему он назвал свой рассказ «Роза для Эмили», о какой «розе» шла речь? Фолкнер ответил: «Название рассказа аллегорично; перед нами – трагедия женщины, непоправимая трагедия, последствия которой изменить нельзя; но мне жалко эту женщину, и названием рассказа я как бы приветствую ее, подобно тому, как отдают честь рукой; женщинам в таких случаях преподносят розу...»⁵⁰

Дюссельдорф, сентябрь 2016

Михаил Голубовский

Беркли, Калифорния, США

ИЗРЕДКА ТАК ДЕРЗИ: ПАЛИНДРОМЫ

Палиндромы занимают особую нишу в языке и поэзии. Они затрагивают какие-то глубинные свойства человеческого восприятия. Обратное зеркальное прочтение и осмысление фразы нарушает правила грамматики, снимает препоны и приятно поражает неожиданным вторым смыслом. Палиндромы были известны уже в античной Греции. Известный культуролог Ю.М. Лотман указал на *«использование палиндромов в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т.е. в пограничных и магически активных местах культурного пространства»*. Простой пример такого заклинания-присказка «Уведи у вора корову и деву». Зеркальный

⁵⁰ Фолкнер У. *Статьи, речи, интервью, письма*. М., Радуга, 1985. С. 174

механизм, полагал Лотман, охватывает и молекулярный уровень, и общие структуры вселенной.

В русской поэзии появление палиндрома связывают с лукавой загадкой Державина (1805 г.): *«Я разуму уму заря / Я иду с мечом судия. / С начала та же я и с конца / И всеми чтуся за Отца»*. Две первые строчки образуют палиндромы. А в ответе, видимо, зашифрован Бог, как альфа и омега всего, в начале и конце. Палиндромы и звуковые повторы искусно включаются в ткань поэтических текстов. У раннего Пушкина встречаем *муза/разум*. Для чуткого к поэзии слуха особые фонетические и ритмические созвучия самоценны и могут привлекать более, чем содержание текста. Нина Берберова вспоминает забавный случай из своей юности. («Курсив мой»). Она вдруг разочаровалась в старомодном поведении онегинской Татьяны и поделилась этой тайной с гимназической подругой поэтессой Наташей Шкловской. И услышала удивленный ответ. *«Разве это важно? Не все ли равно? Важно что «морозной пылью серебрился / его бобровый воротник»... А язык. А ирония!»*. Юная Берберова впервые ощутила красоту обратных повторов *ров-вори* бегущих повторов *оро-оро-оро, бри-бро*. С тех пор поэзия и литература повернулись для нее новым смыслом и значением. Не благодаря ли палиндромам запоминается с первой строчки стих Некрасова *«Мороз-воевода дозором / обходит владения свои»*: мороз – (до-)зором на концах, а также в середине подряд два коротких повтора *во-во, да-до*.

Лингвисты заметили удивительную связь между звучанием букв и слогов и их смысловой окраской. Так, в английском слова с начальным *sl* нередко связаны с неприятными ощущениями: *slime* – слизкий, *slither* – скользкий, *slug* – слизняк, *slush* – слякотный, *sloppy* – неряшливый. В словах с началом на *f* гроздь слов означает ошибки, обман, жульничество: *failure, fallacy, fake, false, felony, forgery*. Даниил Гранин заметил сходное скопление в русском языке среди слов с началом на «про» – *пройдоха, проныра, прохиндей, прохвост, проходимец*. Мне бросилась в глаза сходная плеяда с начальной фонемой «об»: *обалдуй, обжора, обирала, обманщик, оболтус, оборванец, обормот, оборотень, образина*. Мало кому будут

приятны и слова с началом на «о» – оглоед, олух, осел, орясина, отребье, охальник, охламон и популярное ныне «отморозок».

Велимир Хлебникова придавал палиндромам – двойному зеркальному течению речи – мистический смысл. Это провидение оправдалось сходством обычного и генетического языков. Линейные нити ДНК, обрамленные повторами их элементов – азотистых оснований («буквы»), образуют пространственные рисунки и узоры, которые опознаются особыми белками-ферментами и функционально важны. Палиндромные повторы – особая примета «прыгающих» генов и ряда инфекционных вирусов, способных встраиваться в геном человека подобно вирусу СПИД.

На это впервые в 1978 г. обратил внимание молекулярный биолог Борис Гольдштейн, один из виртуозов составления палиндромов. Он иллюстрировал свою статью палиндромом *не гни папин (мамин, тетин, дядин) ген*. Многие его красивые находки вошли в фольклор. *Изредка так дерзи. Индивид, удиви дни. Отчаян я, а что? Рислинг сгнил, сир. Ум за рамки и к маразму. Уж редко рукою окуроч держу. Ешь немытого ты меньше. И пикантен, и нет накипи. Лидер чушь учредил. Не до гения, я и не годен. Да, гений и не гад. Я свято верю Юре – вот я вся!* Привлекают чудные двух-трехстрочные палиндромы Гольдштейна *Лидер бодро, гордо бредил / А масса налево повела нас сама* или в виде надписи-эпитафии : *Тут тип спит / Посулил – усон / А был – глыба.*

Здесь привлекают ирония и юмор, каламбурность и озорство, афористичность и просто неожиданная игра обратного чтения, способная стать азартным увлечением. В фольклор вошла увлеченность палиндромами известного пианиста Владимира Софроницкого (1901-1961), его игровые находки на музыкальную тему: *А Лист-сила; Не пошел Шопен; Велик Оборин, он и робок и Лев; Он пел о Киле великолепно.* Софроницкий с гордостью вспоминал: «Прокофьев придумал *Раб, веди дев в бар!* Но когда услышал мой самый знаменитый: *Но невидим архангел, мороз узором лег на храм, и дивен он! – схватился за голову: «Да ведь это целая художественная поэма!»*

Поразительным мастером жанра палиндромов был поэт и диссидент Владимир Львович Гершуни (1920-1994). Настоящий мученик советского режима, он провёл в тюрьмах, лагерях и «психушках» 18 лет (1947-1954 гг., 1969-1974 гг., 1982-1987 гг.) при всех советских правителях после Ленина. Последний раз Гершуни арестовали 17 июня 1982 года по статье 190, ч.1, и выпустили лишь в начале 1988 года после предъявленного Горбачеву ультиматума академика А. Сахарова. Обладая феноменальной памятью, Гершуни консультировал Солженицына в период написания «Архипелага ГУЛАГа». Он был соредактором философского и политического самиздатного журнала «Поиски» (хорошо помню интересные выпуски этого журнала 1970-х годов, напечатанные на тонкой папиросной бумаге).

Гершуни обладал даром исследователя, лингвиста и был захвачен творческим недугом «палиндромомании». Об этом можно судить по его словам, предваряющим публикацию в конце жизни созданных им палиндромные поэм («Новый мир» 1994/9): *«Сочинитель перевертней, независимо от собственного желания, не ведет за собой слово, а сам идет за словом, как за сказочным клубком...В период триумфального шествия нашей политпсихиатрии (1969-1974 годы) автор убедился, что для здорового человека, надолго помещенного в желтый дом, составление перевертней – лучший способ спастись от сумасшествия. Эти упражнения, интеллектуальные, почти как шахматы, и азартные, почти как карты... стерилизуют сознание от всего, что могло бы ему повредить...»*. Здесь удивительное совпадение с «Шахматной новеллой» Стефана Цвейга: герой в одиночке спасает свой разум, играя сам с собой в шахматы.

Трагичные палиндромы Гершуни на лагерную тему возвышаются до уровня подлинной поэзии. Вот палиндромные строки из поэмы: *Ропот древ. Тверд топор / – И летят ели. / Умыло Кольму / Алым. Омыла / Воркуту кровь. / Мы доломались. Сила молодым. / Они – вино, / Мы – дым. Или лагерный перевертень о Сталине, названный «Джо-Вождь»: *Вот идал гор, тренер троглодитов / Сосо – вор, кровосос, / Туподум и мудопут*. Поэма Гершуни «Тать» близка и тематически, и по*

стилю хлебниковской палиндром-поэме «Разин». Пессимизмом проникнута афористичная концовка поэмы о судьбе народа: *«Неодолим он, но мило доен, / Нечесан, а сечен, / Надзору роздан, / Надолго оглодан, / Натупо опутан, / Утон в поту...»*.

В 2002 году в Москве вышла замечательная книга «Новый палиндромический словарь» поэтессы Елены Коцюбы. Запустив в литературный обиход около 8000 слов и их палиндромных аналогов, Коцюба девальвировала простые находки многих любителей, заставив искать новые возможности. Найти новые интересные по смыслу и звучанию (а не застревающие комом в горле) отдельные палиндромные фразы уже довольно трудно.

Коцюбе удалось в несколько строк создать «палинДРАМЫ», как она иронично их назвала. Вот два изящных образца. В первом, с юмором озаглавленном «Основной вопрос философии», даже знаки препинания вовлечены в такой диалог: – *Мир – зрим? – Мир – грим / – Мир зрим! – Мир – dream....* Вторая прелестная вещица названа «А-ля Золя»:

ОН: – *Усладил и дал су.*

ОНА: – *Услада... А дал – су!*

Палиндромы, подобно другим мини-жанрам (лимерики, частушки, «гарики», анекдоты) включают и вечные эротические мотивы, отношения полов. Вот пример авторской удачи этого рода – длинный монопалиндром, где осмысленное обратное прочтение идет с последней строки до первой: *О, вижу деву! Но коли не жена? Шорох... Она не жена ведь! Тяну за руку к себе. Скуку раз унять: Дева не жена, но хороша! Нежен и локон... Уведу живо!* (В. Скворцов). Озорные закоулки палиндромного ландшафта вдохновили и подлинного мэтра этого жанра поэта и художника Дм. Авалиани (1938-2003) : *Анна лежала, желанна, / Соловела в овале волос / Увило оливу / Золото лоз.* Здесь пикантный 4-х строчный палиндром дополнен ритмикой и рифмой.

Мои палиндромы

Мое увлечение палиндромами возникло после прочтения упомянутой выше статьи Б. Гольдштейна в 1978 г. Может быть, оно возникло потому, что я тоже генетик. Кажется, первым палиндромом была фраза *скелет дал в лад телекс*. Оказалось, эту фразу в разных вариациях сочинили и другие любители. Затем возникла невольная манера бросать взгляд на слова в их обратном прочтении. Подобно тому, как надпись в трамваях «Места для детей и инвалидов» рождает палиндром *И инвалидов водила в НИИ*. Когда однажды цены в метро подскочили с 5-копеек до 15, сам собой возник палиндром: *Катя, плакал пятак*.

Для меня палиндромы прежде всего интеллектуальная игра, возможность представить какую-либо тему в забавной или парадоксальной форме. Я снабжаю палиндромы тематическим эпиграфом – своего рода постаментом. Вот некоторые мои однострочия:

Естествоиспытатель – философ: *Нет, не нам мир имманентен.*

Свойства гена: *Неглиже жил ген*

Охрана природы: *Я солидарен! и не ради лося.*

Грезы эмигрантов: *А с утра кумиров творим у карт USA.*

Грезы оттепели 1950-х: *И лепет той оттепели.*

Дебаты в Госдуме: *А мудаку мука дума, мал-де, бедлам?*

Товарообмен в России: *Три пса за спирт!*

Границы подхалимажа: *Мил, ах, до паха подхалим.*

Гладиатор и рыцари: *О, гладиатор, как рота идальго.*

Рецензия на женские мемуары: *У фрау – мемуар. Фу!*

Дорога в рай: *И катафалк-лафа-таки*

Диалог в однополом браке: *Я на вид не денди, Ваня?*

Мужчины о разнице полов : *О, леди – маникюр, брюки нам и дело*

Дама и мадонна: *Не мадонне сапог опасен, но даме N.*

Мера супружеской неверности: *Адюльтер – треть люда*

Тщета тещ: *А тещ тщета: Зять и витязь*

Фэнтези: *А на пухе туч она зачала палача за ночь утех у пана.*

Из жизни животных:

Укусили суку

Тонет енот

*Ежу хуже
Коза рада разок
Мал указ акулам!
Коту-уток, киске-сексик*

Меня более привлекают палиндромные трехстрочия, а-ля хокку. Здесь больше простора для игры, нетривиальной комбинации сходных по теме фраз-палиндромов в единое целое.

Социальная психология:
*Шику – кукиши.
У!.. жри биржу
И маклера тарелками!*

Политэкономия:
*Голо едим, идеолог.
Мал-де бедлам?
Харя гола, налог яр, ах!*

Дружба народов:
*Укажу чужаку:
У! нам Русь, а басурману
– Шиши!*

Мотивы генетики:
*Тема гамет:
Неглиже жил ген.
Вижу, жив Моне геном.*

Античные забавы:
*Сел лихач Ахиллес
А Бахус летел с ухаба.
Венер хотят, охренив. (по Дм. Авалиани)*

Кинотрюки:
*На доме чемодан
Лапсердак в кадре спал...*

На пафосные строчки Маяковского «Я планов наших люблю громадье /размахов шаги-саженья» Дмитрий Авалиани создал виртуозную палиндромную пересмешку: *Коли мили в шагу, жди Джугашвили, милок*. Я решил обыграть слово «громадье» в первой строчке:

Я и громадье дам – оргия.

Ишь, оргия и гроши.

Ишь, оргазм за гроши

Закончу вариантами одного минишедевра, независимо друг от друга созданного двумя виртуозами палиндромного жанра.

Б. Гольдштейн: *Ах, у печали жила чепуха.*

Дм. Авалиани: *Ах, у печали мерило / Но лире мила чепуха.*

Конечно, палиндромной лире мила чепуха. Но это отнюдь не значит, что она всегда легкомысленна и пренебрегает разумом:

Муза! Ранясь шилом опыта, / Ты помолишься на разум.

(Дм.Авалиани).

Часть 4

Об искусстве: живопись, музыка, театр,
балет

Вера Чайковская

Москва, Россия

*ЖЕНЩИНЫ-АНГЕЛЫ И ЖЕНЩИНЫ-ВАКХАНКИ.
О ТРЕХ ГРАФИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ ОРЕСТА
КИПРЕНСКОГО 1829 ГОДА*

Любопытный факт в биографии знаменитого российского художника: в 1831 году, когда он уже переехал из Неаполя в Рим, Неаполитанская Академия художеств избрала его Советником по классу рисунка.⁵¹ Почему не по классу живописи? Тут у неаполитанских, а потом и у римских экспертов возникли некоторые сомнения – ряд картин Кипренского напомнил им работы старых мастеров – Рембрандта или Рубенса. Сомневались, он ли написал эти картины, а если он, то нет ли тут элемента подражания и стилизации. Сам Кипренский в письмах, посланных в Петербург, представлял дело так, что его венчают лаврами великих художников.⁵² Но все было не столь лучезарно для этого, по словам одного из римских экспертов, «чуда из Московии».⁵³ Картины сличали, проверяли на подлинность,

⁵¹ См. Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. Искусство-СПб, СПб, 1994, С.252-253 (Диплом подписан Президентом Академии художеств кавалером А.Никколини)

⁵² Брату Сильвестра Щедрина Кипренский в 1830 году писал, что когда он принес другие картины, написанные в Неаполе «в различных манерах», то все удостоверилось, что «в России художники не обманщики». Там же, с. 173.

⁵³ Там же, с.263.

искали «ученические» огрехи, доказывающие, что это не Рембрандт.

Кипренский. «Портрет молодой девушки с мальтийским крестом»

А вот графика, вероятно, показалась безупречной. В самом деле, нарисованные тогда три карандашных женских портрета – вершинные достижения не только графики, но и всего творчества художника. Тем важнее поразмышлять над возникающими в них загадками.

«Портрет молодой девушки с мальтийским крестом» (1829, ГРМ) в фундаментальном сборнике «Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников» (СПб, 1994) под редакцией Якова Брука, – предположительно (со знаком вопроса) атрибутирован как портрет Мариуччи – сначала девочки-натурщицы, потом воспитанницы, а в конце концов – жены Ореста Кипренского. Мне представляется это предположение вполне обоснованным. Портрет лучится любовью, и мягкая округлость его линий перекликается с наброском раннего карандашного портрета Мариуччи 1821-1822 гг. Та же чуть склоненная влево головка, мягкие черты лица, «поющие» линии шеи и плеч. Добавлю, что у художника вообще мало женских портретов. Тем более, не заказных.

Конечно, поздний карандашный портрет более обобщен и более совершенен по исполнению, чем ранний эскиз. Но в нем тоже ощутим личный «лирический» нерв. Мне даже кажется, что второй карандашный девический образ – «Портрет неизвестной с косынкой на шее»(1829, ГРМ) стал «вариацией» на тему первого и дает чуть видоизмененный облик Мариуччи – другой поворот головы, немного измененная прическа, несколько более решительный взгляд. Но в целом все то же милое и нежное женское существо, о котором художник мечтал, находясь в России. Можно отметить, что поза героини этого портрета во многом совпадает с позой «Бедной Лизы», (1827) – картины, которую, как мне кажется, художник писал не с оглядкой на повесть Карамзина, а думая о томящейся в итальянском приюте Мариучче. Недаром в руке у Лизы не ландыши, которыми она торговала в повести Карамзина, а гвоздика, как и у героини первого портрета Мариуччи, выполненного Кипренским («Девочка в маковом венке с гвоздикой в руке») (1819, ГТГ).

Однако тут возникает одна трудность. Мариучча находилась в Риме в католическом Приюте для неприкаянных,⁵⁴ помещенная туда не без хлопот уехавшего на родину художника. Когда он вернулся в Италию в 1828 году, он сразу же ее отыскал и имел с ней свидание, о чем он пишет в Петербург своему приятелю-скульптору Самуилу Гальбергу.⁵⁵

Но в 1829 году, когда создавались оба портрета, он находился в Неаполе. Едва ли Мариуччу туда отпустили из монастырского приюта. Значит, он рисовал эти портреты или по каким-то нам неизвестным натурным наброскам, или по воспоминаниям. К портретам маслом он часто делал графические наброски. В нашем случае, возможно сочетание и набросков (того же раннего

⁵⁴ Местонахождение и название приюта, в котором находилась Мариучча, были установлены Иваном Бочаровым и Юлией Глушаковой (См. И. Бочаров, Ю. Глушакова. Кипренский. М., Мол.Гвардия,1990,с.333).

⁵⁵ «Было у меня свидание в одном доме и проч. и проч. и проч.» – Орест Кипренский. Переписка, с.169.

наброска портрета Мариуччи), и восторженной фантазии. Портреты необыкновенно лаконичны и обобщены. В них нет ничего лишнего. Возникает некий идеальный образ девушки-ангела. Это касается в большей степени первого портрета с удивительно мягким, каким-то детски-наивным взглядом модели, устремленным не на зрителя, а чуть вбок. Интенсивная штриховка за спиной оттеняет изящество силуэта. Как выразился Пастернак, «облик сложен из одного куска».

Кипренский. «Портрет неизвестной с косынкой на шее»

Надо сказать, что последняя картина Кипренского, ныне утраченная, изображала Мариуччу и называлась «Ангел-хранитель детей» (1836). То есть художник и в реальном, и в символическом плане видел в своей жене нечто ангельское. Таким ангелом он изобразил прежде и императрицу Елизавету Алексеевну в летучем перьевом рисунке (1813), приведенном в монографии Евгении Петровой. Там же указывается, что это, судя по всему, императрица Елизавета Алексеевна.⁵⁶

⁵⁶ См. Петрова Е.Н. Орест Кипренский. М., Арт-родник 2000, с.12.

Художники и поэты романтического толка любили обобщать и, как бы мы сейчас выразились, типизировать. У приятеля Кипренского Константина Батюшкова в одном из поздних, предшествующих безумию отрывков «Подражание Ариосту» (1821), возникает очень схожий образ девушки-ангела, которая живет «под сению надежной» (как Мариучча в своем приюте) и о ней ведают только природные стихии – ветер, рощи, небеса.

«Девнца юная подобно розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса к прекрасной благосклонны».⁵⁷

У Батюшкова возникает девический образ ангельской чистоты и простоты. Недаром капризная садовая роза становится в отрывке «тайным сокровищем лугов». Кстати говоря, Кипренский впервые написал маленькую Мариуччу в окружении луговых цветов – маков и гвоздик («Девочка в маковом венке с гвоздикой в руке», 1819, ГТГ). Художник и поэт в Италии общались и взаимно влияли друг на друга.

Общение началось еще в России. Мне кажется, что и противоположный женщине-ангелу тип женщины-вакханки возник у Кипренского не без влияния анакреонтической поэзии Батюшкова, в особенности его «Вакханки» (1815), с бурным ритмом погони: «Я за ней – она бежала / Легче серны молодой».⁵⁸

Но реализовывать свои «вакхические» мотивы Орест Кипренский начал гораздо позже Батюшкова, во время своего первого путешествия в Италию (1816-1823). В 1820-21-м годах он пишет картину «Анакреонова гробница» (утрачена), где, кстати говоря, для образа танцующей при луне с Сатиром у гроба Анакреона вакханки позирует юная Мариучча.

⁵⁷ Батюшков К. Н. Сочинения. Северо-Западное книжное издательство, Архангельск, 1979, с.187

⁵⁸ Там же, с.118.

Дошедший до нас рисунок неизвестного художника «Сатир и вакханка», вероятно, использующий мотив Кипренского, позволяет представить эту сцену, где важнейшим моментом становится бурное движение, «вакхическая пляска» Сатира и девушки (На рисунке бубен в руке у Сатира. В картине Кипренского – у вакханки). Но в дальнейшем Кипренский сместил акценты с пляски вакханки на лицо и глаза женской модели. Вакханка у него преобразилась в «цыганку» с искушающим и гипнотизирующим взглядом «черных очей». Едва ли не первое появление в русской культуре этого распространеннейшего мотива-архетипа. Здесь можно назвать такие его живописные произведения, как «Цыганка с веткой

Кипренский. «Портрет графини Софьи Александровны Голицыной-Кутузовой»

мирта в руке»(1819, ГТГ), и «Ворожея со свечой» (1830, ГРМ), причем Ворожею часто называли Цыганкой. В обеих картинах упор делается на взгляде, но если у Ворожеи он «гипнотический», как бы навязывающий реальности свои желания, то у Цыганки он соблазняющий и призывный. Недаром

в академической среде ходили слухи, что Кипренский изобразил в ней свою любовницу.⁵⁹

Третий графический портрет, созданный Кипренским в Неаполе в 1829 году, как раз и продолжает, как мне представляется, возникшую у художника линию женщин-цыганок, с искушающим и недобрый взглядом. Этот портрет обычно считается портретом Софьи Голенищевой-Кутузовой, хотя до свадьбы с Голенищевым-Кутузовым этой шестнадцатилетней девушке было еще далеко. А ее девичья фамилия – Рибопьер. Она дочь русского дипломата швейцарского происхождения Александра Рибопьера, который находился в это в время по делам в Неаполе.

Мне представляется, что художник к этому моменту уже дозрел до того, чтобы внутренне противопоставить свою Мариуччу, женщину-ангела, неким искушающим и завлекающим, «вакхическим», а точнее – стихийным силам, таящимся в его «цыганках». Такие силы, может быть, даже независимо от ее желаний, бродят в Софье Рибопьер.

Портрет очень напоминает два других, нарисованных в том же году. Он так же лаконичен и художественно совершенен. Представляет собой погрудное изображение модели с очень тонкой штриховой моделировкой лица, красиво зачерненными с белыми «искрами», блестящими волосами, с интенсивной черной штриховкой за спиной, подчеркивающей изящный силуэт. И тут тоже упор делается на взгляд. Девушка повернута в полупрофиль. Но если Мариучча-ангел стыдливо отводит глаза от зрительского взгляда, то Софья с цыганской настырностью смотрит искоса прямо на зрителя, причем странный веерообразный предмет рядом с ней добавляет образу волнующей таинственности и недосказанности.

Оба возникших в графических портретах женских типа – Ангела и Цыганки, – были для художника по-своему привлекательны. Но первый нес защиту, любовь и доброту, а второй – таил неведомые «стихийные» опасности. В собственной

⁵⁹ См. письмо Федора Брюлло братьям в Рим (Орест Кипренский. Переписка, с.423)

жизни художник выбрал женщину-ангела. Но на карандашных портретах 1829 года оба образа-типа предстают равновеликими в своей загадочной и неисчерпаемой женственности.

СИЛОСНАЯ БАШНЯ И КРЕМЛЬ. О ЦИКЛЕ СЕМЕНА АГРОСКИНА «ПЛОХАЯ ВИДИМОСТЬ»

Стала вспоминать: на что это похоже? Эти бесконечные бочковидные технические башни, ангары, столбы, мосты, эстакады? Когда-то впервые разглядела нечто, напоминающее водонапорную или, может быть, силосную башню (обе своим видом никогда не вызывали у меня интереса) на картине художника-гиперреалиста, кажется, эстонца. Огромная цилиндрическая башня занимала почти весь холст и была выписана до малейших деталей. Чистейший пример «остранения» (в терминологии Виктора Шкловского). Нечто, вырванное из привычного контекста и представшее в новом свете.

Семен Агроскин. Силосная башня, 2016, 65х65, холст, масло

Но нет, гиперреализм тут, кажется, ни при чем. И башни другие, хотя и странные, не слишком «картиногеничные», архаического дизайна.

Однако они включены в городскую среду, а также в наш привычный климат – вечную сероватую, нудную, влажную осенне-зимнюю слякотную морось, создающую «плохую видимость». Отсюда и серовато-белесые, зеленовато-черные оттенки красок, погружающие нас в атмосферу сумрака и тумана.

Да, но и это, кажется не все. Здесь ощутим какой-то глубинный культурный подтекст. Недаром в одной из работ узнается кремлевская башня, полускрытая кирпичной стеной и ставшая из-за тумана («плохой видимости») похожей на все эти уродливые и устаревшие, технического предназначения сооружения. Однако ассоциации от цикла художника уводят нас не только в российскую древность, но и в не слишком давнее «имперское» прошлое.

За авторскими пейзажами встает призрак целой ушедшей эпохи с ее мощью, энергией индустриального порыва, внедрением техники в живую природу, но и постепенным одряхлением, которое на картинах вполне ощутимо. Так что все эти массивные градирни и водонапорные агрегаты, пролеты мостов и линии высокого напряжения выглядят уже немного смешными и диковатыми в сравнении с современными дизайнерскими конструкциями.

Но они изо всех сил напрягаются, вытягиваются, гордо возносятся, нагло маячат прямо перед нашими глазами. Дело в том, что художник, показывает свои «объекты» с очень близкого расстояния. Правда, он дает их в «смазанной» перспективе тумана и мороси. А может быть, просто стыдливо полуопущенного взгляда, не желающего видеть возникшие «утраты» и одряхление.

Но везде, везде ощутимо это чудовищное напряжение железобетонных конструкций – мощных перекадин путепровода («Путепровод», 2013), куска железобетонного моста, на который мы смотрим снизу («Эстакада», 2011), плоской набережной со столбом «высоковольтки» («Набережная», 2014), которое контрастирует с вязкой и смутной воздушной средой.

Наш художник по образованию архитектор. И знает, как рассчитываются эти перегрузки и напряжения.

Но в картинах ощутим не научный «сопромат», а едва ли не человеческая отвага железных конструкций – не поддаваться времени, держать напор «пространственной среды». Опять эта вечная агроскинская тема – уточнение жизни на грани ее упадка, ее особого, жалкого, но и победного цветения...

Оттого-то и башни, мосты, высоковольтки – не мрачны и унылы, а светоносны, излучают слабый, но ощутимый в смутной атмосфере свет.

Вот и вспомнился художник, который воспел эту «железную» красоту еще в эпоху ее расцвета. Кажется, он много лет учился на подготовительных курсах ВХУТЕМАСа, зато у каких учителей – Фалька, Древина! И создал мир, абсолютно на них не похожий. Скорее тут припоминается ОСТ, в особенности Александр Дейнека с его любовью к технике. Я говорю о Георгии Нисском и его великолепных «железнодорожных» пейзажах 30-х годов.

Для лучших российских пейзажей вообще характерен живописный минимализм, чему примером служит «Проселок» Саврасова, где, в сущности, «ничего нет», кроме размытой дороги. Вот и у Нисского в железнодорожных пейзажах «ничего нет», потому что можно ли назвать железнодорожные пути, дымящие паровозы, белые семафоры с красными перекладинами, изображенные на фоне неба и отдаленных домишек, чем-то живописным и привлекательным?

А от картин глаз не оторвать! И как отчетливые геометрические конструкции путей и семафоров, развернутые прямо на зрителя, оттеняют живую жизнь воздушной среды, таинственно темнеющего неба, зажженных в домах огней, белых клубов паровозного дыма («Железнодорожные пути», 1930-е, «Семафоры. Осень», 1932, «На путях», 1933). Тут «видимость» достаточно хорошая, но осложненная этими неприметными колебаниями влажного воздуха, что и создает неповторимый живописный эффект.

Романтика техники, путешествий, отдаленных полустанков окрыляет эти непритязательные холсты в духе бурного времени.

Семена Агроскина, как я уже отмечала, вдохновляет другое.

Семен Агроскин. Кремль, 2016, 100x70, холст, масло

Вхождение старых «энергий» и старых «форм» в нашу сегодняшнюю жизнь. Их теперешнее, еще вполне уверенное бытие, но уже с приметами «устарелости», перемены дизайнерской моды. Мы от этих пузатых башен и массивных путепроводов в жизни отводим взор, стараемся их не замечать.

Художник нам их продемонстрировал, усилив и выделив моменты напора и противостояния, их грозной битвы с судьбой. В сущности, он их оживил, как оживлял и очеловечивал прежде старые, никому не нужные вещи быта – дряхлые стулья, потрепанные чемоданы, ветхую одежду. Но, оказывается, и железобетонные конструкции стареют и выходят из моды, вместе со своей эпохой. Это неизбежно, хотя и нестерпимо грустно. А что же остается? Не этот ли слабый свет, пробивающийся к нам от них сквозь плохую видимость?

Александр Сиротин

Нью-Йорк, США

РУССКИЙ АВАНГАРД В НЬЮ-ЙОРКЕ

Глядя на работы авангардистов, понимаешь, что революции 1905 года, февраля, а затем октября 1917-го стали колоссальным стимулом для поиска новых средств художественной выразительности.

Многие авангардисты сначала, как часто бывало в истории, верили в революцию, помогали ей, пошли к ней на службу, а затем либо бежали от неё, либо были ею убиты, кто в прямом, кто в переносном смысле. Однако за короткий период всего в два с лишним десятка лет авангардистам удалось оставить важный след в истории мирового искусства. Об этом мы говорили с кураторами выставки Роксаной Маркоси и Сарой Сузуки.

– Выставка, которую мы организовали к столетию двух революций в России, Февральской и Октябрьской, собрана исключительно из коллекции Музея современного искусства,

сокращённо МоМА, – рассказала Роксана Маркоси. – У нас очень богатое собрание русского авангарда. На выставке представлено 260 работ. Это живопись, скульптура, плакаты, книжная графика, фотографии, документальные и художественные фильмы, звуковые инсталляции.

– После закрытия нью-йоркской выставки в марте 2017 года, будет ли она показана в других городах США или в других странах?

– Сейчас у нас нет таких планов, – ответила Сара Сузуки. – Мы посмотрим, насколько успешной выставка окажется в Нью-Йорке.

Казимир Малевич. «Самовар» (1913 г.)

– Какое влияние оказал русский авангард на европейское и американское искусство?

Роксана Маркоси:

– В то время связь между художниками была на редкость взаимообогащающей. Роль художников в обществе резко возросла. На этой выставке видно, как революции отразились на новом подходе к изображению объектов и вообще к отражению жизни в искусстве.

Возникли новые теории, новые течения во всех видах искусства. И на этой почве активизировался диалог между художниками России, Европы и Америки. В те годы появился русский авангард с его супрематизмом, кубофутуризмом, конструктивизмом, а это проложило путь для последующих направлений, в том числе для американского минимализма.

Также русское революционное, авангардное искусство фотографии, агитационного плаката, документального и художественного кино оказало большое влияние на американских художников и кинематографистов.

Выставка не случайно открывается фильмом новатора российского документального кино Эсфири Шуб «Падение династии Романовых».

Александра Экстер. Эскиз декорации к оперетте (1927 г.)

Картина вышла в 1927 году к 10-летию Октябрьской революции. Эсфирь Шуб по крохам собрала кинодокументы и продемонстрировала совершенно новый принцип диалектического, динамичного, контрастного противопоставления в киномонтаже.

– Такие фигуры, как Эсфирь Шуб и Дзига Вертов в документальном кино, Сергей Эйзенштейн в художественном, Эль Лисицкий в живописи были евреями. Чем объяснить активное участие евреев в русском авангарде?

Сара Сузуки:

– Тем же, чем можно объяснить активное участие евреев в обеих революциях. Желанием участвовать в процессе отказа от старого и построения нового демократического общества, мечтой о прогрессе, как его понимали тогда, общим постреволюционным раскрепощением, ощущением полной свободы творчества, свободы от национально-религиозных ограничений и предрассудков. Национальная специфика заметна лишь у немногих авангардистов. Например, у Лисицкого. Большинство ощущали себя детьми Революции, гражданами мира, строителями нового времени и новаторского искусства.

Эль Лисицкий был одним из идеологов отказа от реализма. Он провозглашал, что «раскрашенные картинки» уходят в прошлое вместе со старым миром. Роль зеркала пусть исполняют фотографии и кинематограф, но не живопись.

Впрочем, и фотографии уже показывали реальность совсем под другим углом, как у Родченко. Авангардисты отказались от отображения действительности и взялись за её создание. Это им было намного интереснее. В процессе конструирования новой действительности они совершили немало открытий в живописи, графике, архитектуре, театре, кино, дизайне одежды и мебели.

Картины, плакаты, фотографии десятых-двадцатых годов прошлого века насыщены революционным энтузиазмом, эйфорией от разрушения старого мира и создания нового. Поэты освобождают звук от слова, художники освобождают изображение от реализма, создают беспредметное искусство. На выставке представлены работы нео-примитивистов, рейонистов, супрематистов.

А в более поздних произведениях авангардистов (начало 30-х годов) всё заметнее становится наступление социалистического реализма, который положил конец авангардному экспериментаторству. Отныне художник становится пропагандистом режима. Кстати, это типично не только для сталинского Советского Союза. То же самое происходит в 30-х годах с искусством в других тоталитарных странах – в Германии при Гитлере, в Италии при Муссолини...

Но вернёмся к собственно выставке. Сильное впечатление производят талантливые новаторские афиши и даже пропагандистские плакаты, художественное оформление детских книг и поэтических сборников. Фотографии, архитектурные проекты, документальные фильмы Эстер Шуб о династии Романовых и Дзиги Вертова о похоронах Ленина, ранние кинофильмы Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко, картины и рисунки Экстер, Гончаровой, Ларионова, Степановой, работы Родченко, Бурлюка, Лисицкого, Поповой, Розановой, Малевича, Кандинского, Татлина, Ивана Пуни... Всё это можно увидеть на выставке «Революционный импульс: расцвет русского авангарда». Нью-Йоркский музей современного искусства МоМА вновь оказался на высоте!

Яков Фрейдин

Сан-Диего, США

*В ТЫЛУ РУССКОГО АВАНГАРДА.
АВАНГАРД И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ*

Наш отпуск подходил к концу, и в испанской столице оставалось нам провести ещё два дня. Было в Мадриде несколько мест, куда в каждый приезд нам обязательно хотелось пойти, ибо там всегда было можно увидеть что-то новое и интересное. Одним из таких мест был музей Тиссен-Борнемиса или просто Тиссен – наискосок через дорогу от знаменитого музея Прадо, около которого мы как раз и гуляли по ботаническому саду. Над мадридским небом сгущалась гроза, и уже накапывал дождик, намекая, что дальше будет ещё мокрее. Промокнуть в наши планы не входило, и потому Тиссен через дорогу оказался очень даже кстати. Всё равно мы туда собирались.

Меня давно занимало, откуда в Испании оказался музей с таким именем – мы ведь с детства знали, что Фриц Тиссен бы нацистом и королём немецкой стали. Но всё оказалось куда запутаннее, не буду здесь об этом писать, скажу только, что коллекцию картин собирал вовсе не Фриц, а его племянник Ганс. Был он банкиром, жил в Швейцарии, в Лугано, и с нацистами дел не имел.

Его папочка Генрих, то есть фрицын брат, ещё до переезда в Швейцарию в начале прошлого века женился на венгерской баронессе Борнемиса, взял двойную фамилию и сам стал бароном. Слыл тот папочка большим гулякой и любителем выпить, а потому его слегка смущала фамилия Борнемиса, что

по-венгерски значит *«тот, кто вина не пьёт»*. Он даже шутил, что ему больше подошла бы фамилия Вицнемиса, означающая *«тот, кто воды не пьёт»*. Но как бы то ни было, сын его Ганс получил пышное наследство, которое ещё сам приумножил. Денег у него было вдоволь, да вдобавок хороший вкус и чутьё на качество. Вот он и собрал замечательную коллекцию картин, скульптур и гобеленов. Сначала барон хотел открыть свой музей в Лугано, но швейцарцы по природной скупости не желали раскошелиться на музей для его коллекции, а вот испанцы сказали *«хотим!»*, тогда он всё в Испанию перевёз и музей открыли в Мадриде. Вот туда мы и отправились.

Коллекция там действительно замечательная, но я ведь не пишу путеводитель, упомяну только, что минут десять простоял у чудного портрета Ганса Тиссена работы Люсиана Фрейда. Люсиан был внуком того самого Зигмунда Фрейда, основателя психоанализа и сейчас он один из самых, если не самый дорогой художник, отчасти потому, что он уже умер – после похорон цены сразу прыгают вверх.

Походили мы по музею, и в одном зале я увидел большую стену, завешанную картинами русского авангарда двадцатых годов прошлого века. Там были Малевич, Суэтин, Чашник и многие другие новаторы того времени. Сейчас их работы висят во многих музеях мира, но именно вот эти картины у Тиссена мне были знакомы. Даже слишком знакомы, поскольку эти самые картины и рисунки провели полгода в гараже моего дома на восточном берегу Соединённых Штатов. А получилось это так.

До большевистского переворота в России были умные и талантливые коллекционеры искусства, вроде братьев Морозовых или Третьякова, но после переворота коллекционирование стало невероятно сложным и даже опасным делом. Изредка в Совке появлялись полуподпольные собиратели картин, но они или были мелкой рыбкой, либо связаны как-то с ГБ – и потому их терпели. Одним таким был Георгий Костаки, советский грек. Работал он, если мне память не изменяет, в английском и канадском посольствах шофёром и завхозом. Кто знаком с советскими реалиями поймёт, на эти должности

рядовой работяга попасть не мог, если он не на ГБШном поводке. Пролетарий Костаки не только собирал работы мастеров русского авангарда (что-то покупал, что-то ему дарили), но даже в самые застойные годы ездил он в Европу и Америку с лекциями по искусству. Вот такой искусствовед в штатском. Так что с ним всё менее-более ясно.

Другого коллекционера я встретил лет 40 назад в Свердловске. Фамилия у него была Чудновский. В 20-е и 30-е годы работал он в НКВД и, видимо, там хорошо нагрел свои руки во время обысков и «экссов». Картины он брал редко – слишком громоздко, а интересовался более мелкими, портативными что ли, предметами искусства. Когда подошла великая чистка, умный прохиндей понял, что его, как и многих таких, как он, ждёт пуля. Упаковал он свои ценности в несколько ящиков и увёз всё в Среднюю Азию. Где-то там закопал он свой клад, а сам, как Корейко из «Золотого Телёнка», устроился счетоводом в какую-то артель и так тихонько пережил и мясорубку, и войну, и оттепель.

Н.Суэтин, К.Малевич, И.Чашник (1923)

Потом на старости лет выкопал свой клад, что-то продал за приличные деньги и купил себе кооперативную квартиру в Свердловске, где и разместил свою коллекцию. В его

двухкомнатной квартирке вдоль всех стен, даже в туалете, от пола до потолка были встроены шкафы с сотнями ящичков. Картин у него было мало, но в тех ящичках хранились тысячи прекрасных работ из камня: кулоны, броши, камеи, перстни, шкатулки. Были у него сотни старинных китайских миниатюр из драгоценных камней и слоновой кости, тысячи редких открыток конца 19-го – начала 20-го веков, на полках лежали сотни ценных образцов уральских самоцветов. Да всего и не перечислишь. Этой коллекции цены не было, и у меня просто разбежались глаза, когда он мне это показывал.

Старик жил один, родственников у него не было. Он горестно рассказывал, что просил уральский геологический музей принять в подарок его коллекцию с единственным условием, чтобы там была надпись «*Дар Чудновского*», но они отказались. Он жаловался: «Эти бандиты не хотят брать подарок музею, ждут, когда я умру, чтобы потом просто разворовать и всё положить себе в карман...». Так, кстати, и произошло. Когда через несколько лет он умер, вся коллекция куда-то исчезла.

Другой коллекционер, которого я знал, был совсем иного свойства. Назовём его Леон Орешник. Он сам был художником-авангардистом. Мы с ним сдружились, и во время моих приездов в Москву я часто бывал у него в мастерской. Стиль Орешника был похож на то, что на Западе называли «string-art», то есть разные фигуры, построенные из тонких цветных струн. На некоторых его работах струны приводились в движение скрытыми механизмами под музыку Пинк-Флойда, подсвечивались цветными лампочками, и это было довольно занятное зрелище. Вокруг Леона постоянно тусовался маленький табунчик молодых дарований, каждый из которых, как и положено, мнил себя гением на взлёте, но пока ещё не признанным. Этот коллектив молодых людей образовывал некую коммуну по типу колоний хиппи в Сан Франциско в 60-е годы прошлого века. У группы Орешника даже было своё название – «Динамика» и, как положено каждому такому объединению, свой творческий манифест.

Орешник был человеком трезвого и критического ума и потому довольно скоро понял, что его собственные работы по денежной ценности ни в какое сравнение не могут идти с работами таких

мастеров, как Малевич, Кандинский, Гончарова, и прочих великих из не столь далёкого прошлого. Где-то году в 1970-м он решил, что жизнь так и пройдёт в постоянной борьбе за существование и потому надо из Совка выбираться. Понимал он хорошо, что на Западе работы его не будут расхватываться и жить будет не просто. Не каждый художник так реалистически к себе относится, но Орешник себя оценивал весьма трезво. Умён был. Тогда ему в голову пришла блестящая идея.

Работы Кандинского или Малевича, да и других авангардистов, в Европе и Америке стоили сумасшедшие деньги. Художники эти давно умерли, и потому число их картин не прибавлялось и цены росли. Однако в СССР наверняка у каких-то частных лиц должны были ещё с 20-х годов сохраниться неизвестные работы известных на Западе мастеров русского авангарда. Картины и рисунки эти были не востребованы официальными советскими музеями, где царил соцреализм, а потому был шанс скупать их даже из музейных запасников. Вот Леон и занялся розыском таких работ. Он и его ребята неплохо зарабатывали на оформлении разных экспозиций, особенно для заграничных выставок, а потому у него деньги водились. Был он человек общительный, умел на равных говорить и с академиками, и с колхозниками, где надо – льстил, где – пугал, и дело двигалось.

Скоро у него составила уже приличная картотека с именами людей, у которых на стенах, а то и на чердаках, могли сохраниться работы мастеров 20-х годов.

Так он начал собирать коллекцию русского авангарда. Он ездил по адресам из своей картотеки, находил старух, которые еле-еле сводили концы с концами и в чьих кладовках лежали завёрнутые в тряпки картины. В старых чемоданах он порой находил эскизы и рисунки, цену которым хозяева даже не представляли. Про настоящую цену он им, разумеется, не говорил и скупал всё за бесценок.

Но прежде, чем продолжать, стоит кратко пояснить что это такое – русский авангард. Со времён Ренессанса, то есть с середины 15 века, более 300 лет от художников требовался

реализм, а часто и натурализм – надо, чтобы было похоже, прямо как в жизни. Так и рисовали людей, натюрморты, природу, здания – всё как глаз видел. Но вот в 19 веке началась техническая революция. Одним из её достижений оказалось изобретение фотографии. Конечно, снимки были ещё очень несовершенны, но даже они получались довольно реалистичными и гораздо быстрее. Тогда художники поняли, что скоро с фотографией они конкурировать не смогут и надо искать новые пути. Принцип поисков был такой – похожесть не главное, а главное – это впечатление, которое у зрителя может возникать, когда он на картину смотрит. Стало быть, надо придумать другие формы искусства, которые могут воздействовать на мозг зрителя не напрямую, как фотография, а подсознательно, даже на каком-то интуитивном уровне. Тут ещё масла в огонь подлил психоанализ Фрейда, который тоже подсознательное изучал.

И потом – эта самая техническая революция. У всех на виду были новые удивительные машины – трактора, автомобили – казалось, что человек скоро сам станет частью машины. Я как-то читал статью 1922 года, где было написано: «...не за горами то чудное время, когда трактор будет нянчить детей...». Автор, конечно, имел в виду не трактор, а робот, но этот термин не был ещё придуман. Просто в то время не было более передовой машины, чем трактор. Мир менялся, пришло время меняться и изобразительному искусству. Для того, чтобы воздействовать на подсознательный уровень и иногда даже увязывать в искусстве человека и машину, в конце 19-го и начале 20-го веков стали возникать разные художественные течения – импрессионизм, кубизм, футуризм, супрематизм и много других -измов.

В этих течениях зрителю отводилась не пассивная роль, а как бы соавторская – мы рисуем, строим, танцуем, а ты, давай, смотри, переваривай, чувствуй и решай сам, что мы имели в виду. Фигуры на полотне, прошлый жизненный опыт, сиюминутное настроение должны были перемешаться в подкорке зрителя и создать какое-то эмоциональное воздействие. По крайней мере это была идея авангарда, который все эти новые *измы* в себя включал. На Западе работали великие авангардисты Пикассо, Брак, Леже и ещё много разных. После

октябрьского переворота в этих поисках нового преуспевали художники из советской республики и те, кому повезло из России уехать. Им виделось, что революция это не только ломка социальная, а так же и духовная, интеллектуальная и художественная. Хотелось отвергать старое и создавать своё новое. Вот из них и составилось то, что назвали «русский авангард». Срок жизни его был до смешного короток – двадцать лет, пока в 1930 году советская власть его не задушила.

Как обычно происходит со всем новым, появлялось много чепухи, пены и халтуры, но со временем это всё ушло, как вода сквозь песок. А вот истинные таланты прошли проверку временем, и работы лучших из них сегодня висят в музеях. Не стоит перечислять тут всех знаменитых, но я уверен, что читателю известны имена Татлина, Малевича, Эль Лисицкого, Бурлюка, Сутина. Вот за их работами на чердаках и в кладовках российских стариков и охотился мой приятель Леон.

Довольно скоро в его мастерской собралась внушительная коллекция. Чтобы не дразнить визитеров, по стенам он картины и рисунки не развешивал, а прятал всё в папках и коробках, но друзьям-приятелям показывал. Вот и я видел, что там набралось. И не просто собирал он, а подробно изучал, описывал в своих дневниках все детали – какая бумага, какой холст, краски, и т.д., делал снимки – всё для того, чтобы потом эксперты могли сравнить и подтвердить подлинность.

Особенно Леона занимали работы супрематистов, идейным вождём которых был Казимир Малевич. Само словосупрематизм значит «стоящий надо всем», супер, а вернее – простейший. Идея Малевича была – расчленить изображение на элементарные формы и основные цвета, то есть на суперпростые элементы: кубы, прямоугольники, диски, цилиндры и линии. Потом эту геометрию как-то организовать, совершенно отбросив реальность, то есть сделать абстрактную графику из простейших фигур.

Понять логически эту идею невозможно, да и не нужно, просто надо смотреть на супрематические работы и чувствовать – это и

была главная идея Малевича. С моей точки зрения, супрематизм хорош для декоративного оформления и архитектуры, и именно в этих областях работали три его столпа: Казимир Малевич, Илья Чашник и Николай Суэтин. Сегодня, сто лет спустя, супрематизм как стиль оформления выглядит суперсовременным. Вот например, эта посуда – ну, не прелесть ли?

Как-то Орешник узнал, что в Питере живёт сын Ильи Чашника. Сам Илья прожил очень короткую жизнь, всего 27 лет, и умер в 1929 году. Грех так говорить, но умер он вовремя, ибо после 1930 года жизни у него всё равно не было бы. Звучит забавно, но вот этот Чашник одно время придумывал оформления для чашек на Петроградском фарфоровом заводе. Конечно, не только чашек, но и блюд, чайников, супниц, тарелок. Сначала рисовал эскизы на бумаге, а потом по ним работники фабрики расписывали фарфор. Кроме того, делал он разные декоративные композиции и даже проектировал здания. После его смерти всё, что не вписывалось в тесную клетку соцреализма, если и не запрещалось, то весьма агрессивно не поощрялось. Потому большинство того, что сохранилось после 1930 года в России, было либо утеряно, либо упрятано. Орешник поехал в Питер, встретился с сыном Чашника, и оказалось, что у того под кроватью хранятся десятки рисунков отца. За сравнительно небольшую сумму все работы перекечевали к Леону и

пополнили его коллекцию. И вовремя, так как совсем скоро, не дожив до 50-и, Чашник-сын умер, а его дети, скорее всего, снесли бы дедушкины эскизы и рисунки в макулатуру. Так что Леон всё спас.

Кроме Чашника, у Орешника собрались работы Малевича, Суэтина, Матюшина, да и почти всех русских авангардистов. Всё было систематизировано, описано, изучено в деталях и готово. Но вот к чему готово? Как я уж говорил – к вывозу за границу.

Некоторые могут возразить – нехорошо вывозить за бугор российское культурное наследие. Но это как посмотреть. Русский авангард в Совке не ценили и уничтожали, художников мордовали, так что нет у России морального права забирать себе выжившие работы, как мародёру. Не прошла эта страна через очищение и покаяние. В 30-е годы Сталин продавал за валюту шедевры из Эрмитажа. Один Арманд Хаммер, «друг» Ленина, сколько в Америку вывез! Плохо это или хорошо? Сталин был плохой – никто не спорит, а вот то, что по его воле многие картины из Совка оказались за границей – им считаю повезло. Всё же шедевры эти есть не российское, а мировое достояние, и за границей они были сохранены, лучше реставрированы и теперь висят в музеях разных стран. Вот и бывший сталинский дружок Гитлер тоже продавал за границу предметы на его вкус *minderwertige* (дегенеративного) искусства и тем спас их от уничтожения его же системой.

Никто ведь не жалуется, что две Мадонны Леонардо висят в Эрмитаже, Джоконда в Париже, а Сикстинская Мадонна Рафаэля – в Дрездене. Итальянцы по этому поводу как-то не комплексуют. Какая разница где – главное, чтобы сохранилось для будущих поколений. Многое из русского авангарда, что из России не уплыло, было уничтожено, либо медленно разрушалось в запасниках и на чердаках. Вот потому я к вывозу предметов искусства из России отношусь с пониманием и даже с уважением, и неважно, что целью Орешника были деньги.

Но возникла у него проблема – как переправить эту коллекцию на Запад? Из СССР не то что Малевича, даже собственный рисунок вывезти бы не позволили. Знаю по себе. Когда эмигрировал, хотел взять с собой одну свою картину, что я

написал на картоне. Через комиссию по вывозу пройти она не смогла как «народное достояние» (ну, не елей ли это на голову художника-любителя!), а потому я замазал картон извёсткой и намотал на него одеяло, как на упаковочный материал. Так и прошло через таможду без вопросов, а извёстку я потом смыл. Но что же было делать Орешнику? Десятки холстов, сотни эскизов и рисунков – одеяло на них не намотаешь. Тогда он сделал вот что.

В московской мастерской Орешника постоянно тусовались художники, артисты, писатели, иностранные журналисты и дипломаты. Некоторым из этих иностранцев он показывал свою коллекцию, рассказывал о её потенциальной ценности и конфиденциально намекал, что хочет кое-какие работы переправить на Запад. Обычно он делал так: выбирал с его точки зрения три равноценные работы – картины или рисунки, раскладывал их перед дипломатом и говорил примерно следующее:

– Вот смотрите, это подлинные рисунки Чашника. Через несколько лет каждый из них может стоить многие тысячи. Могу вам подарить любой из них по вашему выбору, но при условии, что вы все три увезёте с собой, а когда я сам приеду в вашу страну, вы мне вернёте остальные. Идёт?

Многие визитёры понимали, что эти работы действительно стоят большие деньги, и соглашались. Картины везли диппочтой, а рисунки – в чемоданах. Важных иностранцев советская таможня обычно не потрошила. Вот таким образом ему удавалось переправлять свою коллекцию. Не всё доходило, некоторые дипломаты-жулики потом делали удивлённые глаза и ничего не возвращали, но всё же большая часть коллекции была переправлена во Францию, Америку, Испанию, Голландию и другие страны...

Юлий Зыслин

Б.Вашингтон

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ ЮБИЛЯРЕ. К 85-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА АБРАМОВИЧА ШУЛЬМАНА

Выпускник Санкт-Петербургской (Ленинградской) консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, сокурсник Ю. Темirkanова. Ученик выдающихся профессоров И. Мусина и Н. Рабиновича, выпустивших плеяду дирижеров мирового уровня – Валерий Гергиев, Неме Ярви, Юрий Симонов. Участник мастер-классов К. Кондрашина и Г. Караяна. 45 лет дирижерской карьеры, исполнение сотен концертов классической и современной музыки по всему Советскому Союзу. Гастроли в Италии с симфоническим оркестром Артуро Тосканини.

Выступления с выдающимися солистами и музыкантами – Мстиславом Ростроповичем, Игорем Ойстрахом, Лазарем Берманом, Беллой Давидович и многими другими. Более 20-и лет дирижер Академического симфонического оркестра Государственной филармонии на Кавказских Минеральных Водах – одного из старейших в России. Первый дирижер монооперы «Дневник Анны Франк» российского композитора Григория Фрида в Советском Союзе и в Америке.

Благословенная Америка приняла в свои объятия большое число российской интеллигенции (другой вопрос, использовала ли она в полной мере её интеллектуальный потенциал).

Кого только я не встретил здесь за 20 лет. Даже книжку написал: «Мир по-прежнему тесен». Среди самых ярких и дружественных людей оказался Леонид Абрамович Шульман.

Дирижёр высочайшего класса, блистательной петербургской школы, огромного опыта. И в то же время, вполне доступный человек.

Леонид Шульман

Познакомились мы много лет тому назад на воскресных концертах классической музыки в зимнем саду Вашингтонской Национальной галереи.

Леонид из тех редких музыкантов, кто любит исполнять как дирижёр симфонического оркестра любого состава современную музыку. В классической музыке тоже существуют шлягеры, и этим многие пользуются.

А исполнять и интерпретировать новую музыку – особенно трудно и рискованно. Леонид Абрамович в этом силён, смел и талантлив. На этом мы и сошлись, поскольку он, в частности, исполнял в советские времена музыку двух московских композиторов, которые примерно тогда же выступали и у меня в Москве в Музыкально-поэтическом клубе-салоне «Свеча».

Это Григорий Фрид и Игорь Рехин. С обоими авторами я много лет общался и сотрудничал. Оба композитора бывали в Америке. Игорь гостил у Леонида и Нины Шульман, Григорий Самуилович – у своей дочки Маши, живущей в штате Колорадо.

Игорь Рехин способствовал созданию в 1978 г. клуба-салона «Свеча», проведя две лекции о музыке, в ходе которых я принял решение об его открытии. Мастер инструментальной музыки (и не только) он же выступил в салоне со своими сочинениями в

серии встреч по творчеству молодых московских композиторов. Ныне Игорь заслуженный деятель искусств России.

Шульман исполнял его пьесы.

Григорий Самуилович Фрид (1915-2012) – это интеллектуальная глыба. Тонкий композитор-новатор, разносторонний философ, талантливый художник, писатель, критик, уникальный общественный деятель и педагог, участник ВОВ, ведущий легендарного молодёжного камерного музыкального клуба при Московском Доме Композиторов. Этот клуб МММК просуществовал при Фриде более 30 лет, он провёл больше 1500-от еженедельных тематических заседаний. Каждое заседание начиналось с его краткой музыкально-философской «проповеди» по объявленной теме. Салон «Свеча» явился как бы внуком МММК, там прошло 186 тематических встреч в течение 16 лет.

Леонид Шульман является первым исполнителем в России оркестрового варианта выдающегося сочинения Григория Фрида монооперы «Дневник Анны Франк» (либретто композитора). Фортепианный вариант этой монооперы исполнялся и обсуждался в моём клубе в присутствии автора.

Наш юбиляр организовал и провёл первое в Америке исполнение этой монооперы в Вашингтонском музее Холокоста. В данном случае в камерном варианте. Об этом событии мне удалось опубликовать большую статью в трёх американских изданиях и, прежде всего, в газете «Новое русское слово» (Юлий Зыслин. «Музыкальный набат». Премьера монооперы Григория Фрида «Дневник Анны Франк» в Вашингтоне. Газета «Новое русское слово». VOL. ХСII № 31,917. 16 ноября 2001 года, Нью-Йорк).

Леонид Шульман обладает общественной жилкой. Он лёгок на подъём. Поэтому вместе со своей милой супругой Ниной не один раз посетил и «Вашингтонский музей русской поэзии и музыки», и «Вашингтонскую аллею русских поэтов, композиторов и художников», и Пушкинские праздники в ДС. Люди такого склада, как он, всегда становятся моими друзьями. Он всегда живо интересуется моим проектом по созданию «Американского музея русской культуры», за что ему большая благодарность.

Какое счастье было ездить с Леонидом Абрамовичем в Балтимор на концерты классической музыки, особенно когда там выступал его коллега, знаменитый дирижёр Юрий Темирканов. После концерта мне даже посчастливилось пообщаться с маэстро (конечно, с помощью Шульмана).

Поздравляя Леонида Абрамовича Шульмана с юбилеем, который и я недавно пережил, желаю ему бодрости. Еще одно пожелание – чтобы удалось исполнить в Америке полную симфоническую версию монооперы «Дневник Анны Франк».

Ольга Соловьева

Санкт-Петербург, Россия

О СПЕКТАКЛЕ «БЕЛЫЕ НОЧИ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

*«Санкт-Петербург – узорный иней,
Ex libris беса, может быть,
Но дивный... Ты уплыл, и ныне
Мне не понять и не забыть».*
(В. Набоков)

Из Санкт-Петербургского театрального института, что на Моховой, вышло много превосходных и талантливых актеров. И едва ли не главная заслуга в том мастера, педагога, режиссера, чья рука заставляет сверкать удивительными красками алмазы неограниченные. Я лишний раз убедилась в этом, посмотрев спектакль «Белые ночи» на сцене Городского театра, самого молодого питерского профессионального театра. Играют в нем недавние выпускники театрального института, мастерской С.Д. Черкасского. Спектакль поставлен по одноименному

произведению Достоевского режиссер Борис Наумович Голубицкий. Кратко обрисую сюжет. Молодой человек в одну из романтических белых ночей встречается девушку, понравившуюся ему с первого взгляда. Девушка рассталась со своим молодым человеком, который год назад покинул Петербург, теперь вернулся, но не спешит встретиться с ней. Наш герой помогает девушке написать письмо. В итоге расставшиеся молодые люди воссоединяются. Такова канва. Опытная рука мастера украсила ее разными нюансами, оттенками, пропитала духом Петербурга, духом его зыбких белых ночей, оставив простор и для воображения зрителей. Сыграло ли здесь письмо ту же роль, что и письма Сирано де Бержерака? Почему бабушка девушки так строга с внучкой? Что собой представляет героиня – олицетворенную романтику или начитавшуюся романов барышню, которая только изображает из себя романтическую героиню? Зритель волен решать сам. Спектакль одновременно ироничный и серьезный, не навязывает однозначные ответы, как и сама жизнь. Режиссер при постановке гармонично соединил приемы классического драматического театра и технику гротеска, дабы оттенить некоторые сцены, показать причудливость питерских белых ночей и заставить задуматься сидящих в зале. Оживил окна Петербурга, фонари и перила мостов, умело задействовав студенческие этюды.

Мне посчастливилось побеседовать с творцом, если хотите – с демиургом, под чьим руководством еще неопытные актеры сыграли замечательный спектакль. Не так часто в жизни встречается такое сочетание интеллигентности, обаяния и достоинства, которое я увидела в своем собеседнике. Чувствовалась выработанная годами интеллигентная аристократичность. Лично я убеждена, что аристократизм – понятие не социальное, а, в первую очередь, духовное. Речь Бориса Наумовича интеллигентна, в манерах чувствуется воспитание и уважение к собеседнику.

– Расскажите, пожалуйста, о некоторых особенностях постановки «Белых ночей».

– «Белые ночи» – моя юношеская любовь. Ещё будучи студентом, сделал отрывок из ночи первой со своим другом

Сергеем Пожарским и его женой Светой Мининой. Показал мастеру. Но дальше этого дело не двинулось. Когда руководитель выпускного актерского курса Сергей Черкасский пригласил меня поставить с его студентами спектакль, я предложил «Белые ночи». Он принял предложение, и работа началась. Главным для нас было разгадывать смысл текста, а не повествовать его, как в большинстве постановок и фильмов.

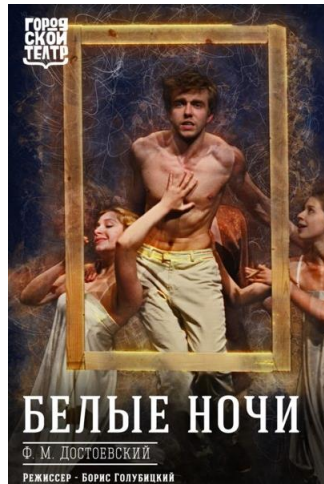
Для нас Мечтатель был Сочинителем, Созидателем, а не рассказчиком, он был человеком творческим. Вспоминая через 15 лет те ночи счастья, любви и страданий, он пытается уйти от безумия и одиночества. Молодые актеры увлеклись. Мы работали очень дружно и подробно. Эту постановку я посвятил своему рано ушедшему другу замечательному актеру и человеку Сергею Пожарскому. Сыграли там же, где показывали впервые с ним отрывок. Когда учение закончилось, бывшие студенты не захотели расставаться, хотя многих взяли в разные театры. Они решили сохранить наш спектакль в репертуаре Городского театра.

– Все получилось из задуманного? Вы довольны результатом?

– Легче всего понять, что не получилось. В оформлении. Достаточно взглянуть на чудные эскизы моего друга и замечательной питерской художницы Ирины Бирули к спектаклю и – на конечный итог. Есть надежда, что это всё-таки не конечный. Театр еще становится на ноги, они дорожат этим спектаклем. Так что, может быть, кое-что еще сделают. Костюмы, например, шьются. Ирина Бируля – тонкий и талантливый театральный художник, прекрасный живописец и иллюстратор книг, в том числе и Достоевского.

– Как Вы относитесь к модному ныне течению «осовременивать» классические произведения?

– Если классическое произведение не звучит как современное, то и братья за него не стоят. В этом смысле я за полное осовременивание. Это должно во всем проявляться, особенно в речи. Речь персонажей не должна быть архаичной, какой-то

допотопной. Нет, очень важно добиваться сегодняшних интонаций. И если лексика классиков отличается от нынешней, то звучание речи может и должно быть узнаваемым. Это довольно трудно сделать. Но – надо стремиться! И способ актерской игры меняется каждые пять лет, как это не учитывать?

– Как Вы относитесь к спецэффектам?

– Для меня в театре есть лишь один спецэффект – это вспышка живой человеческой души, других не знаю. То, что сегодня используется как спецэффекты, свет, видео, музыка и т.д., либо прикрывает отсутствие главного – содержания, либо пытается заменить его. Не отрицаю ни один из них. Но если они – главное в постановке, мне не очень интересно. На великого Николая Симонова в роли Сальери можно было ходить сколько угодно раз (что я и делал в молодости), а на эти «спец» второй раз не пойдёшь.

– Ваше отношение к импровизации на сцене.

– Самым великим мастером импровизации казался мне Аркадий Райкин. Много раз я видел его программы... Особенно популярен был его номер «Отчет на носу», где он вместе с чудной артисткой Ольгой Малозёмовой проделывал свои виртуозные импровизации. Зрители буквально от хохота сползали с кресел на пол. От их импровизаций всё казалось необыкновенно живым и сиюминутнорождённым. Но, глядя этот

номер многократно, я заметил, что места для импровизаций были определены абсолютно точно и всегда неизменно повторялись. И сам текст этих импровизационных мест был твердо закреплен. Так я узнал, что великий импровизатор позволял импровизировать только на репетициях. А когда номер был готов и выходил к зрителям, – никаких отклонений не допускалось даже на миллиметр. Так что – «Закрой деверь с другой стороны!» – Аркадия Райкина считаю своим учителем театра, хотя лично познакомился с ним уже во вполне зрелом возрасте.

– Ваш любимый спектакль? Жанр?

– Любимый спектакль всегда – последний, даже если не всё удалось. Со временем узнается, был ли он победой твоей или поражением.

«Но поражение от победы...»

Станиславский считал, что, если режиссер за долгую жизнь поставил по-настоящему три спектакля, то это его великая победа. А любимый жанр? Да пожалуй, трагикомедия. Но тут я не оригинален. Сейчас это главный жанр нашей жизни. Даже – трагифарс.

– Какие модные направления в театральном искусстве Вам больше всего по душе?

– За модой не угонишься. Конечно, знать надо, какие спектакли сегодня «делают», а самому-то всё равно по-своему делать приходится. Я человек старомодный, хочется быть верным идеалам юности.

– Есть ли у Вас ритуал, с которого Вы начинаете проект?

– Насчет ритуала начала. Пожалуй что нет. Каждый раз все по-разному начиналось, хотя в чем-то очень похоже: вот собрались все, что-то сказали, и – понеслось! «Священнодействуй или убирайся вон!»

– И в заключение последний вопрос – что Вас вдохновляет?

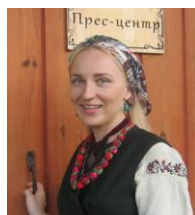
– Вот Вы спрашивали о ритуале начала, его у меня нет. А перед премьерой какой-то сложился. Тихонько хлопаю артистов ладошкой по спине, в том месте, где могут быть крылья. И они сами тянутся к этому – а меня! а меня! Говорят, что это их как-то заряжает, даже вдохновляет. Может и правда, – рука у меня лёгкая. Началось это со студентов моих, а теперь и на артистов

перешло. Но это и меня вдохновляет – когда есть, кого хлопнуть по спине в том месте, откуда растут крылья...

Режиссер и молодые актеры создали на сцене удивительный мир, трепетный мир Петербурга белых ночей, когда стирается грань между реальностью и воображением, оживает сам город, фантазия переплетается с реальностью, романтизм с обыденностью. Вы можете сами в этом убедиться, заглянув в Городской театр, на Литейный 42.

Даша Кашина

Киев, Украина

**НАДО ЖИТЬ! ИНТЕРВЬЮ С СОЛИСТОМ БАЛЕТА
ПАВЛОМ ДМИТРИЧЕНКО**

Павел Дмитриченко (род. 3 января 1984, Москва) – российский танцовщик, артист балета Большого театра с 2002 по 2014 годы. В декабре 2013 года был признан виновным в организации покушения на художественного руководителя балета Большого театра Сергея Филина и приговорён к шести годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. Приговор вступил в законную силу в марте 2014 года; в мае 2016 года, проведя 3 года в заключении, в порядке УДО вышел на свободу (Из Википедии).

– Павел, с какого возраста вы проявили интерес к нынешней профессии?

– Себя я в этой профессии, по крайней мере в детстве, никогда не видел. Я хотел быть спортсменом, футболистом либо хоккеистом. Но 6 лет – это достаточно малый возраст, чтобы выбирать свою будущую профессию, именно в этом возрасте я начал свой путь как артист. Мама пришла со мной во Дворец пионеров, где хореографией занималась моя старшая сестра Настя. Мне тогда было очень скучно сидеть на одном месте, и я постоянно бегал и прыгал по балетному залу. Увидев чересчур энергичного мальчика, педагог Виктория Сергеевна (можно сказать, что это мой первый педагог) предложила маме отдать меня к ней на занятия. Мама меня отдала в этот балетный кружок, и вот именно так начался мой путь в балетном мире.

– *Ваши родители были артистами Ансамбля Игоря Моисеева. Во сколько лет вас впервые повели на концерт этого коллектива, и что запомнилось?*

– Да, мама и папа у меня тоже были артистами балета, но не в классическом, а в народном танце. Они работали в Государственном академическом ансамбле народного танца имени Игоря Моисеева. Папа частенько брал меня на работу, поэтому я с детства стал впитывать артистическую и волшебную атмосферу закулисья.

Безусловно, я по сей день восхищаюсь невероятным трудом ребят из ансамбля Игоря Моисеева, то что они делают, сохраняя наследие самого автора, – великая работа, которая вызывает

безумный восторг! Их танцы высокопрофессиональны и являются эталоном по всему миру!

– *Вокруг Вас был праздник концертов, труд репетиций, приключения гастролей родителей. Казалось, жизнь артиста – это замечательно или тяжело?*

– Жизнь артиста – это одновременно и замечательно, и тяжело. Тяжело – потому что каждый день ты должен репетировать, заниматься и совершенствоваться как физически, так и духовно, быть постоянно на максимуме своих возможностей, добиваться новых вершин как в техническом плане, так и в актерском. Замечательная сторона этой профессии заключается в том, что твоя жизнь протекает среди искусства, среди творческих людей.

– *Вы видели Игоря Александровича за сценой? Каким он был?*

– Игоря Александровича я, конечно, видел, ибо еще ребенком я часто находился за кулисами, когда мой папа танцевал. Знаете, вот Григорович Юрий Николаевич – гений балета, а Игорь Александрович Моисеев – гений народных танцев мира.

– *В каких танцах солировали мама и папа?*

– Группа Ансамбля Игоря Моисеева по количеству артистов в три раза меньше труппы артистов балета Большого театра. Там ребята танцуют не только сольные номера, но и в четверочках (танец из четырех человек) и т. д. Мама моя Надежда Алексеевна Дмитриченко (девичья фамилия Музыка-Рымар) танцевала в таких сольных номерах, как «Кадриль», «Полянка» и т. д. Папа – Виталий Павлович Дмитриченко танцевал в таких номерах, как «Брил», «Жок», «Кадриль», «Лето», «Украинская сюита» и во многих других номерах. Отец является ветераном труда.

– *Бывали ли их коллеги у вас в гостях?*

– Артисты – это как большая семья. У нас есть дача, которая еще в 1980-м году выдавалась артистам Ансамбля И. Моисеева, поэтому, естественно, мы жили, справляли праздники всегда среди творческих людей, коллег мамы и папы.

– *В те годы, в которые вы росли, наверное, народные танцы казались менее интересными, чем балет. Возможно, поэтому вы выбрали более сложный вид танцевального искусства. Да?*

– Я бы не сказал, что народные танцы легче балета! И то, и то – тяжелый труд. В 6 лет выбрать для себя профессию жизни невозможно, так как ты еще ребенок. Мою профессию определила для меня мама, отдав меня, как я уже сказал, в хореографический кружок. Дальше мой первый педагог посоветовал маме показать меня в Московском хореографическом балетном училище. Я прошел комиссию и все туры, и был принят на обучение. А что касается интересности – балет или народные танцы, – то могу сказать однозначно: и то, и другое имеет своего зрителя. Мне лично безумно интересно смотреть классический балет, но и огромное удовольствие я получаю от концертов Ансамбля И.Моисеева.

– *В каком хореографическом учебном заведении вы учились?*

– Учился, как я и сказал, в Московской академии хореографии (МАХУ) именно такое название было, когда я туда поступил. Когда я уже заканчивал обучение, училище переименовали в МГАХ (Московская Государственная академия хореографии), и выпускался я при замечательном ректоре Марине Константиновне Леоновой.

– *Кто был вашим педагогом?*

– Моими педагогами были многие профессионалы своего дела: это Самодурова Инна Тимофеевна, Карагодский Петр Ефимович, мастер классического танца Игорь Валентинович Уксусников, Юрий Валентинович Васюченко и многие другие замечательные педагоги, которые участвовали в формировании меня как артиста и закладывали в меня все свои знания. После Государственных экзаменов я был приглашен в труппу Большого театра, где моим учителем и творческим отцом на протяжении многих лет был Василий Степанович Ворохобко. С Василием Степановичем мы подготовили много ведущих партий, самыми любимыми из них были Спартак (балет «Спартак») и Абдерахман (балет «Раймонда»). К большому сожалению, Василия Степановича больше нет... это самая большая потеря... Василий Степанович для меня был больше, чем педагог... Он для меня был как духовник...

Когда в 2011 году в ГАБТ вернулся в качестве педагога премьер Большого театра Ветров Александр Николаевич, мы с ним подготовили одну из ведущих ролей, после чего я понял, что

мне с ним очень комфортно работать и я еще многому могу у него научиться. Именно с Александром Николаевичем мы подготовили партию Ивана Грозного из грандиозного балетного шедевра великого мастера Григоровича (балет «Иван Грозный»). Так, под присмотром двух великих людей, моих педагогов, я совершенствовался в Большом театре как артист и превращался в профессионала.

– *Какова была ваша первая роль в Большом?*

– Мои отношения с Юрием Николаевичем сложились в 2006 году, когда началась работа над возобновлением его балета «Золотой век». Именно в этом балете я получил свою первую значимую роль, исполнил ведущую партию Яшки (он же Месье Жак). После этой работы Юрий Николаевич Григорович стал давать мне главные партии в своих балетах.

С балетным гением, живой легендой Ю.Н.Григоровичем

– *Вы любите балеты Григоровича. Вы чувствуете этого хореографа. Вам близок их замысел?*

Мне безумно нравятся сюжетные спектакли, где можно раскрыть себя как актера, и именно балеты Ю.Н. Григоровича дают такую возможность артистам. Их интересно исполнять, их безумно интересно смотреть. Балеты Григоровича доказали свою

правоту на балетном Олимпе. Полвека существует «Спартак», полвека существует «Легенда о любви», а «Щелкунчик» в редакции Юрия Николаевича можно смотреть вечно.

– Когда вас все хвалили за роль Ивана Грозного – это был успех. Вам пришлось углубляться в характер с помощью интернета или исторической литературы, или просмотрев старый кинофильм? Или все что нужно сделать в этом балете, объяснил вам постановщик?

– К партии Ивана Грозного я готовился долго. Исполняя такого мощного персонажа, нужно знать его историю, его судьбу, попытаться максимально его понять. Я прочел много исторической литературы, находил и смотрел различные исторические передачи про Ивана IV. Мое изучение настолько углубилось, что я захотел подержать предметы 16-го века в своих руках. Я нашел исторические серебряные монеты того времени, которые чеканились при царе Иване Грозном. Вот когда берешь их в руку – словно попадаешь в то время. Я насыщался духовно, и в этом мне помогали мои педагоги: Ветров и Ворохобко. С Александром Николаевичем мы готовили эту партию очень тщательно, она физически не из легких. Ежедневные репетиции по несколько часов в день, на грани возможностей...это была очень интересная работа! В итоге премьерный спектакль я танцевал со своей любимой партнершей, примой-балериной Большого театра Никулиной Аней. Мы исполнили 100-й по счету спектакль, одновременно и премьерный, и юбилейный.

– Мне кажется, Цискаридзе – волшебник. Так, как играет и живет он, другому просто невозможно. На ваш взгляд, что это? Генетика, природа или опыт жизни в сложных условиях?

– Николай Максимович фокусов мне не показывал, поэтому как волшебника я его не знаю. То, что он гениальный танцовщик, – это уже неоспоримо и всемирно признано, но для меня он, прежде всего, человек с большой буквы. Я его очень уважаю за честность, за его любовь к нашему балетному искусству, которое он сейчас в качестве ректора Академии русского балета им. Вагановой поднимает на новый уровень. Таких высот, каких добился Николай Максимович, может добиться лишь очень сильный духом человек. Я прекрасно знаю,

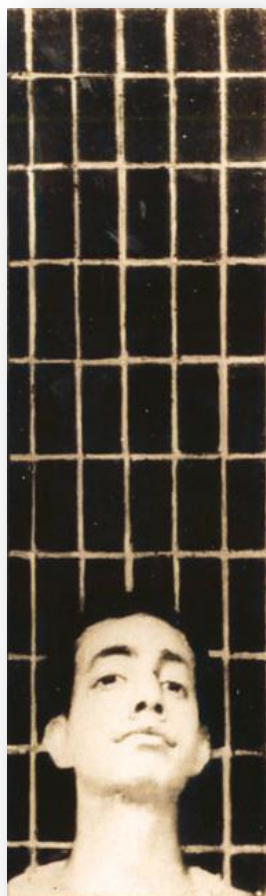
какие сложности были на его пути, какие травмы он пережил... Но он не из тех, кто ноет о своих проблемах публично, он боец, который побеждает трудности молча и возносится на новую творческую ступень.

– Я бы хотела спросить у вас о том, что впереди, но вижу – впереди успех и победы. Я думаю так только по одной вашей фразе о вами пережитом. Вы вышли из мест заключения. Вы сказали: «Людам не надо знать, как там. Просто не надо»...

– Возвращаться к «моей» истории не хочу. Пусть все то вранье останется на совести человека, который заказал и помог сфабриковать дело против меня своими лживыми показаниями и очень плохой, на мой взгляд, актерской игрой. Я прощаю его за это. Надо жить всегда одним днем и дорожить каждой минутой. Надо уметь ценить любовь, надо уметь видеть красоту вокруг себя – ведь это и есть счастье. А загадывать и пытаться предсказать, что будет завтра, – не хочу. Время – лучший предсказатель, оно и покажет, что впереди.

Часть 5

О науке

Генрих Голин

Нью-Йорк, США

ВЕЧНО АКТУАЛЬНЫЙ АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

К столетнему юбилею общей теории относительности и сенсационному обнаружению гравитационных волн

Пожалуй, начну свой рассказ с эмоционального выступления исполнительного директора лаборатории по обнаружению гравитационных волн (её точное название: LIGO-Laser Interferometer Gravitational Wave Observatory) Давида Рейца в Национальном Пресс-Клубе в Вашингтоне 11 февраля этого года. Своё выступление он начал так: «Дамы и Господа! Мы обнаружили гравитационные волны. Мы сделали это!» Не правда ли, это напоминает нам восклицание Архимеда: «Эврика!», ставшее символом научного открытия.

Первым человеком, кто предсказал реальное существование гравитационных волн и описал их с помощью сложного математического аппарата, был Альберт Эйнштейн. Произошло это в далёком 1916 году. После долгих раздумий и поправок в процессе многолетней работы над общей теорией относительности (ОТО), он решил опубликовать две статьи, непосредственно касающиеся гравитационного поля и гравитационных волн. Первая из них «Приближённое интегрирование уравнений гравитационного поля» поступила в редакцию Академии Наук 22 июня 1916 года.

В ней впервые предсказано существование гравитационных волн и вычислены потери энергии, связанные с излучением этих волн. Вторая из них под названием «О гравитационных волнах»

Эйнштейн во время чтения лекции (Вена, 1921)

поступила в редакцию 31 января 1918 года, в ней, в частности, была исправлена расчётная ошибка, допущенная в первой статье. Что касается общей теории относительности, то учёный шаг за шагом усовершенствовал её, пока почти в завершённом виде она не появилась в объёмной статье «Основы общей теории относительности» ровно сто лет назад.

В этой теории он показал, что нашему реальному миру соответствует не геометрия Эвклида, которую мы «проходим» в школе, а Риманова геометрия с её искривлённостью, где прямая линия уже не прямая! В ОТО пространство, время и материя оказались неразрывно связанными: изменение в состоянии материи (например, увеличение или уменьшение массы космического объекта) влечёт за собой изменение метрики пространства-времени и наоборот.

Эйнштейн предложил астрономам проверить некоторые его предсказания на основе ОТО. Одно из них – искривление световых лучей вблизи космических объектов с большими массами действительно было подтверждено в полном соответствии с расчётами Эйнштейна в 1919 году, когда были организованы две специальные экспедиции во время солнечного затмения. Добавлю, что существование так называемых чёрных дыр во Вселенной также объясняется искривлением пространства-времени, в результате чего световые лучи

оказываются в «ловушке» сильного гравитационного поля и не доходят до Земли, делая невозможным визуальное наблюдение чёрных дыр.

Триумф ОТО был потрясающим. Возникла современная космология. По сути дела ОТО включила в себя и теорию гравитационного поля. Подобно тому, как теория гравитации Ньютона позволяла «на кончике пера» открывать новые планеты, теория гравитации Эйнштейна позволяет открывать целые звёздные скопления. Нужно отметить, что появление ОТО не было связано с какой-либо потребностью в науке или в технике. Эйнштейн пришёл к ней совершенно самостоятельно, вдохновляясь, скорее, эстетическим чувством совершенства и стремясь достроить «второй этаж» здания теории относительности. Он стремился найти мировые инварианты – неизменяющиеся величины и уравнения во всех системах отсчёта, так что теорию относительности лучше называть «теорией абсолютности».

На протяжении ста лет после появления ОТО учёные стремились экспериментально обнаружить загадочные гравитационные волны, описанные Эйнштейном. Безуспешно! Я вспоминаю случай, связанный с этими попытками. Лет пятьдесят назад, появилось сообщение об обнаружении гравитационных волн. Автор статьи Джозеф Вебер из Мерилендского университета обстоятельно описывал свои эксперименты, позволяющие с помощью специальных антенн обнаруживать гравитационные волны.

Научный мир был взбудоражен и восхищён! Лаборатории крупнейших университетов по всему миру немедленно принялись повторять эксперименты Вебера. Увы, результаты оказались отрицательными: «шумы» из космоса учёный принял за гравитационные волны. Эта неудача не остановила попыток учёных обнаружить гравитационные волны. В 1974 году Джозеф Тейлор (Joseph Taylor Jr) и Руссел Гулс (Russel Hulse) из Массачусетского Университета обнаружили двойной пульсар.

Дальнейшие измерения показали, что двойные нейтронные звёзды теряют энергию, результатом чего могут быть гравитационные волны. Это открытие можно интерпретировать как косвенное доказательство существования гравитационных

волн. Но непосредственное их обнаружение произошло 14 сентября 2015 года в результате исследований ЛИГО (Laser Interferometer Gravitational Wave Observatory—LIGO) -учёных. Первооткрыватели дали им название GW150914.

Позвольте рассказать об этом поподробнее. История этого открытия берёт своё начало в далёком 1960 году, когда молодой профессор физики из Массачусетского технологического института (MIT) Рейнер Вейс (Rainer Weiss) предложил своим студентам мысленный эксперимент по обнаружению гравитационных волн, используя два пучка света,двигающихся навстречу друг другу в перпендикулярном направлении в гравитационном поле. Это поле, искривляя «эйнштейновское» пространство-поле неизбежно создаст разницу по фазе, которую можно экспериментально обнаружить.

Прошло более десяти лет, и в 1972 году эта идея была положена в основу его проекта обнаружения гравитационных волн с помощью гигантского интерферометра, а в качестве источника света учёный предлагал использовать лазер. В 1983 году для дальнейшей работы над проектом к Вейсу присоединились два исследователя из Калифорнийского Технологического Института (Caltech) Рональд Древер (Ronald Drever) и Кип Торн (Kip Thorne). В 1990 году их проект был одобрен, и началось строительство ЛИГО. Понадобилось ещё несколько лет, прежде чем были сооружены два 4-километровых интерферометра, один в Ливингстоуне (штат Луизиана), а другой в Ганфорде (штат Вашингтон). Добавлю, что в 1997 году было создано международное ЛИГО-сообщество, которое сегодня включает более чем 1000 учёных из 83 научных учреждений по всему миру. Такова предыстория события, которое произошло 14 сентября 2015 года.

Следует предупредить читателя, что на самом деле это произошло значительно раньше: где-то 1.3 биллиона лет тому назад далеко-далеко в космическом пространстве, в районе Больших Магеллановых Облаков, столкнулась «чёрная дыра» массой 29 солнечных масс с другой «чёрной дырой» массой 36 солнечных масс. Образовалось гигантское объединение – «чёрная дыра» с общей массой в 62 солнечных массы. В

результате образовалось сильное гравитационное поле, которое «выплеснуло» гравитационные волны с энергией в $3 M c^2$! Напомню читателю об этой формуле из теории относительности Эйнштейна. Здесь M – масса Солнца (примерно 2×10^{31} килограмм), а c – скорость света (примерно 3×10^8 метров в секунду). Эти гравитационные волны достигли Земли, и были зафиксированы учёными в двух ЛИГО-лабораториях.

20 июля этого года мы, участники летней национальной конференции преподавателей физики Америки, которая проходила в столице Калифорнии Сакраменто, затаив дыхание слушали доклад Давида Рейца «Столкновение чёрных дыр и колебания в пространстве-времени». Он сообщил нам детали этого эксперимента. Гравитационные волны достигли ЛИГО – детектора в Ливингстоуне 14 сентября 2015 в 5:51 утра местного времени; 7 миллисекунды позже они достигли интерферометра в Ганфорде. Предсказание Эйнштейна о существовании гравитационных волн было подтверждено прямым экспериментом. И это только начало. Нынешние ЛИГО-детекторы имеют относительно небольшую мощность.

К 2019 году намечается строительство более мощных интерферометров, позволяющих увеличить «чувствительность» к гравитационным волнам в десяток раз. Команда ЛИГО-участников оценивает вероятность возникновения во вселенной двойных чёрных дыр, подобных GW150914, между 2-я и 400-ами случаями в год в каждом кубическом гигапарсеке пространства (1 парсек = 3.3 световых лет)!

И действительно, второй случай обнаружения гравитационных волн произошёл 26 декабря прошлого года, когда два ЛИГО - интерферометра зафиксировали столкновение и объединение двух чёрных дыр на расстоянии от Земли примерно 1.4 миллиарда световых лет! На этот раз массы «чёрных дыр» были скромнее: «чёрная дыра» в 14.2 солнечных масс слилась с другой в 7.5 солнечных масс. Образовалась «чёрная дыра» массой 20.8 солнечных масс.

В результате произошло гравитационное излучение энергии «всего» $0.9 M c^2$, но и оно было зарегистрировано. ЛИГО – учёные ожидают, что уже сегодня можно будет наблюдать один подобный случай в месяц. Но оптимисты надеются наблюдать

гравитационные волны в недалёком будущем ещё чаще: каждый день! К экспериментам по обнаружению гравитационных волн с помощью собственных инструментов сегодня присоединились учёные Италии, Японии, Германии, Индии. На наших глазах рождается новая отрасль астрофизики – гравитационная астрономия. Мы же можем только пофантазировать о будущем нашей планеты, когда вслед за учёными, обнаружившими гравитацию (а затем и способы антигравитации), инженеры освободят людей из плена притяжения Земли. Люди будущего, бороздящие космос, несомненно, будут восхищаться гениальностью Эйнштейна.

В 2000 году журнал «Time» провозгласил Эйнштейна «Человеком двадцатого века». Это была справедливая оценка интеллектуальной способности учёного, морального воздействия на людей и громадного вклада в развитие цивилизации. Несмотря на достаточно большое число поистине гениальных людей в различных областях человеческой деятельности, у Эйнштейна и сегодня нет конкурентов. Мне кажется, феномен Эйнштейна сравним по значимости с феноменом Моисея или Ньютона именно потому, что учёный не только приоткрыл дверь в будущее, но и приложил, как никто в XX веке, немало усилий, чтобы улучшить это будущее.

Конечно, когда мы говорим о гениальности Эйнштейна, мы имеем в виду прежде всего его вклад в теоретическую физику. Я не могу закончить своё повествование без упоминания ещё одного вклада учёного в физическую науку. Последние тридцать лет своей жизни Эйнштейн работал почти в одиночестве, вдали от тех направлений, по которым шли все физики-теоретики. Они разрабатывали, и вполне успешно, частные вопросы квантовой механики и квантовой электродинамики (это было очень важно и актуально для науки и техники XX века; они шагали со временем). Программа Эйнштейна была иной. Он упорно продолжал работать над созданием общей теории поля, охватывающей все формы физических взаимодействий.

Напомню читателю, что до сих пор физики обнаружили четыре вида сил в природе: сильные, или ядерные, электромагнитные, так называемые слабые, ответственные за любой распад

элементарных частиц, и гравитационные. Когда Эйнштейн в начале 30-х годов прошлого века стал работать над общей теорией поля, были известны только два из них: гравитационное и электромагнитное поля.

У Эйнштейна была мечта: построить целостное здание современной физики на фундаменте одного-двух уравнений. Как следствия из них можно было бы получить и квантовую механику, и теорию относительности, и все другие основные законы физики. Каждый раз, когда ему казалось, что цель близка, обнаруживались математические или физические трудности, преодолеть которые он не мог. И всё начиналось заново.

Почти все физики XX столетия считали эту задачу невыполнимой. Сегодня – это проблема №1 теоретической физики! Великий синтез всех физических явлений – дерзкая программа Эйнштейна – признана актуальной, и наиболее талантливые учёные стараются её решить. Таким образом, физика XXI века будет решать проблемы, поставленные великим учёным. Эти соображения оправдывают название нашего повествования.

Яков Фрейдин

Сан-Диего, США

ПОЧЕМУ 37? ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТАТЬИ

Это в некоторой степени научно-популярный рассказ. Здесь речь пойдёт об одном наблюдении, которое кому-то может показаться интересным, а другим скучным. Поэтому, если околону научные рассуждения вам неинтересны, то бросьте и не читайте.

Много лет назад, в другой жизни, когда я ещё жил в СССР, был у меня замечательный друг Володя Бочков, лет на восемь меня старше. Одно время я даже был его студентом, когда учился в Политехническом институте и Бочков вёл у нас курс по электронным приборам. Человек он был энергичный, подвижный, роста невысокого, после окончания института служил в авиации на космодроме Байконур. Там он имел чин лейтенанта, а потому после запуска Гагарина ему прохода не было. Обнимали, качали, автографы брали – ввиду малого роста, воинского звания и возраста принимали за космонавта.

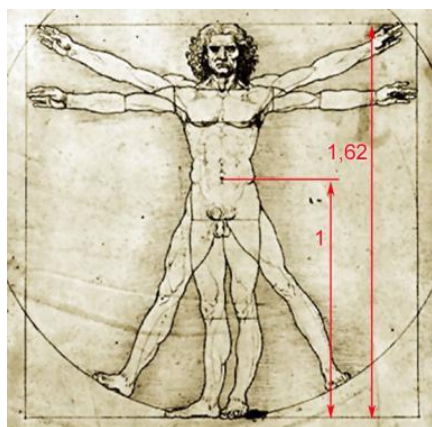
В армии схватил он неслабую дозу радиации, из-за чего постоянно мучился проблемами с пищеварением и пытался с ними бороться лечебным голоданием, впрочем, без большого успеха. Может, потому судьба отпустила ему малый срок жизни, он умер, едва перевалив за 40. До моей эмиграции мы виделись с ним часто. Близкой родни у него не было, жил он один, и для моей жены и меня стал как бы членом нашей семьи. Мы его нежно любили – это был добрый, отзывчивый и весёлый человек.

Бочков был невероятно изобретателен и любопытен, его интересовало всё. Особенно всё необычное. Образование у него было инженерное, но любимым предметом была биология. Часто повторял он слова Эйнштейна о том, что «Бог хитёр, но не злонамерен», а потому был уверен, что всё в природе создано красиво, гармонично и по одним и тем же законам. Хотя «Теории Всего» при его жизни не существовало (и сейчас её ещё нет), его острый взгляд всегда подмечал сходство в несхожих вещах. Как Эйнштейн, он старался найти какое-то математическое уравнение, которое бы описывало широкий круг явлений и предметов. Но подход у него был свой – чисто зрительный.

Он думал, что сходство внешних форм отражает сходство внутренней сути, а уравнение, которое он искал, как-то должно эту единую суть описывать. Важно для него было, чтобы уравнение это оказалось простым и красивым, ибо в конце концов Бог не злонамерен, а Миром правят красота и гармония. Бочков всегда носил с собой толстую тетрадь, куда зарисовывал

разные графики физических и химических функций, формы органов людей и животных, рисунки и обмеры раковин, рыб – всё, что попадалось ему на глаза и привлекало внимание. Однажды моя мать рассказала, что проезжая в автобусе, увидела в окне на улице промокшего под сильным дождём Бочкова, который стоял у дерева. Поток воды он не замечал и, как ребёнок, счастливо смеялся при виде какого-то листочка на ветке, форма которого, вероятно, подтверждала его теорию о единстве и красоте законов природы.

Идеалом красоты он считал «золотое сечение», или «золотую пропорцию»—число, которое показывает, что размер самой *меньшей* приметной части объекта или явления относится к его целому размеру примерно, как 0,38. Или наоборот, целое относится к размеру *большой* части как 1,62. Иными словами, 0,38 и 1,62 это разные способы выразить то же самое отношение.

Леонардо да Винчи. Витрувиан Человек

Древнеримский архитектор Витрувиус считал число 1,62 божественным или золотым, так как оно есть отношение роста человека к высоте до пупка. Витрувиус полагал, что всё созданное человеком должно подчиняться этой пропорции геометрически соответствовать телу человека – творению богов. Так «золотая пропорция» и стала основой классической архитектуры. Леонардо да Винчи в своём знаменитом рисунке «Витрувиан Человек» изобразил эту пропорцию. Он тоже был

поклонником золотого сечения и часто использовал его в своих работах, например, в «Моне Лизе».

Со времён античности золотое сечение, которое описывает идеальное отношение частей, было найдено в природе в формах многих живых организмов, в спиральях раковин, ураганов и галактик. Художники постоянно его используют в картинах, скульптурах и архитектуре. После 1950-го, по этой же пропорции в Европе были выбраны размеры киноэкрана, как наиболее удобные для зрения. По какой-то пока непонятной причине для человеческого глаза золотая пропорция наиболее приятна и гармонична. Эта загадка и занимала ум Бочкова – почему?

Естественно, в своих поисках он пришёл к красивому математическому феномену, известному как ряд Фибоначчи, названному в честь математика из Пизы начала 13-го века. В этом бесконечном ряду чисел два соседних числа находятся в отношении весьма близком к золотой пропорции, то есть к 1,618 или приблизительно 1,62.

Ряд Фибоначчи – это совершенно удивительное явление. Например, возьмите два произвольных числа, скажем, ваш день рождения. Пусть это будет двенадцатое апреля (12 и 4). Сложите их – и получите следующее число 16. Теперь сложите два последних числа (4 и 16) и получите 20. Чтобы получить очередное число ряда продолжайте складывать два последних числа и вы получите такую бесконечную последовательность чисел, где каждое число есть сумма двух предыдущих:

12 4 16 20 36 56 92 148 240 388 628 1016 ... и так далее.

Чем дальше вы идёте в этом ряду, тем ближе отношение двух соседних чисел будет приближаться к золотой пропорции. Например, поделите 388 на 240 и вы получите 1,62. Поделите 628 на 388 и вы опять получите 1,62. Независимо, с каких чисел вы начали строить ряд и какую пару соседних чисел поделите, их отношение всегда будет 1,62 – золотая пропорция.

Видимо, во многих процессах в живой и неживой природе так и происходит: каждая новая часть или ступень есть сумма двух предыдущих частей или ступеней. Что-то такое работает и в нашем мозгу, когда мы воспринимаем внешний мир. Может,

поэтому золотое сечение в зрительных и слуховых образах как бы идеально соответствует работе мозга, резонирует с ним и потому кажется нам наиболее удобным, приятным и даже красивым? Древние греки и римляне понимали красоту золотого сечения, хотя и не могли это объяснить, а потому списывали всё на волю богов.

Бочков был этим очарован и считал, что примечательный промежуток где-то между 0,36 и 0,38, можно найти в любом природном явлении. Полагал, что уравнение, которое он искал, будет иметь экстремальную точку в районе 0,37 или 37% от шкалы – близкое к золотому сечению 0,38. Мы с ним подолгу беседовали, и я обычно играл роль скептика – меня не удовлетворяло только внешнее сходство форм, без понимания внутренней сути. Это казалось мне случайностью, и я, в отличие от Бочкова, похожесть внешних форм считал недостаточной для существования какого-то общего принципа. Он огорчился моему неверию и говорил, что когда-нибудь я пойму, что он был прав: форма так просто не возникнет и красота внешняя отражает красоту внутреннюю.

Однажды, совсем независимо от наших с ним бесед, я решил разобраться с регуляцией тепла в человеческого теле. Мне это было интересно понять из-за моей работы с медицинскими приборами. Из книг по физиологии я знал, как вырабатывается тепло в теле теплокровного животного и как оно регулируется. Непонятно было только, почему в здоровом теле человека температура строго держится близко к 37°C, а при болезнях повышается? В медицинских книгах это или не объяснялось вовсе или давались какие-то туманные намёки на то, что стабильная температура повышает эффективность биохимических реакций, а жар помогает бороться с инфекцией.

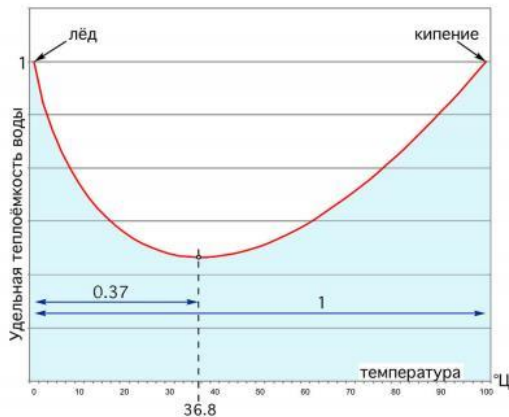
Человек на 60% состоит из воды, и поэтому я решил, что в первую очередь надо разобраться с водой. Вода – это совершенно уникальное вещество и для её нагрева нужно пропорционально больше энергии, чем для нагрева любого другого материала, то есть у неё самая большая удельная теплоёмкость. Раз так, подумал я, посмотрим, как ведёт себя вода при нагревании. Я взял толстый справочник физических величин и, к моему удивлению, увидел, что теплоёмкость воды

есть величина не постоянная, как нас учили в школе, а слегка меняется если воду нагревать от замерзания, то есть от 0°С до точки кипения 100°С. Удельная теплоёмкость сначала снижается от 1, а потом плавно опять возвращается к единице, когда вода закипает.

Не место в популярном журнале рассуждать о глубоких научных материях, однако для читателей, знакомых с физикой, упомяну лишь, что после долгих размышлений я пришёл к выводу, что удельная теплоёмкость воды должна зависеть от так называемой свободной энергии и описываться формулой энтропии:

$$c = 1 + k_1 t^\circ \ln k_2 t^\circ$$

где температура t° выражена в градусах Цельсия, а k_1 k_2 это постоянные величины. Я построил график по этой формуле, наложил его на данные теплоёмкости воды из справочника и к моему удивлению и радости они совпали совершенно точно. Тут я обратил внимание, что теплоёмкость минимальна в узком промежутке от 36 до 38 градусов Цельсия. Расчёт по формуле даёт точное значение этой температуры минимума: 36.8°С или примерно 37°С. Тут уж я совершенно оторопел – это ведь и есть идеальная температура нашего тела!

Мало того, я заметил, что на безразмерной шкале эта специальная температура равна 0,37 (принимая точку кипения

воды за 1). Я об этом рассказал Бочкову и добавил, что может быть формула энтропии и есть то, что он ищет? Он радостно воскликнул, что про формулу не уверен, но его любимое число 0,37 опять себя проявило, причём самым важным для жизни образом!

«А не случайное ли это совпадение?» – спросил я, а Бочков тут же со смехом процитировал Эйнштейна, который говорил, что Бог в кости не играет, то есть Миром правят не случайности. Я же в ответ припомнил комментарий по этому поводу Нильса Бора, который заметил: «Ох уж этот Эйнштейн! Он всегда знает, чего хочет Бог». Однако, шутки шутками, но с этим надо было разобраться – почему именно эта температура 37°C идеальна для теплокровных и почему здоровому организму важно поддерживать её с большой точностью, и главное – при чём тут теплоёмкость воды?

Первый подход был ясен – теплоёмкость может меняться, только если в воде при перемене температуры происходят какие-то молекулярные изменения. Теплоёмкость – это лишь внешнее проявление этих изменений, вроде дыма из трубы. Раз дым идёт, значит там хозяева что-то варят, но по дыму ведь не определить, какой будет обед. Надо было выяснять детали. Стал я про воду читать разные научные, популярные и даже спекулятивные статьи. Публикаций оказалось много, но по-настоящему серьёзных почти не было.

Про тяжёлую воду, что используется в атомных реакторах, литература была, но вот про самую обычную питьевую воду из крана или речки – почти ничего. Но всё же кое-что новое я узнал. Оказалось, что всем знакомое сочетание молекул водорода и кислорода, то есть H_2O , совсем не такое уж простое. Важным оказалось то, что вода не есть однородная аморфная смесь молекул, как мы обычно думаем, а может имеет некоторую структуру. Когда она замёрзшая, то состоит из твёрдых ледяных кристаллов, но вот когда лёд тает, эти кристаллы разваливаются и превращаются в жидкость.

Однако разваливаются не все. При нагреве вода сохраняет какое-то, хотя и малое, число ледяных кристаллов, которые, как обломки айсберга, в ней плавают даже тогда, когда вода уже совсем тёплая. Оказывается, что такая талая вода очень полезна

для растений в животных. Некоторые считают, что миграции китов и птиц на север для вывода потомства объясняются именем тем, что там есть талая вода, благоприятная для вывода особей. А затем весной стаи с молодняком двигаются обратно на юг, поскольку там больше пищи. Но вот если воду доводить до температуры нашего тела не от точки замерзания, а наоборот, – охлаждая от кипения, кристаллов в ней не будет, и такая вода куда менее полезна. При кипении все кристаллы разваливаются. Стало быть, вода при 37°C может быть разной, в зависимости от того, кипятили её перед этим или замораживали. От кипячёной и потом охлаждённой пользы мало.

Дальше надо было понять, что за ледяные кристаллы плавают в воде. Я стал искать статьи, где можно было про это прочитать, но на русском языке ничего не нашёл. В одной публикации была ссылка на работу с интригующим названием о кристаллической структуре воды. Автором этой статьи был Нисияма Ивао. Я написал ему в Токио, и через месяц он прислал мне оттиск. Статья была короткая, всего три страницы, но на японском языке.

Среди моих знакомых никого, кто мог читать по-японски, найти не удалось. Думал сначала, что поможет мой тесть, в молодости проживший в Токио четыре года, но он сказал, что там говорил только по-английски и по-русски, а потому помочь не мог. Выхода у меня не было. Я купил двухтомный японо-русский словарь и принялся за работу. Решил, что если переведу все слова, смогу понять смысл статьи. Это был каторжный труд – в японском языке нет алфавита и найти какой-то иероглиф в словаре – невероятно сложно. Для этого надо считать вертикальные и горизонтальные штрихи – и затем по таблицам искать подходящий иероглиф и его перевод. Провозился я месяца два, японского языка не выучил, но смысл статьи всё же понял.

Оказывается, что от замерзания до кипения кристаллики воды, в зависимости от температуры, могут иметь пять разных форм, или по-научному, быть в пяти фазовых состояниях. Третья фаза от 30 до 45°C и есть диапазон, где теплокровные животные могут существовать. Итак, с водой я разобрался, но вот почему

именно 37°C, то есть середина этой фазы? И снова я засел за книги и журналы. Интернета в те годы не было, и я проводил массу времени в библиотеках. Из работ Лайнуса Полинга, нобелевского лауреата по химии, я узнал, что молекулы воды обволакивают белки, как шуба, и в середине третьей фазы при 37°C форма водяных кристаллов идеально подходит к формам белковых молекул, что важно для поверхностного сцепления. Белки используют как кристаллы попавшие в кровь с водой, так и те, что формируют из воды сами.

Другие фазовые зоны воды тоже оказались биологически важными. Так, середина первой зоны от 0 до 15°C наиболее благоприятна для весеннего пробуждения семян, а середина второй зоны от 15 до 30°C стимулирует размножение рыб, почвенных бактерий и насекомых. Теперь картина прояснилась и связь между водой и температурой нашего тела стала понятнее. Я поговорил с Бочковым, и мы решили – теперь можно об этом написать статью в один из научных журналов.

Поскольку материала набралось много и выводы были логичны, статью я написал. Бочков в этом процессе участия не принимал – его мало интересовали публикации, да и писание не было его сильной стороной. Но поскольку именно его увлечённость золотым сечением подвели меня к уравнению энтропии, как модели теплоёмкости воды, я решил, что в статье авторами должны быть мы оба. Через пару недель всё было написано, иллюстрации готовы, и я начал отчаянные попытки опубликовать статью в каком либо подходящем журнале Академии Наук. Однако тут возникла загвоздка. По правилам того времени, любая статья в академические журналы должна была быть «представлена» каким – нибудь академиком или членкором. Поэтому я разослал копии рукописи нескольким «светилам» с просьбой дать ей зелёный ход.

Одни не ответили вообще, другие перенаправили рукопись в институты Академии. Из химических институтов приходили ответы, что эта статья биологическая и не по их тематике. Из биологических институтов советовали послать её в химический или медицинский журнал. Медицинские институты отвечали, что статья вообще не медицинская, и так далее. Никто не хотел вступать на новую и непривычную междисциплинарную

территорию. Были и ответы от научных жуликов, которые прозрачно намекали, что если мы расширим число соавторов, включив их имена впереди моей и Бочкова фамилий, то шансы на публикацию возрастут. От этого мы категорически отказывались.

Так продолжалось наверное с год до апреля 1976 года, когда я наконец отправил рукопись главному редактору журнала «Экология» академику С.С. Шварцу. Его секретарша позвонила мне через неделю и сказала, что академик приглашает меня на разговор. На следующий же день после звонка я появился в его кабинете. Он встретил меня очень приветливо, обо всем расспросил – какое у меня образование, чем занимаюсь, почему меня заинтересовала эта тема.

Потом он сказал, что наша с Бочковым статья – это самая оригинальная и свежая работа, которую он видел за последние годы. Но добавил, что в рукописи есть целый ряд недочётов, связанных в основном с тем, что её писал всё же не биолог и не биохимик, а электронный инженер, да и ряд вопросов остался без ответов. Вот, говорит, возьмите птиц – у них ведь температура не 37, а где-то 40 градусов. Как это объяснить? Тем не менее, сказал, что обязательно напечатает статью в своём журнале, но сначала в рукописи надо некоторые вещи изменить, дать объяснение по птицам и другим теплокровным, убрать неточности и исправить формулировки. Сказал, что сам поможет мне привести рукопись в правильный вид. Пригласил меня прийти снова и вызвал в кабинет секретаршу, чтобы найти для нашей с ним работы свободное время в его плотном расписании. Ушёл я от него окрылённый – этот чудный человек не только был готов работу опубликовать, но и предложил помочь её отредактировать и, в отличие от некоторых, в соавторы не навязывался.

В тот же день я позвонил в Таллинн своему знакомому орнитологу Пээту Хорма. Он прикреплял на спины птицам миниатюрные радиопередатчики, отпускал птиц на волю, а потом на расстоянии записывал их температуру в полёте и в гнездах. Пээт обещал прислать мне данные своих опытов. Вскоре я получил от него таблицы, из которых следовало, что в

полёте температура тела птицы может достигать до 43°C (тепло не успевает быстро рассеиваться), но вот когда птичка спокойно спит в гнезде, её температура опускается до того же оптимума в 37°C. Так всё стало на места.

В назначенный день, тёплым майским утром я пришёл в Институт Экологии для встречи с академиком Шварцем. Когда я поднимался на второй этаж к его кабинету, меня поразила какая-то напряжённая обстановка. С угрюмым видом пробежали сотрудники, в коридорах стояли группы людей, о чём-то перешёптывались. Я открыл дверь приёмной и увидел секретаршу в слезах. Ещё не понимая, что тут происходит, я пробормотал, что у меня назначена встреча со Станиславом Семёновичем. Сквозь рыдание она мне ответила, что нынешней ночью академик Шварц умер. Ему было всего 57 лет.

Вместе с ним умерла и надежда опубликовать статью о температуре тела человека.

Бочков со свойственным ему оптимизмом сказал: «Не отчаивайся. Прорвёмся. Чёрт с ней, с Академией, это болото. Давай переделывай статью другими словами, для широкой публики». Мне эта идея понравилась, я рукопись укоротил, убрал специальные термины, переписал всё простым языком и отправил в научно-популярный журнал «Химия и Жизнь», что казался мне наиболее подходящим по теме.

И действительно, журнал статью сразу принял, а в редакции какой-то штатный борзописец её ещё лихо обкорнал и «подправил» по своему разумению. Тем не менее, в сентябрьском выпуске журнала за 1976 год ужатая и исковерканная статья вышла под придуманным редакцией заголовком «Тепловой датчик – структура воды», что с моей точки зрения было неверно, но махать кулаками было поздно, да и ненужно. Птичка вылетела из гнезда. Это была моя единственная публикация вместе с моим другом Володей Бочковым.

Часть 6

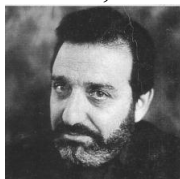
Проза:

рассказы, эссе, очерки, мемуары

Евсей Цейтлин

Чикаго, США

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ. НАДЯ РУШЕВА (в сокращении)

Художники часто уходят из жизни, не узнав славы. К Наде Рушевой известность постучалась рано. О ней писали статьи, ее снимали кинооператоры, выставки Надиных работ демонстрировались в Москве, Ленинграде, Варшаве... Тысячи людей запомнили мягкую, немного печальную улыбку подростка, открывающего для себя мир, глубокие, чуть раскосые восточные глаза...

А Надя до пятнадцати лет играла в куклы. В семнадцать ее не стало.

Одна из лучших статей о ней – журналистки Лидии Графовой – называется «Загадка Нади Рушевой». Та же мысль есть и в других публикациях.

Большой талант всегда удивляет. Его загадку невозможно разгадать до конца. Но можно понять корни. Мне кажется, в Кызыле я отчасти понял «тайну» искусства Нади Рушевой.

Я ходил по республиканскому музею – деревянному зданию, снаружи украшенному затейливой резьбой и похожему на корону: она венчает все еще тихие улицы города. В короне не поддельные, а натуральные сокровища: музей уникален. В одном из залов экспонировалась небольшая выставка рисунков Нади Рушевой. Оригиналов было несколько, в основном – копии. Но не зря у этих работ толпились люди. Казалось, Надины рисунки на редкость «к месту». Они выглядели равноправно не только рядом с шедеврами знаменитых тувинских камнерезов: та же стремительность, наивность и мудрость линий. Они были чем-то сродни горам окрест – юным и древним; Енисею, который зовут здесь Улуг-Хемом и который у Кызыла сливается из двух рек – Бий-Хема и Каа-Хема.

В Туве часто думаешь о началах начал. О том же заставляют размышлять и рисунки «девочки по имени Жизнь» (так назвала Надю критик Н. Железнова).

Признаюсь: я долго сомневался. Казалось, в сопоставлении «Тува и Надя Рушева» больше поэтической метафоры, чем точности, что меня привлекло внешнее: я знал, что мама Нади Наталья Дойдаловна Ажикмаа была одной из первых тувинских танцовщиц, отец – художник Николай Константинович Рушев – много сделал для развития культуры в республике, что в 1978 году Наде присуждена посмертно премия комсомола Тувы.

Всегда боишься схемы, когда думаешь о чужой судьбе, тем более судьбе трагической. Однако спустя несколько месяцев, в Москве, Виктор Михайлович Киселев, один из исследователей творчества художницы, сказал:

– Вы правы. В Туве и вообще на Востоке – сильные корни этого дарования. Хотя можно сказать и по-другому: корни – в семье...

Вот и пишу сейчас о жизни одной семьи. Мать. Отец. Дочь. Подумаем о каждом из них. Но сначала – все-таки о дочери.

Помню, как читал ее письма, сейчас частично опубликованные. В оговорках, повторах, излюбленных стилистических конструкциях слышался человеческий голос. Он был еще детский, но уже становился взрослым.

Послушаем этот голос.

Вот письма Олегу Сафаралиеву – Алику, как звала его Надя. Они познакомились на III слете пионеров в «Артеке» в 1967 году, вместе работали в пресс-центре.

В письме можно легко, не краснея, поделиться мечтой, представлением о счастье. Можно даже вообразить свою будущую любовь. Между прочим, вскользь Надя заметит о рассказах Грина: «Позорный столб» и «Сто верст по реке» оканчиваются одним предложением: «Они жили долго и умерли в один день». Тебе нравится такой конец? Мне – да». В ее письмах вообще много о чтении: вместе с книгой Надя осмысляла жизнь, книга подсказывала темы рисунков. Она

пишет Алику, что читала японские пятистишия, теперь хочет сделать иллюстрации к ним. Расскажет: «По литературе

проходили Достоевского, «Преступление и наказание». Теория Раскольниковва очень интересна. (...) Как ты думаешь?» Это из письма от 2 февраля 1968-го. Через полгода она посоветует: «Прочти Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Или: «Если не читал М. Булгакова «Мастер и Маргарита», обязательно прочти!» Последние слова Надя выделила.

Прожито немного, но у человека уже свои тайны, свое – пусть совсем небольшое – прошлое. В письмах есть то, что известно только двоим: «В последний вечер у моря я, кажется, сглупила. Ты не сердишься? И не смеешься?»

В юности люди много грустят. В душе как бы сталкиваются два мира – детский и взрослый. В одном – гармония сказки, вера: все сбудется; в другом – несостоявшиеся судьбы, болезни, смерти, любовь далеко не всегда похожа на ту, о которой прочел у Грина. Юность обладает даром прозрения, даром неожиданно точного душевного анализа. «Ты, видимо, еще действительно в детстве, – обращается Надя к Алику. – А мое понятие уж какое есть – не отступлюсь... С тобой ничего подобного, видимо, не происходило. Потом узнаешь. Тоска пойдет зеленая. Но легче, если есть друзья».

Надя с ее тонко развитым внутренним слухом видела себя как бы со стороны. 29 февраля 1968 года: «Я теперь на все смотрю по-другому. Все, что было тогда, – это прощание с детством, и никогда ничего подобного не будет».

Она становится взрослой быстро. Письма не просто отражают этот процесс – сами по себе являют Наде материал для размышлений. 4 марта 1968-го: «Ты когда-нибудь перечитывал мои письма? Если да, то интересный вывод сделать можно. Как и на твоих письмах. Есть некоторые повторения, и нужные и ненужные. Какие-то смешные детали... В последнее время письма, естественно, поинтереснее. Есть веселые и грустные, тяжелых нет».

Она играла в куклы, но не хотела задерживаться в детстве. Любила школу, но мечтала быстрее с нею проститься. «Поздравляю с началом учебного года! – воскликнет Надя в письме.– Последнего (слава богу) года в школе. Думаю, ты того же мнения». Впереди было творчество. Надя знала: это жизнь тяжелая, но и счастливая – единственно для нее возможная.

Приходило признание. Многие взрослые люди не могут встретить его достойно – растерянно мечутся из крайности в крайность. Надя оказалась подготовленной к испытанию известностью. У нее хватит юмора и такта заметить Алику: «Насчет «великой» художницы... Ну что ты. Куда там. Ах, Алька, Алька! Смешной ты, славный мальчишка!»

Во время этой переписки Наде пятнадцать-шестнадцать лет. И она очень хочет выяснить свои отношения с миром. Надя предлагает товарищу ответить на знаменитую анкету дочерей Маркса. Ответит на нее и сама. Самым большим достоинством в людях признает «доброту, человечность, непосредственность». Своим отличительным качеством назовет легковерие. Внимательно прислушается к самой себе: «Представление о счастье? Дружба. О несчастье? Одиночество (т. е. нет друга). Антипатия? Математика, физика, химия и несколько мальчишек. Любимое занятие? Рыться в книгах, рисовать, болтать с друзьями. Любимый поэт? Маяковский, Евтушенко, Пушкин. Прозаик? Л. Толстой. Герой? Пьер Безухов, Маленький принц. Героиня? Наташа Ростова. Блюдо? Мороженое».

Детство кончается, но порог взрослой жизни еще не перейден. Она этот порог так и не переступит.

В ее комнате, где Наталья Дойдаловна оставила все, как было при Наде, я увидел игрушки и серьезные монографии по искусству, куклы и фломастеры.

...Несколько писем Нади. Небольшой отрезок ее духовной жизни. Что было до этого? Талант часто появляется как бы ниоткуда. Взрастает, не имея никакой почвы. Будто вдохновение – капризная птица – залетело в этот мир и опустилось где придется. Но тут все не так. В семье Рушевых-Ажикмаа знали, что такое вдохновение.

В Туве мне много рассказывали о Наталье Дойдаловне. О том, что она сделала. И о том, что могла сделать в национальном балете. «Одна из первых звездочек тувинского театра, – ласково говорил народный писатель Степан Агбанович Сарыг-оол. – Обидно: кому-то пришлось в голову закрыть балетную труппу, Наташа уехала...» «До сих пор помню все ее танцы», – рассказывал председатель правления Союза композиторов Тувы Чыргал-оол.

Я видел книги с иллюстрациями Николая Константиновича, вчитывался в длинный список оформленных им спектаклей в разных городах страны: Островский, Кальде-рон, Симонов, Лермонтов, Толстой, Лесков...

Нет, о родителях Нади можно говорить не только в связи с их знаменитой дочерью. Их образы не потускнеют при этом. Дети отражают нас и идут дальше.

...Среди работ Николая Константиновича часто мелькает одно лицо. Художник рисовал его, не уставая и не повторяясь. Женщина очень красива и всегда как бы опьянена жизнью. Даже если она спокойно смотрит на нас, кажется: вот-вот начнет танец...

Что придавало ей эту веселость, ощущение ежедневного праздника? Может быть, сопротивление жизни, которое, как считал Горький, создает человеческую личность. В два года Наташа потеряла мать, брата, других родственников: по Туве с черным посохом прошла оспа. В десять лет она отправилась за тридцать километров в школу-интернат. Учась в седьмом классе, поступила в театральное училище.

Как они нашли друг друга, родители Нади, люди, жившие, что называется, в разных мирах?

Николай Константинович Рушев был увлечен Востоком. Люди часто отказываются от собственной любви, будто боятся ее. Но Рушев всегда оставался верен своим привязанностям. Его жизнь, до того как в нее вошел Восток, кажется прелюдией. Николай Константинович родился через год после революции, окончил художественно-декоративный факультет Московского текстильного института, работал в разных театрах столицы, в том числе в Малом. Осенью 1945-го он приехал в Туву.

Осень в Кызыле спокойно-торжественна. Краски природы резки, но не спорят друг с другом. Вода в Улуг-Хеме тяжела. Листья падают медленно. В такие дни думаешь о неторопливой вечности. Хочется остаться в Туве навсегда. Жить долго. Любить счастливо. Уходить с детьми в горы. Покупать на базаре кислое молоко, ягоды, мед разных сортов, рыбу, маленькие сладкие арбузы.

Николай Константинович шел по утрам в театр мимо одноэтажных деревянных домиков. Он делал оформление к спектаклям, решал множество проблем. Среди них были и обычные: где достать материалы? как успеть, не имея помощников, выполнить до премьеры все работы? Но были и вопросы специфические, определенные «местом и временем действия», как пишут в ремарках пьес. Надо было понять, в чем своеобразие тувинского театра: пусть как профессиональный коллектив он возник впервые, но ведь существовал и раньше, уходя корнями в народные праздники, шаманские камлания. Надо было решить: как с помощью оформления облегчить восприятие спектакля скотоводам-аратам, впервые пришедшим в театр?

В одной из комнат театра шли репетиции балетной труппы. Там впервые обозревался, учитывался складывающийся веками театральный репертуар Тувы. Там впервые в республике ставили... нет, еще не балеты – балетные миниатюры на музыку Чайковского, Шопена, украинские, русские, кавказские танцы...

Там солировала девятнадцатилетняя Наташа Ажикмаа. Она пользовалась большим успехом и в Кызыле, и в дальних селах. Я

видел фотографию Натальи Дойдаловны в газете тех лет – рядом со статьей о будущем тувинского театра. В ее глазах, как и на портретах Николая Константиновича, жил праздник. Годы можно сжать в несколько строчек письма. Анатолий Васильевич Шатин, организовавший первую в Туве балетную труппу, писал Наталье Дойдаловне: «Очень живо встает время нашей горячей работы, училище, пионерлагерь, гастрольная поездка по живописным районам Тувы. Ведь я до сих пор люблю ее».

Совсем разные люди жили в одном ритме. Ритм подсказывала эпоха. Николай Константинович тоже много работал. И в свободное время он тоже отправлялся в путь. Заходил в юрты кочевников, слушал народных певцов, срисовывал орнаменты с древних сундуков, ножей, национальных костюмов. Был молод; производил свою должность – «главный художник», не делая ударение на первом слове. В одном из номеров той же кызыльской газеты была напечатана заметка о поездке волейбольной команды Тувы в Абакан, среди особо отличившихся игроков назван Николай Рушев.

Дни легко складывались в недели и месяцы. В августе 1946-го они поженились. Сначала жили у двоюродной сестры Наташи, которая была замужем за поэтом Саган-оолом. Потом комнату дал театр. Там не было печки; Наташа по утрам выбегала по шаткой лестнице во двор – готовить мужу завтрак. Было весело. Жизнь обещала только хорошее. К зиме печку сложили. По вечерам, свободным от спектаклей, они вслушивались в таинственную воркотню своего домашнего очага. Пытались представить будущее: сколько у них родится детей, какие роли выпадут Наташе, куда отправятся странствовать...

Поездки действительно сбылись. Был Таджикистан, Николай Константинович работал в театре имени Маяковского, Наташа танцевала в театре оперы и балета. Он опять открывал для себя Восток – в кишлаках, музеях, на шумных базарах. Были друзья, встречи, надежды, которые не осуществились. Все это давно смялось, отцвело в памяти – как отцвели фотографии.

Потом был Улан-Батор, Николай Константинович учил монгольских театральных художников, ездил в аймаки, зарисовывал многочисленные статуэтки будд; Наталья Дойдаловна преподавала в театральном училище. Надя родилась в январе

пятьдесят второго. К этому времени подходил к концу срок командировки, и они вернулись в Москву. До этого Наташа ездила в столицу один раз – вскоре после свадьбы. Тогда Москва не понравилась: было холодно; она читала раньше про метро, но все равно никак не могла привыкнуть к тому, что люди передвигаются под землей, как муравьи. Запомнился парк имени Горького: там показывали трофейные немецкие самолеты. Теперь они поселились в Москве с родителями Николая Константиновича – шестеро в двух комнатах коммуналки у Даниловской площади.

Человек может проститься со сценой, но сцена никогда не простится с ним. И даже когда покажется: все кончено, – напомним о себе неожиданно, больно. Конечно, Наталья Дойдаловна нашла бы работу в Москве – например, исполняла бы в эстрадных концертах восточные танцы. Но она решила отдавать все свое время дочери. Танцы снились по ночам. Днем, по-прежнему улыбаясь, она кружилась по комнате. Улыбка выходила грустной. Долгие годы Надя была ее единственным зрителем. Перед одним человеком выступать не менее интересно, чем перед целым залом. Он волнуется, просит повторить номер, увлекается, расспрашивает, вместе с артистом смеется, а иногда и плачет.

Так Надя узнавала Туву.

Это была юность и любовь родителей. Сказки мамы. Рисунки, которые отец делал для кызыльского издательства и которые она жадно рассматривала – придумывала по рисункам то, чего не было, но что могло быть в книге.

Надя, как все дети, раскрывала семейный альбом.

Вот мама танцует свой любимый танец «Звенящая нежность» – как идет ей белое платье с тувинским орнаментом!

А на этих страницах надо по слогам разбирать надпись: «Организация Государственного тувинского музыкально-драматического театра». Мама все танцует, танцует, танцует; выступает первый тувинский цирковой артист Оскал-оол – дух захватывает, когда он жонглирует на туго натянутой проволоке; снимки декораций, сделанных папой...

Мама первый раз голосует на выборах в Верховный Совет.

Снова мама. Гордая – с медалью, в синем пиджаке, который до сих пор висит в шкафу: медалью и отрезом материала наградили одновременно.

Мама с артистами у каменной бабы – говорят, их много в Туве. Папы нет в кадре, но он рядом – фотографирует.

Открытие художественной выставки, где есть и работы отца. Вот он сам! Волнуется...

Опять гастрольная поездка. Горы. Река. Утро. Артисты весело улыбаются.

Тува врывается в их дом вместе с гостями из Кызыла. Они привозили дальние запахи. Неведомую, но чем-то родную, будто однажды забытую гортанную речь. Рассказы о людях, которых все знали, кроме Нади, а потому, казалось, знала и она. Приезжали писатели, художники, учителя, артисты, а порой – приятели приятелей: им передавали адрес Рушевых как эстафету, когда негде было остановиться в Москве. Варили мясо, пили чай, пели протяжные, не имеющие конца песни. Николай Константинович и Наталья Дойдаловна грустили. И каждый раз ничуть не сомневались, что скоро опять поедут в Кызыл.

Еще ходили на московские выставки и концерты тувинцев. Волновались. Заглядывали в лица зрителей: понравилось ли? Будто выступали и выставлялись сами.

Наде было три года, когда вместе с Натальей Дойдаловной она в первый раз прилетела в Туву. Был май. Уехали в августе. На глазах у девочки наполнялась зрелостью природа. Это был мир из сказки, не похожий на их московскую улицу с каменными домами. Обрато ехали шесть суток поездом. За окном промелькнуло полстраны, но первое время Надя не смотрела в окно: она плакала, вспоминая маленькую козочку, к которой безбоязненно подходила играть. Потом, когда во дворе у нее спрашивали, кто ты, гордо отвечала: «Тувинка».

Второе путешествие совершили всей семьей – участвовали в съемках фильма «Люди голубых рек». Николай Константинович делал эскизы костюмов, Наталья Дойдаловна исполняла национальные танцы. Съемки шли полтора месяца, в основном – в красивейшем Чаданском районе. Родители смотрели Туву, сравнивая «тогда» и «теперь»; дочь хотела увидеть и нарисовать все. Наде было семь лет. Она удивляла окружающих своей

памятью. Толстой делил жизнь человека на семилетия, которые составляют своеобразные этапы в существовании личности. Тува завершала первое семилетие жизни Нади Рушевой.

Трудно разглядеть формирование таланта. Но, может быть, это и есть самое интересное: проследить, как посреди однообразных буден вдруг вспыхивает яркий огонек, озаряющий жизнь.

Формирование и суть ее дарования пытались понять многие.

Академик живописи Василий Ватагин назвал Надю «гениальной московской школьницей». И позднее повторил: «Да, гениальной – теперь уже нечего бояться преждевременной оценки».

Старый пушкинист Арнольд Ильич Гессен задумался: «На девяносто пятом году своей жизни я привык ничему уже не удивляться. Но – Надя Рушева! Откуда у этой девочки такое глубокое и изящное чутье художника? Откуда такое ясновидящее проникновение в дух и настроения Пушкина и его эпохи?»

А я вспомнил два изображения Нади, которые привлекли внимание многих, но которые никто, по-моему, не сопоставил.

Сохранился снимок: маленькая Надя рисует. Рядом записаны слова, подслушанные отцом: «Какая-то слива получается... Или нет? Это, пожалуй... пароход. Ах, нет, нет! Это печка. А Емелька две подушки положил и ушел...»

Не стоит умиляться этим эпизодом – так часто рисуют дети. Но дело в том, что и последнее изображение рисующей Нади схоже по сути с первым. Вот, не обращая внимания на кинокамеру, она идет по пушкинскому парку, иногда останавливается: в руках прутик, на снегу остаются рисунки...

Прав Лев Кассиль: «Она рисовала сердцем». Здесь отгадка многого.

После смерти Нади осталось более десяти тысяч работ. Обычно это результат большой и насыщенной творческой жизни. А Наде Рушевой был отпущен короткий срок, да и в эти недолгие годы она рисовала не более чем по часу в день. Было некогда: занятия, чтение, подруги, письма.

И Надя и ее родители понимали: нельзя «производить» рисунки – надо ими жить. Просто жить... «Она рисовала сердцем» – брала фломастер, перо и писала свой дневник. В дневнике не бывает черновиков, вариантов.

«Она рисовала сердцем». Здесь отгадка и того, почему рисунки Нади Рушевой нашли дорогу к другим сердцам. Конечно, восхищаешься мастерством художницы, не получившей специального образования. Но дело не только и не столько в этом. Л. Графова цитирует слова о Наде академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Надя – хороший человек и потому хороший художник. Понимаете ли, это кристаллизация чистоты духа...»

В четырнадцать лет Надя поехала в Польшу, где выставлялись ее работы; увидела узкие улочки, древние костелы, музеи, сверстников... Случайно ли появился на одном из рисунков Освенцим – нет, не бараки, только лицо долго и много страдавшего человека... «Зорко одно лишь сердце...» – писал Экзюпери.

Она легко переводила в «настоящее время» книги любимых авторов. Находила ответы на свои вопросы у Шекспира и Диккенса, Блока и Войнич, Гофмана, Гюго... Ее рисунки к художественным произведениям не всегда можно назвать иллюстрациями – это опять-таки дневник. Особенно Надя сдружилась с героями Булгакова. Меня поразили молодые лица Мастера и Маргариты, их не только вневременность, но и современность. Наверное, об этом думала и Елена Сергеевна Булгакова. Она написала на переплетенных журналах с романом, которые читала художница: «Как я грущу, что не знала это необыкновенное существо – Надю Рушеву».

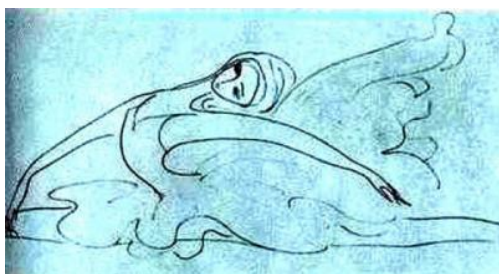
Не в том ли и тайна ее пушкинианы? Некоторые критики считали, что Надя сознательно подражала почерку поэта, его знаменитым абрисам. Но сходство манер было основано все же на другом. Надя по-своему прожила жизнь Пушкина, особенно – детские годы.

Ее пушкиниана пронзительна и мудра. К рисунку «Умиравший Пушкин» (1968) можно отнести название другой работы – «Прощайте!» (1969). Лицо поэта спокойно; кажется, он

уже предчувствует встречу с вечностью. А в стороне, в углу, виднеется занавес, скоро его задернут...

В 1968 году в музее Толстого экспонировались ее иллюстрации к «Войне и миру». Притягивала всех композиция «Наташа счастливая мать». Рядом с Ростовой играли три дочки, сына она держала на руках. Наивно строить догадки, но, возможно, сама Надя думала о счастье материнства. В рисунке легко увидеть не только любимую героиню художницы, но собственную ее мечту.

...Мы с Натальей Дойдаловной долго смотрели работы Нади. Они хранятся в папках, тщательно разобранные Николаем Константиновичем по темам. Смотрели, разумеется, не все – в основном циклы «Балет», «Тува и Монголия», «Эллада», «Мир животных». Я опять пытался прочитать Надин «дневник». Особенно – тувинские страницы.

Балерина Майя Плесецкая – Умирающий Лебедь

Здесь поражало сочетание красок с точным ощущением хода жизни. В рисунке «Тувинская мать перед рассветом» я увидел раннее, еще сиреневое утро, которое всегда удивляло в Туве. Молодая женщина разбрызгивала в разные стороны молоко: согласно народной примете она задабривала духов. «Ритуальный танец тувинского шамана» был пронизан розовым цветом надежды. Человек рвется к истине. Этот порыв причудливо изломал его тело. Тревожно вздымается перекинутая через плечо шкура. Кажется, истина близка.

«Я очень люблю танец. Танцы – это что-то необыкновенное: жизнь и ритм. Мне легко жить, когда я думаю о танце». Надя Рушева могла бы сказать о себе этими словами Матисса. Понятно, почему она так много рисовала балет. Она помнила

трудно угасающее вдохновение матери. Здесь был простор ее воображению. Автор очерка о творчестве художницы Г. В. Панфилов пишет, что свои раскадровки балетов «Анна Каренина», «Кармен», «Гамлет» Надя создала еще до того, как они были поставлены. А в Надиных папках – эскизы к балетам «Зоя», «Дикие лебеди», «Незнайка»...

Наталья Гончарова, жена Пушкина

Она рисовала по воображению, отдаваясь мощному потоку своей фантазии. Но среди Надиных работ немало строго реалистических. Вот «Отдых балерины»: усталый человеческий взгляд, в котором любовь к искусству смешана с предчувствием прощания с ним. Фантазией рождены многочисленные животные на рисунках Нади. Однако здесь не только вымысел – чувствуются и живые наблюдения Нади в Туве. Вольно ли или невольно она продолжала традиции тувинской анималистики. Не зря такие надежды возлагал на нее знаменитый анималист Ватагин.

...Многие Надины работы еще ждут своего срока. Это горько. Но я вспомнил ранние стихи Марины Цветаевой.

Показалось, что слышу интонации Нади Рушевой – голос юного таланта, прозорливо видящего свое будущее:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет...

.....

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Смерть неумолима. Единственное, что может сделать человек, – это принять смерть с достоинством.

Не хочу подробно писать о том, как умерла Надя. Трудно писать о несправедливости жизни. Они с Николаем Константиновичем только что вернулись из Ленинграда в Москву – после съемок фильма. Вечером Надя рассказывала маме смешные истории о своей «киножизни». Утром, после завтрака, ей стало плохо. Обморок. «Скорая помощь». Бессилие врачей.

Она умерла легко. Точно кто-то невидимый задул свечу. Будто сама природа взяла назад то, что так щедро подарила человечеству...

1981

Сергей Голлербах

Нью-Йорк, США

В ЗАЩИТУ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Если представить себе шкалу ценностей в области творчества, то на вершине ее находятся гениальные личности. Дальше по нисходящей линии идут великие, выдающиеся, знаменитые и известные люди. Под этим проводится черта, и под нею мы видим посредственности, бездарности и ничтожества. Всё, казалось бы, находится на своем месте. На самом же деле положение гораздо сложнее. Времена меняются, и люди,

которых считали выдающимися, низводятся до категории просто известных, а то и вовсе забываются. Но иногда их возводят в великие. Даже понятие гениальности не так уж просто.

Гениальным был Леонардо да Винчи, живописец, скульптор, инженер, ученый и изобретатель. Гений его был многосторонен. Но вспомним стихотворение Пушкина, в котором «мимолетное виденье» названо «гением чистой красоты», то есть чисто физическим, односторонним явлением. И, действительно, односторонних гениев в истории человечества не так уж мало. В области музыки им был, несомненно, Вольфганг Амадеус Моцарт, а его соперник и, по слухам, его убийца, итальянский композитор Антонио Сальери, причисляется к посредственностям.

В фильме «Амадеус» актер Муррей Абрахам, играющий роль Сальери, произносит одну замечательную фразу: «Я – святой – покровитель посредственности». Это фраза запомнилась мне, и я хочу рассказать почему. В течение двадцати лет я преподавал живопись в художественной школе при Национальной Академии Дизайна в Нью-Йорке.

Помимо этого, меня часто приглашали проводить семинары по живописи в разных штатах Америки, и я побывал в двадцати пяти из них, на северо-востоке и северо-западе, юго-востоке и юго-западе и в центральных штатах, во многих по нескольку раз. Эти семинары дали мне возможность хорошо ознакомиться с уровнем культурной жизни в этой стране, и в моих классах побывали сотни и сотни студентов всех возрастов и размеров их художественных способностей. Сравнительно небольшую их часть составляла талантливая молодежь, избравшая себе трудный и непредсказуемый путь художника. Большинство же студентов оказывались женщины и мужчины зрелого, а часто и пенсионного возраста.

В большинстве американских художественных школ приемных экзаменов не существует и записываться может всякий, кто хочет рисовать или писать красками; трудности, с которыми встречается преподаватель живописи, естественно, велики.

Что ему делать со студентами, к которым подходит это презрительное слово «посредственность»? Должен сказать, что преподавательская деятельность меня многому научила,

особенно в области обращения с людьми. Я понял, что задача преподавателя заключается в том, чтобы правильно оценить возможности студента, не требовать от него того, чего он не может осилить, не «ранить» его жестокой критикой, а помогать ему решать малые задачи, ему посильные. Исключения заслуживают лишь те, кто пришел в класс не для учебы, а для развлечения. Бывали и такие, но они вскоре сами уходили.

В результате у меня сложилось твердое убеждение в том, что художественный уровень страны определяется не столько знаменитостями, звездами, сверкающими где-то высоко, а многочисленными честными тружениками на ниве искусств. Они, действительно, «не хватают звезд», но создают ту почву, на которой может вырасти большое дарование, эти честные труженики не заслуживают презрения и нуждаются в защите от насмешек, в покровительстве. Об этом и говорил Муррей Абрахам – Антонио Сальери, и я согласен с ним. Почти все мои студентки были женами известных адвокатов, врачей и бизнесменов.

В молодости они увлекались искусством, но потом повыходили замуж, стали женами и матерями. Когда их дети выросли и пошли в колледжи и университеты, у них оказалось свободное время и они решили вернуться к искусству. Мужья их продолжали работать, они были финансово обеспечены, становиться профессиональными художницами им не надо было, и их любовь к искусству была чиста. Для творческого человека такое положение идеально, никаких забот о будущем и полная свобода делать то, что хочется.

Впрочем, не всегда. Бывали случаи, когда мужья не сочувствовали увлечениям своих жен. А если и сочувствовали, то все же не все было гладко. Вспоминаю такой разговор с одной из немолодых уже студенток.: «Мой муж – замечательный человек, добрый, щедрый, прекрасный отец наших детей. Но искусство, музыка, театр ему чужды. В музеи его не затащить, в театре он засыпает. Летом он любит удить рыбу, осенью и зимой он смотрит футбольные и хоккейные матчи по телевидению. Только с вами в классе я могу говорить об искусстве». Что мог я на это ответить? Только сказать: «Я вас хорошо понимаю» .

Меня приглашали также быть арбитром на небольших провинциальных выставках и после раздачи призов высказать о них мнение.

Вот что я обычно говорил: «Вне зависимости от того, получаете вы призы или нет, покупают ли ваши картины, – все вы делаете важное дело; в течение многих столетий наша культура создавалась такими людьми, как вы, в семьях, где любили музыку, читали стихи, рисовали цветы и пейзажи, устраивали любительские спектакли. Вы все – любители, а не профессионалы, и ваша любовь к искусству создает почву, на которой растет культура». И я, действительно, так и думаю.

Конечно, такой подход не уничтожает шкалу ценностей, она необходима, но придает ей более гуманное, человеческое лицо. К сожалению, я встречал людей, которые всегда кого-то признают, а кого-то не признают.

В Америке существует множество благотворительных обществ, которые защищают кого-то и что-то. Почему не быть здесь Обществу по защите посредственностей, в скобках – честных тружеников и храбрых воинов, а не боссов или генералов на конях? Почетным президентом этого общества станет давно уже покойный Антонио Сальери, святой-покровитель всех тех, кому не удалось достигнуть той степени мастерства, которое вывело бы их из категории посредственности, можно было бы создать и могилу Неизвестного художника с эпитафией: «Я сделал в жизни все, что мог, но...».

Повторю, что все вышесказанное никак не умаляет нашего восхищения гениальными личностями, но устанавливает некую справедливость в оценке творческих людей. Справедливость во всем ох как нужна нам в нашей сложной и запутанной жизни!

Элеонора Мандалян

Лос-Анджелес, США

ДЖУНА. ГЛАВА ИЗ МЕМУАРОВ

(в сокращении)

Летом 1984 года мы с мужем и младшим сыном отдыхали в «Форосе», на Даче Тессели. (Муж, Христофор Мандалян, в ту пору был заведующим орготделом ЦК КП Армении, и ему полагались путевки в цеховские санатории союзного масштаба.)

Форос – самая южная оконечность Крыма, на мысе Сарыч, с маяком, похожим на шахматную ладью. А Дача Тессели – двухэтажный особняк, построенный в конце XIX века царским генералом Николаем Раевским, подаренный Сталиным Максиму Горькому, а после смерти писателя включенный в курортный комплекс «Форос». Со временем ее приспособили для отдыха партийных работников, так сказать, второго звена. В то лето ее вместе с нами – дверь в дверь – делил Александров с супругой.

Андрей Михайлович Александров-Агентов (1918–1993) – личность более чем известная, хоть и занимал теневые позиции. Не случайно его на Западе окрестили «советским Киссинджером». Это был высоко интеллигентный человек, получивший солидное университетское образование, свободно владевший пятью языками, обожавший поэзию и, как никто, разбиравшийся во внешней политике. Более 20 лет он оставался бессменным помощником по внешнеполитическим делам у четырех генсеков – Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева.

Когда мы познакомились в Тессели, Андрею Михайловичу было уже 66, что ну никак не отражалось на его подтянутой

фигуре, холеном лице и прямо-таки юношеской подвижности. О таких говорят: живчик.

Уж не знаю почему – от скуки ли или от дефицита общения, он постоянно искал нашего с мужем общества, то приглашая вечером к себе – на бутылку коньяка, то напрашиваясь к нам в гости. (Забавно, они с женой обращались друг к другу на «вы», хотя были вместе со студенческих лет.) Им с Христом было о чем поговорить, и они подолгу беседовали на разные темы, включая, разумеется, и политику. Днем мы обычно пересекались на пляже. Никогда не забуду тот день, когда, по милости Андрея Михайловича, я чуть не отдала концы.

Я уже серьезно заболела тиреотоксикозом, но еще не понимала этого, не зная, что мне категорически противопоказано пребывание на солнце. Мы же купались и загорали на полную катушку, тем более что в Форосе больше и делать было особенно нечего, а мы с мужем обожали море. Александров предложил мне устроить заплыв до маяка. Плавал он отменно. Я едва за ним поспевала. У меня началась сильная тахикардия, я задыхалась и захлебывалась, стараясь не показать вида, что мне плохо. А он плыл чуть впереди и без устали декламировал мне стихи, даже не сбив дыхания.

Мне чудом удалось доплыть до берега. Заметив, что я не в себе, Андрей Михайлович и его жена, Маргарита Ивановна, неожиданно проявили ко мне живое участие. Они рассказали, что есть одна очень сильная экстрасенс по имени Джуна, которая лечит членов политбюро, и что сами они частенько прибегают к ее услугам и даже «обязаны ей второй молодостью» и предложили познакомить меня с ней, когда я буду в Москве.

К осени мне стало совсем худо и муж положил меня в больницу 4-го Главного управления при Минздраве СССР, в Москве. Прекрасные условия и огромный старый парк. Хирург отделения, профессор, считавшийся светилом, настаивал на операции, которую мне делать совсем не хотелось, а потому в день, когда она была назначена, я предпочла из больницы сбежать.

Вспомнив об обещании Александрова, я позвонила ему. Он тут же выслал за мной свой «Зил». Водитель привез меня на улицу Горького, в его просторную пятикомнатную квартиру, богато и

со вкусом обставленную. И, пока Маргарита Ивановна гостеприимно накрывала на стол, тот же водитель съездил за Джуной. Андрей Михайлович представил нас друг другу и попросил Джуноу помочь мне.

Так состоялось наше с ней знакомство.

Не могу сказать, что все в ней принимала на ура – мешал мой критический склад ума, да и личность она была сложная и неоднозначная. Забегая вперед, расскажу одну странную историю: Уже здесь, в Лос-Анджелесе, работая редактором в альманахе «Панорама», я опубликовала о Джуноу большую статью, объективную, как сама считала, не ставя перед собой цели ни восхвалять ее, ни порицать. Просто написала так, как чувствовала. Увы, полного позитива не получилось.

Джуноу о существовании статьи знать не могла. Но! В первый день, когда статья вышла, случилось следующее. Рано утром муж провожал младшего сына на работу. Наш небольшой домик стоял под сенью могучих старых лиственниц. Они о чем-то беседовали на «драйв вее» (на подъездной аллее) перед домом, потом сын сел в машину и тронулся с места. Помахав ему рукой, муж шагнул в дом. Страшный треск за спиной заставил его отпрыгнуть и обернуться: на то место, где они только что стояли вдвоем, рухнула огромная ветка дерева, диаметром в один обхват, закрыв собою всю аллею. Ветка была такая большая, что пришлось вызывать бригаду рабочих с машиной. Ее пилили на части и так вывозили.

Случайность? Возможно. Хотя случайностей в природе не бывает (все имеет свою причину, цель и следствие). А главное – тем дело не кончилось. В тот же день я, приехав в редакцию, припарковала, как обычно, машину, вышла, зацепилась за что-то ногой и грохнулась на бетонное покрытие. В результате у меня оказалась сломанной кисть правой руки и на протяжении двух месяцев я не могла ею писать, а значит и работать. Это уже не случайность и не совпадение, а мистика!

Тем не менее, отважусь снова вспомнить о Джуноу, но буду предельно осторожна – не из страха «быть наказанной» еще раз, а, в первую очередь, потому, что Джуноу нет в живых. Да и, кроме того, мы с ней друг к другу очень тепло относились.

Достаточно взглянуть на трогательные надписи на многочисленных фотографиях, которые она мне дарила.

Итак, на следующий день после нашего знакомства у Александровых я отправилась на Старый Арбат. Ехала, предвкушая личное с ней общение. Увы. Во дворе было тесно от машин. В лифте и на лестничной площадке толпились люди. Люди были везде – в прихожей, в ванной, на кухне. Я вошла в гостиную – комнату примерно в 15 кв метров, заставленную стульями, креслами и пуфами. В центре над пожилой пациенткой колдовала Джуна. Остальные сидели вокруг, держа руки на коленях, ладонями вверх – заряжались биотоками целительницы.

Приветливо мне улыбнувшись, Джуна указала на свободный пуф, спросив, не спешу ли я. И так как я никуда не спешила, у меня было время осмотреться, вжиться в обстановку. В углу у окна тонированный гипсовый бюст Джуны, не очень удачный в плане сходства. Стены гостиной снизу доверху – а потолки в домах на Старом Арбате высокие – увешаны иконами и картинами. На картинах изображена Джуна – либо парящей над легендарными садами Семирамиды, либо излучающей руками таинственную целительную энергию.

Руки Джуны, ее основной рабочий инструмент, воспевали многие поэты и рисовали многие художники. Они у нее были и впрямь необыкновенные и очень красивые, какие-то инопланетные. Кисть изысканно вытянутая, пальцы тонкие, длинные, пластичные.

Сеанс лечения проходил у всех на виду, независимо от характера недуга. Какой-нибудь залетный господин, например, шептал ей на ухо на ломаном русском, стесняясь и краснея, про свою мужскую несостоятельность. Джуна деловито кивала, ставила его перед собой и начинала работать, воздействуя пассами на соответствующую проблеме область. Так же она лечила рак, радикулиты, воспаления, язвы.

На полу нераспакованными типографскими пачками лежали журналы и книги, в которых были напечатаны статьи о Джуне, стихи Джуны или интервью с нею. Она раздавала их своим гостям и пациентам. Больше всего в то время о ней писали в

Югославии, и соответственно больше всего зарубежных пациентов к ней приезжало оттуда.

Личное пространство Джуны состояло из трех небольших комнат и гардеробной. (Позднее ей отдали сначала подвал четырехэтажного особняка, в котором у нее была на последнем этаже квартира, а потом и все четыре этажа, то есть весь особняк.) Одна комната была детской, там жил сын Вахо, другая – что-то вроде кабинета, служила местом приема именитых посетителей. Третья – гостиная и основная приемная. Отдельной спальни у Джуны не было. Ее тахта стояла тут же, в алькове. Посторонние усаживались на нее, как на диван.

От пациентов рябило в глазах. Джуна же не только помнила всех по именам, но знала проблемы, судьбу и всякого рода подробности каждого. У нее вообще была феноменальная память. Недавно я прослушала одно из последних ее интервью с Дмитрием Гордоном – за год или два до ее кончины. Рассказывая о себе, Джуна называла огромное количество имен, причем не только фамилии, но и имя-отчество – своих именитых покровителей и пациентов, их детей и супругов, ученых, которые ее изучали и с ней работали, иностранных знаменитостей, которые ее чествовали и награждали.

Она провела со мной первый сеанс, после чего я ездила к ней практически каждый день, иной раз сбегая после вечернего обхода из специализированной на иммунных процессах больницы, куда меня снова уложили, иной раз засиживаясь до глубокой ночи среди ее друзей, потому что она меня не отпускала.

Там, в особняке на Старом Арбате, много лет собиралась московская творческая элита, жаждущая в приятной компании подзарядиться энергией чудо-целительницы – актеры, певцы, поэты, композиторы. Кого только я у Джуны не повидала! Аркадия Райкина и Роберта Рождественского, Андрея Тарковского и Илью Глазунова, Андрея Вознесенского и Андрея Дементьева, иностранных дипломатов, приводивших к ней своих детей...

Биографию Джуны знает, наверное, каждый, кто так или иначе интересовался «первым официальным экстрасенсом советской

страны», хотя в ней много путаницы и несоответствий, вносимых самой целительницей. Мне она известна без прикрас, рассказанная Джуной еще до того, как она начала вносить в нее «творческие коррективы».

Родилась эта уникальная женщина на Кубани, в маленькой деревушке Урмия Краснодарского края. Ее имя Евгения Ювашевна Сардис. В семье была седьмым ребенком, при неродной матери. Жили бедно, с 13 лет она работала в колхозе. Совсем молоденькой девушкой, оставив село, ушла в Тбилиси. Ей негде было жить и ее приютила дворничиха-курдианка. Несколько месяцев Джуна провела в ее семье. Свободной постели не было, и она спала... на столе. Найдя работу то ли официантки, то ли бармена, начала жить самостоятельно. Потом окончила курсы массажистов и работала в больнице, где и были впервые замечены ее экстрасенсорные способности.

Она начала заниматься целительством, быстро обретая популярность. К ней уже обращались за помощью представители тбилисской элиты. О ней узнали партийные власти республики. Джуна вышла замуж за сотрудника администрации главы Грузии Шеварнадзе – за Виктора Давиташвили, чью фамилию потом всю жизнь носила. У нее был ребенок, кажется, девочка, не прожившая и года. Сын Вахо, которого Джуна обожала и который был ее единственной по-настоящему сильной

привязанностью, по крови ей не родной – приемный. Но она об этом предпочитала не говорить. Он был ЕЕ сыном.

У главы Госплана СССР и заместителя председателя правительства СССР, Николая Байбакова, пять лет болела жена, и врачи не могли ее вылечить. Председатель Совета министров Грузии посоветовал ему испытать способности их местной кудесницы. Так в 1980-м Джуна вместе с сыном (муж остался в Тбилиси, а потом и вовсе исчез из ее судьбы) оказалась в Москве и сходу была взята в оборот союзной партийной верхушкой.

Сама она любила рассказывать, как ее привезли в столицу чуть ли ни под конвоем, не дав даже собраться. Ей дали временную квартиру на Соколе и няню для пятилетнего Вахо (чтоб не связывал целительнице руки). Оформили на работу.

Ей покровительствовали «сильные мира сего» (начиная с Байбакова, которого Джуна величала «отцом»), однако старались сами оставаться в тени и держать в тайне все, что было связано с именем «кремлевской целительницы». Джуна лечила многих членов правительства и политбюро. Вот только Брежнева, вопреки общепринятому мнению, не лечила никогда – кремлевские врачи ей генсека просто не доверили. Молва о ней росла и множилась, в основном – из уст в уста, вызывая живейший интерес, как положительный, так и отрицательный.

В ту пору в Союзе экстрасенсов официально не жаловали. Пресса пестрела издевательствами, разоблачающими «подвалами» в их адрес с обвинениями в шарлатанстве и мракобесии. Только Джуну – одну из всех – и не трогали. (Кашпировский и Чумак, допущенные на телеэкраны, появились позже.) Не исключаю защитного вмешательства цензуры, ведь она была для страны курочкой, несущей золотые яйца. А после того, как журналист Лев Колодный поместил в «Комсомолке» о ней большую хвалебную статью, Джуна стала знаменитостью в масштабах всей страны.

Ее популярность просочилась сквозь «железный занавес». К ней потянулись страждущие из-за рубежа – из Европы, с Американского континента, из Шри-Ланки... Проще сказать – отовсюду. Многие из них устремлялись в Союз специально из-за нее. Приезжали даже высокомерные шейхи со своим гаремом. К

ней приводили слепых, глухонемых детей, детей с церебральным параличом, дебилов, косых, хромых, скрюченных. Вылечивала ли она их? Отвечу, как есть, – не знаю.

Джуна обычно проводила курс из десяти сеансов. Потом просила через месяц приехать на повторный курс. Потом еще раз. Она демонстрировала нам результаты своих трудов. Скажем, девочка из Югославии, которую родители привезли в Союз уже третий раз, была глухонемой. После сеансов Джуны у нее появился слух процентов на 7-10. Много это или мало? По крайней мере, обнадеживает и дает шанс бороться с недугом дальше.

Она была своего рода советской достопримечательностью, полузапретной к тому же. Чтобы попасть к ней, иностранцы проходили через специально организованные правительственные заслоны и там же выкладывали валюту за право получить курс лечения. А государство платило за них целительнице рублями, в несоизмеримо меньшем эквиваленте.

Так что от зарубежных пациентов ей перепали разве что подарки. Но какие! Слиток золота, например, весом в 5 кг, от шейха Эмиратов; самородок рубина весом 3,5 кг; кольцо с бриллиантом в 15 карат, стоимостью \$1,5 миллиона; сабли и мечи ручной работы, инкрустированные драгоценными камнями; старинные кресты и иконы. Есть в ее коллекции уникальный гребень, найденный при раскопках древнего египетского храма. Джуна очень его любила, утверждая, что он принадлежал самой Клеопатре. Так это или не так, специалисты считают, что на антикварном рынке гребень может стоить сотни миллионов долларов. Такие подарки просто так ведь не дарят. Значит, она помогала, значит, обращавшиеся к ней за помощью получали то, чего ждали.

Поскольку пациентами ее были высокопоставленные особы, и не только отечественные, в верхах было решено прояснить, действительно ли грузинская дива обладает особыми свойствами. Для изучения «феномена Джуны» Институту радиотехники и электроники (ИРЭ) АН СССР и его ведущим физикам – академику Ю.Гуляеву и докторам наук Э.Годику и В.Золину – было поручено открыть специализированную лабораторию, оснастив ее новейшей аппаратурой. А Джуну, как

«основной объект» исследования, зачислили в штат в должности старшего научного сотрудника. То была первая и единственная в СССР государственная академическая лаборатория по исследованию «физических полей биологических объектов». Просуществовала она с 1981 по 1985 годы.

Институт радиотехники и электроники имени Котельникова изначально имел ярко выраженный военный крен. Он был создан по инициативе Берии и Маленкова с дальним прицелом на то, что следующая война будет «радиоэлектронной». И разработки там велись соответствующие.

Профессор Юрий Гуляев – серьезный физик очень широкого профиля, академик (ныне директор двух институтов РАН: ИРЭ и Нанотехнологий микроэлектроники –ИНМЭ, с рядом других, не менее впечатляющих должностей), мог бы и обидеться на то, что его и его сотрудников заставили заниматься «ерундой». Но не обиделся после того как государственные структуры, не задумываясь, выделили под эксперимент миллионы долларов.

«В итоге мы поняли, что «чудеса» этих феноменов – обычная физика. Ничего сверхъестественного у Джуны мы не нашли, – позднее сделал заключение Гуляев. – Хотя скрывать не буду, финансирование этих работ нам помогло продвинуться вперед весьма значительно. Мы создали комплекс приборов, которые по изменению биополей определяют целый ряд заболеваний, и что особенно важно – на ранней их стадии».

Ну, тут, конечно, с академиком можно и поспорить. Не только финансирование сыграло роль, но и сама Джуна, весь метод лечения которой основан на взаимодействии биополей – ее и пациента.

«Разбираться в том, может ли человек летать на метле и тому подобном, ни мне, ни моему начальнику Юрию Гуляеву, как физикам, естественно, не хотелось, – рассказывал Эдуард Годик. – В существование неизвестных физике полей, которыми якобы «владели» экстрасенсы и целители, я не верил... Но, в связи с тем, что действие экстрасенсов связывали с некими биополями, мне пришлось в голову визуализировать физические поля и излучения человека с помощью методов пассивного дистанционного зондирования, разработанных в нашем

институте под руководством академика В.А.Котельникова. Куда только мы этими методами не смотрели – и в космос с Земли и из космоса на Землю – только до главного объекта в этом мире, Человека, дело не доходило.»

На основе проведенных опытов Эдуард Годик, по его словам, «пришел к выводу, что за феноменом Джуны стоят не мистические «биополя», а уникальная способность организма замечать и реагировать на слабые, то есть ниже порога осознания, сигналы от внешней среды через органы чувств».

Джуна несколько раз брала меня с собой на эти эксперименты в Лабораторию, расположившуюся в красивом особняке с атлантами и резными дубовыми дверями в самом центре Москвы (в Старосадском переулке, дом 8). Там я познакомилась с Юрием Гуляевым, Эдуардом Годиком и другими членами лаборатории и имела возможность понаблюдать, как именно они тестируют Джуну.

Ее помещали вместе с подопытным пациентом в изолированную и экранированную камеру. Джуна воздействовала на какую-нибудь определенную область пассами или наложением рук, а ученые, оставаясь снаружи, следили за тем, что происходит, через дисплей тепловизора (или термовизора). Область воздействия отражалась в инфракрасных лучах и изначально имела желто-зеленую цветовую гамму, но под воздействием Джуны обретала горячие оранжево-красные тона, которые долго потом сохранялись без изменений. Уж это я точно видела своими глазами.

Но главное, что, с легкой руки партийных лидеров страны и благодаря счастливой звезде Джуны, впервые в мировой практике было осуществлено исследование функционирования живого организма практически на уровне его эманаций. В программу включили следующие сферы его жизнедеятельности: инфракрасное тепловое излучение кожных покровов; радиотепловое и акустотепловое излучения (внутренние органы и мышцы); электрическое и магнитное поля (мозг, сердце, нервы, мышцы) и хемилюминесценцию (кислородный баланс).

С развалом СССР Годик эмигрировал в США, обосновался в Силиконовой долине, пытаясь заинтересовать американцев возможностями диагностических приборов, опробованных на

Джуна. Там же в 2010 году он выпустил книгу: «Загадка экстрасенсов: что увидели физики», в которой есть такие строки: «Никто из постаревших физиков не жалеет сегодня, что без оглядки в молодости занимался тем, что многие на закате советской власти считали прихотью старцев Кремля, желавших омолодиться. Чем дальше уходит время, тем сильнее крепнет убеждение: годы работы в лаборатории были самыми счастливыми».

По просьбе отечественных ученых, Джуна проводила самые разнообразные эксперименты на подопытных животных. В частности – на препарированных лягушках, поскольку лягушка, да еще и препарированная, не может подвергнуться ни само-, ни просто внушению. Под воздействием биополей Джуны лягушачье сердце начинало сокращаться быстрее. Более того, оно реагировало даже когда Джуна лечила в той же комнате лаборанта. (Выходит, не напрасно пациенты тянули к ней во время сеанса руки.)

– Мы искусственные тромбы делали, потом они рассасывались, – рассказывала Джуна. – Но с тромбами я только на животных работала. У Белкина Арона Исааковича со сперматозоидами работала, затем с препарированными лягушками, крысами и уже позже – с пациентами-сердечниками (документальные кассеты у меня собраны все абсолютно), а с Кузником Борисом Ильичом мы на крови *in vitro* – в пробирках – работали, и с Алексеевым тоже, в Первом медицинском, и с Петровским. В первые дни знакомства подрались, а потом большими друзьями стали и самые дерзкие научные эксперименты проводили.

Был и еще один очень интересный эксперимент, осуществленный у нее дома, на котором, по желанию Джуны, я тоже присутствовала. (Возможно, она привлекала меня к ним как журналиста. Статью о ней в Союзе я так ни разу и не написала, а вот в свой роман «Ясновидящая» все эти опыты подробнейшим образом включила.)

На сей раз его проводила группа американских ученых из Сан-Франциско во главе с физиком-парапсихологом Расселом Таргом. И приехали они в Союз специально к Джуне.

Прием больных в тот день разумеется был отменен. Тесную гостиную Джуны заставили киноаппаратурой, включили юпитеры. Рассел, высокий, подтянутый, с шапкой густых кудрей, чувствовал себя непринужденно. Уютно, по-домашнему устроившись прямо на полу, у ног Джуны, он разом разрядил обстановку, сняв с нее напряжение.

Эксперимент на дальновидение, как его окрестили, заключался в следующем: американский экстрасенс, его звали Кейс Херрари, должен был в определенное время у себя, в Сан-Франциско, вытянуть один из шести закрытых конвертов с открыткой – видом какой-либо достопримечательности города, и отправиться к этому месту, чтобы обозреть его собственными глазами. А Джуна, сидя у себя дома, в Москве, должна была войти в телепатический контакт с Кейсом и попытаться увидеть то, на что смотрел он. Ей дали карандаш и лист бумаги, включили камеры и магнитофоны и попросили настроиться на незнакомого парня на другом конце земного шара, как бы слиться с ним воедино. Рассел Тарг много лет работал над некой гипотезой, которую он, в отличие от ясновидения, назвал Remote viewing (дистанционное видение). Он пытался найти подтверждение и дать научное обоснование тому, что отдельные люди обладают неким психическим зрением. Однако убедительно доказать свою гипотезу так и не смог, и в ученом мире его опыты и выводы позднее окрестили лженаучными. (А ведь «дальновидение», как и ясновидение, действительно существует. Только ухватить его экспериментальным путем крайне сложно.)

– Что, что ты видишь? – мягко, но настойчиво вопрошал Рассел. – Рисуи!

– Я вижу что-то круглое посреди небольшой площади. Там четыре выхода. – Джуна нарисовала кружок с четырьмя лучами. – А еще я вижу профиль. Вот такой раскрашенный глаз и торчащие ушки.

Увидела она и дома, объединенные галереями, и церковь вдали.

Объект, который обозревал в Сан-Франциско Кейс, был каруселью на пирсе у океана. На изображении карусели можно было различить морду деревянной лошадки в профиль с нарисованным глазом и с ушами. А вдали, на берегу, виднелись дома и церкви.

– Я увидела эти ушки и этот глаз! – торжествующе вскричала Джуна, когда ей показали открытку.

По поводу «состоявшегося телепатического моста между Сан-Франциско и Москвой», как объявил Тарг, устроили конференцию. Джуна пришла на нее с целой свитой (и я в том числе). Друзья-киношники принесли с собой всю возможную аппаратуру, чтобы запечатлеть триумф Джуны. Она была такая счастливая, такая вся сияющая, как маленькая девочка на собственном дне рождения. Выступавшие ученые, вопреки ее ожиданиям, говорили буднично и нудно, о Джуне упоминали, как о неодоушевленном объекте эксперимента... Они плохо знали Джуно с ее взрывным характером.

Порывисто вскочив, она громогласно выругалась и, как мачеха Золушки на балу, скомандовала своей свите:

– За мной!

Свита покорно покинула зал, таща за собой не пригодившуюся аппаратуру.

Мы продолжали видеться с Джуной почти каждый день. Это было как наркотик. Пару раз, засидевшись допоздна, я оставалась у нее ночевать. Мы с ней очень сдружились. Она считала, что мы понимаем друг друга без слов, потому как «обе мы – фантомы». Если в ее честь накрывали стол в ресторане, она настаивала, чтобы я пошла с ней.

Джуна любила веселье, любила танцевать и петь, только ей это не часто удавалось. Как-то раз она сама подняла всех нас и повезла в ресторан «Русь» на берегу Москвы-реки, заранее заказав стол человек на 20. Надо было видеть триумфальное шествие Джуны по ресторану! Швейцары, гардеробщики, официанты и метрдотель – все с восторгом и умилением приветствовали ее. Джуна пила, с удовольствием принимала хвалебные тосты, танцевала. На ней в тот вечер были черные брюки, полосатая матросская тельняшка и черная лента на лбу.

Оркестранты, с которыми она явно была на короткой ноге, изменив свой репертуар, весь вечер играли и пели только ее песни или песни о ней...

Нет, Джуна – однозначно явление, которое стоило бы изучить в разных аспектах, потому что она была одна такая. Она несла на своих хрупких плечах бремя обрушившейся на нее славы. А потом и бремя страшной беды (трагическую гибель 26-летнего сына в 2001 году), после которой стала затворницей и коротала свой век практически всеми забытая, блуждая в одиночестве по своему четырехэтажному дому. Судя по последнему телешоу с нею (у Малахова), бедная женщина не выдержала такой ноши. Сломалась. И это вполне закономерно.

Год назад Евгении Давиташвили не стало, а пересуды вокруг ее имени продолжают, особенно вокруг ее наследства, неизвестно кому принадлежащего. Ведь по-настоящему близких людей у нее и не было. Сын, на которого она возлагала большие надежды, ушел из жизни раньше нее, а с родственниками с Кубани она рассорилась, обнаружив у себя в доме кражи.

Есть еще и «Академия Джуны» («Международная академия альтернативных наук»), ею созданная и ею возглавлявшаяся, в которой уже начались свои спекуляции. Так что пресса по-прежнему не оставляет «целительницу номер один» без внимания.

Виталий Аронзон

Филадельфия, США

НЕЛЕПЫЕ ИСТОРИИ И ИХ ВИНОВНИК. ИЗ КНИГИ «МОЯ ИНЖЕНЕРИЯ»

Мы сблизились не сразу: работали в разных группах и знали друг друга по встречам и болтовне в коридорах, по выступлениям на технических советах. Знал я также, что Роберт не только умелый инженер-металлург, но и заядлый турист и очень компанейский парень. Всё так и оказалось. Но была у Роберта удивительная черта: он умудрялся попадать в самые нелепые ситуации и истории, которые для него, к счастью, заканчивались благополучно.

Один из инженеров-конструкторов лаборатории Рудольф М. купил Москвич 401. Это было событие! До него ещё никто из нас, сотрудников лаборатории, не покупал машину (мы были молоды, а машины дефицитны и дороги), поэтому его смелый поступок (деньги он собирал в долг) был главной новостью. На радостях и гордый приобретением владелец машины пригласил коллег сопровождать его в прогулке по Невскому проспекту. Одним из приглашённых был Роберт. Вы только представьте, с каким видом они едут по Невскому проспекту! Проезжают мимо Дворца пионеров, впереди Аничков мост через Фонтанку и...

О происшествии мы узнали на следующий день, когда в лаборатории утром появился только Роберт, все остальные участники в это время залечивали раны. Машина была разбита. К счастью, все, кроме фонарного столба, остались живы, и, к несчастью, ещё долго никто из нас не мог (и «не хотел», конечно) приобрести машину.

В этой истории нет ничего из ряда вон выходящего, если бы не последующие события с участием Роберта. Можно считать, что с этого момента начались загадочные приключения. Вот тогда и стали подозревать, что-то в его карме неладное.

Самолёт летел из Свердловска, и на подлёте к Ленинграду не раскрылись шасси. Попытки лётчиков немислимыми виражами заставить шасси раскрыться не привели к успеху.

На земле в это время готовили вспаханное поле для посадки. Самолёт прополз на брюхе благополучно, и, кроме переживаний, других травм у пассажиров не было. Об этом событии (исключительный случай по тем временам – «в СССР не бывает катастроф») написали ленинградские газеты.

Не сомневайтесь: Роберт был в этом самолёте. В Ленинграде долго обсуждалась эта история, а коллеги Роберта получили возможность живописно пересказывать ее со слов Роберта, как будто сами были участниками приключения.

Однажды мы с Робертом были свидетелями такого случая. Отмечали семейное событие нашего общего друга. В маленькой комнатке-спальне набилось много гостей, и там кого-то с большим вниманием слушали. Миша Л., с присущим ему блеском многоопытного рассказчика, вещал о своих командировочных приключениях. Речь шла об аэропортах и самолётах. Теперь Роберт мог заново пережить свои полётные ощущения. Рассказ был великолепный и оброс интересными подробностями. Кто-то из осведомлённых зануд спросил: «Миша, а с тобой ли это было?» Ответ изумил своей правдивостью: «Ты имеешь в виду случай с Робертом? Нет, это другая история, и она – со мной».

Вскоре и я стал свидетелем уникальной способности моего друга попадать в нештатные ситуации. В одной из командировок на завод местный коллега Женя Б. пригласил Роберта и меня прокатиться за город на его новой машине, «Жигули б». Машина дорогая и получить-купить её можно было только по разнарядке министерства. Роберт благородно поставил Женю в известность об особых свойствах своих взаимоотношений с движущейся техникой: «Женя, вы, наверно, слышали, что я нередко попадаю в странные ситуации? У меня на этот счёт плохая статистика». И тут же поведал нам – а этому я был тоже свидетель – как, сев в новую «Волгу» другого нашего приятеля, Роберт вышел из неё, держа в руках ручку от двери. Или в другой истории, но с трофейным «Мерседес-Бенцем», он вышел, держа в руках уже не ручку, а всю дверь. Справедливости ради надо сказать, что вынесенная дверь не удивила хозяина машины, хорошо знавшего свой музейный экспонат и наслышанного о магическом влиянии на автомобили своего спутника.

А Женя, с присущей уроженцу Кавказа самоуверенностью, небрежно махнув рукой, бросил: «Садысь!»

Надо отдать должное Жениной выдержке: на одном из километров узкой дороги внезапно перед глазами водителя в небольшой низине возник огромный камень; при скорости 120

км/час водитель не мог свернуть в сторону, и машина промчалась над камнем, разворошив своё днище. Живы мы остались только потому, что Женя не свернул с дороги и мы не угодили в лес. Роберт тогда извинился, чувствуя свою безвинную вину.

Едем. Скорость быстро нарастает: 60, 80, 90, 100 км\час. Это не американский хайвэй, а обычное российское шоссе. 120! Роберт, который сидел рядом с водителем, робко произнёс (он только что закончил курсы по вождению и не остыл от словесных штампов правил движения): «Женя, скорость машины не соответствует качеству полотна дороги».

И в тот же миг новую машину подбросило вверх, и с шумом, скрежетом и треском она остановилась. Хозяин выскочил из машины и после короткого осмотра с восточным спокойствием стал наблюдать, как выползают из машины его гости. Все были целы и вскоре в транспортируемой на поводке машине вернулись в город.

Дальше – больше. Мы в летим в Павлодар на алюминиевый завод, это в Казахстане. Нас трое инженеров, шутим по поводу выходок Роберта, вспоминаем разные приключения с Аэрофлотом, которых накопилось немало за нашу богатую полётами жизнь. Смеёмся. Стюардесса несёт обед, тогда на дальних рейсах кормили. Роберт, сидящий близко к проходу, разгорячённый разговором, взмахивает рукой – и... аэрофлотская курица с великолепным соусом приземляется на соседа с противоположной стороны прохода, не на нас. Нам смешно – не остыли от рассказанного анекдота. Но скоро становится не смешно. Под недобрым взглядом стюардессы задумываемся о том, что нас ждёт в Павлодаре. Сядем ли? Не опоздаем ли на последний автобус в город? Будут ли места в гостинице? Да мало ли что приходит в голову, когда втайне суеверно думаешь о будущем и знаешь, что Роберт рядом.

Добрались до гостиницы. Спокойно отработали неделю, а в выходные, как обычно, наши павлодарские друзья пригласили ленинградских коллег к себе домой. Договорились перед обедом посмотреть окрестности: степь, солончаки, казахские

могильники, побродить у Иртыша. Поедем на двух машинах. Весело рассказываем гостеприимным друзьям о последнем происшествии в самолёте, придумываем вместе с ними, что ещё нам Роберт выкинет (и зря!). Рассаживаемся по машинам. Макс и я едем в первой машине, Роберт – в другой, на одном сидении с хозяйским доберманом-пинчером.

Отъехали – и тут же встали. У второй машины суетятся Роберт и водитель. Колесо спустило. Поставили новое. Поехали. Больше не шутим на известную тему. Смотрим по сторонам, слушаем объяснения аборигенов. Погода прекрасная. «Степь да степь кругом»!

Теперь наш водитель что-то заёрзал и тормозит. Оглянулись – опять вторая машина отстала и стоит на обочине. Пассажиры все на дороге и суетятся. Мы развернулись, подъехали к отставшим и выскочили из машины. Роберт смущённо стоит и вытирает свой костюм тряпочками, которые поливают из термоса.

Потерпевший источает не самый приятный аромат, перемешанный с запахом кофе. Что случилось? Добермана укачало, и он, притулившись к своему соседу, отрыгнул на него содержимое своего желудка.

Пришлось вернуться домой.

Если вы думаете, что запас историй иссяк, то ошибаетесь. Роберт первый из нас улетает из Павлодара. На регистрацию очередь, но Роберт не спешит. Он – бывалый путешественник и не испытывает предполётного волнения, как большинство пассажиров. Правда, немного настороже: от нашего самолётного монополиста, Аэрофлота, можно ожидать «всяких глупостей», есть опыт. Очередь движется медленно. Ещё нет беспокойства.

Знакомый сотрудник института из технологов окликает Роберта, заметив его в конце очереди. Роберт подошёл к нему поговорить, но поначалу отказался встать впереди коллеги: неудобно, неловко. Однако, поддавшись на заманчивое предложение ожидать вместе, остался. Наконец добрались до стойки. Роберт зарегистрировался и ждёт приятеля. Но у стойки замешательство: прекращена регистрация.

Милиционер настойчиво просит Роберта пройти в полупустой накопитель. Роберт, видя, что началась посадка, рвётся назад выяснить, в чём дело. Объявляют прекращение посадки. Но где

коллега? У него же есть билет, да и остальные в очереди, скорее всего, с билетами! Почему их не берут?

После препирательств с милицией Роберт узнал, что в самолёт посадили новобранцев, и больше мест нет. Остальные пассажиры улетят завтра. Роберт в отчаянии, пытается объяснить, что он по недоразумению опередил приятеля.

Самолёт улетел, но не долетел до пункта назначения, сделав вынужденную посадку: загорелся двигатель. Нарочно не придумаешь.

«Летайте самолётами Аэрофлота!»

Среди «лабораторных» невыдуманных замечательных сказаний, конечно, было много и не связанных с любовью движущейся техники к Роберту, но в некоторых его участие проявлялось с неожиданной стороны.

Березники. Заводская гостиница. Обычные вечерние посиделки у кого-нибудь в номере. Пьём чай, рассказываем анекдоты, делимся домашними новостями. Ира Л. очень смеялась над очередным анекдотом, который кто-то рассказал. И вдруг схватила за свой подбородок – он свободно болтался, если можно так выразиться, на лице, выскочил из «салазок». Хохот невообразимый, но пострадавшей не до смеха. И остальным смеяться неловко. Надо сострадать! Ира с сопровождающими едет в больницу. Ире вправили челюсть, и врач невинно спросил Иру, как это произошло.

Ира рассказала, что смеялась и сделала случайно челюстью «вот так».... Под гомерический хохот врача и всех свидетелей Ире снова вправили челюсть и настоятельно посоветовали воздержаться от встреч со смешливыми друзьями.

Приехали в гостиницу. Больную бережно отвели в её номер и стали ждать Иринога отчёта о лечении травмы. Ира рассказала, что страшного ничего с ней нет, врач ей поставил на место челюсть и предложил воздерживаться от смеха некоторое время, потому что, если она сделает «вот так»..., челюсть опять вывалится. Последние слова она не произнесла, так как демонстрация «вот так» закончилась «успешно» – и Ира вновь отправилась в травмпункт.

Я очень люблю Роберта, он мой лучший друг, преданный и надёжный, прекрасный человек, талантливый и редкого трудолюбия инженер.

PS.: В настоящее время Роберт живёт в Израиле.

Ирина Роскина

Иерусалим, Израиль

О МОЕМ ДЕТСТВЕ

Жили в коммуналке. Вход в первую прихожую, направо в уголке уборная – одна на всех, нас человек двадцать, но, конечно, в разные периоды по-разному. Направо еще одна прихожая. Там на сундуке спит какой-нибудь очередной кот Барсик и коротает дни старый сын бывшего владельца квартиры – врача, выставленный из оставленной ему единственной комнатенки разведшейся с ним женой. В этой большой прихожей, служившей когда-то комнатой ожидания больных, к левой стенке намертво привинчен телефон, я помню, что номер начинался на К, а цифр не помню. По телефону болтает моя молодая мама, а соседка из комнаты напротив, кашляющая в баночку старая большевичка, регулярно жалуется пришедшему навестить ее брату, живущему на Серафимовича, 2 (теперь все говорят: Дом на набережной), что мама ведет антисоветские разговоры. Лина Павловна глуховата, говорит громко, и нам слышны эти жалобы из-за ее двери. Полковник не хочет возиться с коммунальной склокой и приглашает меня в гости (почему меня мама отпустила?! – у них прекрасно: просторно и солнечно), а Лина Павловна в очередной раз одалживает у мамы двухтомник Мюссе, которого она любит перечитывать. Дверь в

еще одну комнату, с ними мама дружит и меня там часто угощают конфетами. Налево по коридору ванна, потом кухня – две большие плиты, запах жарящейся рыбы (одна из соседок – продавщица в рыбном на Сретенке), чулан с помойными ведрами, оттуда ползут тараканы, черный ход на задний двор – туда меня никогда не пускают, комната для прислуги, в которой спит старушка-мать одного из соседей, мама просит ее присмотреть за мной, когда уходит вечером в гости – она часто уходит. И по продолжению коридора еще прихожая, в которую выходят четыре комнаты, одна из которых наша.

По этой анфиладе, чуть приспустив вуаль, идет в гости к маме Ахматова, сопровождаемая в данном случае Л.К. Чуковской. Лидия Корнеевна мне совсем «своя», с ней можно посмеяться, рассказав ей, что моя мама моет голову хной – даже Ахматова улыбнулась. И Корней Иванович приходит часто – все соседи от него в восторге (Ахматову никто и не заметил), у него широченный шаг (еще бы – при его-то росте!), но он не спешит, а со всеми раскланивается.

В комнате на стене висит портретная фотография маминого отца, а на туалете красного дерева, присланном (как меня это потрясло – грузом по почте!) маме из Ленинграда после смерти ее бабушки, которой хотелось, чтобы у мамы осталась вещественная память о ее маме, фотография в рамке: улыбающаяся женщина, стриженная после скарлатины девочка и кудрявый мальчик. Я постоянно задаю вопросы, ответы на которые знаю давным-давно:

- Чей это портрет?
- Моего папы, твоего дедушки Шуры.
- А где же он?
- Он погиб на фронте.
- Его немцы убили?
- Да.
- А кто на этой фотографии?
- Бабушка Надя и детки, Наташа и Алеша.
- Они все умерли?
- Нет, не все: девочка Наташа выросла и стала твоей мамой.

Я постоянно огорчаюсь за свою маму: «Как же ты жила без мамы? Кто же варил тебе суп?»

Мои няни часто сменялись, но почти всех звали Настями, они были из деревни, и им нужно было оформлять московскую прописку, что было сложно, требовалась справка с маминой работы, а она после университета была безработная, только уже при последней Насте она секретарствовала у Чуковского, который с этой пропиской помог. Вместо сидения с няней я уже хожу в частную группу. Мама работает в редакции «Литературного наследства» – это на углу Волхонки, ближе к метро. Тогда называлось «Дворец Советов», ныне Кропоткинская. Мама шла по улице и увидела объявление о наборе детей в частную группу, а она изнывала от всех историй с прописками, от присутствия чужого человека в нашей шестнадцатиметровой комнате, от недовольства соседей, когда моя няня устраивалась на ночь в прихожей (это еще пока мой отец, распределенный после института в Читу, не уехал из Москвы). Мама пошла по этому объявлению на встречу родителей, оглянулась вокруг – и воспитательница еврейка, и муж ее еврей, и все пришедшие родители евреи. «Да, – сказала воспитательница, – мы не хотим никаких недоразумений». Это был последний год жизни Сталина, и атмосфера накалялась.

В группе нам очень много читали. Мария Владимировна, видимо, боялась за нами не уследить, если дать нам побегать. Собирала нас у скамеечки и читала нам вслух – и «Витя Малеев в школе и дома» и «Робинзон»; с мамой мы играли: то она Малеев, а я Шишкин, то я Робинзон, а она Пятница, а потом наоборот: я Пятница, а она Робинзон, но она часто пугалась, думая о своем. Зато она читала мне множество стихов наизусть: в транспорте – Пушкина, Лермонтова, Блока; дома – Мандельштама, Гумилева, Ходасевича. Мама потрясала меня своей эрудицией: я, четырехлетняя, как-то сказала за завтраком ««...а так как никому не хотелось получить палками по пяткам...», а она продолжила: «В Китае все жители китайцы и сам император китаец», а андерсеновского «Соловья» нам читали в группе, мне и в голову не приходило, что она тоже может эту сказку знать. Иногда и я, в своем четырехлетнем возрасте, изумляла ее своими познаниями: она в разговоре с кем-

то сказала: «Это есть у Толстого», а я перебила вопросом: «У Льва Толстого?», – выяснилось, что я знала имя писателя из названия улицы.

Мама возила меня в группу либо на метро, либо на двух троллейбусах, либо метро и троллейбусом. Давка по поводу смерти Сталина пришлось на день, когда мы ехали на метро – я чудом осталась в живых, мама кричала нечеловеческим голосом. А зачем мы куда-то ехали в момент, когда на пять минут остановилась вся жизнь страны, – представления не имею, но прекрасно помню, как мы едем на эскалаторе под трансляцию траурного марша, а вдруг и музыка и эскалатор останавливаются и раздается страшный гудок.

Не знаю, почему в моих играх фигурировал автобус, о котором, как записано у мамы, я рассуждала, одеваясь: «Рейтузы, а рейтузы, вам где выходить? – На площади Свердлова. – Автобус туда не идет. – Как так, это пятый автобус? – Нет, шестой. – Ах, шестой, тогда другое дело.»

По утрам Мария Владимировна встречала детей на бульваре недалеко от метро. После гулянья она забирала нас к себе – у нее было две комнаты в коммуналке в одном из переулков, идущих от бульвара. Обед всегда вкусный – то бульон с пирожком, то гороховый суп, на второе курица – ножка достается каждому, но я все равно знаю, что я любимица. Может быть, меня просто жалели: у всех детей было по два родителя, а моя мама уже разошлась с моим отцом, и он не живет в Москве. У его матери на Тверском бульваре я бываю по выходным, а еще по воскресеньям мы обедаем у Роскиных. Иногда Волк показывает мне свои картины. Подражая маме, я ахаю и повторяю ее голосом: «Прелесть! Да как похоже! Особенно вот эти вот цветочки!».

Иногда мама оставляет меня ночевать у Марии Владимировны (там очень хорошо – больше никого не оставляют, и я ценю свое особое положение), но обычно все-таки забирает. Иногда вместе с ней приезжает забирать меня кто-нибудь замечательный – например, К. И. Чуковский, но он обычно ждет в машине, в группу не поднимается. Иногда по дороге домой она вместе со

мною заходит за покупками, или к маникюрше, или куда-нибудь в гости.

Не понимаю, когда же я успеваю оказаться у мамы на работе, в редакции.⁶⁰ Но почему-то я прекрасно помню помещение редакции. Домик зеленовато-голубой – Волхонка (какой тогда был номер дома – 18? или другой: 14? 16? – не помню) – да вот же он на картах Гугла – до сих пор стоит! Входишь в подъезд с Волхонки и сразу дверь налево, первый этаж (на втором – Отделение Русского языка (тоже не уверена, может быть, Русского языка и словесности? или еще как-то?), там в актовом зале на Новый год устраивали елку, меня наряжали зайчиком – очень подходило для моих вечных отитов). Войдешь в дверь редакции, там сразу по правой руке вешалка – мне казалось, что много-много пальто и шуб, потому что раздевались и сидели и авторы, а не только работники редакции. Я была мелкая, обувь под шубами как раз у моего носа, значит они переодевались в сменную. Почему я так хорошо помню ноги Ксении Петровны? Не знаю, отчего она хромала, но ужасно жалко ее было и боязно эту жалость показать. У нее был племянник, она мне про него рассказывала. А у Натальи Давыдовны внуки. Стол Ильи Самойловича слева у правого окна, а у левого окна стол Макашина. А где остальные не помню, даже где мамино место не помню. Мария Рувимовна (самая добрая), по-моему, в правой глубине. Столы у всех завалены – я уже прекрасно знаю слова «рукопись», «набор», «корректурa», «корпус», «петит». Не знаю, почему от томов «Декабристов» осталось много оттисков иллюстраций – изумительных картинок, потрясающе отпечатанных (ни в одной детской книжке у меня не было иллюстраций такого качества). С разрешения Ильи Самойловича (он еще черноволосый, как будто совсем молодой) Наталья Давыдовна (она ведь отвечала за подбор иллюстраций) дарит их

⁶⁰ См. публикацию маминых писем в журнале Чайка» <https://www.chayka.org/node/7647> и <https://www.chayka.org/node/7669>, где дан комментарий к именам сотрудников редакции, который здесь уже не повторяется.

мне много-много. Я их обожаю и храню до самого отъезда в эмиграцию.

Обычно подъехав к Гоголевскому бульвару, я сообщаю маме, что она приехала в свою редакцию, а я в свою. Я сочиняю стишок: «Главный редактор на лавочке сидит и прянички грызет». Я уже знаю буквы и замечаю у мамы ошибку: «Надо писать не Огарев, а Агарев». Я беспрерывно повторяю, что несую свою статью в редакцию. Я только не всегда могу решить, кем лучше быть: автором или редактором.

В группе идет ролевая игра. Девочка Оля кричит: «Чур, я Мичурин!» Моя любимая подруга Аллочка быстро соображает: «Чур, я Пушкин!» Я не отстаю: «Чур, я Макашин!».

После какого-то утреннего звонка Зильберштейна маме домой с нагоняем я надолго понимаю, что надо распрощаться с мечтой о будущем в медицине и стать начальником над Зильберштейном и Макашиным.

Мама часто меня ругает. Теперь я думаю, что по молодости лет она ждет от меня слишком много. Каждый мой мелкий проступок, легкое непослушание, неудачное высказывание подвергаются ее резкой критике. Некоторые взрослые за меня вступаются. При этом мама тщеславно записывает в свой Дневничок обо мне любую ерунду, в которой можно усмотреть мой редкий ум или невероятный такт, а также высказывания своих знакомых о моей внешности. Естественно, я привожу эти высказывания, не чтобы себе польстить, а чтобы сохранить прямую речь людей, которые когда-то были мне дороги.

«5 ноября 1953. Заехали к Черняку. Рыжий было отказался здороваться с Елизаветой Борисовной. Я была задета и сказала – подожди, тебе еще влетит. Ел. Бор. говорит – нет, ради бога, не ругайте ее, прелестная девочка. Потом рыжий разыгрался с котом и т.д., но когда мы вышли, я все же не отступила от намеченного плана и стала его ругать, а он в ответ:

– Да что ты, мама, я прелестный ребенок, а ты из меня делаешь дурака какого-то глупого!»

«Нат. Дав. Эфрос: Какая-то она у вас старинная!

Фед.Ис. Евнин: Ваша Иринка – из старинной еврейской мифологии: я такой представляю себе маленькую Рахиль или Ревекку!

Кс.Петр. Богаевская: У Ирочки внешность не еврейская, а древнееврейская.

Таня Литвинова: Совершенно Александр Ивановский⁶¹ ребенок! 5 нояб. 1953

Б. И. Пророков: Библейское дитя! Такие написаны у Иванова в «Явлении Христа народу». 4 сент. 53».

К художнику Борису Иванович Пророкову меня берет с собой в гости, приезжая из Ленинграда, обожаемая мною наша родственница Екатерина Григорьевна Френк, которая пишет о нем дипломную работу.

С переводчицей Таней Литвиновой и ее мужем-художником мама подружилась через Чуковского. Меня крайне занимает его прозвище «Слон»; подаренная маме карикатура на Слона, сделанная Кукрыниксами⁶² висит у меня над кроватью. Мама рассказывает кому-то, как Таня Литвинова, похлопывая Слона по боковым карманам куртки, говорила: «Вот здесь он держит свои подкожные деньги!» (Подкожными деньгами в их кругу называются те деньги, кот. скрывают от жены), и я трепещу в ожидании его прихода и возможности посмотреть на пиджак, где он держит свои кожаные деньги.

Со своей древнееврейской внешностью в 1955 г. я иду в обычную школу (ни в какую привилегированную меня, оказывается, не взяли, но мне про это даже и не рассказывали) на тогдашней 1-ой Мещанской (ныне Проспект Мира), рядом с домом. Там мне приходится плохо. Привыкшая, что гостившие на воскресных обедах у Роскиных художники восхищаются

⁶¹ Александр Андреевич Иванов (1806-1858), русский художник, автор известной картины «Явление Христа народу».

⁶² Кукрыниксы — творческий коллектив трех художников-графиков и живописцев: Михаил Куприянов (1903—1991), Порфирий Крылов (1902—1990) и Николай Соколов (1903—2000), авторов многочисленных карикатур и шаржей в советской прессе.

цветом моих волос, теперь я слышу только оскорбления в свой адрес и понимаю, что я рыжая жидовка. Я учусь драться и пишу стихи. Очень хорошие – про принцессу.

Но тут мама знакомится с Николаем Алексеевичем Заболоцким, чьи «Меркнут знаки Зодиака» давно мне, конечно, известны, и он переезжает к нам жить. (Это было недолго, но все-таки было). Меня переселяют к соседке тете Моте. Она очень хорошая, она помнит еще моего дедушку, которого я вовсе не знала, а она помогала ему по хозяйству, и ей он писал с фронта, чтобы она берегла мою маму, которая тогда и в Москве-то не жила. У тети Моти шестиметровая комната на троих, но сын как раз ушел в армию – служит во флоте, – так что его кушетка свободна. Мама заходит к тете Моте, говорит, что не может найти дома мою тетрадочку – зеленую, с пружиной на боку – она хотела мои стихи показать Николаю Алексеевичу. Я устраиваю рев на всю квартиру, рву тетрадочку и никогда-никогда больше не пишу стихов.

Мама пишет в своих воспоминаниях о нем, что, когда Заболоцкий позвонил ей в самый первый раз, она сказала ему, что купает дочку. Надо представлять себе, что это значило тогда – воды-то горячей не было. Мама грела ведра на кухне на газу (газ был), таскала в ванную. После купанья несла меня через всю квартиру, во что-то завернутую, боясь простудить – я ведь вечно болела. Потом давала чай с молоком и белого хлеба с маслом, посыпанным сахаром, – очень вкусно. Мы всегда бедновато жили, зато у Роскиных нас угощали птифюрами. Нас вообще-то многие баловали, но, конечно, Заболоцкий устроил что-то для меня невиданное. То есть устроил он не для меня, а для мамы, но она делилась.

Когда Заболоцкий сделал маме предложение, он просил ее оповестить об этом ее друзей, а это было как раз накануне ее дня рожденья. Он заказал угощение в «Национале» – куча еды, и все прямо на посуде из «Националя», на белых блюдах с синей каемочкой, – куча блюд. Их потом специальный человек из «Националя» забирал. Сейчас, в эпоху кейтеринга, никого я не удивлю, но в 1956 г. это казалось нам пещерой Алладина. Сам он на день рожденья не пришел. И все ели и, как всегда, хохотали. Я

помню, что совершенно влюбилась на этом дне рождения в Натали Трауберг, предав маминых старых и верных подруг. Натали сыграла потом какую-то некрасивую роль в маминых отношениях с Заболоцким, она такую роль для многих в своей жизни сыграла, но тогда видны были только потрясающие фиалковые глаза. И еще она заботливо привезла от какой-то своей спекулянтки (в продаже-то вообще ничего не было) очаровательную шубку из американской обезьянки. Потому что Заболоцкий, будучи в тот момент преуспевающим советским поэтом, считал, что его жене (а в тот момент он действительно считал ее своей женой) пристало ходить в шубе. Но эта шубка показалась ему недостаточно дорогой – хотелось бы пошикарнее. Довольно вскоре вопрос уже не стоял, и мама осталась без шубы на всю жизнь (то есть какие-то синтетические потом мелькали, но это другая эпоха – они больше связаны с историей, описанной мамой в «Оборотнях»). А аметисты, те самые, им подаренные и им воспетые («Аметистовых ягод улышал я звон...»), – были проданы по дешевке, потому что после удаления гланд меня велено было возить на юг. Мама, правда, это объяснение не афишировала, довольствуясь услышанной от кого-то фразой, что аметисты приносят несчастье.

Когда они уезжали в Малеевку, меня оставили у бабушки с дедушкой (отчимом отца), который меня обожал. Меня там ужасно баловали и разрешали не ходить в школу – все-таки далеко было ездить с Тверского бульвара на Мещанскую. Но мама забрала меня гораздо раньше назначенного срока: я играла там во дворе, выходящем на Малую Бронную к Патриаршим, а мама пришла и сказала, что мы возвращаемся. Это был не конец ее отношений с Заболоцким, да и я еще его видела, даже жила несколько дней в комнате его детей, уехавших куда-то на студенческие каникулы и очень трогательно и принявших меня и со мной попрощавшихся. И он тоже хотел мне понравиться. Он терпеливо смотрел со мной по телевизору (у него дома) фильм «Убийство на улице Данте». Он водил меня в театр Образцова на «Три поросенка» – волшебный спектакль! Он ел при мне в «Национале» бульон с профитролями, – мы оказались в «Национале», потому что в

«Метрополь» не пускали с детьми. С этими ресторанами, с их тогдашней роскошью, позолотой, красным бархатом и расписными потолками, связано, пожалуй, единственное высказывание Заболоцкого (кроме приведенного мамой сказанного мне «Я – царь»), которое я действительно помню (он, конечно, считал, что при детях вообще нельзя разговаривать). Я спросила тогда, когда куда мы идем (мама велела одеваться быстренько и поаккуратнее), и он сказал: «В конюшню» (а шли в «Метрополь»). Ехали не просто на машине или на большой машине, а на огромной – с откидными сиденьями, такими отдельными стульчиками между задним сиденьем и сиденьем шофера. И я сидела на таком стульчике, Москва еще неплохо освещалась, сзади была мама с Заболоцким и пахло мамиными духами «Каменный цветок».

При этом он был полностью закрыт от меня. Конечно, и Чуковский был закрыт – не хватало ему открываться! А все-таки – даже по письмам Чуковского маме последних лет – видно, что он помнил о моем существовании. Вернее, так приучил себя, что надо знать, как зовут детей твоих знакомых и при случае передавать им привет. Как я благодарна Чуковскому за эти приветы! Прямо-таки поддерживают на плаву. Много-много позже, уже совсем взрослая, я была так же довольна, увидев, что Копелевы в письмах из эмиграции обращаются не только к маме, а и ко мне (прямо покраснелась от радости). Наверное, это комплексы девочки из неполной семьи. В общем я хочу сказать, что дистанция с Заболоцким была совершенно непреодолимая и родным мне он не стал.

А все-таки тот момент во дворе на Малой Бронной, когда мама сказала, что мы возвращаемся, был концом детства или началом отрочества – это уж как считать.

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

ЛИСТОК УБЫТИЯ

Я открыл глаза и увидел Рай. Не в метафорическом смысле. Самый настоящий Рай. Райский сад. Зелень слепила глаза. Райская птица, похожая на маленького кенгуру, села мне на ладонь и запела: «O sole mio!». Не поверите, она пела дуэтом, мужской голос принадлежал определённо Дмитрию Хворостовскому, а женскую партию вела не то Мария Каллас, не то Анна Нетребко. Не допев, птица упорхнула.

И тут же я увидел его стоящим у ворот. Конечно, ключ у него был привешен к поясу. Но узнал я его не по ключу. Он смотрел на меня добрым, умным и кротким взглядом. Никто, кроме Апостола Петра, не мог бы так смотреть на меня.

Я решился подойти к нему.

– Здравствуй для вечной жизни, сын мой! – сказал Апостол.

– И Вы тоже, – сказал я, не зная, как отвечают в таких случаях.

– Сын мой! – начал Апостол. – В своей жизни ты много грешил. На твоей совести немало проступков и даже преступлений. Были и позорные моменты.

(Я опустил глаза). Но твоя беззаветная преданность истине, твоя готовность помочь людям – перевесили. Следственный Райский Комитет одобрил твою кандидатуру. Более того, мы решили применить к тебе ускоренную процедуру, совместив прохождение Чистилища с жизнью на Земле. Так что ты будешь жить в Раю. Ты уже около Рая.

Как!?? Я буду жить в Раю?? Я, который не верил ни в Ад, ни в Рай? Я, который не посещал ни церковь, ни синагогу, не молился и не причащался? И никогда не каялся? Невероятно, потрясающе!! Если бы у меня были крылья, я бы взлетел.

– Впрочем, у меня ещё будут крылья, – подумал я.

– Будут, будут... – отвечал Апостол, подслушав мой внутренний монолог. – Всё возможно. Для Господа нет ничего невозможного. Но...

– Вот есть «но», – подумал я.

– «Но» есть всегда, – продолжил Пётр. – Ты должен вернуться на Землю и привезти оттуда Листок Убытия.

– Листок Убытия, а что это? – радостно-возбуждённо, но и недоумённо спросил я.

– Листок Убытия, – терпеливо объяснил Апостол, – это документ, который выпишет тебе соответствующее учреждение на Земле. Листок Убытия – это свидетельство, что ты действительно был постоянным резидентом Земли, а в настоящее время покидаешь её. Дело в том, что Земля сейчас наводнена жителями других планет, пришельцами-мигрантами, а наш Рай рассчитан только на землян. При всей нашей открытости и терпимости Рай – только для Земли. Так повелел Господь.

– Возвращайся на Землю, сын мой, – заключил святой Пётр, – привези Листок Убытия, а мы с радостью распахнём перед тобой врата Рая.

...Я открыл глаза. Я лежал на широчайшем и удобнейшем ложе. Это был американский госпиталь, знаменитый Barnes-Jewish Hospital в Сент-Луисе. Я был один в огромной палате. Передо мной была полиэкранная стена. На левом экране бежала строчка, непрерывно отражая мои медицинские показатели – давление, пульс, содержание сахара в крови, химический состав дыхания. Две сестры на цыпочках входили и выходили, что-то поправляя в электронном оборудовании кровати. На правом экране было моё меню: блюда я мог выбирать дистанционно. На центральном экране была моя Катя. Экран просто лучился от её радости.

«Как хорошо! Ты очнулся! Это чудо!» – твердила она. Оказывается, у меня была клиническая смерть, и чуда уже никто не ожидал.

– Катя, дорогая, – проговорил я слабым голосом. – Я, наверно, скоро буду в раю.

– Хорошо, хорошо, милый, лишь бы ты был жив-здоров. Как ты себя чувствуешь?

К вечеру я почувствовал себя бодро. Настолько бодро, что на завтрашний день я собрался в Social Security. И жену взял с собой. Была пятница, два часа, и никакой очереди. Нас приняла афроамериканка средних лет, энергичная и внимательная. Я попросил её не удивляться, рассказал всё без утайки и осведомился, не их ли учреждение выдаёт этот Листок Убытия.

Как ни странно, мой рассказ ничуть не удивил её.

– Видите ли, мистер Жаблонски...

– Яблонский, Yablonsky. Y like yellow, A like apple...затараторил я. Для верности я ещё и написал свою фамилию на бумаге. Мне было не надо, чтобы в Листке Убытия стояла другая фамилия.

– Извините, мистер Габлонски, – сказала чиновница. – Ваш случай совсем не редкий. Более того, он обычен. Мир стал прозрачным. Примерно за два года до прекращения уплаты налогов мы уже знаем, что ждёт американского гражданина, Ад или Рай. И вот если к нам заранее, я подчёркиваю – заранее обращается гражданин, который получал пенсию в течение не менее 5 лет и запрашивает Листок Убытия, «Certificate of Leave», мы, конечно, выдаём ему такой документ. При условии, что он представляет нам справку о выплате налогов за 5 лет. Но...»

– И тут «но», – подумалось мне.

– Но, – продолжила представительница Social Security, – в этом случае, Ваша жена или Ваш партнёр («Жена», – вставила Катя) теряет право получать ту часть Вашей пенсии, которую бы она имела, если бы Вы не попали в Рай. Кроме того, она лишается права подавать на получение Supplementary Insurance, включая обычное медицинское обслуживание, зубы, очки. Я уже не говорю об имплантах...

Я не верил своим ушам. Катя – тоже.

– Как это может быть? – воскликнул я, потрясённый. – А где же социальная справедливость?

– Так это и есть самая настоящая социальная справедливость! – повысила голос и чиновница. Ну посмотрите сами. В нынешнем мире совсем нетрудно узнать, чьи родственники – в Раю, а чьи – в Аду. Откройте компьютер и зайдите на сайт

«post_mortem». И все всё знают. И к чему же это приводит? Одни непомерно гордятся, другие стыдятся, третьи жгуче завидуют, четвёртые вроде бы не подают виду, но на самом деле, страшно переживают. Создаётся колоссальное социальное напряжение. Представьте себе, что Вы точно знаете, что у Вашего соседа по дому дедушка или отец, жена или сестра, а то и все они вместе, занимают заслуженное место в Аду? Ну и как Вы будете теперь к нему относиться? Весьма вероятно, что при любом ничтожном конфликте, а такие конфликты, увы, неизбежны, Вы выскажете предположение, что и его место там же, среди его достойных родственников. А, с другой стороны, райские жители покровительствуют своим семьям, оставшимся на Земле, райские яблочки посылают. Ведь это уже не секрет, неоспоримая правда, и не надо этого отрицать. Чтобы избежать таких противоречий, совершенно лишних для нашего сбалансированного общества, и было решено внедрить программу «Post Mortem Social Rehabilitation». По этой программе мы оказываем всяческую поддержку, и материальную, и моральную, людям, чьи близкие терпят муки Ада, и лишаем таковой тех, чьи родственники вечно блаженствуют в Раю. Эта программа очень популярна. Вчера, мистер Бабилонски, на Вашем месте сидели представители организации «Black after lives matter» и выражали восхищение нашей деятельностью.

«А я вам ещё что скажу, – тут чиновница сильно понизила голос. – Может быть, лишение медицинской помощи оправдано. В таких обстоятельствах Ваша жена скорее окажется вместе с Вами...Иногда мы заранее оформляем – всё по облегчённой процедуре – сдвоенный Листок Убытия... Хотя...»

Я не мог слушать всю эту белиберду. Это было невыносимо, невыносимо!..

Как!? Я буду нежиться в Раю, а Катя, моя Катя будет страдать на Земле, не получая никакой медицинской помощи. Это невозможно, это, наконец, преступно!

Я был вне себя. Нечленораздельные хрипы раздались из моей груди. Страшная боль пронзила сердце. ..

Когда я открыл глаза, я снова увидел апостола Петра.

Он был удручён.

– Сын мой, ничего не поделаешь. Придётся ещё раз вернуться на Землю.

Апостол глубоко вздохнул.

Я тоже вздохнул и проснулся. В госпитале. На этот раз – в другом госпитале.

Вокруг говорили по-русски, и я прекрасно понимал все выражения. Моя кровать стояла в коридоре. Кровать хорошо пружинила: пружины я ощущал всем телом. Ужасно дуло отовсюду. Рядом на стуле сидела Катя с милым измученным лицом. Она принесла из дому творог и виноград. В её руке были маленькие ножницы. Она собиралась стричь мои ногти, отросшие за время болезни. По мне пробежала волна умиления. Я повернулся к стене, скрывая слёзы.

Чувствовал я себя скверно, но тем не менее решил не откладывать. На следующий день мы с Катей пошли в пенсионный отдел. Путь был неблизкий, отдел ютился на краю города. По дороге – полуразрушенные лестницы, склизкие ступени...Попали под дождь. Я опирался на палочку и устал страшно. Катя – тоже. Вдруг она спросила: «Что это?». Перед нами был странный дорожный знак – перечёркнутая палочка. Я пожал плечами.

Вот, наконец, оно – здание отдела, одноэтажное, давно не отремонтировано, выкрашено в жёлтый цвет. Народу в коридоре много, стульев мало. Но нам повезло. Не прошло и часу, как нас приняла зам. зав отдела, пожилая женщина в старой вязаной кофте. И вся она была какая-то вязаная. И звали её несколько необычно, Вася Афанасьевна.

Так же, как и раньше, я решил говорить всё начистоту и без обиняков: меня ждёт Рай, и Листок Убытия – единственная препона на этом пути.

Реакция была сугубо положительной: «Голубчик, не сомневайтесь! Конечно, выдадим. И дополнительная услуга – не вносим в Интернетный реестр. Понимаете...»

Я понимал и промолчал...Вообще-то, нам с Катей не надо было никакого Интернетного реестра, – это – в свете наших отношений с Social Security – было разумной мерой предосторожности.

– Судя по всему, – продолжила Вася Афанасьевна. – Вы человек весьма достойный, таких в Раю не хватает. Но...»

– Снова это «но», – подумал я уныло. Что же на этот раз?

– Наломала дров Сесиль Капитоновна, прежняя заведующая. Выдавала Листки кому ни попадя и приписывала даже «для направления в Рай». И что ж вышло? Им в Ад – прямая дорога, а устроились в Раю и живут припеваючи. Знаете, как я называю этих людей?

– Как? – спросил я. Мне становилось плохо.

– Сволочи они самые настоящие. А самая главная сволочь, знаете кто?

– Кто? – спросил я автоматически. Голова кружилась.

– Сесиль Капитоновна, наша прежняя. Вот после её чудес у нас правило строжайшее: выдавать Листки Убытия только после Запроса из Рая. В Аду же никаких Листков не требуют: всех берут. Вот привезёте такой Запрос и выдадим Вам Листок Убытия. Вы же не сволочь...

И улыбнулась.

– А где же сейчас Сесиль Капитоновна? – задал я нелепый вопрос, едва держась на ногах.

– А чёрт её знает, – Вася Афанасьевна легко махнула рукой. – А можно и без Запроса...Отсюда в Рай две дороги. Либо Запрос – либо...

– Как это либо? – спросила Катя.

– А так, – Вася Афанасьевна взяла бумажку, что-то на ней написала и показала нам. Мы глянули. Меня обдало жаром. Цифра была немаленькая. Не в этом дело. Меня же, взяткодателя, к Раю на пушечный выстрел не подпустят! Но...ведь Сесиль Капитоновна устраивала в Рай и, наверно, не за бесплатно.

В голове у меня страшно зашумело, внизу живота похолодело.

– Да попаду я в Рай без всяких ваших «либо»! – вскричал я в страшном бешенстве. И умер.

...Я открыл глаза и снова увидел...Правильно...Апостола Петра. Не очень-то он был рад встрече со мной. Апостол решительно отказался дать мне Запрос на Листок Убытия.

– Сын мой! – сказал Пётр. – Такой запрос не выдаётся никогда. Ни-ког-да! Мы не собираемся веселить атеистов, агностиков, эклектиков и прочую шваль. Подумай сам. Дать тебе такой запрос – всё равно, что выдать документ, свидетельствующий о существовании Бога. А Господь являет своё могущество, не нуждаясь ни в каких доказательствах. Пути Господа неисповедимы, а замыслы – сокровенны. В этом – его сила.

– Так что же мне теперь делать? – спросил я, почти не расслышав своего голоса.

Апостол глянул на моё лицо, убитое горем, и смягчился.

– Ступай на Землю, сын мой, и жди. Решение по тебе принято окончательное.

Место в Раю тебя ждёт. Но...Листок Убытия нужен. Уповай на Господа!

... И я открыл глаза. На этот раз окончательно. Я проснулся в моей сент-луисской квартире. Вокруг были книги, папки, картинки на стенах, «The New York Review of Books» на полу. Катя на кухне варила кашу и не заметила, что я проснулся. Боже великодушный! Так это был сон, всего лишь сон, дурацкий сон во сне, с болезнями, с метаниями между Небом и Землёй.

Всего лишь сон. Слава, слава Богу!..

Но ... я знаю твёрдо: место в Раю мне гарантировано. И, дорогие друзья, может, вы всё-таки знаете, как добыть этот чёртов Листок Убытия?

Помогите, пожалуйста!

Ксения Кривошеина

Париж, Франция

О НИКОЛАЕ АКИМОВЕ. КАПЛЯ КРОВИ

Эпизоды

Мой небольшой эскиз о Николае Павловиче Акимове я должна начать издалека.

С 1960-х мы постоянно жили на даче в Комарово, у наших друзей Порай-Кошицев. Мой отец дружил с Верой Федоровной Матюх, женой Евгения Александровича Порай-Кошица, а я – с их сыном Алексеем. Постепенно на этой даче стало жить веселее, она обрастала друзьями самого разного возраста.

Алеша был старше меня на пять лет; когда тебе 16, молодой человек в свои 21 кажется очень взрослым. Он учился тогда в Университете на физико-математическом факультете и был вовлечён в интереснейший круговорот друзей. Меня всегда тянуло к старшему поколению, с ними было интересно. Эта умная, начитанная молодёжь надо мной немножко подтрунивала, особенно Варя, жена Андрея Черкасова (сына знаменитого актера Н.Ч.), а я ее боялась и стремилась во всем ей подражать.

Андрей тоже был физик, мне тогда казалось, что в нашей компании все были физиками-лириками вперемешку с поэтами и бардами; все мы много читали вслух, много слушали джаза, много пили болгарской красной «гамзы», ездили летом в Коктебель, и все поголовно были друг в дружку влюблены. В общем, такая безумная вакханалия 60-х, которая разбудила спящее царство не только академического посёлка Комарово, но и всю совдепию.

Алеша очень любил играть в преферанс, дошло дело до того, что эта страсть обернулась для него «вылетом» из Университета. Не помню, но, кажется, он играл на лекциях – и его застукали, а может, и настучали. Бедные родители, папа и дяди – профессора (дед академик!), а сын шалопай. Забегая вперед, скажу, что сейчас Алеша стал известной личностью, и, видимо, все что тогда случилось обернулось к лучшему.

Вера Федоровна пришла к моему отцу, закурила папироску и сказала упавшим голосом: «Как быть с Алексеем, что вы, Игорь»,

посоветуете?» Ведь вставал вопрос о его немедленном призыве в армию.

Папа подумал и спросил: «А чем он еще интересуется?».

«Он немного рисует...», – как-то неуверенно пролепетала Вера Федоровна.

«Пусть покажет мне свои рисунки», – ответил отец.

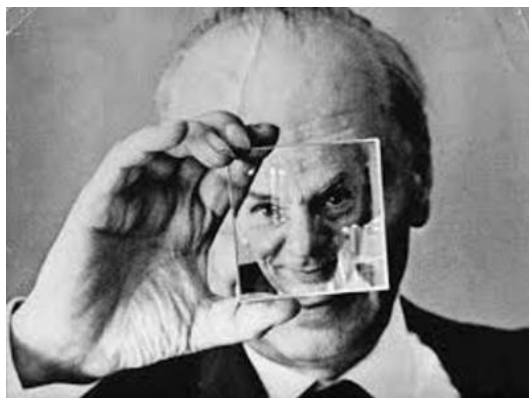
После этого Алеша стал регулярно приходить к отцу, получать задание на дом, дело пошло, и выяснилось, что у него открылся настоящий талант, который нужно было срочно внедрить в художественный вуз.

Обсуждали, куда поступать, выясняли, судили да рядили, а время шло, и однажды к нам на дачу зашёл академик Евгений Федорович Гросс. Его огромная дача высилась в конце поселка и напоминала неприступную крепость, в которой заправляла его жена Тамара.

Гросс был милейший, образованнейший гном, в вечной тюбетейке на лысеющей голове, которая была набита не только великими достижениями в области физики и открытиями в виде особых частот (они так и называются «гроссовскими»), но он был знатоком мировой живописи и музыки, постоянным слушателем филармонии и коллекционировал интересных друзей. Его знаменитой игрой-угадайкой, проверкой на образованность, был показ иллюстраций живописи или открыток.

Он всегда носил портфельчик, набитый вырезками из альбомов, для растерянного собеседника это богатство постепенно вынималось и раскладывалось как карты, картинкой вверх, а правильный ответ с подписью и датой находился с обратной стороны: «А это Сезанн или Брак?» , «Рембрандт или Хальс?»... труднее было с абстракцией, мы тогда только начинали узнавать мировые имена...

Друзьями Гросса становились угадавшие 10 картин из двадцати. Я в свои годы угадала пять, но это его совершенно покорило, и он стал за мной ухаживать. Более того (о ужас!), в один прекрасный день он пришел говорить с отцом о вполне серьезных намерениях....

Николай Акимов

Помню, что моя девичья интуиция мне что-то такое нашептывала, но я и не думала, что дело пойдет так далеко.

Я испугалась, рванула в сад, подальше от всех, там где уже росли елки и легла плашмя на мох. Долго лежала, подруга Катька, потом за мной прибежала и сказала: «Гросс ушел обиженный».

Но прошло несколько месяцев, он, видимо, меня простил, и мы встретились с ним на концерте в большом зале Филармонии. В одной руке неизменный портфель, а другой он дружески обнимал мужчину с серыми глазами, в серо-голубом пиджаке. «Вот Ксенечка, познакомьтесь, это Николай Павлович Акимов, знаменитый режиссёр и художник...великий человек!» Глаза Акимова смотрели внимательно. Он пожал мне руку, бросил взгляд на мою короткую челку и насмешливо сказал: «Вам очень идет эта стрижка под мальчика». Мы вошли в зал и наши пути разошлись, они пошли в партер, а я поднялась как всегда наверх, на галёрку. Там обычно вся наша компания встречалась, слушала очередной «Мадригал» с Волконским, а потом все шли в пивной бар напротив.

Дома, я сказала отцу о «мирной» встрече с Гроссом: «Знаешь, он меня познакомил с Акимовым, сказал, что это гений». Не знаю, почему, но имя Николая Павловича было мне тогда неведомо. «Неужели он с ним знаком?! – оживился отец. – Это же потрясающий художник! Он опять в Ленинграде, а ведь как его травили!»

Прошло некоторое время. Алеша принес очередную папку рисунков и сказал: «Прошел слух, что в театральном институте открылся факультет, которым руководит Акимов... на нем обучают художников, макетистов и завпостановочной частью». Папа вспомнил о Гроссе и позвонил ему.

Однажды вечером на нашей комаровской веранде, вокруг стола, собрались все «виновники» этой предыстории. К чаю, на огонек, неожиданно зашел Митя Орбели, как всегда ироничный, умный, бледный и с вечным «казбеком» во рту. Я не очень хорошо помню, как проходил вечер, о чем шел разговор, вот только, под самый конец Николай Павлович посмотрел на меня через стол и спросил: «А о чем вы мечтаете?» В свои 16 лет я мечтала только о принце, немножко рисовала, танцевала и очень много читала. Как тут ответить? За меня ответил отец: «Она любит расписывать ткани, вот всем друзьям изготовила занавески, платья...» . Серые глаза смотрели внимательно. Потом вступился за меня Гросс: «Она знает Эрмитаж как свои пять пальцев!» Сын Орбели и Изоргиной фыркнул и отпил коньяка: «Да, изучает, ей Антонина Николаевна подарила свой альбом об импрессионистах»

«Как знать, может, и Ксения захочет поступить на мой факультет?»

И уже прощаясь, в саду, мы стояли рядом с отцом: «Игорь Иванович, вы разрешите вашей дочке мне попозировать? Она просится на портрет». Как меняются его глаза, стальной блеск, профиль, лицо сочетания совино-орлиного и повадка птицы, роста не высокого, сильный поток энергии.

Наступила осень, отец меня привез к Николаю Павловичу, а сам уехал. Я не помню адреса, но мне кажется, что это была не коммуналка в Кирпичном переулке, а квартира на улице Гоголя. Атмосфера комнаты мне показалась сразу родной: бесконечные безделушки, фотографии на стенах, колокольчики позванивали на все лады (он их собирал), много ножичков и пилочек, портреты, книги, альбомы ...это была не просто мастерская художника, заваленная подрамниками и картинами, это пространство чем-то напоминало квартиру деда, где я родилась, только у нас были рояли и нотные шкафы до потолка.

«Не стесняйтесь, можно смотреть и даже трогать руками», – сказал Акимов. Прикасаюсь к предметам я не решалась, но погладила странную шкурку на кресле, дотронулась до колокольчиков, увеличительных стекол (зачем они?)... Значительно позже я увидела его знаменитое фото с кубиком-линзой, подумала, что уже тогда во всей атмосфере его жилья царил сюрреализм; прошлая жизнь под микроскопом выявлялась в фарсе настоящего. Было тут и трагическое, давящее... А вот и альбом картин Василия Шухаева, скорее это даже не книга о собранные в папку отдельные страницы, видимо, из старых книг. Шухаев мне был знаком по нашим домашним журналам «Аполлон» и «Мир искусства», они достались от деда, но тут я увидела незнакомые вещи...

«Сядьте на это, – я уселась на высокую табуретку. – Будем разговаривать, расслабьтесь!». Он стал ходить кругами, приседать, щелкать фотоаппаратом. Неожиданно его облик изменился и он стал похож на умного ворона.

У меня была большая практика позирования. Папа меня мучил с пяти лет, сколько я ему служила моделью (!), то «девочка гладит», а то «стирает», слезы на третий час терпения капали в таз. «Я перед вашим дедом преклоняюсь, он ведь был мастером гримов и костюмов!» – Николай Павлович вспоминал, как когда-то видел деда в Оперной студии со студентами, как тот объяснял и показывал. – Ершов был гений, это был самородок!» Потом я поняла, почему ему так нравилось, как мой дед просвещал студентов, но это позже.

Он заметил, что я рассматривала шухаевский альбом и начал мне о нем рассказывать, перешел на Александра Яковлева.

Фотоаппарат щелкал, я крутила головой, меняла позу, закинула ногу на ногу в своих узеньких брючках, на которые так шикали мне вслед разные бабки... и запихнула руку в карман достать носовой платок и – о ужас, – поднося его к лицу, я увидела, что он весь измазан красными пятнами.

Смущение, паника, рой жужжал в моей голове. Это кровь! И тут я потеряла сознание.

Очнулась на диванчике, сильно пахнет аптечным, на лбу холодная тряпочка, Акимов рядом в кресле, взволнован. Я сразу

поняла, откуда кровь. Когда я трогала разные предметы на его полке и столе, то незаметно порезалась, крови было немного, но, видимо, я находилась в таком напряжении и была так взволнована, что это стало последней «каплей»... в девичестве от сильного стресса я не раз валилась на пол.

Я села: «Николай Павлович, простите, давайте ничего не будем говорить моему папе». Он улыбнулся, и, когда через полчаса появился отец, наша тайна осталась в этих стенах. Продолжения фотосессии не последовало.

Но пока к Акимову поступил Алеша. Насколько я помню, он учился с радостью и дело у него пошло на славу. Его судьба срослась с ТЮЗОМ Зиновия Корогодского и театром Льва Додина.

В течении трех лет я валяла дурака и под неусыпным руководством отца даже начала зарабатывать первые рублики. Этикетки для шоколадок и вафель, конфетные коробки – первые пробы в промграфике. Наверное, так бы все это и шло, впрочем, если забегать вперед, я в результате стала иллюстратором детских книг аж на целых 15 лет. Но почему-то папа постановил, что мне нужно иметь диплом: «Поступай к Акимову, он не испортит, у него интересно, а в этих академиях убьют всю индивидуальность». Отец ревностно оберегал меня от соцреализма.

В 1964 году я пришла на собеседование, которое устраивалось в ЛГИТМИК и которое проводил сам Николай Павлович с группой преподавателей.

Когда очередь дошла до меня, он серьезно взглянул и произнес: «Расскажите нам о ваших любимых художниках». Может быть, он думал, что я вспомню Шухаева, но я рассказала о Матиссе и о том, как я люблю бывать в этих залах «третьего этажа» Эрмитажа, как люблю сидеть там одна и прихожу туда каждую неделю.

В приемные экзамены входило сочинение на вольную тему, и я продолжила свой рассказ о Матиссе, исписала много страниц. Еще было обязательным, чтобы все поступающие выставили свои картины, эскизы, рисунки, кто что мог и хотел. Получалась такая коллективная выставка, каждому отводилось свое место. Помню, что на мой курс приняли очень талантливых ребят, все

они были любознательные, открытые и горели желанием узнать мир.

Все на факультете было интересно! Педагоги, учителя живописи, истории искусства и даже декан, армейский «левша» А.В.Соллогуб, который своим голосом, нарукавниками и фартуком наводил страх на всех нас, казался неотъемлемым «пятым элементом». Как такой Соллогуб мог быть в одной упряжке с тонким и чутким обожателем красоты, каким был Акимов, – для меня до сих пор необъяснимо.

Николай Павлович редко, но приходил на факультет. Он собирал нас в большом классе, мы рассаживались кто куда и он в центре. Начиналась беседа, вопросы-ответы, и, конечно, это перерастало в его рассказы о людях, театре, живописи. Как он преображался!

В 1966 он говорил с нами только один раз, на следующий год я взяла академический «антракт», а в 1968-м Акимова не стало.

Недавно я узнала, что в Бахрушинском музее в 2016 году прошла выставка, посвящённая Николаю Павловичу, приуроченная к 100-летию со дня его рождения. Её устройством занималась ученица Акимова и моя подруга Марина Азизян. Жаль, что я эту выставку не видела, не окунулась в такие далекие и близкие 60-е .

Татьяна Кузнецова

Москва, Россия

ПРО ЖАНКУ

Зоопарк

– А я очень люблю песню про зоопарк, – говорит Жанка.

– Это какая ещё? – недоумеваю я.
– Ну, где много зверей в припеве. И мелодия красивая.
– Хоть слово помнишь?
– Неа... – Жанка изучает свой маникюр.
– Ладно, а кто поёт, мужчина или женщина?
– Мужик, конечно! Стала бы мне нравиться песня, которую поёт тётка, – Жанка искренне удивлена.

Мы сидим в нашем номере в гостинице. Мы всегда селимся с Жанкой вместе, когда к нам в вуз по обмену приезжает толпа иностранных студентов и им надо показывать столицу.

– Мне Люка понравился, – говорит Жанка. – Лююююка... Ты видела, какая у него фигура? А какой нос! Сразу видно – из хорошей семьи!

– Да ну их, этих итальянцев, – я тихонько радуюсь, что у нас с Жанкой опять не совпали вкусы. Я люблю блондинов, и на фигуры мне обычно наплевать. Мне надо, чтобы был умный и с длинными тонкими пальцами.

– Ты ничего не понимаешь! – Жанка поворачивается ко мне, она ладная и вообще аппетитная. «Может, я латентная лесбиянка?» – старательно проговаривая про себя сложный термин, я в который раз разглядываю Жанку. Нет... вряд ли. С длинными тонкими пальцами у неё туго, да и со второй составляющей моих любовей...

Хотя женский ум – это другое. Если по Жванецкому, в нашем дуэте Жанка – прелесть какая глупенькая, а я – ужас какая дура.

– А какой у Люки взгляд! Не-за-бы-ва-е-мый! Раз – и всё! – Жанка тарашится и с помощью медленного поворота головы пытается изобразить миланца.

– Да ну. Это он тебе незабываемый, а по мне – чёрные пуговицы вместо глаз. То ли дело у Бьорна... море... светло-зелёное такое...

– Вспомнила! – Жанка вскакивает. – Чей так светел взор незабываемый!

Я сползаю с кровати и начинаю всхлипывать от смеха.

– Огнегривый лев, да?

– Конечно! – Жанка топает ногой. – Конечно! И ещё орёл там был! Чем тебе не зоопарк?

Но потом присоединяется ко мне, и мы обе хохочем, сидя на полу.

Нам по двадцать, и у нас впереди столько плохого и хорошего – у меня и моей любимой подруги.

Тюнинг

– Нет, ну ты представляешь, какой идиот! – Жанка сидит в кресле, поджав под себя ноги и жестикулируя. – Когда гуляли по Милану, сказал, что у меня красивые волосы, краска отличная. Только, говорит, зря ты два цвета сделала. Я ему талдычу: это у меня после поездки на море, выгорели просто! Не верит, представляешь?

Жанка – не из тех, кто просто так выпускает удачу из рук. Выцыганила у институтского начальства месячную стажировку в Италию и приехала в один из выходных к своему ненаглядному Люке.

Сейчас она вернулась в Москву и делится впечатлениями.

– Идиот. Клинический, – соглашаюсь я.

– Да ты меня вообще не дослушала, всё тебе не терпится, ты можешь принести мне что-нибудь попить, Танюх, я так удобно тут сижу, спасибо большое, – на одном дыхании выдает она и склоняет голову набок.

– Когда ты ко мне придешь в гости, я тоже буду гонять тебя на свою кухню, – ворчу я, но встаю и плетусь.

– Ну вот, – Жанка трясет некрашеными локонами. – А потом мы пошли в ресторан. И там он продолжил: какие у тебя красивые зубы, я и не знал, что в России такое хорошее протезирование.

– Надеюсь, ты ему сказала: это чтобы тебя съест, козёл?

– Не, я серьёзно ответила, что это природное, – Жанка тяжело вздыхает. – Ну, как я его могла козлом обозвать, а? К тому же я не знаю, как это по-английски. А по-итальянски тем более!

– Goat. Учи матчасть. Но думаю, если б ты плюнула ему в рожу, он и без слов бы всё понял. Плюнула?

– Нет, – Жанка вдруг всхлипывает. – Понимаешь, он... он...

– Ну что? – Я свирipeю.

– Перед сексом он посоветовал мне снять цветные линзы. Чтоб глаза не поранить. Вот. – Жанка заматывает лицо волосами и начинает рыдать.

– Всё! С меня хватит! Где ты делала итальянскую визу?
Из копны волос показывается заплаканный Жанкин глаз.
– Зачем? – спрашивает глаз.
– Поеду! Морду ему бить! Сволочь буржуйская!
– Ты это... – Жанка окончательно вылезает из своего укрытия,
– не надо. И вообще... Ты можешь мне помочь?

Я вопросительно застываю.

– У тебя дома много картин. Одолжи мне на недельку штук пять-семь?

– Что?

– Ну, я их тут красиво по стенам развешу. Пусть Люка думает, что я культурная и живопись люблю. Понимаешь, он завтра приезжает. Говорит, что я настоящая. А принесешь еще водички?

Она размазывает вокруг своих зеленющих глаз остатки туши и беспечно улыбается.

Бесприданница

– Танюх, я тут прочла Островского. Скажи, зачем классики писали такие грустные вещи?

На этот раз Жанка нарисовалась у меня. Она похудела, на ней дорогушие стильные шмотки, маникюр какого-то немыслимого оттенка и черепаховый гребень, поддерживающий роскошные волосы.

Жанка, однако, не жалеет маникюра и своих прекрасных зубов. Она сидит на кухне и лузгает семечки.

Я приготовилась слушать. Интересно, что на этот раз?

– Танюх, я его больше не люблю.

Опа. Я наваливаюсь на стол с такой силой, что он чуть не опрокидывается. Жанка ойкает, подвигает семечки к себе поближе и продолжает.

– Ты была права, у мужика должны быть мозги. А какие мозги могут быть у итальяшки, который и жизни-то не видел?

Не давая мне опомниться, Жанка выдает без остановки:

– Я познакомилась с его родителями. Они потащили меня на пляж, наверное, фигуру мою рассматривать. Ну, мне ж есть что показать, не жалко. А там какая-то мулатка вырезала по моей ноге сланцы из дорогущей кожи. На кой черт они мне сдались?

Сто тыщ лир! Я на эти деньги знаешь сколько всего могла бы купить? Лишь бы пыль в глаза пустить. А потом у них дома, представляешь, они свет не гасят в коридоре! Чтобы собачка не споткнулась ночью, если захочет погулять! Никакой экономии! Идиоты! И сыночек у них такой же! Накупил мне вещей, нет, мне нужны дорогие вещи, но зачем такие-то? У меня что, вкуса нет?

– Так радоваться ведь нужно, люди нежадные.

– Да? И я вот так подумала сначала. Танюх, я целых два дня так думала!

Жанка делает мхатовскую паузу и продолжает.

– Когда его мамаша увидела, сколько денег он оставил на ее кредитке, она на меня стала смотреть, как на пиявку. А какая я пиявка, разве я похожа на пиявку?

– Нет. Что ты. Совсем не похожа. Какая ж ты пиявка? Только при чем тут любовь?

– А при том! Мамаша его сказала, что я им не нужна с такими запросами. А я ведь ничего не просила, он бы лучше деньгами дал, я бы и меньшей суммой не побрезговала. А он ей сказал, что любит меня. А она ему сказала, что пусть катится куда хочет. И он теперь спит и видит, чтобы приехать в Россию, чтобы жить тут со мной. Скажи, на кой он мне здесь нужен, а?

Она наконец отставляет семечки и говорит, подняв глаза к небу:

– Вот классик верно подметил: я любви искала и не нашла! Как про меня, правда?

Финик

Это странное финское имя я даже не пыталась запомнить. Тем более что Жанка на сей счет тоже не заморачивалась. Своего нового друга она называла просто – «финик».

О том, что Жанка опять собралась в Финляндию, я узнала от ее мамы.

– Оставляет Петеньку нам, – сокрушенно говорила мне в трубку Жанкина мама. – Уже в третий раз за последнее время. И на что она надеется?

«Давненько не брала я в руки шашек», – бормотала я себе под нос, набирая Жанкин номер.

– Танюх, а на что мне жить? – Жанка была на коне. – Финик ребеночка мне сделал? Сделал. От отцовства отказывается? А вот и не угадала, не отказывается. Вот пусть все бумажки подпишет и платит, как положено. Съезжу в его чухонскую страну и всё оформлю, как надо. Ну, ты ж меня знаешь, от меня ещё ни один просто так не уходил!

– А Петя легко остается у бабушки?

– Танюх, я тебе перезвоню, ага? – Жанка никогда не церемонилась, если ей нужно было закончить разговор.

Перезвонила она мне, как ни странно, сама. Дня через три.

– Танюх... – сказал пьяный Жанкин голос. – Танюх...

– Я тебя слушаю.

– Танюх, вот я задницей чувствую, что не надо мне никуда ехать. Ну, жили мы три года без алиментов финика – и дальше проживем. А Петруха на меня посмотрел сегодня и говорит: мама, не уезжай, мне страшно! Ну, и куда я поеду? Там недели три торчать надо. А мать наверняка Петруху будет у себя дома держать, хотя у меня квартира просторнее и вообще ему роднее. Вот задницей чую, что-то не так. Танюх, скажи мне, чтоб я не ехала, я не поеду.

– Да не буду я тебе ничего говорить. Если жить не на что, а финик согласен, – поезжай. Ты ж сама решила.

– Вот никакой от тебя пользы! Никто не хочет понять материнского сердца! – Жанка бросила трубку.

Я вздохнула и подошла к зеркалу. Состроила умудренное жизнью лицо. Правда, ребенка от этого у меня ни тут, ни в зеркале не образовалось.

Я вздохнула еще раз и пошла спать.

О взрывах на улице Гурьянова я узнала вместе со всей страной, через неделю после разговора. Я набирала и набирала Жанкин телефон, силясь вспомнить номер ее дома. Телефон отзывался долгими гудками.

Жанка позвонила сама. Из Финляндии.

– Танюх, спасибо тебе! У меня всё хорошо! Финик подписал все бумажки, так что полный порядок! Танюх, ты чего молчишь?

- Ты новости смотришь?
- Да, смотрю, это соседний дом, мама сказала, что у нас только окна повывлетали. И шкаф еще упал на кровать, где мы с Петрухой обычно спим, представляешь, какая ты молодец, что уговорила меня поехать? А мать-то молодец какая, забрала ребенка к себе домой. Ты представляешь, что было бы, если б они в моей квартире остались?
- Жанка шумно дышит в трубку.
- Спасибо тебе. Ну... просто за то, что ты у меня есть. Я скоро приеду. Финик звал на море, но куда я без Петрухи.
- Жанка...
- Да, Танюх. А своей заднице я больше никогда не буду доверять. Только твоей. Тем более что она у тебя больше!
- Ах ты зараза!
- И мы обе сотрясаем международную телефонную линию своим хохотом.
-

Николай Боков

Париж, Франция

ПОЭМА БЕДРА

Не цветок, не узор, не глупый дракон на бедре синеватую грязью наколки.

Неужели стихотворение? Ровные строчки, их восемь, – он догонял его по крутой лестнице выхода из метро Колонель Фабиан.

Впереди него две девушки поднимались, и он, ненасытный читатель (и зритель), спешил.

Всё тут было: бедро, возжеленье, поэзия, желание автора угадать, неприязнь к грязноватой синеве иголками наколотых букв.

Он успел две строчки прочесть на странице живой и рельефной: она двигалась вверх и вниз, сжатая шортами.
Татуировка в стихах!

I like a look of agony,
Because I know it's true...

Они уже поднялись на поверхность земли, солнце слепило, день превосходный после тусклой весны. Он слышал английскую речь, – несомненно, дочерей Альбиона, не янки с их рычанием в горле победным!

Надо же такому случиться: фотографический аппарат он забыл в этот день. Документ ускользал навсегда: бедро со стихами мелькало в толпе, устремившейся улицу перейти, девушки быстрее пошли.

– I like a look of agony... – сказал он вслух, удивляясь.

Нет, не Уитмен, не По, ему слышалось женское настроение. Он, впрочем, уже и не знал: вспоминаются ли ему стихи, возможно, читанные когда-то, или всплывает в памяти настроенье – возлюбленной некогда женщины?

Ему захотелось усыновить ничейные строки, он подбирал им русский костюмчик, вот такой, например, перевод:

Люблю я вид агонии,
Я знаю – нет в ней лжи...
Странно, но пусть будет.

Сейчас он поднимется к себе и поищет, кто автор сих строк – знаменитых настолько, что их гравировать на теле живом, на коже атласной, на которой приличнее писать поцелуями, а не иглами.

Сильвия Плат?

Однако за хлебом сначала; здесь за углом еврейская булочная, по субботам закрыта, и по воскресениям тоже, там смешанный коллектив, а хлеб превосходный, – слава о булочной этой разошлась далеко, он видел: иные не ленились, приезжали на автомобиле. Он купил, как обычно, «традицию», – так называется ныне хлебный батон небольшой и нетолстый. Булки тоже названия меняют, как сама жизнь. За прилавком трудилась хорошенькая Анаис, достопримечательность булочной; он и сам еще год назад радовался ее розовым щечкам и глазкам

сверкавшим. Ах, не без грусти однажды заметил округленьё животика: он пух с каждой неделей, поднимался, словно тесто в квашне. Женщины в очереди – да-да, бывает очередь в прославленной булочной! – умилялись. Спустя время покупатели радовались младенческому лепету и плачу, доносившемуся из дальних помещений пекарни.

Анаис – счастливая – вынесла Грегуара: экий бутуз, красавец! А из-за них выглядывал пекарь Самсон. Он-то и замесил, а она испекла.

– Люблю я вид агонии, я знаю – нет в ней лжи... – нет, нет, не рифмуется тут.

«Традиция», еще теплая, благоухала.

Как теперь упростилась жизнь! – вздохнул он, набирая строку. И кстати: память протерлась на сгибах и протекла, ее заменил интернет.

Ответ молниеносно выскочил на экране: Эмилия Дикинсон 1830-86.

Ну конечно, она, он уже смутно подозревал!

I like a look of agony,
Because I know it's true;
Men don not sham convulsion,
Nor simulate a throe.

– Люди не играют конвульсию... не изображают судорогу... Так, так.

И еще четыре строчки, повторяющие тему о правде смерти. Повторенье – мать ученья.

«Глаза остекленеют, и это смерть.
Невозможно подделать
Перлы... но лучше жемчуги (пота) на лбу,
Нанизанные... хотя лучше рассыпанные
противным страхом».
Гм.

The eyes glaze once, and that is death.
Impossible to feign
The beads upon the forehead
By homely anguish strung.
Уф.

Поди прочти такое на бедре у любимой! На его нежнейшей задней части. Напоминание, сделанное, впрочем, в метро случайному встречному. На языке иностранном. Мелким относительно шрифтом. Рана, нанесенная... иглами нежному женскому телу.

Случай многозначительный, но неясный. Черноволосая, лет двадцати. Филологиня, литературоведка? Быть может, другие тексты на местах более тайных, интимных? Сонет Шекспира на правой – для симметрии – ягодице, – и вы догадываетесь, какой. На животике – конечно же, Браунинг, хотя и Элизабет. А если останется место – так и быть, напишем на атласной спинке что-нибудь Донна.

Соня Тучинская

Сан-Франциско, США

«В ПЕТЕРБУРГЕ МЫ СОЙДЕМСЯ СНОВА...»
(в сокращении)

От локального, но всепроникающего смрада американской предвыборной кампании хорошо лечится отбыванием в другие пределы, что и было сделано. В начале октября отъехала в Санкт-Петербург. Там прижилась, как не уезжала. Здесь по возвращении – ужасающий jet lag. В семь вечера как подкошенная падаю в кровать, подымаюсь в два по полуночи – соседи

напротив еще не легли – у них окна светятся – и бодро бегу на кухню – завтракать. А чем до утра ночь коротать? Можно, конечно, до самого рассвета слагать стихи. Ну, а если «лета к суровой прозе клонят, лета шалунию рифму гонят», то почему бы о поездке своей последней не припомнить, пока не затерлось.

Вот из памяти – фрагментами.

У Тютчева на Новодевичьем

Когда сочувственно на наше слово

Одна душа отозвалась —

Не нужно нам возмездия иного,

Довольно с нас, довольно с нас...

Ф. Тютчев

Самолет приземлился в Пулково в ранних сумерках. В аэропорту меня встречает человек, которого я знаю... цифра звучит страшновато... ну, скажем так, – со времен нашей общей студенческой юности. Я называю его детским именем. Он – один из немногих, кто помнит мою девичью фамилию. Когда в той, прошлой жизни, мне было восемнадцать, а ему пятью годам больше, мир делился для меня на две неравные части. В одной, большей, был он. В другой – весь остальной мир.

Мы едем по Московскому Проспекту.

– Где-то здесь должно быть Новодевичье кладбище, – говорю я.

– Ты от недосыпа Петербург с Москвой перепутала? – осторожно спрашивает он, зная, что летела я сюда почти сутки, а в самолете обычно не смыкаю глаз.

– Ты просто не знаешь, и я в тот приезд еще не знала, там могила Тютчева на монастырском кладбище, а я никогда не была...

Когда мы вышли из машины, ранние сумерки успели смениться поздними, и сторож – молодой узбек-гастарбайтер уже закрывал ворота кладбища, при котором он безвыходно живет в неказистой сторожке, окнами в землю. О русском поэте

Тютчеве он, разумеется, не слышал. («Пушкин слышал!»). Русское православное кладбище при действующем женском монастыре. Если не враждебный, то чуждый и непонятный ему мир, в котором день за днем в унылом одиночестве проходит его жизнь, его единственная и неповторимая жизнь...Мой спутник, как будто услышав эти мысли, пресек их суровой правдой жизни: Ты его не жалея, он здесь сидит, чтобы деньги домой посылать. Они рано женятся, там у него, можешь не сомневаться, семья, дети...

За небольшую мзду нам было дозволено войти. Старые кладбища в этих краях, да еще в осеннюю пору, да в еще не погасшие сумерки – таинственно прекрасны. Как будто идешь через вековой лес с белеющими меж багряного и золотого крестами. За нами увязалась компаньонка сторожа, судя по имени «Анфиса», наверняка доставшаяся ему от его русского предшественника. Анфиса, невзирая на свое жеманное имя, обладала вполне заурядной кошачьей внешностью. Постылое однообразие ее жизни нарушалось лишь редкими паломниками, вроде нас.

Мы доверились Анфисе, как путеводной нити Ариадны, и она безошибочно привела нас к двум наиболее посещаемым могилам ее родного некрополя. Сначала – к Некрасову, с бюстом на высоком постаменте, а потом – к Тютчеву. У Некрасова мы приостановились. – А ты знаешь, – говорю я своему приятелю, – что за его гробом шло пол-Петербурга. А путь с Литейного до Московского, как ты сам понимаешь, неблизкий. Я читала, что студенты, меняясь, через весь город несли гроб даже не на плечах, а на высоко поднятых руках. Вот сюда несли, где мы с тобой сейчас стоим.

Надо сказать, что основательно проработав когда-то фундаментальный труд Чуковского о Некрасове, я в деталях знала о трагически-противоречивых свойствах его природы и судьбы. Особенно отчетливо мне запомнилась история о хвалебной оде Муравьеву-вешателю, написанной Некрасовым в 66-году, когда после первого покушения на Александра II, либеральная оттепель, как обычно это бывает в России, быстро перешла в легкие заморозки на почве. Он прочел свою злополучную «оду палачу» за чаем в Английском Клубе,

подобострастно заглядывая в глаза сатрапу, ненавидимому в то время всем гражданским обществом. Это была отчаянная попытка спасти от вероятных гонений свое возлюбленное детище – журнал «Современник». Да, тот самый пушкинский «Современник». Детище свое он так и не спас, а вот организованной травле со стороны «либеральной общественности» подвергся на долгие годы... Вчерашние поклонники срывали со стен его портреты, писали на них слово «подлец» и посылали ему по почте. Им брезговали, его презирали, он то и дело впадал в чернейшую меланхолию, но когда за два года до смерти он безнадежно заболел одной унизительно-некрасивой болезнью, либеральное сообщество простило его и вернуло ему титул «печальника горя народного». Предчувствуя, что сейчас меня начнет «нести», решаю ни на какие побочные истории из жизни Николая Алексеевича не отвлекаться, а строго держаться одной временной точки – дня похорон.

– А еще здесь, на похоронах Некрасова, Достоевский произнес речь, имеющую прямое касательство к Тютчеву. Он сказал, что хотя Тютчев художественнее Некрасова, ему никогда не занять того места в русской литературе, которое навсегда останется за Некрасовым, и именно он будет навечно стоять в ней сразу вслед Пушкину. Интересно, что в этот момент студенты перебили Достоевского криками, что Некрасов выше Пушкина, так как он писал о страданиях народа. Ну, это так, к слову. А вообще, у Достоевского была слабость являться на литературные погребения и открытия памятников в мрачной роли национального пророка. В этот раз пророчество точно не сбылось. Как по мне, да и по Толстому, Тютчев ни за кем по росту в шеренге не стоит, а напрямую принадлежит тому же великому ряду, что и Пушкин. Толстой говорил, что «Без Тютчева жить нельзя». И это при довольно-таки ироническом отношении старика к поэзии как таковой. Это ведь он сказал, что писать стихи – это как пахать, а за сохой танцевать. Понимаешь, в любой другой стране, где количество поэтических гениев родившихся почти в одно время не так зашкаливает, как в России 19-го века, Некрасов без вопросов стал бы первым

национальным поэтом. Ты согласен, что ему просто немного не повезло?

– Я со всем согласен и все понимаю, кроме одного. Зачем ты уехала? Ты же продолжаешь здесь жить, – не к месту замечает мой собеседник. Я не люблю, когда мне задают этот вопрос, но пока мы здесь стоим, мне хочется досказать про завещание Достоевского, и я досказываю, делая вид, что не услышала вопроса.

– Достоевский вообще так высоко ставил Некрасова, что завещал похоронить себя здесь, на Новодевичьем, рядом с любимым поэтом. Но настоятельница Новодевичьего монастыря оказалась совершенно позорной сквалыжницей. Она запросила у вдовы Достоевского такую несусветную цену, что той пришлось, вопреки воле мужа, похоронить его на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. А вот там, как раз в знак преклонения перед Достоевским, не только не взяли с семьи ни копейки, но и предложили вдове самой выбрать место захоронения.

Анфиса, явно утомившись моими «кладбищенскими историями», медленно двинулась вглубь кладбища, и через минуту, легко перепрыгнув невысокую ограду, грациозно улеглась на надгробную плиту черного гранита с рассыпанными на ней белыми астрами. Над плитой – беломраморный испещренный резьбой крест. Анфиса оказалась куда лучшим проводником, чем ее хозяин. Это было семейное захоронение Тютчевых.

К нашему вящему изумлению у ограды, тесно прижавшись, стояла молодая парочка, которая, в свою очередь, в ужасе шарахнулась при нашем внезапном появлении из кладбищенского полумрака.

Парочка – Даша и Андрей, оказались молодыми программистами из Москвы. Поразительно, но свои недельные питерские каникулы они провели примерно так же, как собиралась их провести я. Они ходили по литературным музеям и посещали питерские некрополи с дорогими их сердцу могилами. Я спросила, были ли они на могиле Елены Денисьевой на Волковском кладбище. Оказалось, что как раз сегодня и были, а потом сюда приехали, и давно уже бродят, не

заметили как стемнело. Зато нашли могилу Аполлона Майкова, Врубеля, Чигорина...

– Хотели еще постоять на посошок у Тютчева, потому, что завтра уже домой, – говорит Андрей.

Он откровенно неспортивный и даже какой-то нескладный, обаятельно нескладный. Из особых примет – буйно кудрявые темные волосы насильственно стянутые на затылке в ponytail, который у хипстеров привычно идет в комплекте с бородой. Но бороды нет. Зато есть голос. Обладателю такого голоса женщины обычно многое прощают... Худенькая как воробышек жена с меховыми шариками-утеплителями на ушах и в каких-то детски трогательных ботиках, что делает ее похожей на девочку-подростка, застенчивей и молчаливей мужа. Но ее выдают глаза. Они сияют таким обожанием и гордостью за него, как бывает у молодых женщин только на первом году семейной жизни. Видно, что и цели и маршрут прокладывает он, а она лишь радостно следует.

– А вы, судя по всему, любите Тютчева, и астры – ваши. Чьи же еще, – отвечаю я на свой же незаданный вопрос.

– Я обожаю Тютчева, – с какой-то растерянной улыбкой подтверждает он.

Видать в его Москве, так же, как и в моем Сан-Франциско, негусто тех, кого можно завлечь или обрадовать таким признанием.

– Я хотел Даше из «денисьевского цикла» почитать. Смысл в том, чтоб именно здесь, – как бы извиняясь говорит Андрей, и прекрасным чуть сбивающимся от волнения баритоном читает бессмертное, хотя и не по годам ему, «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суверней...».

– А это вы любите? – спрашиваю я, никогда до этого ничего не читавшая на людях, и удивляясь самой себе, безо всякого смущения приступаю к сокровенно и с юности мною любимому «О, этот Юг, о, эта Ницца! О, как их блеск меня тревожит!...». Собственно, с этого восьмистишья, напавал сразившего меня когда-то свой безнадежной красотой, у нас, вернее, у меня с Тютчевым все и «началось».

А потом мы с Андреем сошли с «денисьевского цикла», и еще с полчаса поочередно читали из Тютчева что на душу придет.

«А это вы любите?» – как теннисный мячик поминутно летало от него ко мне и от меня к нему.

– А знаете ли вы, господа, что Тютчев и Фет родились в один день, 5 декабря? – радостно вопрошаю я. Вместо ответа Андрей читает прелестное посвящение Фета на новый сборник Тютчева «Вот эта книжка небольшая томов премногих тяжелей...».

Откуда в этом смердящем мире неизменно, во все времена и у всех народов берутся андреи? Нет ответа.

В кратких перерывах этого странного поэтического состязания мы еще успеваем курить, и короткие вспышки зажигалок, поочередно озаряя сгущающуюся кладбищенскую темноту, на мгновения выхватывают из нее наши лица. Это усиливает фантазмагорическую красоту происходящего действия.

Дух Федора Ивановича Тютчева явственно витал над нами в эти прекрасные мгновенья.

Моему спутнику после развозки нас по гостиницам предстояло еще пробираться через весь город домой. Понимая, что сам собой этот вечер поэзии никогда не закончится, он под надуманным предлогом, что всем нам, включая давно жмущуюся к его ногам Анфису, грозит переохлаждение, подталкивает всю группу по направлению к выходу.

Проходя мимо памятника Некрасову, мы с Андреем обоюдно решаем, что Николай Алексеевич тоже у нас заслужил, и что на могиле Некрасова не вспомнить его стихами – грех. Я уже было приступаю к зачину моей любимой «Маши, которую когда-то со смехом примеряла на себя молодая Ахматова: «Белый день занялся над столицей, сладко спит молодая жена. Только труженик муж бледнолицый не ложится – ему не до сна!», когда поймав укоризненный взгляд друга и признав его безусловную правоту, замолкаю...

Попрощавшись с Анфисой и ее хозяином, который вышел из своего заточения запереть за нами ворота, мы вчетвером идем к машине. Москвичи остановились в гостинице на Загородном, в двух шагах от моей, на Рубинштейна. Сначала пришлось отпустить домой вконец умученного друга. Перед тем, как расстаться с Дашей и Андреем, мы, уже втроем, на скорую руку

ужинаем в баре «Бикицер» (речь об этом уникальном заведении еще впереди) на углу Рубинштейна и Загородного. После этого я подвожу их к дому, где жил Довлатов, и где совсем недавно, в день его 75-летия, открыли ему памятник. Памятник найти не можем, хотя мы уже не одни. Двое раскованных молодых людей с початой бутылкой в руках тоже ищут памятник «Сергею», чтобы допить ее уже как бы на троих. Поиски наши тщетны. Оказалось, что на следующее же утро после торжественного открытия, «Сергею» демонтировали, и отдали литейщику на доработку. Андрей сокрушался, что виновник торжества никогда уже не опишет этот чисто довлатовский сюжетец ни в одном из своих рассказов. На этом мы, чрезвычайно довольные друг другом, не забыв обменяться адресами электронной почты, расстаемся.

Подведем итоги.

В середине 19-го века немолодой женатый человек написал в невыразимо прекрасных стихах о любви, страданиях и смерти своей молодой возлюбленной, той самой героини «денисьевского цикла», чьи останки нынче покоятся на Волковском... Описал чувство своей непреходящей тоски по ней, своей мучительно неизбывной вины за ее раннюю смерть... И вот, в начале 21-го века, другие новые люди приходят на могилу этого человека, читают там его стихи и расстаются друзьями. И ничего бы не было в этом удивительного, если не знать, что люди эти были не только прежде не знакомы друг с другом, но и были абсолютно чуждые друг другу своей принадлежностью к разным поколениям, разной крови, разной среде обитания. Не было, собственно говоря, ничего, что связывало бы их, кроме счастливо совпавшей у них любви к кириллице, вернее, к книгам, написанным на ней в прошлом и позапрошлом столетии лучшими из мертвых.

Прямо по Тютчеву: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Чуть ли не вся мировая культура находится теперь на расстоянии одного нажатия мышки, но невзирая на это, мне давно уже казалось, что стихи сегодня никому не нужны, и поэзия, как стиль мышления, окончательно вышла из моды. А на

самом-то деле все продолжается. Надо только знать где искать «своих». Оказалось, что и сейчас обрести их можно самым что ни на есть простым и даже старомодным способом. Без мышки, интернета и социальных сетей. Надо всего лишь как-нибудь ввечеру невзначай навестить на местном кладбище могилу любимого поэта...

Добравшись наконец до кровати успеваю подумать, что более насладительно провести первый вечер в Петербурге было нельзя, практически невозможно.

С Александром Мелиховым на Фонтанке

Почему хасиды так любят танцевать?

Когда человек танцует,

он немного приподнимается над землей.

Хасидская мудрость

Мелихова я читаю начиная с его знаменитой «Исповеди еврея», то есть, с давних 90-х. Публиковалась в «Неве», где он состоит зам. Главного Редактора, и даже лично встречалась в Питере в предыдущую свою поездку. И вот мне по нечаянности опять свезло. На две недели заехала в город своего детства – и вот вам – у писателя Мелихова как раз встреча с читателями подоспела. Узнала я об этом совершенно случайно. Проходя мимо здания библиотеки Маяковского на Фонтанке, бросила ностальгический взгляд на доску объявлений и вдруг: знакомое имя, дата, время, вход свободный. Рациональных объяснений нет, но читательский формуляр этой библиотеки до сих пор хранится у меня в коробке со старыми документами.

От моей гостиницы на Рубинштейна до входа в бывший особняк графини Карловой, где проходила лекция – минут десять пешего хода. Но какого! Короткий путь этот лежит в ностальгически привычном и милом моему сердцу архитектурном пейзаже, – привычном, и после четверти века обитания в иных пределах. Сначала идешь мимо дома Довлатова, потом насквозь, через Толстовский Дом, прямо с

выходом на освещенную вечерними огнями Фонтанку и Аничков Мост. Вид, надо сказать, сам по себе, и безо всяких литературных привязок – ошеломительный. Прекрасный зал на втором этаже особняка с огромными окнами на этот самый вид был заполнен до последнего кресла. Вышел Мелихов, объявил тему лекции: «Зачем людям нужна литература».

Вначале не вызывает сомнений, что наружность у Мелихова... скажем так – несколько невзрачная. Но через минуту-другую так же ясно видишь, что он совершенно неотразим. Другого объяснения этой волшебной метаморфозе, чем сказанного в другом веке и о другом человеке, у меня нету: *«Но чарующую силу придавал ему его обширный, изоцрѣнный и необыкновенно гибкий ум: более приятного, разнообразного и занимательного, более блестящего и остроумного собеседника трудно себе и представить»*. А знаете о ком это? О нашем старом знакомце Тютчеве, который ничем, ни бабьим лицом, ни почти карликовым ростом, даже отдаленно не напоминал героя-любownika, что, впрочем, никогда не мешало ему влюблять в себя как первых красавиц Мюнхена, так и ровесниц его дочерей, примером чему – последняя любовь его жизни Елена Денисьева.

Вы заметили, что Тютчев просто не сходит у меня с языка? А что если кладбищенские радения на его могиле оставили в глубинах моего подсознания какой-то особый болезненно неизгладимый след?

Однако, вернемся к Мелихову. Так о чем же он говорил с нами в тот октябрьский вечер?

О том, что культура в целом, и литература в частности, создавая трагически прекрасный образ мира, защищает человека (Мелихов изумительно метко назвал это «Броня из облака») от экзистенциального ужаса, то есть, от более чем обоснованного осознания своей ничтожности перед лицом непостижимо-безжалостного мироздания, и в первую очередь – перед лицом смерти, в особенности, незначительной, некрасивой смерти. По Мелихову (а он в молодости волонтером работал с неудавшимися самоубийцами) выходит, что если у девушки погиб (сгорел на пожаре, сорвался с горного уступа, разбился в результате аварии) возлюбленный, и она, не в силах смириться с

этой потерей, режет себе вены, то самое глупое в этой ситуации – успокаивать ее, что, мол, этих возлюбленных будет у нее еще пруд пруди. Напротив, надо говорить, что он был такой один, что погиб он не от случайной оплошности, (как было на самом деле), а от того, что был нерасчетливо храбр и бескорыстен, спасая других, и что, узнай об их прекрасной любви Шекспир, он написал бы еще одну «Ромео и Джульетту». Мелихов уверен, что убивает человека не горе, а кажущаяся обыденность, заурядность, некрасивость этого горя. А вот если перед этим горем «гнутся горы, не течет великая река», то оно становится красивым, а значит – переносимым. Вот для того, чтобы беды и несчастья преследующие человека «в любые времена и на любой земле,» перевести из бытового жанра в жанр трагедии и нужна высокая литература. И никакой субкультуре в диапазоне «от фэнтези до экшн» (в этих безобразных терминах определяется на сегодняшнем новоязе массовая квази-литература) с этой задачей не справиться.

Потом ему задавали вопросы. О цензуре, об отношении «отцы и дети», о литературном нобеле, о либерализме, антисемитизме, об имперском стиле в искусстве, о теории национальных грез, всего не упомнишь. В своих ответах, Мелихов, сам до мозга костей «интеллигент собачий», проявил восхитительную дерзость, высмеивая до пошлости поверхностный либерализм части теперешней российской интеллигенции. В этом отчетливо слышался парафраз на тютчевское «Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – чем либеральней, тем они пошлее...». Консерватор Мелихов вслед за консерватором Тютчевым бесстрашно восстал против мейнстрима своей же элитно – художественной тусовки.

Так, опять Тютчев... Налицо тревожная симптоматика.

Когда Мелихов касался своей *idée fixe*, излюбленной своей темы о необходимости иррационального объединяющего начала, т.н. национальных грез, как основы духовного существования любого народа, он становился особенно точен и убедителен. К тому же, простая и изящная манера изложения – все это завораживает.

В первом ряду сидели коллеги Мелихова – питерские прозаики и поэты. Я узнала Якова Гордина, историка и писателя

довлатовского круга, и на пару с Арьевым, издателя/редактора «Звезды», где, к слову сказать, регулярно появляются литературно-публицистические и социальные обзоры Мелихова.

Наряду с писателями в зале, само собой, присутствовали и читатели. Иными словами – питерская интеллигенция, с преобладанием, как хорошо было мне видно с предпоследнего ряда, седых и лысеющих затылков. Но и «поколение нулевых» было представлено десятком-других молодых физиономий, глядя на которые вспоминается «какие хорошие выросли дети, у них удивительно ясные лица...» Главное, что все, независимо от возраста – преданные мелиховские читатели, а иначе, зачем бы им здесь вечер убивать посреди рабочей недели.

Может сложиться впечатление, что все без исключения идеи, подходы и умозаключения Мелихова не будили во мне ничего, кроме восторга. Такое впечатление было бы ложным. Меня неприятно поразило великодушие, с каким Александр Мотелевич «отпустил» советской власти один из самых отвратительных ее грехов – грех государственного антисемитизма. Его, тогда еще Александра Мейлахса, русского по матери и по паспорту, лучшего выпускника Матмеха Ленинградского Университета, не допустили в свое время к участию в новом космическом проекте из-за неприлично звучащей фамилии его репрессированного отца. Рассказывая нам об этом, он с улыбкой сказал, что, мол, мне, молодому романтику, нужен был тогда или космос или ничего, а не дали, я стал ходить на обычную инженерную службу, но начал писать в стол, а в свое время все это опубликовал. Даже, мол, как бы и лучше вышло...С таким же снисходительным благодушием Мелихов говорил о Главлите, привычном нам когда-то эвфемизме свирепой советской цензуры, помимо других отвратительных преступлений, отнявшей у моего поколения возможность тогда, в юности, прочесть лучшие книги лучших авторов двадцатого столетия. Один Набоков чего стоит!

Несмотря на то, что промолчать в сторону добродушной незлопамятности Мелихова к советской форме юдофобии или цензуры было для меня мучительно трудно, я эту трудность преодолела. Что-то мне подсказывало, что мне еще рано, или,

наоборот, уже поздно, пускаться с Мелиховым в публичные дебаты.

В конце вечера, когда он обратился к нам с детски наивным, прекрасно-идеалистическим призывом создать партию (не думскую, разумеется), читателей-аристократов, я подумала, что один кандидат в эту партию у меня уже есть. Да, тот самый, с которым я третьего дня свела знакомство на погосте Новодевичьего монастыря. (Вот видите, усилием воли мне удалось избежать упоминания имени Тютчева).

Завершая этот не в меру обстоятельный доклад о вечере на Фонтанке, я задним умом подумала, что он укладывается, в сущности, в одну строку: читая настоящие книги, вы будете лучше защищены от безобразия и скуки жизни...

Лев Альтмарк

Беер-Шев, Израиль

ЭХО АФГАНА

Рассказ

О смерти Сашки Григорий узнал совсем неожиданно из телефонного разговора со своей тёткой, оставшейся в Брянске. Он и сам раньше несколько раз звонил Сашке, но у того то ли была какая-то неполадка с телефоном, то ли ещё что-то, но Сашку было слышно, а вот его нет. Хотя... что весёлого мог рассказать ему пенсионер, которого списали из авиации по ранению и который так и не нашёл себя на гражданке после проклятого Афгана?

Не раздумывая ни минуты, Григорий тотчас собрался и ближайшим рейсом вылетел в Россию. Четыре с половиной часа полёта он урюмо просидел в кресле в салоне эконом-класса и

бесперывно вертел в руках компьютерный планшет, на который перед вылетом перегнал все имеющиеся у него фотографии.

Вот их первая фотография с Сашкой. Конец семьдесят девятого года, самое начало ввода советских войск в Афганистан. Григорий только-только закончил универ и, отработав год в провинциальной газете, правдами и неправдами перебрался в столичную «Красную звезду». Оттуда одним из первых напросился в командировку на юг – уже было известно, что скоро начнётся буча в Афгане. А там есть своя газета Туркестанского военного округа «Фрунзевец», корреспондентом которой он и попал на фронт. Там же познакомился с улыбчивым рыжим лётчиком Сашкой, перебрасывающим десант из России к местам будущих батальей. А когда выяснилось, что они ещё и земляки, всё закончилось грандиозной пьянкой и вот этой фотографией, не предназначенной для газеты. Другие снимки, что Григорий делал в войсках, безбожно ретушировались, а то, что писал, сто раз перекраивалось цензорами, многое вымарывалось... Впрочем, что об этом говорить, ведь даже сейчас, спустя столько лет, правда об Афгане никому не нужна, а кому-то и вредна до сих пор.

Следующая фотография с Сашкой сделана уже в марте восьмидесятого в провинции Кунар, откуда Сашка на транспортном самолёте переправлял назад в Россию грузы 200 и раненых солдат. Не было больше его традиционной улыбки, да и гулянки с ним уже не были весёлым и бесшабашным куражом, а скорее горьким и молчаливым пьянством.

Других афганских фотографий с Сашкой не было. Да их и вообще в его архиве осталось немного.

А потом всё завертелось и вовсе с какой-то невероятной скоростью. Григория подловили на какой-то журналистской крамоле, и вылетел он с волчьим билетом не только из Афгана, но и из «Красной звезды». А о Сашке не было никаких известий года три, но потом они неожиданно встретились дома в Брянске. Григорий к тому времени уже работал в местной газете и звёзд с небес не хватал. Что-то перегорело в нём, и не хотелось никому доказывать никакой правды о войне. А к чему, спрашивается, стремиться, если даже на гражданке каждое твоё слово тридцать

три раза перекручивает дотошный газетный цензор? Сашка же, оказывается, разбился при посадке в каком-то горном афганском ущелье, потерял глаз и сильно обгорел. После года лечения во всевозможных госпиталях и санаториях был комиссован на гражданку. Ко всем неприятностям, жена его бросила – ну, кому, спрашивается, нужен инвалид с крохотной пенсией и без всяких перспектив как-то преуспеть в этой непростой и постоянно дорожающей жизни?

Трудно назвать дружбой взаимоотношения Григория и Сашки на гражданке. Характер бывшего бравого лётчика испортился окончательно: он и в трезвом состоянии был нелюдим и груб, заводился с пол-оборота и гнал от себя всех, даже Григория. Правда, потом извинялся, но ненадолго – до следующего раза...

А потом Григорий уехал в Израиль и почти двадцать лет не был в России. Первое время сильно тосковал, часто звонил оставшимся знакомым, но не жаловался, отлично понимая, что никто ему помочь не сможет, а излишняя и, скорее всего, неискренняя жалость ни к чему. Плакать и признаваться в собственных неудачах – последнее дело...

Григорий вздохнул и захлопнул крышку планшета. Самолёт заходил на посадку в Шереметьево, и сквозь мутное стекло иллюминатора были видны посадочное поле с мокрыми канавками от самолётных протекторов на снегу и крупные сырые снежинки, проплывающие в свете аэродромных прожекторов.

Выйдя из терминала на улицу, Григорий глубоко вдохнул воздух, слегка попахивающий автомобильными выхлопами, и огляделся по сторонам. Утро ещё проклёвывалось скупыми розовыми отблесками за крышами зданий, но и ночи уже не было – всюду суетились люди, кто-то усаживался в такси, укладывал вещи в багажник, кто-то закуривал первую утреннюю сигарету.

Поезд на Брянск отходил в полночь, поэтому у Григория был весь день. Но это и хорошо – ему очень хотелось побродить по Москве, сравнить её с той, студенческой, двадцатилетней давности.

– На Калининский, – коротко бросил он таксисту, и они быстро покатали от светящегося беспокойного аэропорта по полутёмному шоссе к далёким огням столичных многоэтажек,

быстро пожирающих любые расстояния от московских окраин до самых отдалённых своих новостроек.

– Из командировки или к кому-то в гости? – спросил его тощий таксист в мягкой вязаной шапочке. – Смотрю, с каким вы интересом по сторонам поглядываете. Давно в Москве не были?

– Да. – Вступать в разговор с ним Григорию не хотелось, и весь остаток дороги они проехали молча.

Вышел он у Библиотеки Ленина. Немного постоял у широких ступенек, прикурил сигарету, перекинул сумку через плечо и медленно пошёл к перекрёстку.

– Стой, приятель, – раздался за спиной незнакомый голос.

Григорий обернулся и увидел двух молоденьких полицейских, направляющихся к нему.

– Предъявляем документики, – потребовал тот, что постарше, – и быстренько.

– А в чём дело? – удивился Григорий. – Я что-то нарушил?

– Тебе потом объяснят. А сейчас документики! – Полицейский нетерпеливо протянул руку в чёрной нитяной перчатке. – А то много вас тут!

– Кого нас? – Григорий пристально посмотрел ему в лицо, но послушно полез в карман за паспортом.

Реакция полицейского была неожиданной: он отскочил в сторону и потянулся к кобуре за пистолетом:

– Ну-ка, медленно руки вверх, а то без предупреждения открываю огонь!

– В чём дело?! Вы в своём уме? – удивился Григорий ещё больше.

– А вот про ум, кацо, лучше не надо! – огрызнулся второй, и тут же в его руках оказались наручники. – Оскорбление при исполнении...

– Да вы что, ребята?! Я только час назад прилетел в Москву...

– Откуда? С Кавказа, небось? – перебил его первый полицейский и скомандовал второму: – Надевай на него наручники и – в отделение. Там разберёмся, кто такой, откуда прилетел и с какой целью.

Григорий и опомниться не успел, как наручники защёлкнулись, больно защебив кожу на запястье. А первый, который

вытаскивал пистолет, уже вызывал по рации подмогу. Григорий беспомощно огляделся вокруг, но никого поблизости не было. Какая-то старушка шла по перекрёстку, но увидела его с полицейскими и поскорее развернулась обратно.

– Ребята, это какое-то недоразумение, – быстро заговорил он, – я действительно только что прилетел из Израиля, и мне нужно на вечерний поезд до Брянска. У меня все документы в порядке – не знаю, что вам померещилось.

– Вот приедем в отделение, там и разберёмся, зачем ты приехал и что у тебя в кармане!

И тут Григорий взорвался:

– Да хватит, в конце концов, мне тыкать! Вы не имеете права задерживать меня только потому, что вам что-то померещилось! Отпустите меня сейчас же!

Парни переглянулись, и тот, который с пистолетом, угрожающе проговорил:

– Товарищ не хочет ожидать машину спокойно. Может, его поучить... спокойствию?

И тут же в руках у него появилась дубинка.

– Всё, ладно! – не на шутку струхнул Григорий. – Поехали в отделение, там разберёмся. Но я гарантирую, что ваше самоуправство без последствий не останется!

– Опять хамит! – усмехнулся второй полицейский и замахнулся дубинкой.

Хорошо, что в снежном мареве Калининского проспекта уже показались огоньки полицейского пикапа. Через минуту он подъехал, и Григория грубо затолкали внутрь.

Пузатый сержант-водитель подозрительно оглядел Григория и кивнул коллегам:

– Что-то он не похож на бомжа. А вещи у него какие-нибудь были с собой?

– Никаких! – ответил один из полицейских и ногой отодвинул в сторону сумку, снятую с Григория.

– Там у меня планшет и деньги! Что вы делаете?! – закричал Григорий, но его не слушали.

– Ну, никаких вещей так никаких, – вздохнул сержант и погрозил пальцем старшему, – учти, всё делим поровну –

проверю! А то я вас знаю, скрываетесь и глазом не моргнёте! Он там что-то про деньги вякнул...

– А ты у него сам в карманах порылся! Может, чего и накопишь...

Сидеть в промёрзшем и заплёванном обезьяннике полицейского воронка было неудобно, да ещё с закованными руками. Хоть дорога была недолгой, но Григорий промёрз основательно, и когда его привели в отделение полиции, где было душно и сыро, долго не мог отогреться и всё время зябко поводил плечами в своей не по-зимнему лёгкой израильской куртке.

Его усадили на стул перед столом, за которым какой-то капитан средних лет что-то сосредоточенно писал на листе бумаги и не обращал никакого внимания на окружающих. Привёзший его сержант ни слова не говоря удалился, и в кабинете они остались одни. Наконец, Григорий не выдержал и кашлянул.

– Торопись куда-нибудь? – не отрываясь от бумаги, спросил капитан.

– Хочу узнать, по какой причине меня задержали, – Григорий вытянул вперёд руки, – да ещё надели наручники, как преступнику.

– А ты не преступник? Значит, мы тут злыдни, а ты мягкий и пушистый?

– Во-первых, не ты, а вы, а во-вторых...

– Секундочку-секундочку, – капитан впервые оторвался от своих бумаг и недоверчиво глянул на Григория, – значит, вы, уважаемый, требуете, чтобы к вам обращались вежливо, а сами... сами отказались предъявить документы, когда наши сотрудники у вас их попросили, а потом и вовсе набросились на них с кулаками. Это нормально? У нас без причины не задерживают...

– Какие-то вы глупости говорите! – Григорий затряс головой от возмущения. – Ваши сотрудники не позволили мне даже достать документы из кармана!

– И вы хотите сказать, что они у вас есть и до сих пор находятся в кармане?

– Ну да...

– Савин! – крикнул капитан в дверь. – Ну-ка, обыщи подозреваемого... Это и в самом деле их упущение, но ситуация-то это никак не меняет!

В кабинет зашёл сонный старшина и ловко обшарил внутренние карманы куртки Григория. На стол перед капитаном легли портмоне с деньгами и отдельно завернутые, на всякий случай, в целлофановый пакет израильский и российский паспорта. Немного подумав, старшина полез в боковые карманы, откуда выудил ключи от дома, начатую пачку сигарет и зажигалку.

Первым делом капитан принялся исследовать содержимое портмоне. Сразу же его внимание привлекли шекелевые купюры, которые Григорий оставил на обратную дорогу.

– Вот оно что! – даже присвистнул он. – Вы, оказывается, совсем не тот, за кого себя выдаёте!

– А за кого я себя выдаю? – удивился Григорий. – Что-то не помню, чтобы вы моим именем поинтересовались.

– Откуда у вас арабские деньги? – не обращая внимания на его слова, проговорил капитан. – Кому вы их везёте? Своим собратьям по исламу?

– Какие арабские деньги?! – почти закричал Григорий. – Это же израильские шекели!

– Тем более! – Капитан нахмурился, но потом, видимо, одумался. – Откуда я знаю, что это израильские деньги? Я их что – видел?!

Он покрутил в руках стошекелевую купюру и, не удержавшись, спросил:

– Это сто... как вы сказали?.. шекелей – а они дороже, чем сто долларов или нет?

– Дешевле! – насупился Григорий.

– Ладно, пойдём дальше. – Капитан распаковал паспорта и по слогам прочёл написанное английскими буквами слово «Израиль» на синей корочке первого паспорта, затем взял российский и просматривал его уже молча, лишь шевелил губами и изредка косился на насупившегося Григория.

– Вот, значит, какая бодяга получается, – наконец, произнёс он, – что же вы, милейший, нас в заблуждение вводите? Нет

чтобы сразу сказать нашим сотрудникам, мол, так и так, я гражданин Израиля и всё такое, не морочить им голову и не бросаться на них с кулаками... Ведь они у нас ребята молодые, горячие, а вы к тому же выпивший...

– Чушь какая-то! – возмутился Григорий. – Я вообще не пью! Кто вам такое сказал?!

Капитан встал из-за стола, прошёлся по кабинету, потом быстро вернулся, смахнул шекели и двести долларов, что были в портмоне, в ящик стола и медленно проговорил:

– А мы это проверим... Вот я сейчас вызову наряд из вытрезвителя, вас заберут и там во всём разберутся. Чтобы ни у кого сомнений не возникало...

Григорию на мгновение показалось, что всё происходящее снится ему в дурном сне, и стоит лишь очнуться, сбросить с себя этот морок, чтобы всё исчезло, растворилось, испарилось...

– Ну, что вам от меня нужно?! – взмолился он.

– А вот это уже другой разговор! – Капитан вернулся за стол и в упор посмотрел на Григория. – Хотите отсюда выйти? Чтобы спокойно, без отсидки во вшивых камерах с бомжами и урками? И без вытрезвителя?

– Конечно, хочу!

– Догадываетесь, что для этого нужно?

– Деньги?

– Ну, не так откровенно, но... вы умный человек и понимаете, что задержавшие вас сотрудники – тоже живые люди, у всех есть семьи, а зарплаты у нас сами знаете какие...

– И вам не стыдно такое говорить?! – Григория даже передёрнуло от брезгливости. – Я в любом случае рано или поздно отсюда выйду и сразу пойду к вашему начальству! Ох, вам не поздоровится!

– Обязательно выйдете, – рассмеялся капитан и потёр руки, – но не ранее, чем через пятнадцать суток... А будете угрожать, ещё и статью заработаете. Тогда пятнадцать суток покажутся вам курортом. В противоположную сторону от вашего Израиля поедете.

В кабинете наступила тишина, и стало слышно, как тикают часы на стене, а за стеной плачет какая-то женщина и чей-то монотонный голос уговаривает её перестать.

– Ну, что будем делать? – подал голос капитан.

– Сколько вы хотите?

– Десять тысяч долларов.

– Столько у меня нет. Да и за что?!

– Вот телефон, звоните родственникам, пускай привезут.

– У меня родственников в Москве нет.

– Неужели все уже в Израиле? Ай-яй-яй, как вам не повезло...

Но ничего, извините, поделать не могу. Мне ещё нужно этих ребяташек, что вас задерживали, как-то уломать не писать заяву. А они наверняка ох как злятся за нанесённые побои!

– Вы им, между прочим, скажите, чтобы мою сумку вернули! Там у меня компьютерный планшет с личными фотографиями и деньги.

Капитана словно подбросило на стуле:

– Ну-ка, с этого места поподробней! Повторите, что они у вас взяли? Почему мне об этом ничего не известно?!

– Сумку, с которой я сюда приехал, а в ней мои личные вещи, планшет, деньги.

Капитан задумчиво почесал щетину на подбородке и пробормотал:

– То-то, я думаю, почему у вас с собой никаких вещей нет, если ехали из такой дали... – Он подхватился и стал носиться по кабинету из угла в угол. – Вот суки! Са-а-авин! Увести подозреваемого...

Тотчас появился сонный старшина и потащил Григория к двери.

– Не в обезьянник, а в отдельную камеру... И дай ему какое-нибудь одеяло накрыться, а то там стекло в окошке разбито. Околеет чего доброго. И наручники снимите, а то я забыл...

Отдельная камера оказалась по размерам с небольшой чулан с низким деревянным топчаном у стены, грязными серыми стенами и заплёванным полом. Сквозь маленькое окошко у потолка и в самом деле тянуло таким сквозняком, что Григорий, худо-бедно отогревшийся в кабинете капитана, замёрз снова, и его стало знобить. Но больше знобило не от холода, а от этих

ментов-беспредельщиков – или как их теперь называют по-новому? – полицейских.

Чтобы согреться, он прилёг на топчан и скрутился калачиком. И сразу уснул, словно провалился в какую-то чёрную бездонную пропасть. Сначала ему ничего не снилось, а потом неожиданно выплыл из какого-то клубящегося жёлтого дыма планшет, на котором стали сами собой мелькать фотографии, но ни на одной из них уже не было Сашки. Зато почему-то то и дело выплывали ухмыляющаяся физиономия капитана, сонный старшина Савин и два горячих молодых «сотрудника», что его задержали. Григорий тянулся, чтобы выключить планшет, но он выскальзывал и не давался в руки...

Кто-то тормозил его за плечо. Григорий вздрогнул и подхватился с топчана.

– Вставай, а то разоспался тут, – дёргал его за рукав Савин. – Там подполковник из управы приехал, тебя требует... Ну и заварил ты кашу, израильтянин хренов! Кто тебя звал сюда – сидел бы дома и не морочил голову серьёзным людям!

– Это ты-то серьёзный? – невольно усмехнулся Григорий, но послушно пошёл впереди старшины на выход.

В кабинете капитана сидел за столом незнакомый пожилой подполковник, а за его спиной стоял почти навытяжку капитан. Когда Григорий взглянул на него, он тотчас отвернулся и стал с повышенным вниманием разглядывать что-то за окном.

На настенных часах было уже десять. Немного времени, оказывается, он проспал в этом промёрзшем заплёванном чулане.

– Здравствуйте. Меня зовут подполковник Северцев, – представился подполковник. – А вы, как я понял из ваших документов, Григорий Подольский. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Перечислите, пожалуйста, что у вас было в сумке, которую изъяли при задержании.

– Компьютерный планшет, свитер, рубашка, нижнее бельё, деньги...

– Сколько?

– Две тысячи долларов.

- Вы уверены, что две тысячи?
- Посмотрите в паспорте, там вложена таможенная декларация, в которой указана эта сумма...
- А вы ничего из неё не успели потратить?
- Я прилетел сегодня в шесть утра, а с половины восьмого уже у вас...
- Понятно. – Подполковник задумчиво почесал нос и вдруг спросил. – Мне ваше имя почему-то знакомо. Откуда я вас могу знать?
- Не знаю, – пожал плечами Григорий, – может быть, когда-то читали мои статьи в газетах?
- Вы журналист? Где я вас мог читать?
- Может, в брянских областных лет двадцать назад?
- Исключено. Я в Брянске никогда не жил.
- Тогда, может быть, ещё раньше... Туркестанский военный округ, газета «Фрунзевец» – вам это что-то говорит?
- Впервые подполковник внимательно поглядел на него и спросил:
- Воевали в Афганистане?
- Ездил в командировки как журналист. Но и автомат в руках пришлось подержать.
- Вот оно как. – Северцев встал из-за стола и несколько раз прошёлся по кабинету. – В каких местах довелось побывать?
- Практически всю страну объездил.
- А провинция Фарах?
- Это где погиб генерал-майор Хахалов? Я даже писал об этом в газету, только не всё пропустили в печать, больше половины вымарали. И ни одной фотографии не пропустили без ретуши...
- Я тоже там был, – неожиданно тихим голосом проговорил Северцев, – не смогли мы батю тогда уберечь... Жалко, до сих пор забыть не могу.
- Капитан незаметно выскользнул из кабинета, и они остались одни. А Северцев, походив по кабинету, снова уселся напротив Григория и неожиданно смахнул слезу:
- Прости меня, брат. Хоть мы с тобой и не однополчане, но всё равно люди не чужие, раз в таком аду побывали... И моих людей прости. Молодые они ещё, глупые, пороху не нюхали...

– Да ладно, проехали! – Григорий вздохнул и снова глянул на часы. – Просто верните мне всё, что забрали, и я пойду. Никому я жаловаться не буду. У меня поезд вечером.

– Да, конечно. – Северцев поспешно передвинул разложенные на столе вещи Григория, скомкал составленный капитаном протокол и бросил в мусорную корзину. – Слушай, брат, а давай помянем павших?

– Да я, собственно говоря, и ехал в Брянск, чтобы помянуть своего афганского друга. Умер он месяц назад...

– Кто такой?

– Вот, посмотрите. – Григорий открыл планшет и показал фотографии Сашки.

Некоторое время Северцев разглядывал фотографии, потом вдруг махнул рукой и крикнул капитана, который, оказывается, никуда не ушёл, а тихонько подслушивал их за дверью:

– Принеси коньяка и что-нибудь закусить... Быстро! И никого сюда не пускай.

И пяти минут не прошло, как перед ними на столе возникли бутылка дешёвого молдавского коньяка, блюдце с нарезанным и присыпанным сахаром лимоном, полбуханки чёрного хлеба и литровая банка с маринованными помидорами.

– Не обессудь, брат, чем богаты, тем и рады, – развёл руками Северцев, – давай, не чокаясь...

Следом за первой они сразу выпили по второй.

– Ты знаешь, мне эти поганые горы почти каждую ночь снятся! – Северцев помотал головой и снова потянулся к бутылке. – Сколько уже воды утекло с того сентября восемьдесят первого года, а я всё ещё из боя выйти не могу. До сих пор меня эхо из этих афганских гор по ночам будит...

Они пили и почти не разговаривали, лишь когда бутылка подошла к концу, Северцев снова позвал капитана и потребовал ещё коньяка. Григорий принялся слабо протестовать, а тот вдруг разозлился и почти закричал:

– Ты, корреспондент Подольский, потерял своего фронтового друга лишь сейчас, спустя столько лет, а тогда, в тех афганских горах, плакал ли ты по-настоящему по кому-нибудь из погибших?! Я каждый день до сегодняшнего дня их хороню!

Каждый божий день! Ты знаешь, сколько у меня тогда друзей было?! А сколько сейчас... Так что молчи, сиди и пей. За эхо... чтоб оно навсегда заткнулось!

После второй бутылки Григорий встал и вздохнул:

– Больше не могу. Извини, брат, но мне и в самом деле нужно идти...

– А хочешь, – поднял на него пьяные глаза Северцев, – я вызову этих двух козлов, которые тебя обидели, и ты... и ты им морды набьёшь прямо в моём присутствии. А они будут стоять по стойке смирно, и пускай хоть один пошевелится – завтра же из полиции вылетит! Даже не пикнет!

– Не надо!

– Нет, надо! – отмахнулся от него Северцев и принялся кому-то названивать по мобиле.

Григорий закинул сумку за плечо и, проверив на месте ли планшет, вышел из кабинета. Деньги в конверте ему тоже вернули, правда, всего восемьсот долларов. Куда делись остальные, спрашивать он уже не стал. У дверей ему встретился капитан, который виновато развёл руками и хотел что-то сказать, но Григорий отодвинул его плечом и вышел на крыльцо.

Снегопад только усилился, и серое небо, несмотря на полдень, было темней прикрытых пушистым молодым снегом улиц. Облегчённо вздохнув, Григорий пошёл к метро, чтобы ехать на Киевский вокзал. Наверняка будет какой-нибудь проходящий поезд, на котором он уедет в Брянск, не дожидаясь вечера. Гулять по Москве ему больше не хотелось.

А снег всё шёл и шёл, и от него повсюду становилось тише и спокойней. Где-то вдали слабо сигналили автомобили, откуда-то доносились невнятная людская речь и музыка, но никакого эха от всех этих звуков уже не было. Наверное, из-за снега. А может, потому что в Москве просто нет гор...

Юлия Вертела

Санкт-Петербург, Россия

КЕБАБНАЯ

Недалеко от хостела в приграничном с Россией финском городке работала маленькая кебабная. Обсаженная красивыми золотистыми каннами, она была излюблена русскими приезжими за уют и низкие цены.

Однажды и я зашла туда перекусить, и продавец кебабов – смуглый выходец с Ближнего Востока – примагнитил меня с такой неистовой силой, как в Лувре магнитит всех та самая Джоконда, нарисованная да Винчи.

Но что там Джоконда по сравнению с лицом продавца кебабов! Его лицо было произведением искусства. Глаза, нос, брови... Он густо покраснел, я тоже.

Заказав еду, с трепыхающимся сердцем я потащила свою тарелку к столику.

Кебабчик был похож на моего бывшего возлюбленного. Та же смоль курчавых волос – только собраны они были в большой хвост на макушке.

Я ела и всё время оборачивалась на кебабщика. Из-за своих кастрюль он тоже поглядывал на меня.

Вечером ноги сами понесли меня обратно в кебабную.

И мой прекрасный продавец, конечно, сразу понял, что я пришла совсем не за кебабом.

Неделю я ходила наслаждаться видом мужчины с волосами, похожими на чёрные волны южных морей...

Так продолжалось, пока я не поняла, что вспоминать бывших возлюбленных – накладно.

И кебабщику башню начало сносить – он уже, улыбаясь, ожидал меня у входа на порожах. И среди жёлтых канн смотрелся как восточный принц с серьгами в ушах и пальмой смоляных волос на макушке. Наверное, он думал, что намерения мои серьёзнее, чем просто поглядеть друг на друга.

А мне-то было интересно словно в Лувре – он был моей Джокондой. Ах! Жаль, постеры с кебабщиков не делают.

Но приходите сюда – куда уж дальше, неприлично...

Кебабы надо было срочно прекращать.

И я стала ходить обедать в Макдональдс.

Но вечерами из окошка хостела я видела мою кебабаную – мой Лувр, и канны золотились, и где-то там была моя прекрасно-безымянная Джоконда... На улочке, название которой я не запомню.

Майя Гельфанд

Израиль

ХОЛЕРА В КОСМОСЕ

Из рубрики «Заметки на полях от Майи Гельфанд»

– Вроде, да.

– Так вроде или да?

– Дышит, дышит.

– Значит, так. Бери ее и увози.

– Так куда ж я ее возьму? Ночь на дворе.

– Значит, завтра, с утра, бери и увози.

– Жалко. Столько лет, все-таки. Живая душа.

– А детей тебе не жалко? А меня? Мы что, деревянные, что ли? У нас что, сердца нет? Сил нет смотреть, как она мучается.

Да, сил действительно уже ни у кого не было. Ни у несчастной кошки, ни у людей, ее приютивших.

Она появилась в их доме лет пять назад. Мальчишки с улицы притащили ее в полудохлом состоянии: попала под машину. И почему именно к ним, непонятно. Может, потому, что их одноэтажная халупа оказалась ближе других к эпицентру событий?

Притащили ее, значит, в крови, полудохлую. А он, хозяин, как раз дома был. Взял ее, рану обмыл, зелёной смазал. Морда у нее оказалась разбитой, есть она не могла, пришлось кормить из пипетки. Так и лежала, целыми днями, в углу, раны залечивала. А когда немного оклемалась, то оказалась красивой и резвой кошкой.

– Притащил холеру на мою голову! – ворчала жена. Так и прозвали ее Холерой, Холерочкой, Холечкой.

Холечка стала всеобщей любимицей. И хоть жена ее побаивалась, но терпела, и даже украдкой, когда никто не видел, гладила ее блестящую, пятнистую шкуру.

Но на этот раз было очевидно, что спасти Холеру не удастся. Весна стояла холодная, даром, что апрель месяц на дворе. Домик отапливали дровами. А тут печку затопили заранее, чтоб к вечеру тепло было. Да и ушли, а кошку на хозяйстве оставили. Вернулись – а в доме угар, дым висит. Засорился, видно, дымоход. Пока дым разогнали, комнаты проветрили, про кошку и не вспоминали. А когда нашли ее – в углу, бездыханную, – поздно спасать было. Она хоть и живая была, да, видно, не жилец. Лежала мягкой, пушистой, тушкой, не ела, не вставала, под себя ходила. Угорела.

– Вези! – сказала жена.

И он, встав утром пораньше, положил Холеру в холщовую сумку, и повез в Ветеринарный Институт.

Народ в автобусе гудел. Уже вторую неделю только о том и разговоры: наш, советский человек, первым полетел в космос! Он, конечно, гордился вместе со всеми. Все-таки, приятно быть частью такой огромной и мощной страны. Которую он искренне любил. Поначалу были, конечно, кое-какие неприятности. Ему как сыну врага народа запретили в училище поступать. А он

мечтал стать музыкантом. Потом закончил техникум, пытался в ВУЗ попасть – и там дорога закрыта. Уже по пятому пункту, так объяснили. Но ничего, он ни на кого в обиде не был. Трудился потихоньку в своей часовой мастерской, детей растил, в партию даже вступил.

Его мысли прервало жалобное и обреченное мяуканье. Он заглянул в сумку – кошка еще дышала, но уже с трудом.

В институте приняли подопытное животное равнодушно, обещали сделать «все что можно». Что они собирались с ней делать, он не уточнил. В последний раз взглянул на несчастную Холеру – и ушел.

По дороге домой, после целого дня работы, заехал на рынок и купил яблок и конфет – детям. В институте за кошку пятёрку дали. Раздумывал, как оправдать отсутствие животного. Никаких толковых мыслей в голову не приходило, поэтому он стал читать газету.

«Великая победа разума и ума»

«Мир рукоплещет Юрию Гагарину»

«Величайшая победа нашего строя, нашей науки, нашей техники, нашего мужества»

«Свершилось!»

Дома, в отличие от радостного настроения всего прогрессивного человечества, царило уныние. Дети, особенно младшая, пятилетняя, совершенно не разделяли восторгов трудящихся масс. Они оплакивали кошку.

– Вот яблоки купил, конфеты, – торопливо доставал он добычу. – Кушайте, – он протягивал сладости, как будто оправдывался.

Никто из детей не притрагивался к угощениям. Наконец, младшая отважилась:

– Где Холера? Она умерла?

– Умерла? – он на секунду потерял самообладание. – Нет, что ты! Конечно же, нет!

– Тогда где она?

– Она... Она... Она улетела в космос!

– В космос? – глазёнки, полные слёз, вдруг заискрились надеждой.

– Конечно. Ведь наша Холечка была очень умной кошкой. Поэтому ее приняли в отряд космонавтов.

– Значит, она вернётся?

– Вряд ли. Она улетела в космос и там будет изучать межпланетное пространство.

– И мы больше никогда-никогда ее не увидим?

– Почему же? Пойдём.

Он взял девочку за руку, вывел на крыльцо.

– Видишь вон ту звезду? На ней живёт наша Холера.

Девочка давно выросла. Но изредка она все же выходит вечером на крыльцо, смотрит на небо, и там, в далеком космосе, мерцает звезда, на которой служит в отряде космонавтов несчастная кошка Холера.

Ольга Шипилова

Гомель, Беларусь

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Рассказ. Дебют

День начинался как обычно. Хмурый рассвет, ломота во всем теле, сухой кашель и вторая неделя на больничном листе. Карина с трудом открыла мутные глаза и тут же зажмурилась от ядовитого света безжалостной лампочки, которая разбудила ее розовую сонную комнату.

– Пора вставать! – весело проскандировал муж Иван.

И громко побарабанил по письменному столу своей жены тонкими пальцами. На кухне что-то угрожающе шипело, запах жареной пищи заполнил собой все кругом, не давая возможности дышать. «Это мама уже с утра пораньше готовит завтрак.

Наверное, блины», – подумала девушка, сдерживая приступ тошноты. Карина не любила блины, как и семейные завтраки. Девушка еще немного полежала в постели и сделала попытку подняться. Она уперлась обеими руками в подушку и прислушалась к себе. Тело болело. Вдохи давались с трудом. «Одно легкое все же не дышит!» – про себя отметила девушка и решительно скинула на пол теплое одеяло. Встать сразу не получилось, кружилась голова. Карина вновь опустилась на кровать. Обессилено одной рукой она потрогала темные пряди на виске. Волосы оставались на пальцах. Карина рассматривала их: тоненькие безжизненные, как сухая осенняя трава. Жизнь медленно покидала ее тело. В чем причина, девушка понять никак не могла. Обычный грипп, но с каждым днем ей становилось хуже. Карина потянулась непослушной рукой, сделав над собой усилие, и погасила торшер с его ядовитой лампочкой. Комната наполнилась темнотой, густой и привычной, от которой в голове рождались тихие образы и мысли.

Сначала Карина думала о своей работе, о коллегах. Они с негодованием восприняли ее отсутствие. На сочувствие и понимание можно не рассчитывать. Все втянуты как болтики и винтики в бесконечный сумасшедший механизм выполнения служебных обязанностей. Должно быть, на ее столе скопился целый ворох важных бумаг, которые придется просматривать сердитым коллегам, они будут ворчать, и жаловаться начальству на загруженность. А еще говорят – незаменимых людей нет! Постепенно мысли перетекли в другое русло, Карина задумалась о своем муже. В последнее время их отношения стали как тугая тетива, готовая лопнуть в любую секунду от взаимных обид. Любовь, что согревала их столько лет, будто поутихла, и семейная лодка почему-то дала течь. Карина любила своего Ивана, это она знала точно, но что-то все же было не так.

Муж словно ревновал ее к работе, и эта ревность часто захлестывала его. Он хотел владеть Кариной полностью, хотел, чтобы она вела домашний быт и не строила из себя деловую леди в свои-то двадцать шесть. А она ничего и не строила. Положение обязывает быть строгой, серьезной и немного деловой. Конечно, это не совсем она, Карина. Конечно, она

надевает на себя маску успешной и ответственной, благополучной сотрудницы и, конечно же, не всегда успевает снять ее дома при маме и муже. Она сильно устает на работе, но зато карьера идет в гору. И пусть часто она покрикивает на своих домашних, они должны ее понять! Она так сильно загружена и так горячо печется о материальном благосостоянии семьи!

Карина не знала, что в этот час ее родные люди, сидя на кухне, тоже думают о ней. Мама все прощает своей дочери, часто оправдывая там, где уже нельзя оправдать. На это способны лишь настоящие, мудрые и заботливые матери. Муж Иван сердится на то, что она совсем себя не бережет, сгорает как свечка на своей любимой работе, а у нее здоровье никудашнее. Иван очень любит свою жену, любит, как и прежде, когда им было всего по двадцать.

Он брал ее в жены и думал, что счастьем не будет конца. Карина тогда училась в университете. Иван, как мог, обеспечивал свою молодую жену. Он много и тяжело трудился – лишь бы у Карины было все. А потом она вышла на свою престижную работу, и началось. Денег стало больше, жить легче, а вот счастье куда-то ушло. Мобильный телефон жены разрывался день и ночь. Она постоянно решала свои сверхважные задачи, часто сердилась, иногда плакала, но всегда достигала поставленной цели.

Были дни, когда ее руки дрожали и нервно подергивались худые плечи. Ивану до горечи во рту становилось жаль свою жену, от чего он с нарастающей силой ненавидел ее работу. Им так было хорошо раньше, когда Иван уходил на завод, а Карина оставалась одна в их уютной съемной квартирке, читала свои конспекты, готовила ужины. Рисовала воробьев за окном и часто заливисто смеялась. Внутри нее жила маленькая девочка, веселая и игривая, немного застенчивая и капризная, но так горячо любимая Иваном. Вечерами они гуляли по притихшему городу, ходили к родителям в гости, были молодыми, свободными и беззаботными. А теперь это все испарилось и девочка внутри Карины умерла.

Семья, погрузившись в свои невеселые думы, совсем не заметила, как за окном сделалось светло. Солнца не было,

хмурился ноябрь тяжелыми серыми облаками и уставшие люди с ледяными масками на лицах все спешили куда-то наперегонки со временем.

Карина провела в постели весь день. Она то спала, то просыпалась. Часто ее накрывала удушливая волна жара, от которого мутился рассудок и быстрые мурашки бежали по всему хрупкому телу. Конечно же, ей нужно в больницу, и в то же время ей туда никак нельзя. Карина до судорог в коленях боялась больниц, ей казалось, что там все пропитано болью, смертью и кровью. Она всегда с какой-то звериной чуткостью ощущала этот неприятный запах, он будто налипал на нее, от него невозможно было избавиться или отмыться.

Вечерело. По телевизору шли новости. Диктор-женщина беспечным голосом сообщала, что в их город едут дельфины. «Дельфины... Самые прекрасные существа на свете... Полубоги-полурыбы, они сами едут или их везут?» – думала Карина, удивляясь наплыву странных мыслей. Ей виделось, как в огромных машинах-цистернах плещутся существа, которых она наделяла неземными качествами, и плещутся они там лишь для того, чтобы позабавить галдящую толпу, что требует все новых и новых жертв ради своего развлечения. Дельфины и ноябрь... Дельфины и мрачный серый город, где нет моря, нет свободы... Карина сама себе напомнила дельфина, загнанного чьей-то жестокой рукой в резервуар с мутной стоячей водой. Ей тяжело в нем дышать. Она вынуждена выполнять разного рода трюки, которые выполнять ей не хочется, но именно этого от нее все ждут.

Мама приготовила ужин. Кажется, это был суп. Супа Карине не хотелось. Ей хотелось брокколи. Где в ноябре достать свежую капусту брокколи, знал лишь Иван. Уже в восемь вечера Карина стояла, пошатываясь, на кухне и в маленькой кастрюльке готовила себе зеленое чудо. Но лишь притронувшись к своему нехитрому ужину, Карина побежала к раковине, ее тошнило. Мама и муж видели, как позывы на рвоту сгибают девушку пополам, как она кашляет и плюет зеленой кашей на салфетку.

Карина снова лежала в постели, бледная, до крови закусывая посиневшие губы. Кудрявая брокколи так и осталась покоиться на белоснежной фарфоровой тарелочке. Против больницы

Карина протестовала, капризничала и ругалась. Родные сидели рядом, не зная, что еще можно предпринять. Лекарства упорно продолжали не действовать, а градусник безжалостно показывал 39.5. Карина хотела остаться одна. Она отталкивала от себя близких, выгоняла из своей комнаты и плакала. Когда часы показали начало второго ночи, мама и муж Иван погрузились в дрему. Карина тоже уснула, лишь пятнистая беспородная кошка Маша не покидала своего поста возле горячего тела хозяйки.

Карина проснулась из-за сильного приступа тошноты. Тошнило не от еды, а от того, что ее душа готова вот-вот вырваться наружу. Делалось больно. Однако боль эта была не физической, а какой-то другой, как болит внутри, если сделаешь что-то очень стыдное. Карина попыталась пошевелиться, но это не получалось, руки и ноги не двигались. Девушка позвала маму, голоса не было, губы онемели. Кошка Маша суетилась рядом. Промучившись какое-то время, Карина ощутила, что умирает – ее уход необратим. И самое горькое в этом, что она так и останется лежать холодным куском плоти, не прощенная и не простившая, посреди своей маленькой комнаты с искаженным от боли лицом и обезображенными от судорог конечностями.

Карину стошнило, и неведомая сила, причиняя мучительные страдания, вырвала ее из земного существования. Свет погас, выключился звук, и Карина перестала быть. Где-то очень-очень далеко ее мама кричала в трубку телефона что-то про инсульт, просила приезжать скорее и потом выла, как воют собаки по покойнику. «А-а-а, значит – инсульт...», – последнее, что запечатлел умирающий мозг.

Карина не видела, как приехала скорая, как ее распластанное тело клали на пушистый мамин плед. Потом выносили из квартиры. Она не слышала, как спорили врачи о том, что нельзя нести вперед ногами. Она не чувствовала, как ее реанимировали в машине скорой помощи. Она даже не могла догадаться, как сильно будет рыдать ее муж, возвращаясь один домой в обнимку с пледом и Карининой тонкой цепочкой, как он не знает, что сказать ее матери, как вместе они кричат и, обнявшись, раскачиваются, сплоченные общим горем.

Карину не волновали уколы иглками в ноги, изучение фонариком зрачков, споры врачей на консилиуме. Она даже не испугалась, когда молоденькая медсестра визжала прямо над ее ухом: «Она не живая, пульса нет!» Карина не могла предположить, сколько людей будут за нее бороться, поймав за хвост улетающую душу и найдя в мертвом теле слабенький, один единственный, признак угасающей жизни.

А телефон на ее письменном столе продолжал угрожающе звонить, ему было безразлично, кто возьмет трубку. И брокколи продолжала жизнерадостно источать свой капустный аромат, ей так же было все равно внутри кого распасться на калории, витамины и волокна.

Сначала Карина пребывала всем и ничем одновременно. Она являлась воздухом, ветром, водой, гнилой осенней листвой, и в то же время она разлеталась на сотни кусков и осколков, из которых ее больше не собрать никогда. Времени не существовало. Лишь странная невесомость наполняла все вокруг. Сознания не было. Чувства, эмоции, мысли – все погасло. И только сгусток энергии носился где-то под самым потолком реанимации, там, где огромные лампы смотрели сверху вниз на безжизненные тела, за которые думали, дышали, стучали бездушные всезнающие аппараты. А потом что-то будто щелкнуло, ударило, и осколки стремительно стали наполнять умирающее тело. Боль взорвалась во всех клетках, суставах, венах. Душа ворвалась обратно в свой покинутый храм, куда-то туда, где прячутся страх и стыд, где сердце делает свой трепетный удар, когда неистово любит.

Карина снова была погружена в забытие, но уже совсем в иное. В забытии этом существовали краски, образы, воспоминания – в них таилось прошлое. Карине виделись умные мордочки дельфинов в машинах-цистернах, где вместо воды зеленая брокколи. А потом сознание возвращало ее в ярко освещенную реанимацию, и дельфины превращались в тревожные лица врачей, склоненных над нею. Один засмеялся еле слышно и прошептал: «Будет жить!» И Карина жила. В ней рождалась, трепетала новая жизнь. В нее входила маленькая девочка – ранимая и чистая. Карина пробовала свой голос. Он был слаб. Первое, что она произнесла – это мама. Сначала тихо,

неуверенно, потом все громче. Она звала свою маму, единственную на свете. Она вернулась для того, чтобы начать жизнь сначала. Карина лежала на своей умной кровати, опутанная трубками и проводами, и думала о том, что нет ничего важнее мамы, мужа, жизни, деревьев за окном и возможности просто быть. Пусть больной, пусть очень слабой, но все-таки быть.

Иван нес свою маленькую девочку, свою милую Карину на руках. Он шел слишком быстро, оставляя позади красное больничное здание, которого жена так боялась. Большой халат, что передала мама для Карины, распахнулся от ледяного ветра, обнажив две тонкие ноги, похожие на высохшие корявые веточки. Иван зажмурил глаза. Слезы подступили совсем близко. Карина лежала на его руках теплым сопящим комочком. И было в этом что-то до боли в сердце трогательное и горькое, от чего до хрипоты хотелось кричать и плакать. Она ухватила за шею своего мужа острыми пальчиками, чтобы больше никогда не потерять. Они возвращались домой, где давно ждали их измученная мама и беспородная кошка Маша. Они возвращались без прошлого, без настоящего и пока еще без будущего, чтобы заново начать писать летопись своих отношений, и счастья, и жизни.

Часть 7

Поэзия

Сагидаш Зулкарнаева

Самарская область, Россия

Дебют

В каждом веселье – дух от стола,
В каждой росинке – свет от зари,
В каждой дороге – след от крыла,
В каждом цветочке – нежность невест,
В каждой снежинке – пульс тишины,
В каждой речушке – вены небес,
В каждом молчанье – голос стены,
В каждом квадрате – тень кирпича,
В каждом движенье – сила крови,
В каждом поступке – Божья печать,
В каждом ребёнке – капля любви.

Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня – ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.
Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой,
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И зонта дырявым сводом
Не закроюсь от дождя.
Прощевай, моя избушка,

Прощевай, моя земля...
Я свободна, как лягушка
В чёрном клюве журавля.

Под бархатную пылью тишины
Лежала степь от края и до края,
Окутывал пространство вышины
Сиреневый туман шального мая.
А первого июня – небеса
Разверзлись окаянными мечами.
И дрогнуло оконце, как слеза,
Когда тебя не стало за плечами....
За окнами зима и снег кружит,
Усталый ветер кашляет надсадно.
Мне без тебя невыносимо жить!..
Дойдешь до Бога, поверни обратно.

Владимир Спектор

Бад-Зоден, Германия

Пахнет армией зима.
Строевых занятий топот,
Песен свист (куда твой Сопот!),
Снега скрип и кутерьма
Сводят вновь меня с ума.
Пахнет армией зима.

Сапогами из сушилки,
Пирогам из посылки,
И не ведает сама
Как на ту она похожа,
Ту, что строже и моложе,
Что растаяла в руке
В том военном городке...

Лариса Миллер

Москва, Россия

А вот бы знать, что, кто ушёл, ушёл домой:
И этот день с его небесною каймой,
И этот снег, что навестил нас и пропал, -
Он не пропал, а лишь домой к себе попал.
И тот, кто, вроде бы, совсем сошёл на нет -
Домой вернулся и зажёт на кухне свет,
И где-то там горит весёлое окно,
И не одно, и не одно, и не одно.
И где-то там сидит ворона на трубе.
Любой ушедший возвращается к себе,
В тот дом, который он ребёнком рисовал,
Где выше крыши светит солнышка овал.

Петр Межурицкий

Израиль

КОНЕЦ ЛЕТА

На повестке конец пусть не света, но лета,
все равно я никак не приветствую это,
потому что противно душе и уму
подчиняться опять неизвестно чему,
потому что час от часу будет не легче,
потому что до Судного дня недалече,
потому что амнистия выйдет врагу,
потому что живу не на том берегу,
потому что устав от сомнений бесплодных,
я не выдержу натиска птиц перелетных,
потому что представить себе не могу,
как бывают красивы деревья в снегу.

Виктор Голков

Израиль

ЖАРА

Как спастись от жары в этот душный июльский денёк?
Испарения трав, изнурительный зной, солнцепёк.
Утомлённо – замедленно света вершится игра.
Может быть, ближе к ночи немного ослабнет жара.

Жизнь клокочет сердито, и воздух горчит на губах,
и горячая влага темнеет под ситцем рубах.
Тень, гранича со светом, вдали образует черту,
и вершиной округлой вонзается клён в высоту.

А жара торжествует, над пыльной землёю царя,
и огромное солнце повисло, над нами горя.
И дышать всё труднее, и кажется, что никогда
белым светом не будет лучиться ночная звезда.

О, рождённые зноем, в глазах золотые круги!
В этот яростный полдень, как в полночь, не видно ни зги.
Только слышно, как ветер пробился сквозь листьев гурьбу
да как катятся капли, скользя по морщинам на лбу.

А над озером спящим холмы окунулись в траву.
В этот полдень горящий острой сознаю, что живу.
И как ива ветвями к воде прикоснуться спеша,
погружается в жизнь, забывает о жизни душа.

Валерия Коренная

Нью-Йорк, США

Когда-то она выходила, прикрыв колено, из тех коммуналок, где не защищают стены, где мир состоит из серых кастрюль с борщами, а коридоры старыми пахнут вещами. Она подводила

стрелки, прикрыв ресницы, из дома она шагала, как за границу. И шаг – от бедра, как Мэрилин в Голливуде, и знала, что будет любовь, непременно будет. А как же еще? По-другому и не бывает.

– Осталось недолго – и выпрямится кривая, – считала она, плывя полосой белой, – ведь это легко – иногда становится смелой.

Она доходила до шумного перекрёстка. Её избивала метель, ударяя хлестко, дожди издевались, топили в холодных лужах, но грела надежда на то, что никто не разрушит очаг, нарисованный холст в каморке у Карло, где платье простое ее до того шикарно, что дамы слегка кивают, с восторгом глядя на то, как она хороша в неземном наряде, а кавалеры в поклоне снимают шляпы, и даже собаки мохнатые тянут лапы.

Так и стояла она, а толпа спешила сквозь годы, сезоны и смены марок машинных. Метро – за пятак, сквозняки – в телефонных будках, сменивший Ивана – Фархад в непрогретой маршрутке, мобильный, занявший место почтовой марки и, кто-то, страной управляющий вместо кухарки, смесь парков цветущих и крашенных чистых скамеек, и вкус на губах – за семь неизменных копеек фруктового, что продавалось у детской площадки, и радостных криков детей, играющих в прятки. И появлялись, и пропадали пункты обмена, но только очаг нарисованный был неизменным.

И, вроде, давно расселили ее коммуналку, теперь она замужем и, заодно, театралка, и кудри ее хороши, и платье шикарно, вот, только очаг, что в каморке у старого Карло, всё так же неярко горит на холсте загубелом, а там, за холстом, снова жизнь – полосой белой.

Валерий Скобло

Санкт-Петербург, Россия

Загнанный миром в подполье,
Стишками затюкавший вас,
С тоскою своею и болью
Кому же я нужен сейчас?

Доставший с полки «Спидолу»,
Словечко припомнивший «сплин»,
Влез бы охотно в гондолу
Дирижабля «Граф Цеппелин».

И улетел бы беспечно
В края, выше звезд и небес...
Главное в том, что навечно
Из вашего мира исчез.

Пропажу заметил кто бы?
Сверкнул бы мгновенно блесной.
Печали свои... хворобы
Оставил навек за спиной.

В других краях пребывая,
Где вечный царит карнавал
Не стал бы я ждать трамвая,
Троллейбуса тоже не стал.

Как надоели – вы б знали! -
Дома, переулки, дворы...
Отбыл бы я без печали

В недоступные вам миры.

Или не так и банально -
Уж как там решит драматург,
Вспыхнув, сгорю моментально,
Как аэростат «Гинденбург».

Григорий Беневич

Санкт-Петербург, США

А двадцать третьего земного октября
Снег в небо поднимался вертикально.
Он как-то боком шел, был как бедро овальным
И трогала его моя рука.

Он первым был, немного иглокож,
Чуть-чуть шероховат, но в сущности уступчив,
Он был в глаза, в ладони, в губы влюбчив,
И влюбчив сам в себя и на себя похож.

На прошлого себя, на год назад,
На нынешнего, теплющего озимь,
Пора заморозить, пока закончить осень,
В ней все завершено, закрой ее глаза.

Владимир Ханан

Израиль

Если сможешь представить – представь себе эту беду:
Ветошь старого тела, толпу у небесного склада,
Или как через Волгу ходил по сиротскому льду,
Задыхаясь от коклюша – аж до ворот Волголага.
Рядом с хмурым татаринком в красной резине галош,
Мужиком на подшипниках в сказочном кресле военном,
И Тарзана с Чапаем представь сквозь тотальную ложь
Кинофильмов и книжек – взросленье моим постепенным.

Если сможешь отметить – отметь каждодневный рояль,
Глинку, Черни с Клименти, и рядышком маму на стуле
С офицерским ремнём, что страшнее вредительской пули...
Раз-два-три, раз-два-три... А за пулю хотя бы медаль.
А в придачу к роялю лихой пионерский отряд
Под моим руководством, со сборами металлолома,
А помимо всего – написание первого тома
Неизбежных стихов... Неизбежных, тебе говорят!

Если сможешь забыть – позабудь сабантуй у стола,
Где Ильич на простенке, как мог, заменял Богоматерь,
И густой самогонки струя из бутылки текла,
Чьей-то пьяной рукой опрокинутой прямо на скатерть.
А в соседней квартире компанию тёртых ребят,
Где мне в вену вкатили какую-то дрянь из аптеки,
А ещё одноклассницу в свадебной робе до пят
Не с тобой, а с другим, и как в старом романе – навеки.

Если сможешь запомнить – запомни, как школьник, подряд:
Волжский лёд в полыньях, царскосельскую зернь листопада,

Новогодних каникул сухой белоснежный наряд
И в дождливую осень сырые дворы Ленинграда.
Стихотворцев-друзей непризнанием спаянный круг,
Культпоходы в Прибалтику в общем, как воздух, вагоне,
И как фото на память – кольцо обнимающих рук
Под прощальный гудок на почти опустевшем перроне.

Александр Пушкин

Нью-Йорк, США

БЕССМЫСЛИЦА, ПИСАННАЯ В САБВЕЕ

«Артур! Король мой, Кубок найден!
Держу его в руках своих,
Простите, право, что потратил
Три года в поисках пустых.

Как пользоваться – того не знаю,
Но без того – безмерно рад..
За этим, связь я прерываю,
Ваш верный рыцарь, Галахад».

И спрятав в потайной мешочек
Покрытый медью телефон,
Коня на юг, через лесочек
Уверенно направил он.

И было во дворце веселье!
Артур собрал кто жив-сокОл,
И с песнями лилося зелье
На круглый деревянный стол.

Король, как прежде не хмелея,
Оборотясь на край стола:
«Друг Персиваль, черкни «емелю»
Женевре, чтоб сюда зашла».

И вскоре с половины женской
Пришел, написан на бегу,
Ответ с короткой «эсэмэской» -
Три слова: «Нынче не могу».

Король Артур проблем не ищет,
Но неустанен: «Сэр Ла Паж,
Ты звякни Мерлину, дружище,
Скажи ему, что Кубок – наш».

«Я в курсе», – Мерлин отвечает.
«Но подхватил на речке «флу»,
Вот выпью чаю с молочаем
И буду к вашему столу»...

«А-а, вот и Мерлин! Он из праха
Восстал, как истый иудей,
Давай, волшебник, пьем за Баха
И за порядочных людей!

Грааль – в кармане. Галахада...
Жена, как прежде, неверна...
Немецко-сакская армада
Давно уж мной побеждена.

Куда идти? К чему стремиться?
Тоска порой, как на Луне,
Перенести что ли столицу
Из Камелота в Лондон мне?

Махнуть ли в Индию? в Сахару?
В Бермуды, чтобы черти их...

Кормлю в конюшнях что ль задаром
Своих летучих вороных?

Ответь мне, в чем же сверхзадача?» -
Артур вскочил: «Аль я – осел?»
И сел обратно, чуть не плача,
И стукнул башмаком о стол.

«Сегодня видел на фейсбуке», -
Так начал Мерлин речь свою.
«Что бог есть Шива – многорукий,
Так что, езжай ты в Индию.

А по дороге, будь угоден,
Ты пару дней повремени -
В Ерусалиме Храм Господен
От мусульман оборони.

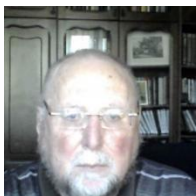
КипУ купи, из шёлка лучше,
С мезузой – тоже не скупись,
Ты мне, сынок, на всякий случай,
Таким по скайпу покажись.

Бери потом, что тебе надо,
Пиши – в Шанхае есть вай-фай,
При встрече сэру Галахаду
Я передам твой царский «Hi».

Давай, Артур, бери дорогу,
Но коли не туда залез -
Всегда рассчитывай на Бога,
Не GPS..»

Леонид Шаров

Москва, Россия

ВАЛЬС

Я вальс сочинил.
Короткий, как жизнь человека.
Мелодию вызнав
В шорохе грустной поэмки.
Давно сочинил...
Звенит по ночам он негромко
В моем пианино,
в котором треснула дека.

Что мне в том вальсе?
Печаль по несбывшимся утрам,
Непрожитым дням,
Моим неродившимся детям...
По той, что прошла
В двух шагах, а я не заметил,
Как блестят ее серьги
Розовым перламутром.

Память о друге,
Ушедшем из жизни безмолвно.
Липкий запах беды
На бесконечном перроне.
Старый приبلудный пес,
слизнувший с моей ладони
Полночную боль,
во мне прорастившую зерна.

Истлеют слова.
А дребезжание ноток
Протиснется меж тишиной
и криком младенца,
Меж визгом сирены
и ликованьем каденций,
Меж грохотом взрыва
и дробью лихих чечеток.

Состарится Бог.
В часах его лопнет пружина.
Время исчезнет. Вселенная сменит обличье.
Но вынырнет вальс
на самом краю безграничья
И тихо всплакнет,
как в старом моем пианино.

Борис Лихтенфельд

Санкт-Петербург

Обиды Демона отвергнутого
клубит Кавказ,
чей вольный, вдохновлявший Лермонтова,
дух не угас.

Отняв покой у победительницы,
поработил.
Таит, чтоб не теряла бдительности,

в сердцах тротил.

Эквивалентом тихой ненависти
народ клеймён.

Читается в похабной стенописи
вражда племён –

пороховая, нескончаемая,
как внешний гнёт.

Чуть вспыхнет искорка нечаянная –
и полыхнёт.

И вот уж с крыльями расправленными,
не глядя вниз,
печальный призрак над развалинами
в дыму завис.

2013

Юлия Бродская

Б.Вашингтон, США

ИЗ МЭРИ ОЛИВЕР. СОВА

Mary Oliver (1935) – американский поэт, лауреат нескольких национальных премий, таких как National Book Award and the Pulitzer Prize. По большей части пишет белым стихом и «прозой». Главная тема ее стихов – влияние природы на внутреннее состояние человека и принятие человеком самого себя. Она вновь и вновь удивляется себе и не боится задавать себе вопросы.

Я переложила ее стихотворение на русский рифмованным стихом. Это не перевод, а скорее, одна из возможных интерпретаций.

The Owl, by Mary Oliver, Oct. 1997

Last night, the owl bunched in the tree
outside our window. Softly he boomed,
and then again, and again, and then was gone,
and not once did we think of the god

of plunge and blood, of iron mouths.
No, we thought, if we thought
of anything, of the god of pleasure and good luck -
the god of happy life. Then we drifted away to sleep,
over the fields, softly, on our own dark wings.

«*The Owl*» («Сова»)

Поздней ночью сова примостилась на мокром суку,
и звала, и звала, и вздыхала, и вот ее нет.
То не ужас лесной, наводящий на полночь тоску -
бог бесшумных полетов нас весело манит вослед,
Чтоб над свежестью трав, над поверхностью влажной земли,
засыпающих нас наши темные крылья несли.

Виктор Райзман

Санта-Моника, США

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ ВИКТОРА РАЙЗМАНА

*Мэтью Арнольд (1822-1888) – английский поэт и культуролог,
один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов
викторианского периода*

Dover Beach

by Matthew Arnold

The sea is calm tonight.
The tide is full, the moon lies fair
Upon the straits; on the French coast the light
Gleams and is gone; the cliffs of England stand,
Glimmering and vast, out in the tranquil bay.
Come to the window, sweet is the night-air!
Only, from the long line of spray
Where the sea meets the moon-blanchèd land,
Listen! you hear the grating roar
Of pebbles which the waves draw back, and fling,
At their return, up the high strand,
Begin, and cease, and then again begin,
With tremulous cadence slow, and bring
The eternal note of sadness in.

Sophocles long ago
Heard it on the Ægean, and it brought
Into his mind the turbid ebb and flow
Of human misery; we

Find also in the sound a thought,
Hearing it by this distant northern sea.

The Sea of Faith

Was once, too, at the full, and round earth's shore
Lay like the folds of a bright girdle furled.
But now I only hear
Its melancholy, long, withdrawing roar,
Retreating, to the breath
Of the night-wind, down the vast edges drear
And naked shingles of the world.

Ah, love, let us be true
To one another! for the world, which seems
To lie before us like a land of dreams,
So various, so beautiful, so new,
Hath really neither joy, nor love, nor light,
Nor certitude, nor peace, nor help for pain;
And we are here as on a darkling plain
Swept with confused alarms of struggle and flight,
Where ignorant armies clash by night.

Дуврский пляж

Погожий вечер, тишина, прилив,
Луна плывёт над водами Ламанша,
Французский берег, ужин проглотив,
Уснул, как мушкетёр в преддверье марша.
Горят огни с английской стороны,
Расцветившая гладь воды тяжёлой.
В окно влетают запахи весны
И шорох пены в гальке обнажённой.
Вот бриз подул, и лёгкая волна,
Окрепнув, гальку в море потащила,
Потом чуть-чуть помедлила она
И берег пнула, не жалея силы.
Сюиту ночи впитывает Дувр,

Он ей блаженно верит и не верит.
Она, пророча радость иль беду,
На меловой карабкается берег.
Софокл ахейцам древним объяснял
Тожественность отливов и страданий.
И те же мысли вдоль британских скал
Рождает рокот ближних волн и дальних.
Прибой рулоном пышного ковра
На дуврский пляж накатывает с рёвом
И, шепотом желая нам добра,
Сползает в море под ночным покровом.
Друг другу поклянёмся же в любви,
Чтоб успокоить океан планеты.
Пусть, принимая добродушный вид,
Под солнцем дремлет он зимой и летом.
Но в чём бы мы навеки ни клялись,
Все наши упования напрасны,
И штормы преподносят свой сюрприз.
Увы, стихии людям не подвластны.

Роберт Ли Фрост (1874-1963) – один из крупнейших в истории США поэтов, четырежды лауреат Пулитцеровской премии

The Road Not Taken

by Robert Frost

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted wear;

Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I—
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

Дорога, невыбранная мной

Преодо мной две дороги в осеннем лесу,
По одной лишь отправиться можно.
По какой меня ноги быстрее понесут
Через поздней листвы многоцветной красу?
Я застыл на развилке дорожной.

И на первой дороге трава и песок,
И вторая под тем же покровом,
Но по левой войду я в кленовый лесок,
А по правой – в каштановый, наискосок,
Оба леса сольются в дубовый.

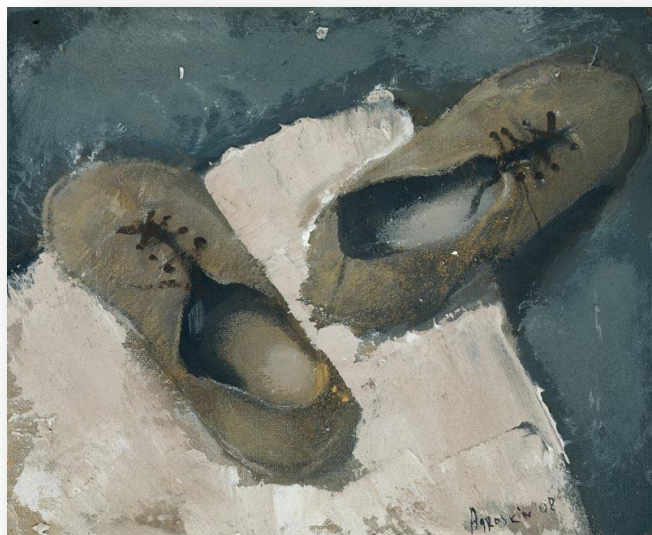
Две дороги усыпаны мягкой листвой,
По обеим шагать мне приятно.
Ладно, выберу первую. Но о второй
С теплотой вспоминать обещаю порой.
Не бежать же, раздумав, обратно.

Расскажу я со вздохом родне и друзьям:

Две дороги, мол, было, не скрою.
Только сразу по двум пробежаться нельзя,
Так что выбрал одну. А вторая стезя
Недоступной осталась мечтою.

Часть 8

Детский альбом

Владимир Волкович

Израиль

ИЗ ПРОШЛОГО. РАССКАЗЫ ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК И ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ДЕВЧОНОК

Откуда берутся дети

– Вадька, а ты знаешь, откуда берутся дети? – Провокационным тоном спрашивал «толстый философ» Женька.

– Конечно, любой знает, их находят в капусте, – ответил я.

– Вчера батя мой привёз три мешка капусты и спустил в подвал. Так я целый час с фонариком эти мешки перебирал, каждый кочан ощупал, всё детей искал, думал: «найду себе братика или сестрёнку, вот будет с кем играть».

– Ну и как, нашёл?

– Нет, не было там никаких детей.

– Не всем везёт, – заметил Сашка, он был на пару лет старше и хорошо разбирался в этом вопросе, – вот женщина и мужчина находят и становятся мамой и папой.

– А если папы нет?

– Значит, мама сама нашла.

– Мамы часто сами находят, а папы редко, – с грустью констатировал Женька.

– А у нас говорят, что детей аисты приносят из жарких стран, – вступил в разговор Славка. Он недавно появился в нашем доме, приехав с родителями из Украины.

– Это в вашей жаркой Украине аисты водятся, а у нас, как мороз шархнет в октябре, так все аисты и передохнут, –

отпарировал Сашка. – А тебя, похоже, аист действительно из Африки принёс.

Все посмотрели на загорелого до черноты Славку, на лице которого лишь брови да ресницы были белыми, и расхохотались.

Чика

– Вадька, иди играть в «чику».

Толстый и увалистый, как медвежонок, мой ровесник Женька собирал компанию для игры в деньги. Ставили стопочкой мелочь, отходили на несколько метров, и кидали плоскую битую – железный кружок сантиметров пять в диаметре, которую мы называли «чикой». Кружок, если попадал, то подбрасывал монеты, и они ложились «орлом» или «решкой». «Решка» не засчитывалась, а сумма монет, которые выпадали «орлом», суммировалась. Выигрывал тот, у кого сумма была больше. Ставили все, в основном, по копейке. Монета лёгкая, лучше подскакивает, да и редко у кого бывало больше денег. Игра проходила с переменным успехом, пока в наш дом не переехал новенький. Такого глазомера, как у него, я больше ни у кого не встречал.

– Ставь, – скомандовал Женька.

Я поставил стопочкой монеты и несколько ребят стали кидать битую. Кидали по пять раз. Попадали не все, а уж если попадали, радости не было границ, хотя «орлов» могло и совсем не быть.

Когда дошла очередь до новенького, он попал с первого раза. И второй раз попал, и третий. Ребята притихли. А новенький не торопясь прицелился и... попал в четвёртый раз. Монеты разлетелись. Все стояли как вкопанные, никто не пошёл собирать монеты, подсчитывать сумму и ставить стопочку в последний раз.

Мы с Женькой переглянулись.

– Ну, Вадька, поставь, – проканючил он.

Я поставил стопочку из монет. В пятый, последний раз, никто из ребят не попал. Дошла очередь до новенького.

– Что, кидать или так отдадите?

Все молчали.

– Кидай, не выдержал я, – меня уже начала заводить такая наглость.

Новенький не торопясь сплюнул, взял «чику» и долго прицеливался, прерываясь, чтобы свысока взглянуть на нас. Я понял, что он нас презирает и издевается, испытывая наши нервы. И ещё я понял, что он и в этот раз попадёт. – Ну, ты, мазила, кидай или уматывай, – не выдержал я, надеясь, что это его подстегнет, и он промахнётся.

Но он не промахнулся.

По нашему неписаному закону тот, кто выигрывал, имел право забрать всё и распорядиться суммой по своему усмотрению но, как правило, он покупал мороженое и мы ели его все вместе. Каждый лизал языком по очереди, кусать не разрешалось.

Новенький же забрал деньги и ушёл. После того раза больше мы в «чику» не играли.

Марина Бондарюк

Москва, Россия

ИЗ ЖИЗНИ ВОРОН

Рассказ для семейного чтения

Этой весной мне страшно повезло. Чудесная огромная птица поселилась под моим окном. В один прекрасный день я увидела на старом тополе грубую корзинку из толстых прутьев – на том месте, где в прошлом году спилили главный ствол. Корзинку веером окружали старые ветви и молодые побеги. В ней сидела чёрная носатая птица.

Гнездо находилось в нескольких метрах от моего окна на пятом этаже – ну, не удача ли! – и мне было видно всё-всё: искры от солнца на жгучей круглой голове и выражение

птичьих глаз. Мне видны были мелкие нарядные крапинки на зелёных яйцах, когда птица поднималась с корзинки и улетала прочь. Сначала яичек было три, они лежали в гнезде большие и яркие, словно раскрашенные к пасхе. Потом появилось ещё одно; через несколько дней – новых два.

К птице прилетал друг. Он появлялся внезапно, словно сваливался с неба, и с негромким скрежетаньем усаживался на ветку возле гнезда. Сначала мне казалось, что эти чёрноголовые носатые птицы похожи как близнецы. Но, приглядевшись, я заметила, что друг был мощнее, его костяной сине-чёрный клюв был длиннее и крепче, а выражение глаз более спокойным и властным. К тому же он имел низкий скрипучий голос, а подружка была молчалива.

Что это были за птицы? Я не знала. Вороны или сороки? Может, грачи? А может быть, галки? Если раньше такие птицы попадались мне на глаза, я не задумывалась над тем, как они называются. Теперь мне это было интересно и, поразмыслив, я вспомнила, что грачи селятся большими семействами и что галки черны, как обугленный головёшки. А эти жили вдвоём и на шеях имели серые ожерелья. Значит, это вороны или сороки. Я решила, что сороки, потому что пока ещё не слышала от них знакомого вороньего карканья.

Каждый день из окна я видела терпеливую тихую птицу, поглощённую своей таинственной работой. Когда солнце перекатывалось на крышу нашего дома и на тополь падала тень, птица ненадолго покидала гнездо.

А весенняя сыпь уже обметала голые ветки тополя: повисли на них тугие вишнёвые колбаски и засияло множество остроконечных почек. Вот-вот почки должны были лопнуть, раскрыться, задышать весенним воздухом, высунув липкие язычки. Я сорвала с рамы бумагу, открыли окно – и в квартиру пахло теплом, и ворвался беспокойный уличный шум. Слышно стало, как с гулом проносится по бульвару троллейбус и как стучат коготками

по краю крыши голуби. Ночью кошки носились по двору и кричали пронзительными хулиганскими голосами. А по утрам, с пустыря, который образовался на месте снесённого старого дома, раздавался собачий лай. Туда приводили одного сенбернара, и он так зычно ворчал и лаял, словно внутри у него стучали по огромному барабану – бух! бух!

Заслышав шум открываемого окна, птица начинала испытывать беспокойство. Вообще любой шум заставлял её настораживаться. Лаяла собака – сорока вздрагивала и крутила шеей. От нарастающего гуда троллейбуса она как бы слегка обмирала, но тут же приходила в себя. Направленный на меня круглый глаз поначалу тревожно блестел. А потом она привыкла к открытому окну и перестала обращать на меня внимание.

Как-то всю ночь шумел дождь, и, когда я встала наутро, тополь пред окном оказался усыпанным светлыми язычками. Эти язычки были чудесного медового цвета. С каждым днём их цвет становился гуще и ярче, и вот они уже превратились в обычные зелёные листья, маленькие и крепкие, не шелестящие под ветром. Было начало мая.

Однажды в середине дня сороки не оказалось на месте. А на дне освещённой солнцем корзинки вместо крепких малахитовых яичек лежало что-то серое и чуть заметно двигалось. Казалось, это дышит кучка серой золы и шевелятся тлеющие угольки. Дрогнул воздух, рассечённый чёрным крылом. Прилетел самец и уселся на край корзины. Он гордо повёл головой и как... каркнет. Вот так раз! Каркает по-вороньи. Он долго переступал по краю гнезда, словно пританцовывал от счастья, мешая мне разглядеть загадочное дно корзины. Наконец он улетел, и я всё рассмотрела. В гнезде находились три серых лысых птенца. Их розовые головки, похожие на бутоны, покоились на нерасколовшемся яйце. Большие выпуклые глаза были закрыты. Вид у малюток был обессиленный. Ещё бы! Они только что вынырнули из небытия. Они перебрались из мрака – на свет и воздух. Сколько на это потребовалось усилий!

Четвёртый птенец появился к вечеру. А из двух последних яиц никто не вылупился, и они куда-то исчезли.

Вскоре вернулась тихая матушка и взялась за прерванную работу. Она взгромоздилась на гнездо и продолжала сидеть на нём дни и ночи, укрывая и согревая птенцов своим телом. Но теперь, когда вывелись птенцы, она стала чаще отлучаться. Иногда усаживалась не в корзинку, а на её край и забавно кланялась в разные стороны, оглядывая подступы к гнезду. В листе никто не прятался, по стволу никто не полз, и матушка успокаивалась. У её ног, беспомощно перепутав шеи, головы и тела, спали птенцы. Время от времени из клубка тел поднималась чья-нибудь голова, моталась от слабости и зевала. В зевке открывался чудовищных размеров рот, освещённый изнутри алым светом. Это были какие-то красные пасти дракончиков.

С громким карканьем – ну конечно, это вороны, как я могла не понять этого раньше? – прилетал самец и садился на другой край корзины. У него появилась манера, разглядывая птенцов, склонять голову набок и открывать клюв, как если бы он задыхался от избытка нежности и умиления.

В первые дни воронята беспробудно спали. Только когда родители приносили еду, птенцы взволнованно шевелились. Появлялся отец – и навстречу ему из гнезда поднимались четыре красные воронки, огромные и лёгкие, как тюльпаны. Прилетала матушка – и птенцы к ней тянули жадно раскрытые рты. Родители глубоко погружали свои клювы в красные воронки.

Вскоре тельца воронят покрылись серо-жемчужным пухом, потемнели головки и обозначились крылышки, похожие на обглоданные рыбы хребты. По-прежнему они спали клубком: чья-нибудь голова покоилась на чьей-нибудь спине и кто-нибудь сонно трепыхался, вытаскивая шею и голову из-под чужого бока. Чем делались они старше, тем больше движения становилось в корзине.

Воронята мне казались, конечно, все на одно лицо. Но с возрастом, то есть с каждым новым днём, в них начинало

проявляться что-то своё, особенное. Например, один воронёнок ужасно много крутился. Он энергично выкарабкивался из-под братьев и садился поверх их тел. Глаза его раскрывались, и он с любопытством заглядывал вниз, в то время как его братья ещё полуобморочно дремали на солнце. Тельце его стало заметнее темнее и крупнее, чем у них, и я про себя называла его Чёртик. А один воронёнок чаще других оказывался на дне корзины, и на нём удобно устраивались то Чёртик, то два других братца (а может, это были сёстры). Голова воронёнка была маленькой, как грецкий орех, и он всё время дремал. Я боялась, что слабого воронёнка случайно придавят или как-нибудь помнут. Но, судя по всему, никто не обижал Дохлика и не причинял ему боли. Наоборот, братья поспешно теснились и переступали с места на место, когда Дохлик начинал барахтаться, выбираясь со дна корзины.

Двух оставшихся воронят – одинаково крупных и проворных – я назвала Близнецами.

Шли дни, и матушка уже не забиралась в корзину – одетые в серый пушок воронята грелись на солнышке и принимали воздушные ванны.

Днём они уже не спали: вертели шеями, приподнимали крылышки, переступали с лапы на лапу. Даже Дохлик пробудился от дремоты и стал чиститься, трясти крылышками и оглядываться, выворачивая голову к хвосту. Близнецы были теперь величиной со взрослого голубя, а Чёртик – ещё больше. Он как-то растопырил крылья, и – ого! – они прикрыли гнездо. Под крыльями уместились все три брата. Они недовольно зашевелились. Чёртик переступил с ноги на ногу, потянулся прямо по-человечески, расширив грудь, и сложил два чёрных огромных веера по бокам.

Однажды меня напугал адский скрежет, доносящийся со двора. Можно было подумать, что папа-ворона спятил – так громко и безостановочно он каркал. Что случилось? Карканье доносилось с дерева, которое росло в углу двора. Это был остролистый ясень, и в его густой колеблющейся листве я заметила кошку, хищно присевшую у ствола. Её

серое цилиндрическое тело, её круглая тигриная головка были жадно устремлены к папе-вороне, который прыгал и каркал на соседней ветке. Каркал он, казалось, от страха. Но почему же тогда не улетал? А как хотелось кошке в него вцепиться! Но от ствола расходились тонкие ненадёжные ветки, и кошке только оставалось молниеносным движением выкидывать вперёд лапу в надежде ухватиться за чёрное крыло. Папа-ворона, кажется, совсем потерял голову – он ещё ближе придвинулся к кошке, и когтистая лапа не задевала его лишь потому, что он успевал подпрыгивать и увёртываться. Тогда я поняла, что каркал он не от страха. Он сам запугивал кошку. Он вёл на неё психическую атаку. Над ясенем с тревожным криком летала мамаша – туда-сюда. Наверное, ей было очень страшно.

Дура кошка, ослеплённая яростью, сделала стремительное движение вперёд и чуть не упала камнем вниз. Она успела зацепиться передними лапами за ветку, и ветка запружинила под её тяжестью. Осторожно кошка стала поднимать задние лапы и, когда ей удалось их сомкнуть, повисла на ветке, как обезьянка. А карканье продолжало раздирать ей уши. Этот яростный вороний грай заполнил весь двор. Старушки, сидевшие внизу на скамейке, поднимали головы.

Кошка между тем, торопливо перебирая лапами, подтягивалась к стволу. Наконец, она ловко вскарабкалась и села на толстую ветку. И тут произошла совсем уж странная сцена. Папа-ворона умолк. Мелкими шажками он приблизился к кошке и остановился прямо перед её мордой. Несколько секунд они находились друг от друга на расстоянии птичьего шёпота. Со стороны казалось, что папа-ворона бросает кошке какие-то уничижительные ругательства. Почему она его не цапнула – непонятно, ей надо было лишь приподнять лапу. Но, как видно, она не могла этого сделать – сидела не шевелясь. Может, её объял ужас перед безумной птицей? Неуверенно, потеряв в

это мгновение свою изящную ловкость, кошка зашуршала лапами по стволу, трусливо заскреблась вниз.

Одна женщина в нашем дворе, любительница кошек, встала под деревом и ласково позвала: «Кис-кис-кис». Услышав это, кошка закричала отвратительным детским голосом. Она быстрее и увереннее заскользила по стволу к земле. Но, спрыгнув, не пошла в руки к доброй тётке, метнулась за штaketник в траву и пропала.

Папа-ворона несколько раз подлетал к ясеню в этот день, кружился над ним и садился на ту самую ветку, с которой запугал кошку. Должно быть, он мысленно восстанавливал ход поединка и вновь упивался победой. Зачем она ему была нужна – эта победа в отдалении от гнезда? Вряд ли папа-ворона вступил в смертельно опасную игру, чтобы пощекотать себе нервы? У него была какая-то скрытая важная цель. Воронята ещё не умели летать, а родителям приходилось надолго отлучаться в поисках пищи – вот и прибегнул папа-ворона к приёму, обезвредившему врага. прежде чем тот обнаружил гнездо с птенцами. Папа-ворона внушил хищнику мысль, что не лёгкая добыча ожидает того в зелёных ветках, а унижение и гибель. Вот о чём, думаю, кричал папа-ворона на весь двор и шептал на ухо кошке.

На другой день он почистил пёрышки воронятам, совершил с ними утренний туалет, помахал чёрными крыльями и скрылся за крышами.

Бедный, несчастный папа-ворона, накаркал ты вчера беду! Отвадил одного врага, но выдал себя другому. Этот враг до вчерашнего дня не подозревал о твоём гнезде. Своим взволнованным криком ты привлёк его недоброе внимание.

Матушка-ворона вдруг закричала хрипло и тоскливо. Она забилась в воздухе рядом с тополем, не смея броситься на врага. Её хриплый голос звучал умоляюще. Но не таковский был этот враг, чтобы отступить или поддаться жалости. Он был разгорячён азартом.

Услышав вороний крик, я выглянула из окна и встретилась с его блестящими разбойничьими глазами. Я

крикнула: «Не трогай, ради бога, оставь их, слезь с дерева!» На меня из раздвинутых веток смотрело красивое мальчишеское личико, смуглое и живое. Я встречала этого мальчишку во дворе. Его звали Андрюша. Лицо его выражало решимость и злорадство.

Под деревом стояли дворовые ребята и заинтересованно смотрели вверх. Обнаружение гнезда казалось им большой удачей, настоящим сюрпризом в этом излазанном вдоль и поперёк, наскучившем дворе. Ворона, прошивая листву своим телом, едва не задевала Андрюшу. «Ва, она меня обнаружила! – крикнул он мальчишкам, – пугните её, ва!» Кто-то бросил вверх теннисный мячик. Андрюша ещё ближе придвинулся к гнезду.

Ворона взлетела на крышу и быстро застучала лапками по железу. Она каркала, кланялась и выбивала чечётку, выражая свою полную беспомощность и отчаяние. Последнее, что я видела из окна, – как Андрюша забрался рукой в гнездо и как оттуда с шумом прыгнули два птенца. Я выбежала во двор.

Птенцы разбились. Один замертво упал на землю, а другой, ещё живой, дрожал как в лихорадке, и клювик его был в крови. Мёртвого мальчишки забросили в бетонную трубу, а трепещущего живого немного повертели и отдали подоспевшим маленьким девочкам. Те его гладили, пытались накормить черешней и спорили, кому он достанется. А с дерева осторожно слезал Андрюша с новой добычей. Птенцы были у него за пазухой. «Они кусаются, ой! Царапаются», – приговаривал он.

По-моему, мальчишки были слегка ошарашены смертью воронёнка, свалившегося к их ногам. Вида они, конечно, не подавали. Но интерес к разорённому гнезду и к воронятам постепенно убывал. Ну что ж, они посмотрели воронят, потрогали их, посмеялись нал переполохом, поднятым во дворе воронами, – теперь и папаша вернулся и, низко летая над землёй, кричал своим боцманским голосом – а дальше что? Дальше я стала их умолять, чтобы они положили оставшихся в живых воронят обратно в гнездо, а они

раздумывали и молчали. Только Андрюша по-дурацки замотал головой: «Спасибо. Не хочу. Очень вкусно. Кушайте сами».

– Мы этого себе возьмём, – сказали девочки. – Мы его вырастим и отпустим.

– Нет, девочки, он так погибнет. Его надо вернуть в гнездо.

– Я своего не отдам, – сказал Андрюша. – Жорик, возьмёшь второго? Возьмёшь себе?

– Не знаю, – сказал Жорик. – мать вряд ли согласится.

– Дурак, мы на чердаке их спрячем, посадим в ящик...

Жорик заколебался. Он сделал нетерпеливое движение головой, наверное, ему захотелось быстрее побежать на чердак и там заняться новым интересным делом. Я поняла, что дела плохи, и испытала отвратительное чувство беспомощности. Одного воронёнка уже не было в живых. Но эти-то трое, вот они, тут, а я не знала. Как помешать их гибели? Слов нужных не находилось, и комок застрял в горле.

Тут к нам подошла одна старушка и гневно застучала палкой о землю: «Злыдни бездушные! Отец с матерью летают, слезами заливаются. Вот поймёте, каково это, когда своих детей нарожаете, а их станут обижать, мучить...»

– Деток нарожаем, – засмеялись мальчишки.

– А будут, будут, – сказала старушка. – тебя родили, и у тебя будут... Хоть головы-то вы им не поотрывали, а?

– А поотрываем, – сказал Андрюша, явно передразнивая тон старушки. – они вредные, вред приносят, цыплят воруют, понятно? Скажи, Жорик, вредные?

Я взяла из рук девочек воронёнка. Он карябнул меня скрюченными коготками и притих. Сколько дней я наблюдала за ним на расстоянии, а теперь держала в руках его щуплое горячее тельце, разглядывая вблизи его широкий курносый клюв, жёлтенький изнутри, удивительные, далеко расставленные горестные глаза и пыльные сухие пёрышки. Воронёнка время от времени сотрясала дрожь. Я не знала, кого держу в руках – Чёртика,

Дохлика или одного из Близнецов. Я различала их только когда они находились вместе.

– Ну, что натворили? – строго спросил мужчина с грудным ребёнком на руках, подходя к ребятам. – А? Да за такие дела надо руки оторвать! – Он сощурился и приоткрыл рот, разглядывая воронят, – а вообще-то этих стоит, – сказал он. – надоели, орут, как сотоны, второй день без продыху...

– Так заорёшь, – сказала старушка. – Горе!

– Горе! – насмешливо сказал мужчина. – А потом, может, от них зараза какая. – Он брезгливо скривился и, бережно прижимая к груди белый свёрток, пошёл к скамейке.

Из подъезда выскочила курчавая девочка и закричала:

– Ой, ой, вон Севка Ганнибала ведёт. Сейчас вам Севка даст.

С пустыря в нашу сторону направлялся парень. Рядом с ним, переваливаясь на тяжёлых ногах, топал сенбернар. Все ребята с почтительностью и удовольствием уставились на огромного, заросшего шоколадной шерстью пса с кудлатой головой медведя. В крошечных глазах Ганнибала светились ум и кротость. Его хозяин курил коротенькую трубку. Он вынул изо рта трубку и поздоровался с ребятами.

– Вывалились из гнезда? – спросил он. – Бедолаги. Это у них бывает. Так чего вы ждёте? Давай, Жорик, ползи на дерево.

– Да мы, Сев, хотели их на чердаке устроить, в ящике...

– Погибнут, – сказал Сева. – Зачем же их в неволю? Кому они тут помешали?

– Они вредные, – быстро сказал Андрюша. – Я читал. Вороны цыплят воруют, огороды портят.

– Да где у нас тут цыплята и огороды? – засмеялся Сева. – Как раз они пользу приносят, жуков поедают в страшном количестве.

Жорик обхватил ногами ствол и потянулся за птенцами.

– Только поосторожнее, поосторожнее, ты их, смотри, не придави, – закричали девочки.

Я отдала Жорику птенца и пошла домой.

Весь следующий день воронята не могли прийти в себя. Вид у них был вялый и печальный. Вдобавок ко всему они стали вываливаться из гнезда – из-за контузии, что ли, или от желания побыстрее научиться летать. Как ужасно душераздирающе кричат вороны, летая над опустевшим гнездом!

В гнезде лежит трупик. По нему ползают мухи. Другой лежит на дне бетонной трубы. В неё опасно заглядывают маленькие девочки.

Мальчишки понуро бродят по двору. Играть – не играется. Ни о чём интересном не думается. Мучительно всё-таки это воронье карканье!

Приходит во двор мальчик с ореховыми глазами, похожий на лисёнка, в нарядных джинсах с отворотами. Он поднимает выпавшего воронёнка, разглядывает окровавленную, но не повреждённую лапку и, положив его за пазуху снова лезет на дерево. Это Жорик. Под деревом собираются девочки. А мальчишки побежали на пятый этаж чёрной лестницы и оттуда переговариваются с Жориком. Жорик обнаружил трупик и выбросил его из гнезда. Но живой воронёнок в это время в страхе замахал крыльями и перевалился через край. Он спустился на землю плавно, но взлететь сам не смог. Он заковылял, запрыгал от бросившихся к нему девочек. Но его схватили, и Жорик снова вскарабкался на дерево и вложил воронёнка в гнездо.

Как только вороны поднимали крик и начинали низко летать над землёй, становилось ясно, что опять выпал воронёнок, и кто-нибудь бежал его искать. В траве за штакетником бродили кошки, и мелить было опасно. Так весь день носились над землёй вороны, бегали дети и подпрыгивали в траве воронята в попытках взлететь.

А потом двор опустел. Ребята постепенно разъехались. Вороны с воронятами куда-то исчезли.

Теперь плетёная корзинка под моим окном потихоньку ветшает. Когда я слышу знакомое скрипучее карканье, меня тянет выглянуть из окна. Но вороны пролетают всегда

стороной, за выступом дома, мне их не видеть. Недавно небольшая чёрная тень проскользнула мимо моего окна. Послышалось скрипучее – даже не карканье, а какое-то кваканье, и птица скрылась на крыше. Может, это был подросший Дохлик? Или один из Близнецов? Или Чёртик? Я уж не знаю. Я ведь так и не поняла тогда, кто из них выжил, а кто погиб в тот жаркий майский день. Да и не хочется об этом думать.

ПОБЕДИТЕЛИ ТРЕТЬЕГО ЕЖЕГОДНОГО НОВОГОДНЕГО КОНКУРСА ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ И ДЛЯ ДЕТЕЙ ЖУРНАЛА ЧАЙКА

Виолетта Гребельник

Италия

ОТКУДА СКАЗКИ БЕРУТСЯ

– Давно хотел спросить – откуда берутся сказки в моём мешке?

– Думаю, это проказы твоего посоха. Сам говорил – он волшебный. Махнёшь вправо – и закружится метель по часовой стрелке, влево махнёшь – так и понесётся снежная буря против времени вспять, склонишь его к земле и поползёт позёмка белая низко-низко, – отвечала Снегурочка, а в глазах у неё играли задорные искорки.

– Ой ли? Может это твои, внучка, проказы? Уж больно хитро глядишь.

– Смотри, как огонь разыгрался в камине. От него и блики в глазах. А сказки твои явно посох наворожил.

– Складно говоришь, только не складывается песенка.

– Почему же?

– Посох творит чудеса по моей воле и указке. Что пожелаю, то и выполняет. А сказку достаю из мешка, сам не знаю, о чём она. Каждый раз новая, каждый раз в диковинку. Сколько таких сказок по миру пошло и не счесть.

Всё было правдой в этом разговоре и даже то, что происходил он у камина. Многие думают, раз Дед Мороз, значит, и живёт он в ледяном замке, окружённом сугробами. На самом деле, у него только работа зимняя: засыпать землю снегом, сковывать реки для долгой спячки, чертить игольчатым инеем узоры на окнах. Нелёгкая работа. Благо, что сезонная. Отбыл декабрь, январь, февраль и свободен.

Потрескивают в камине дрова, настаивается липовый чай, от него аромат медовый так и полнится. Любит Дед Мороз погреться у огня. Никому не ведомо об этом... кроме Снегурочки. Только ей строго-настрога велено ни за какие сказки на свете тайну не раскрывать. А когда раскрывать-то? Под Новый год дел невпроворот. Шутка ли, всю планету облететь, подарки развести, никого не забыть, и успеть-то вовремя. Кому же в радость запоздалый подарок? Крутится Снегурочка как белка в колесе – верная помощница Деда Мороза.

Наступит новый год, пройдут праздничные дни, зима в самом разгаре, а дел не меньше. Вон там сугроб уменьшился – уже и на санках не спустишься. В соседнем дворе каток прохудился – значит, для мальчишки-хоккеиста день пропал. И опять круговерть. Здесь подсыпать, там подморозить, а ещё где-то поле укрыть снежным одеялом. Жизнь – держись!

По окончании сезона, другие заботы. Кто поможет Деду Морозу разбирать почту? Пишут ведь ему круглый год. Без Снегурочки не обойтись. Ловко она сортирует почту: письма от взрослых, письма от детей, письма от самых маленьких, что малышами зовутся, их письма и письмами не назовёшь, одни рисунки. Читает Дед Мороз всю корреспонденцию до единой – и пометки делает. Аккуратно заносит их в книгу с красным переплётом. Книга большущая, неподъёмная. У неё и место своё, на дубовой полке у камина. О чём пометки? Да всё о том же –

кому, какой подарок подготовить к Новому году. И вновь забота для Снегурочки. Достань, привези, упакуй, и ничего не перепутай.

В тот год подготовка шла своим чередом как всегда. Только подарков было больше обычного. Почему так случилось? А кто его знает. ...

Всё правда в этой истории и даже то, что Дед Мороз самолично грузил в сани подарки и запрягал тройку нетерпеливых лошадей.

– Внучка, у меня всё готово. Пора в путь, – слышалось со двора.

Снегурочка выглянула из окошка и недовольно сдвинула брови.

– Дедушка, ты же им не расчесал гривы! А хвосты на что похожи! Разве на такой упряжке можно на праздник ехать? Солому и то стыдно перевозить, – и тут же скрылась в доме.

«А ведь права», – подумал Дед Мороз, достал серебряный гребень и принялся за работу. Чешет буйные гривы да приговаривает:

Ой, лошадки вы лошадки,
Гривы в кольцах, спины гладки.

Преобразились лошаки, будто стройней стали, роскошные, нарядные. Слов не подберёшь. Почуяв предстоящую прогулку, выиграли мышцами. Вот уже и копытами бьют от нетерпения.

– Принимай работу, внученька, и в путь. Как бы ни припоздать.

А Снегурочка из окошка:

– Дедушка, неужто стареешь? О самом главном-то и забыл.

– Не может быть. Подарки уложены – вон, полные сани. Посох – вот он, всегда при мне... Батюшки! Мешок! Он где-то в доме остался.

– Мешок, не спорю, вещь главная в нашем деле. Но главное всего – бубенцы. Их же проверить надо, чтобы каждый не просто звенел, а с переливом. Иначе как услышат жители Земли, что Новый год на пороге? А мешок я сама поищу.

Всё было правдой и на этот раз. Кроме маленькой уловки Снегурочки. Ей вовсе не нужно было искать мешок. Он стоял у порога полный, перевязанный золотистым шпагатом, готовый к

дальней дороге. Собрать мешок – всегда было обязанностью Деда Мороза. Не просил ничьей помощи, с расстановкой и со знанием дела наполнял праздничную ношу. Снегурочка порой подшучивала над ним:

– Ты будто не мешок наполняешь, а проводишь тожественную церемонию.

– Так оно и есть, – в который раз отвечал Дед Мороз и с важным видом ставил сургучную персональную печать на прочную мешковину. Теперь никто не мог заглянуть внутрь и увидеть или ещё того пуще – перемешать содержимое. Ясно, при таком положении дел и вообразить нельзя было о том, чтобы опустить в мешок что-то еще – и остаться незамеченным.

Итак, раздутый мешок стоял у порога, Снегурочка придумывала всё новые и новые задания для Деда Мороза, чтобы оттянуть время, а в руках у неё была большая иголка с ниткой.

– Ну и год выдался на этот раз. Успеть бы, – скороговоркой прошептала проказница и склонилась над мешком.

Надо сказать, что этой истории предшествовала другая, более старая, но тоже правдивая. Была у Деда Мороза кладовка, куда он складывал по весне свой рабочий, то есть зимний инвентарь. Не ведомо как, завелась там мышь. Мешок Деда Мороза хоть и был уже пуст, да, видимо, своим мандаринным запахом привлек маленькую воровку. То ли по этой причине, то ли из любопытства, но мышь прогрызла в знаменитом на весь мир мешке дырку. Дед Мороз был безутешен. Пригорюнился и отказался читать письма даже от самых маленьких, что малышами зовутся. Снегурочка возле него и так, и эдак:

– Хочешь, новый мешок тебе куплю, расписной, с накладными карманами? Кстати, очень удобно и практично.

– Не хочу. Меня с таким мешком никто и не признает, – твердил Дед Мороз и не выпускал из рук свой старый бывалый мешок.

– Хочешь, сама тебе сошью мешок? По индивидуальному заказу.

– Не хочу. Душа не лежит. Привык к старому. Он мне как родной.

Снегурочка предложила заделать мышинное отверстие заплаткой. Идея понравилась. Ловкие пальчики Снегурочки выкроили небольшой лоскуток. Несколько стежков – и дырки как не бывало. Кстати, внучка у Деда Мороза была большой фантазёркой. Она и сейчас такая. Заделывая дыру, подумала: «Заплата при желании и умении может служить потайной лазейкой в мешок. Её ведь легко вспороть и опять пришить». И миг родился дерзкий план: «Что ж, не захотел новый мешок, пеняй на себя!».

Удивительные сюжеты приходили на ум Снегурочке. Рождались они как бы ниоткуда. На самом же деле, происходили они от избушки на опушке, от трубы, выдыхающей клубами дым. А ещё от тёплой печки, на которой уютно свернулся кот Васька, от земляничного запаха на поляне между янтарных сосен, от домашних пирогов, уложенных в корзинку, от лесной тропинки, по которой можно и бежать, и катиться прямо к озерцу. А в озерце том отражается весь мир под кваканье лягушек.

Снегурочка тайком от Деда Мороза заносила воображаемые приключения на бумагу. Каждый год по приключению. Буквы выписывала аккуратно, неторопливо, придавая им необычный вид – с завитушками и кренделями. Не догадаться Деду Морозу, кто писал. Затем незаметно просовывала исписанные листы в мешок, готовый к дороге. Как ей удавалось проделывать немудрёную хитрость, мы уже знаем.

Каждый раз на встрече Нового года, стоя у нарядной ёлки, Дед Мороз доставал из мешка рукопись, разглаживал бороду и торжественно произносил заглавие. К примеру: «Ко-ло-бок».

А затем нараспев, с добавлением прибауток, читал всю историю до самого конца. Никто из гостей не мог остаться равнодушным. Восторженные взгляды устремлялись к Деду Морозу. И только Снегурочка лукаво поглядывала на самых маленьких, что малышами зовутся. По ним она угадывала, хорошая ли сказка получилась.

Всё правда в этой истории. И то, что сюжеты дедовой внучки быстрее всякой почты распространялись по белу свету, достигая самых дальних земных уголков. Правда и то, что со временем

называть их стали сказками народными. Так возникли «Царевна-лягушка», «Маша и медведь» и «Репка». А затем «Теремок», «Двенадцать месяцев» и «Гуси-лебеди». И даже «Сказка о Бабе-яге». И ещё много, много других сказок. Всех не перечесать.

Не призналась Снегурочка в своих проделках. «Пусть будут мои сказки сюрпризами из новогоднего мешка». Так и повелось.

Снегурочка быстро работала, укрепляя последний стежок. Оставалось завязать узелок и – готово, как дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился Дед Мороз. Взгляд у него был по-настоящему морозный. Иголлка так и выпала из рук мастерицы, да прямо между половиц и юркнула.

– Ждать больше никого не буду. Хочешь – езжай, хочешь – оставайся, – строгим голосом отчеканил Дед Мороз, взвалил мешок на плечи и заторопился вон.

«Что теперь будет?» – сидя в санях, думала Снегурочка. Она куталась в тёплую шубу и даже подняла меховой воротник. Не столько от холода, сколько от смущения. Только бы Дед Мороз не заподозрил неладное.

«Что будет? Что будет? Должен же быть какой-то выход», – она просчитывала возможный ход событий, всё больше и больше утопая в шубе, по самые глаза.

Летела тройка быстрее солнечных лучей. Расплетались волнистые гривы. Впереди забрезжило размашистое крестообразное созвездие Лебедя. Начинались владения Млечного Пути.

– Веселей, веселей, лошадушки мои! – У Деда Мороза горели щёки от быстрой езды. Рванулись лошади с новой силой, высекая звёздную пыль из-под копыт и осыпая ею млечную дорогу.

От невообразимой скачки заплатка на мешке затрепыхалась как осенний листок. Порывы ветра чем дальше, тем больше, размётывали шов.

– Успели, успели, мои хорошие, – радовался как ребёнок Дед Мороз.

Лошади сбавили ход. По правому и левому их боку проплывали планеты Солнечной системы. Надвигалась Голубая планета – цель стремительного полёта. Она отсвечивала

мерцающими огнями. Уже заметно стало её медленное вращение вокруг наклонённой оси.

Лунная ночь стояла над землёй. Счастливицам, нет, скорее мечтателям, глядевшим в бездонное зимнее небо, повезло. Им суждено было увидеть разноцветный блик, устремившийся с небесного купола. То была не комета, как подумалось некоторым, то была Снегурочкина сказка. Выпорхнула она из мешка и скользнула в темноту земной ночи под разливающийся звон бубенцов.

Случилось упасть ей туда, где лес стоял сплошной стеной. И ахнул лес от неожиданности, а возможно от восхищения. Засеребрился иней на каждой иголке, распушились глубокие сугробы, опустились еловые лапы под тяжестью снега до самой земли. Так и застыл лес, замороженный. Только случайные снежинки чертили последние штрихи. А с рассветом заиграл лес изумрудными искорками то там, то здесь вдогонку солнечным лучам.

Ходили на чудо хрустальное смотреть. Удивлялись не только самые маленькие, что малышами зовутся, но и самые что ни на есть взрослые.

– Вот так лес! СКАЗКА, а не лес...

В тот год Дед Мороз не достал из мешка сказки. Подарки раздал, а сказки нет.

– Подвёл меня посох на сей раз, внучка. Махал я им как всегда, а сказка не получилась.

– Получилась, ещё какая! – В глазах Снегурочки запрыгали знакомые искорки.

«Проказница, вся в меня», – подумал Дед Мороз и удивился:

– Ну, и где же она?

– Её ни прочитать, ни рассказать. Только увидеть.

– Живая, что ли?

– Именно так.

Снегурочка схватила Деда Мороза за рукав и повлекла за собой.

– Куда ты меня тащишь? Уже пора собираться в обратный путь, домой.

Снегурочка ускорила шаг и бросила через плечо:

– Успеем.

Стояли последние дни февраля. Снег продолжал валить. Вначале хлопьями, потом пригоршнями, пока не скрыл окончательно две дорожки следов, ведущих к лесу.

Аркадий Млынаш

Холон, Израиль

ВОТ КАК ЭТО БЫЛО

На стены и пещерный свод.
Сегодня в племени Гиены
Справляли праздник – Новый год.

Из черепа большой гориллы
Отличный вышел барабан.
Скакали люди что есть силы.
Пыль всех скрывала как туман.

Вдруг некто, в мамонтовой шкуре,
Лица не видно – весь зарос,
Влетел в пещеру словно буря.
Вождь крикнул: «Это – Дед Мороз!»

Он притащил для всех подарки:
Кому – скребок, кому – топор,
Браслеты из ракушек ярких.
Из перьев головной убор.

Наелось племя вдоволь мяса,
Следы от жира на губах.

А после снова были пляски,
И боль в оттоптаных ногах...

В углу костей большая груда.
Завешен грубой шкурой вход.
Звук храпа слышен отовсюду -
Отличный вышел Новый год!

Александр Шапиро

Баффало, США

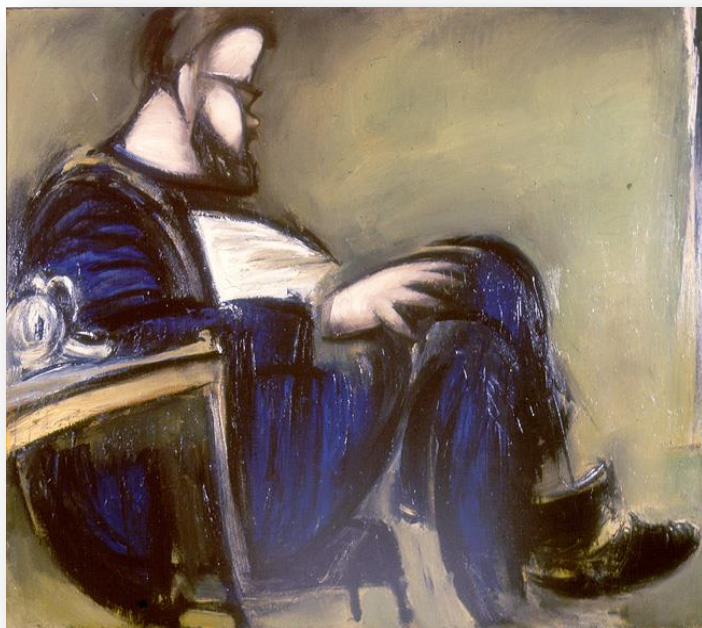
Ждем мы чуда

Аромат зелёных веток
в комнату вошёл.
Всех соседей и соседок
усажу за стол.
Из-под ёлочки достану
яблок и конфет.
Разолью сидро в стаканы –
мне уже пять лет.

Ароматы свежей хвои,
снедью гнётся стол.
Блещут гости сединою,
словно снег пошёл.
Ждём мы чуда на оленях
через дымоход.
Все горят от нетерпенья –
здравствуй, Новый год!

Часть 9

Юмор

Григорий Яблонский

Сент-Луис, США

МОЯ ЛЮБИМАЯ КНИГА. ПАМЯТИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Какую книгу Вы бы взяли с собой на необитаемый остров?»

Такой вопрос был на слуху в пору моей молодости. Например, газета «Комсомольская правда» задавала его своим читателям. И отвечали по-разному. Часто – одностомник Пушкина, «Войну и Мир» Толстого. Иногда – «Старик и море» Хемингуэя или «Приключения Робинзона Крузо» – всё-таки необитаемый остров. Редко – «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса. Никогда – «Свет над землёй» Семёна Бабаевского или «Белую берёзу» Михаила Бубеннова.

Но возникал и другой вопрос, куда более общий. Какие *главные* книги следует читать?

И сколько их, *главных книг*? Владимир Высоцкий пел: «Открою Кодекс на любой странице, и не могу – читаю до конца!..» И Жорж Сименон, писатель, высказался определённо: «Читать нужно только две книги: Библию и Уголовный Кодекс». Сам он написал романов 50, не меньше, читались они хорошо, а вот оказывается, их тоже не надо было читать.

Так вот, для меня эти вопросы: «Какие *главные* книги читать? Сколько таких книг?» – давно уже не имеют никакого значения.

К Библии – в силу атеистического воспитания – я обращаюсь крайне редко.

К Уголовному Кодексу тоже не тянет.

Свою *Главную книгу*, книгу своей жизни, я купил в 1971-м году в маленьком книжном магазине в сибирском городе Томске. Эту

книгу я не собираюсь брать на необитаемый остров специально. Она всегда со мной и пребудет до конца дней моих.

Дня не проходит, чтобы я не заглянул в неё и не зачерпнул толику мудрости и здравого смысла. В моей жизни эта книга сыграла колоссальную роль. В ней нашёл и нахожу ответы на все вопросы настоящего, прошлого и будущего. Частенько я кладу эту книгу под подушку перед сном и утром знаю решение сложнейших задач.

Внешне – это не книга, а книжечка небольшого формата, тонкая, всего лишь 116 страниц. Бумага плохая, тускло-серая, почти туалетная. Но поистине «Вот эта книжка небольшая/Томов премногих тяжелей»...

Фридрих Энгельс говорил, что труд сделал из обезьяны человека.

Из меня – человека – эта книга сделала *сверхчеловека*.

Теперь я скажу, как она называется.

Название у неё простое:

«СБОРНИК УПРАЖНЕНИЙ ПО ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ», второе издание, учебное пособие для изучающих марксистско-ленинскую философию / Сагатовский, В. Н. и др. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Томск : Изд. Томского университета, 1968. – 167 с. ; 20 см. – 25000 экз. – Б. ц.

У книги три автора В.Н. Сагатовский, Ф.А. Селиванов, В.А Дмитриенко.

В книге очень много упражнений по диалектическому материализму, но ответы даны лишь к немногим из них.

Вот *упражнение 192 на стр. 72.*

«На одном занятии по диалектическому материализму студент Лесков утверждал, что всё взаимосвязано. С этим положением Лескова был не согласен студент Фёдоров, который полагал, что есть такие явления, между которыми нет связи. В качестве примера он привёл следующее: «Скажи, Лесков, существует ли связь между твоим выступлением на семинаре и буйнопомешанным гражданином города N.?» Лесков такую связь отрицал.

А как Вы думаете, кто прав?

Дайте развёрнутый ответ, используя категории диалектического материализма».

Таково упражнение 192...Книга снабжена ответами на упражнения. Но нет ответа на это упражнение 192. Мы должны дать ответ сами!

Упражнение N 208 на стр. 74, по сути совершенно современное. Оно состоит из ленинской цитаты : «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная. В такой вещи видеть что-то нечистое могут только кисейные барышни, да жеманные юноши, которые «читали в книжке» и вычитали одни жеманности»(В.И. Ленин, Соч. Изд. 4-е. Т. 27, стр. 19).

В чём же упражнение? На первый взгляд, никакого упражнения нет, потому что нет никакого вопроса. Но это лишь на первый взгляд. Сагатовский, Селиванов и Дмитриенко не подсказывают нам, не навязывают нам ответа, каким принципом диалектики руководствовался Владимир Ильич. Мы сами должны выяснить этот принцип. С точки зрения творческого марксизма, в приведенном ленинском положении вопрос и ответ содержатся в такой совершенной форме, что не имеет смысла их вычленять. Надо лишь прочитать упражнение вслух несколько раз, а лучше заучить его, пропитавшись глубинно неразделимой связью вопроса и ответа.

Замечательно *упражнение 226 на стр. 79*. Это диалектическое упражнение уникально по своему методологическому новаторству.

«А, желая избавиться от гражданки Б., зная, что она не умеет плавать, покупает ей путёвку

на курорт на Чёрное море в надежде, что Б. утонет. Б. действительно тонет в Чёрном море.

Спрашивается, есть ли причинно-следственная связь между действиями А. и смертью гражданки Б. Дайте развёрнутую характеристику этой связи в терминах диалектического материализма».

Упражнение 226 – вершинное по своей насыщенности! Логика зла, господствующего в нашем мире, предстаёт в своей фантазмагорически пугающей обнажённости.

А. и Б. – фигуры как будто бы абстрактные. Но Б. – не просто Б., а гражданка Б., и возмездие, нарочито не обоснованное, настигает её, нет надежды на спасение Б. в этом порочном мире.

Понесёт ли заслуженное наказание А.? Является ли преступным поступком сама покупка билета для гражданки Б. при условии, что А. знал о неумении Б. плавать, в Чёрном море в частности? Как связать это с основными законами диалектики, в частности с законом единства и борьбы противоположностей? И, наконец, немаловажный вопрос: А. и Б., не вступали ли они в связь, которая и была истинной подоплёкой их причинно-следственной связи?

В книге ответа не дано. Жгучий вопрос намеренно оставляется открытым. Ну что ж, не на все вопросы наука может ответить сразу.

Упражнение 233 (стр. 81)

«На семинарском занятии по философии преподаватель предложил студентам разобраться в следующем случае: «Два молодых человека, Сагин и Силантьев, решив развлечься и отдохнуть, пришли в бильярдную. Допустим, что Сагин берёт кий и бьёт бильярдным шаром N1 по бильярдному шару N 2, который отлетает». Спрашивается, в чём причина отлёта шара N 2? »

Федотов: «Причиной отлёта шара N2 является удар по нему шараN 1 »

Яцкова: «Но ведь шары не бьют сами друг друга, и если бы Сагин не взял кий, не двинул рукой, то шар N 2 остался бы на месте. Я считаю причиной отлёта шара N 2 само желание Сагина и Силантьева отдохнуть: если бы они не пришли играть в бильярд, то шар N 2 остался бы на месте».

Кривов: «Если бы Сагин и Силантьев не родились, то шар тоже остался бы на месте: рассуждая так, можно дойти до бесконечности. Я считаю, что ответить на вопрос о причине отлета шара N 2 невозможно».

Дайте анализ и оценку каждого из ответов. Попробуйте дать ответ сами».

Да! Это – упражнение!! Что же нам открылось? Бездна!...Интеллектуальная бесконечность!

Взгляните в неё сами!..Оцените её глубину, не цепеня от ужаса! Скажите хоть что-нибудь! Но стынут слова на губах!

Среди моих знакомых, друзей и родственников я не встретил ни одного человека, который хоть что-то слышал о «Сборнике упражнений по диалектическому материализму» – несмотря на его тираж, колоссальный по нынешним меркам (второе издание – 25 тысяч!).И так уж получилось, что именно мне выпала миссия рассказать об этой замечательной книге – катехизисе природы и человека.

Я уже называл имена авторов ««Сборнике упражнений по диалектическому материализму»

Я ничего о них не знал о них раньше. Сейчас – слава Интернету! – я собрал всё, что можно найти. Их уже нет среди нас. Остались ученики, которые помнят их интеллект и прекрасное чувство юмора.

Философы, доктора наук.. При жизни они пользовались заслуженным признанием. Заведовали кафедрами. Были заслуженными деятелями наук Российской Федерации.

Прошли годы...Сейчас совершенно очевидно, что «Сборник упражнений по диалектическому материализму» может легко выдержать и три, и пять, и даже десять изданий...Читатель тоже легко выдержит эти издания!

Никогда не померкнет творческая мысль марксистско-ленинской философии!

P.S. Мой текст прочтут. Так мне почему-то кажется. И найдётся Внимательный Читатель, который скажет: «Как же так? Свой рассказ вы посвятили «памяти марксистско-ленинской философии», по-видимому считая, что это могучее учение уже в далёком прошлом... А кончаете вы, тем не менее, по-другому: «Никогда не померкнет творческая мысль марксистско-ленинской философии!» Противоречие получается, дорогой товарищ!»

«Ну что ж, – скажу я. – Конечно, противоречие. Но – диалектическое!»

Илья Криштул

Москва, Россия

РАЗГОВОР ЗА УЖИНОМ

Из рубрики «Страничка юмора от Ильи Криштула»

Они жили в мире и согласии десять лет. Каждый вечер, в 19.00, они ужинали и общались. По именам друг друга они давно не называли. Перед вами запись их последнего разговора.

Она: – Слушай, была сегодня в обувном. Какие там сапоги за три тысячи – просто супер! Красные, кожаные, каблук, мыс – всё из последнего каталога... Три тысячи! Может, взять на весну?

Он: – Аршавин весной всегда плохой, Кержакова не поставили, Павлюченко вообще не взяли... Кто играть будет, не представляю...

Она: – Не представляю, как их Машка увидит... У неё такие же, только чёрные... Она их в Италии купила, за триста евро! Дура, да? А тут – три тысячи...

Он: – Тысячи... Он два миллиона получает, а игры нет. На «мира» не попали, теперь хоть на «Европу» бы... Позор один...

Она: – Позор, конечно, в чём хожу... Если даже ты говоришь... Слушай, у меня и на осень ничего нет, только зонтик, ты подарил, помнишь?

Он: – Помню, Ярцева поставили и вышли, в Португалию поехали... И что в итоге? Три игры и обратно...

Она: – Машка обратно в Италию собирается, хоть и дура. Представляешь – за дублёнкой! Я прям расстроилась...

Он: – А чего расстраиваться, кисуль? Мы Катар таким составом сделать не можем, а там – Франция, Испания...

Она: – Какая Испания, говорю тебе – в Италию! Может, чёрт с ними, с деньгами? Жизнь один раз даёт и прожить её надо в красных сапогах! Пойду да куплю завтра!

Он: – Завтра «молодёжка» играет, надо посмотреть, может, оттуда кого взять...

Она: – Взять ещё к ним сумочку, я видела потрясающую, супер просто, здесь вставка такая красная под сапоги, а здесь камушки, ни у кого такой нет...

Он: – Ни у кого таких проблем, кисуль, нет. Все играют нормально, даже бедные... Грузины вон... А мы ничего не можем, с такими деньгами...

Она: – Не в деньгах дело... И у Машки не грузин, а армянин. Просто представляешь – я свои надену, Машка свои... И сумочка не поможет, будем, как две коровы...

Он: – Точно, коровы. Зажрались, не бегают... Нам бы кого-нибудь чтоб грыз, типа Рибери из Франции...

Она: – Что значит – «не бери Францию»? Там написано – Италия, значит – Китай.

Он: – Да им кидай, не кидай, бесполезно, им и мяч-то не нужен... Романцева надо уговаривать, пусть возвращается.

Она: – И не уговаривай. Сейчас, побегу я возвращаться, на ночь глядя. Скидок подожду и возьму. Может, процентов тридцать скинут, если не больше...

Он: – А больше некого, кисуль. Всех пробовали...

Она: – Пробовала, конечно. Походила... Смотрятся обалденно! Завтра пойду ещё померяю...

Он: – Точно, их аршином общим не померять... В какой-то свой футбол играют, отдельный... Чёрт, я тут с тобой болтаю, а уже обзор тура идёт...

Она: – Конечно, дура! Если идёт, надо брать! Помнишь, как с плащом было? Думала – подожду, скидки начнутся... Скидки начались, а плащ кончился!!! Машка, сволочь, купила! Я неделю рыдала! Я месяц не ела, места себе не находила! А тебе что, тебе наплевать было! Мне все, все говорили, что я идиотка, замуж за тебя пошла... Всё, покупаю сапоги - и разводимся!

На разводе она мерила сапоги, а он читал «Спорт-экспресс». Они так и не вспомнили, как зовут друг друга...

Сведения об авторах

Лиана Алавердова (Баку). Окончила исторический факультет Азербайджанского Гос. Университета. Работала в Институте философии и права АН Азербайджана. Стихи, эссе, статьи, переводы с английского и азербайджанского языков публиковались в Азербайджане, России и США. Живет в Нью-Йорке, заведует библиотекой Kings Bay (Бруклин).

Лев Альтмарк (р. 1953, Брянск). Окончил Институт транспортного машиностроения и Литературный институт им. Горького. В 1995 году переехал в Израиль (Беер-Шев). Выпустил 7 поэтических сборников и 11 книг прозы, включая переводы и переиздания. Член Союза писателей Израиля и Интернационального Союза Писателей (Россия).

Виталий Аронзон (р.1935, Ленинград). Закончил Ленинградский электротехнический институт (1959) и защитил кандидатскую диссертацию в 1975 году. Автор более 100 научных статей и двух книг, засл. изобретатель РСФСР, лауреат премии Совмина СССР. В США с 1992 года. Автор трёх книг (проза, стихи, стихи для детей).

Григорий Беневич (Санкт-Петербург). Доцент РХГА, автор многочисленных исследований по истории русской и византийской мысли, патролог. Активно участвовал в неофициальной культуре, был членом Клуба 81, печатался в самиздате. Стихи и литературоведческие статьи публиковались в журналах «НЛО», «Нева», «Звезда», «Интерпоэзия», «Плавучий мост», «Этажи», «7 искусств» и др. Живет в С-Петербурге.

Николай Боков (р.1945, Москва). Учился, надеялся, старался, беспокоился, кипятился, изучал философию, сочинял литературу, женился, печатался за границей, распространялся в самиздате, боялся, попался, обыскался, арестовался, спасался, надеялся, в 75-м очутился во Франции, в 82-м обратился, развелся, молился, скитался, вернулся в Париж в 99-м. Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Париже.

Марина Бондарюк (Москва). Окончила филологический факультет МГУ. Работала в журнале «Пионер». Там же в 1965 году опубликован первый рассказ «Венская чашечка». В 2002 году в журнале «Юность» был напечатан роман «Прощайте, перелётные птицы». Вместе с мужем, писателем Геннадием Красухиным, в 2010 году выпустила в США (издательство «Franc-Tireur») книгу «Прошло и осталось».

Юлия Бродская (Ленинград). Окончила физматшколу и Политех. В конце 90-х переехала в США. Мама троих детей. Работает инженером. Стихи можно почитать в «Неве», в журнале «Побережье», выпуск 18, в журнале «Чайка», а также в электронной книжке «Домашнее музицирование».

Сергей Бычков (р.1946, Ереван) Историк русской церкви, доктор исторических наук. Занимался религиозным воспитанием детей в приходе Покровской церкви, в которой служил священник Александр Мень. После крушения СССР занимается книгоиздательской деятельностью и публицистической работой. По его сценариям были поставлены телефильмы:

«ВЧК против патриарха Тихона», «Живое слово отца Александра Меня», «Завтра меня убьют» (о ходе расследования убийства Александра Меня). Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Подмоскowie.

Юлия Вертела (Царское Село) Окончила биологический факультет Ленинградского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор книг прозы «Бери и рисуй» (СПб.: Вести, 2008), «Интенсивная терапия» (М.: АСТ, 2011). Лауреат премии журнала «Нева» за лучшее произведение 2010 года в номинации «Дебют». Живет в Царском Селе.

Лев Визен. Окончил Московский Горный институт. Первый сборник очерков – «Дела студенческие» – был выпущен «Молодой гвардией» в 60-м. В 64-м в ЖЗЛ вышла его книга «Хосе Марти» – единственная беллетризованная биография национального героя Кубы. В 75-м – спецкор «Нового Времени» во Вьетнаме. С 78-го – в Канаде. Работал на стройке, стелил паркет, водил такси и рефрижераторы. Ушел в бизнес. Олигархом не стал, но полной независимости добился. Живет в Виктории.

Владимир Волкович (р. 1945, Казань). Окончил Уральский политехнический институт и Уральский государственный университет. Инженер-строитель и журналист. Был руководителем строительных подразделений на крупнейших стройках России. Жил в различных городах и селениях от Забайкалья до Заполярья, от Афганской границы до Курской Магнитной Аномалии. Книги: «Хмель-злодей», «Написано пером» (2012), «Со смертью наперегонки», (2013), «Судьба на роду начертана» (2014). Живёт в Израиле.

Майя Гельфанд. Профессиональная домохозяйка. В перерывах между выхождением замуж и рождением детей, получила две степени в Тель-Авивском университете – по киноведению и философии. В редкие моменты, где-то между приготовлением обедов и вышиванием гобеленов, пишет рассказы, сказки и стихи на русском и иврите. Автор постоянной рубрики журнала ЧАЙКА «Заметки на полях». Живет в Тель-Авиве.

Генрих Голин. Окончил физико-математический факультет в 1961 году в Баку, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Автор 8 книг и более 100 статей в советских и иностранных научных изданиях. С 2006 года по настоящее время – профессор (Graduate School of Education, Touro College). Живёт в Нью-Йорке.

Сергей Голлербах (1923, Детское (Царское) Село). Живописец, график, художественный критик и литератор. В 1942 г был вывезен немцами на работы в Германию. С 1946 по 1949 учился в Мюнхенской академии художеств, в которой учились многие русские художники. С 1949 года живет и работает в Нью-Йорке. Член Американской академии художеств.

Виктор Голков (р.1954, Кишинев). Выпускник МЭИ. Автор 8 сборников стихов и сказки-антиутопии в соавторстве с Олегом Минкиным (Вильнюс). Эмигрировал в Израиль в 1992 г.

Виолетта Гребельник (Киев). Окончила Киевский медицинский институт, медицинский факультет Римского университета «La Sapienza», кандидат медицинских наук по неврологии. Работает врачом в частной клинике. В

свободное время играет на фортепиано и пишет очерки и стихи. Живет в Риме.

Михаил Голубовский (р.1939). Генетик, историк и популяризатор науки, эссеист. Окончил кафедру генетики Ленинградского университета, доктор биол. наук. Работал в Академгородке (Новосибирск), Петербурге, Австралии, во Франции, разных университетах США. Автор книги: «Век генетики: эволюция идей и понятий» (СПб. 2000). Живет близ Беркли, Калифорния.

Абрам Дасковский (1893-1983). Родился на Украине. Во время 1-ой мировой войны воевал в составе Брусиловской армии, окончил Московский университет. Участвовал в ВОВ, кавалер ордена Красной звезды. В 1950 году был арестован по ложному доносу и шесть лет был заключенным в Москве, в Тайшетлаге и в Сибири. В том же году была арестована и сослана в ссылку как член семьи изменника родины его жена Тамара Дасковская. В 1956 году оба были реабилитированы после обращения к XX съезду КПСС.

Ирина Евсикова (Москва). Выпускница ф-та журналистики МГУ. Работала литературным сотрудником и редактором в многотиражной газете, корреспондентом нескольких вещательных редакций Центрального Радиокomiteта, спецкором в журнале «Наука и религия» Всесоюзного общества «Знание». Член Союза журналистов России. С 1981-го года живет в США.

Сагидаш Зулкарнаева (Саги Светлячок). Лауреат нескольких сетевых конкурсов. Лауреат Всесоюзного поэтического конкурса им. С.Есенина. Живет в Самарской области. Литературный дебют в ЧАЙКЕ.

Юлий Зыслин. Коллекционер и культуролог, автор 4-х сборников стихов, 2-х книг прозы, 25-ти концертных и телевизионных музыкально-поэтических программ и сотен песен на стихи более 50-ти русских поэтов. Основатель «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки». С 1996 года живёт в США, в Большом Вашингтоне.

Борис Лихтенфельд (р. 1950, Ленинград). Окончил Электротехнический институт. Публиковал стихи и статьи в самиздате, с 2000-х годов – в журналах «Звезда», «Нева», «Арион», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Слово/Word», «Крещатик». Автор книги: «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000) и «Метазой» (2011).

Марина Кацева. Музыковед по образованию. До отъезда из Советского Союза в 1989 году работала в Москве в Союзе композиторов СССР (музыкальный редактор) и в Московской Государственной филармонии (лектор-музыковед). С 1990 г. живет в Бостоне. В 1992 г., к 100-летию М. Цветаевой, открыла в Бостоне посвященный поэту музей. Автор более 50 статей по искусству в российских и зарубежных изданиях

Дарья Кашина (Киев). Окончила Институт русского языка им. А.Пушкина в Москве. Русскоязычный журналист на Украине, печатается в российских изданиях, дебютировала и постоянно печатается в журнале ЧАЙКА. Ведет рубрику «Калейдоскоп новостей». Автор книги «Папа», в которую вошли ее интервью с детьми известных людей. Живет в Киеве.

Валерия Коренная. Актриса, автор и исполнитель песен, поэт, ведущая теле – и радиoproграмм. Автор четырех музыкальных альбомов песен и четырех книг стихов и прозы. Окончила Школу-студию МХАТ. Работала актрисой в театре «Сатирикон» им. А. Райкина и в театре им. Станиславского в Москве. В Америке с 1990 года. Работала на радио ведущей программ и на телевидении ведущей ежевечерних новостей и программы «У нас в гостях». Публикуется в русскоязычных печатных изданиях.

Ксения Кривошеина. Художник, публицист, исследователь творчества Матери Марии (Скобцовой). Автор многочисленных публикаций во французских и российских изданиях. Редактор православного сайта «Parlons d'Orthodoxie». Живет в Париже.

Никита Кривошеин (р. 1934, Париж) – русский переводчик и писатель, общественный и политический деятель русской эмиграции. Окончил Московский институт иностранных языков. В 1957 года был арестован КГБ за напечатанную в газете «Le Monde» статью о вторжении советских войск в Венгрию. После освобождения с 1960 по 1970 годы работал литературным и синхронным переводчиком. Работал в журнале «Новое время». В 1971 году вернулся во Францию. Живет в Париже.

Илья Криштул (Москва). Окончил Педагогический институт, работал учителем. Лауреат нескольких литературных конкурсов, автор двух книг юмористической прозы. Постоянный автор журнала ЧАЙКА, ведет колонку сатиры и юмора. Живет в Москве.

Татьяна Кузнецова (Москва). Много лет проработала менеджером в коммерческом банке, сейчас на тренерской работе – преподает банковское дело в ВУЗе. Автор четырех поэтических сборников, публикаций в литературных журналах и альманахах. Призер и победитель ряда поэтических конкурсов в рунете. Пишет тексты песен для исполнителей различных жанров. Живет в Москве.

Самуил Кур. Родился, жил, работал в Белоруссии. Педагог-математик по образованию. С 1996-го в Сан-Франциско. Поэт, прозаик, эссеист. Книги поэзии и прозы выходили в Минске. Публикации – в журналах, альманахах и других периодических изданиях России, Беларуси, США, а также в сети. Член редакционного совета еженедельника «Кстати» (Сан-Франциско).

Элеонора Мандалян (Москва). Журналист, писатель. По образованию скульптор. Кандидат наук. С 1994 живет в США. Работала литературным редактором в русскоязычном альманахе «Панорама» и вела в нем свою рубрику «Непознанное». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Ведет рубрики «Кинообозрение Элеоноры Мандалян» и «Америка глазами россиянина». Живет в Лос-Анджелесе.

Вадим Массальский (р. 1964, Одесса). Журналист, писатель, работает на медиакомпании «Голос Америки», член редакции журнала ЧАЙКА по связям с общественностью. Живет в Александрии (США).

Петр Межурицкий (Одесса). По образованию филолог, работает в системе Министерства образования государства Израиль учителем в области специальной педагогики. Автор нескольких сборников стихотворений. Стихи и проза публиковались в России и в русскоязычной периодике Украины, Германии, США, Израиля. С 1990 года живет в Израиле.

Лариса Миллер (Москва) Российский поэт, прозаик, эссеист и педагог. Автор более 13 сборников поэзии и прозы. Книги переведены на английский и итальянский языки. Член Русского ПЕН-центра (с 1992). Живет в Москве.

Рауль Мир-Хайдаров (р. 1941, Казахстан). Писатель, заслуженный деятель искусств, лауреат премии МВД СССР. По образованию – инженер-строитель, работа позволила ему изъездить страну вдоль и поперек. Автор более сорока книг в главных издательствах СССР: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература». Широкую известность ему принесла серия «Чёрная знать», в которую входит тетралогия: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я» и роман «За всё – наличными». Живет в Москве.

Аркадий Млынаш (р. 1954, Одесса). Специальности: горный-инженер, геолог, строитель подземных сооружений. Финалист конкурса поэзии «Русский стиль 2014», Германия. Победитель 1-го Международного поэтического конкурса «Союзники — детям», Россия, Новокузнецк. Золотой диплом Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси 2015». Книги: «Стихи для детей» и «Страна Ясами» (2016). Живет в г. Холон, Израиль.

Екатерина Мышкис (1924-2014). Историк-медиевист, филолог, автор книг, аналитических статей и учебных пособий «Выдающиеся советские музыканты нашего времени» и «Музыка в гостях». Доцент кафедры иностранных языков Харьковского Института Искусств. В 1940-1960 гг. – жена выдающегося математика А.Д. Мышкиса.

Елена Пацкина. Окончила Московский авиационный институт по специальности инженер-экономист. Автор нескольких книг стихов и серии «Беседы с мудрецами» (более семидесяти персонажей, начиная от Эпикура, Демокрита и других античных авторов до Курта Воннегута, Агаты Кристи и пр.). Помогает журналу ЧАЙКА в художественном оформлении материалов. Живет в Москве.

Александр Пушкин (р. 1957, Москва). Учился в МГПИ (русс. язык. и литература), работал в театрах, экспедициях, школе, зоопарке, стройке, фабрике, НИИ. С 1986-го – в Нью-Йорке. Был учителем, строителем, таксистом и др. Работал в New Review/Новый Журнал. В настоящее время главный редактор журнала «Слово/Word». Живет в Нью-Йорке.

Виктор Райzman (р. 1934, Одесса). Инженер-металлург, доктор технических наук. В 1991 году эмигрировал в США. Стихи публиковались в альманахах и различных периодических изданиях. Финалист конкурсов поэтов Русского Зарубежья «Пушкин в Британии-2009» (Лондон) и «Эмигрантская лира-2010» (Брюссель).

Виктор Родионов. По рождению сибиряк. Служил в Группе советских войск в Германии. Главная часть жизни прошла в Прибалтике. Остальная в США.

Образование – юрист-международник. Профессия – журналист. Работал в молодежной прессе и ТАСС. В США с 1992 года. Сотрудничает с изданиями России, Латвии, Германии, Нью-Йорка, Сиэттла, Денвера, Чикаго, Вашингтона, Балтимора. Постоянный автор журнала ЧАЙКА. Живет в Луисвилле, Кентукки (США).

Ирина Роскина. Окончила в 1971 г. романо-германское отделение филологического факультета МГУ. С 1972 г работала в Иностранном отделе Госфильмофонда СССР и по совместительству синхронным переводчиком кинофильмов. В 1990 году переехала в Израиль, где работала в Иерусалимской библиотеке Гуманитарных и Общественных факультетов Еврейского университета. Публикует в журнале произведения и переписку своей матери, литературоведа и редактора Натальи Роскиной, из семейного архива. Живет в Иерусалиме.

Наталья Роскина (1927–1989, Москва). Автор многочисленных публикаций по русской литературе, редактор, специалист по А.П.Чехову и А.С.Суворину. Была секретарем у Корнея Чуковского. Работала сотрудником в «Литературном наследстве». Ей посвящено знаменитое стихотворение Николая Заболоцкого «Признание» («Зацелована, околдована»).

Александр Сиротин (Москва). Журналист, писатель, в прошлом актер. Сотрудничает с американскими русскоязычными газетами и журналами, радио и телевидением. Автор сборника рассказов «Москва – Нью-Йорк, далее везде». Постоянный автор и член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Нью-Йорке.

Ольга Соловьева. Окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет. Защитила две кандидатские диссертации – кандидат физико-математических и юридических наук. Интересуется театром, модой и не только. В журнале ЧАЙКА публикует рецензии на современные постановки в питерских театрах, пишет заметки о городе и его жителях. Живет в Санкт-Петербурге.

Валерий Скобло (р. Ленинград, 1947). Поэт, прозаик, публицист. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (1992), «Записки вашего современника» (2011), «О воде и воле» (2015), «За тайной печатью» (2017). Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (2012). Живет в Санкт-Петербурге.

Владимир Спектор (р. 1951, Луганск). Поэт, публицист, член Союза журналистов, редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант» и научно-технического журнала «Трансмаш». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. В результате необъявленной войны на Украине вынужден был покинуть родной Луганск. Ныне живет в Германии.

Роман Солодов (р. 1944, Москва). Окончил МАИ, а затем ВГИК. В 1991 году эмигрировал в США. Работал на радио «Свобода», затем технологом по радиоизотопной медицине. Автор четырех романов, повестей и многочисленных рассказов. Живет в Нью-Джерси (США).

Ольга Трифонова-Танян (Москва). Окончила английское отделение филфака МГУ, работала в издательстве «Прогресс» и в ИМЛИ, где защитила кандидатскую диссертацию. Является автором-составителем книги А.Нюренберга «Одесса-Париж-Москва» (М., 2010), а также автором ряда мемуарных статей о своем отце писателе Юрии Трифонове. Живет в Дюссельдорфе (Германия).

Соня Тучинская (Ленинград). В прежней, доэмигрантской жизни – инженер-электрик. Рассказы, эссе, публицистика и переводы с английского публиковались в «Звезде», «Неве», Слово/Word, «Панораме», «Еврейском Мире» и др. изданиях. Последние 25 лет живет в Сан-Франциско.

Лазарь Фрейдгейм. Инженер, кандидат технических наук, автор более 100 научных работ, изобретений, патентов. Работал в ювелирном бизнесе, в туристическом агентстве, в большой фармацевтической фирме. Публикуется в журналах, газетах и интернет-изданиях. С 1991 г. живет в Сан-Диего, Калифорния (США).

Яков Фрейдин (р. 1945, Свердловск). Кандидат технических наук, специалист в медицинской электронике и биокибернетике. В 1977 эмигрировал в США. Автор более 90 научных статей, 60 изобретений и популярного учебника по датчикам (Handbook of Modern Sensors). Автор книги воспоминаний «Adventures of an Inventor». В журнале ЧАЙКА опубликовал несколько вызвавших интерес читателя рассказов и эссе. Живет в Сан-Диего (Калифорния).

Владимир Ханан (Ханан Иосифович Бабинский) (р. 1945, Ереван). Поэт, прозаик, драматург, представитель так называемого «питерского андеграунда». По образованию историк. Автор 7-и книг и трехтомника Избранного. Живет в Израиле.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск). Эссеист, прозаик, культуролог, литературовед, критик, редактор. Кандидат филологических наук, преподавал в университетах историю русской литературы и культуры. Дважды эмигрировал: в 1990-м в Литву, в 1996-м в США. Редактирует чикагский ежемесячник «Шалом». Начиная с 1968 г. публикуется во многих литературно-художеств. журналах и сборниках. О книге Евсея Цейтлина «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» не перестают спорить в разных странах и на разных языках. Член редколлегии журнала ЧАЙКА. Живет в Чикаго.

Вера Чайковская (Москва). Прозаик, художественный критик, историк искусства, кандидат философских наук. Первая премия за прозу на международном литературном конкурсе в Италии (Анкона, 1997). Лауреат премии им. Катаева за повесть «Уроки философии» в журнале «Юность» за 2013. Диплом Академии художеств за книгу «Три лика русского искусства 20-го века: Роберт Фальк, Кузьма Петров-Водкин, Александр Самохвалов», М., 2006. Живет в Москве.

Ирина Чайковская (Москва). Писатель, критик, публицист, драматург. Автор десяти книг и многочисленных статей в российской и зарубежной периодике. Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации критики. Главный редактор журнала ЧАЙКА. Живет в Большом Вашингтоне.

Александр Шапиро. Жил в Черновцах (Украина). Получил высшее филологическое образование в Черновицком государственном университете. Автор книги стихотворений «У забытой карусели», сборника очерков и рассказов «Перемена декораций», книги стихов для детей «Сиреневый мальчик». Член Международного Союза писателей «Новый современник». Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Живет в Баффало, США.

Леонид Шаров (р. 1947, Москва). Окончил юридический институт, работал в министерстве юстиции, главным редактором газеты «Криминальная хроника», обозревателем «Общей газеты». Постоянно публиковался в журнале «Смена» – с рассказами, эссе и очерками. Написал несколько книг – в основном детективов: «Иллюзион», «И смерть отдала мертвых», «Контрольная для маньяка», «Тайный агент КГБ, Краткая воровская энциклопедия» и др. Лауреат нескольких журналистских премий. Живет в Москве.

Ольга Шпилова. Политолог-юрист. Преподавала политологию и психологию в Гомельском Государственном Медицинском Университете. Разработала собственный курс «Живой этики» для студентов-врачей. На сегодняшний день – домохозяйка. Публиковалась в белорусских средствах массовой информации. Финалист литературных фестивалей «Славянские традиции» – 2013, Магреб-аль Акса (Марокко), Барабан Страдивари - 2016. Живет в Гомеле. Литературный дебют в ЧАЙКЕ.

Григорий Яблонский. Доктор химических наук, литератор. В 1960-80 годы работал в Новосибирском Академгородке и Туве. С 1995 года – профессор Washington University in St. Louis и Saint Louis University, Missouri (США), почётный профессор Гентского университета (Бельгия). Автор 7 книг по химической кинетике и катализу и более 200 научных работ. Печатался в различных литературных изданиях. Живет в Сент-Луисе, США.